СОЧИНЕНІЯ

Б. ОРЖЕШКО

Г 1863 ~~А 8818~~ ~~5567~~
0-65 α ~~6583~~
Оржешко, Э.
Собр. соч. т 8
К звездам 25 р.
143 29/III 1896
77 80/III
541 6/IX
22 14/III
429 50/I
145 29/III

157 I x

696 IV x

184 10 XI

586 3 XII

1582 21 III

29 251 I

439 25 I

145 22 III

847 30 III

1109 11 III

2951 II

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Г. А. Мачтета, съ критико-біографич. очеркомъ и портр. автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

О-65
И
О-65

Собраніе сочиненій

Элизы Оржешко.

Съ портретомъ автора, автографомъ, біографіей и вступительной статьей.

Г 1863
09 15
А 8818
57 30

Томъ восьмой.

Ad astra.

(Къ звѣздамъ.)

Дуэтъ.

ДМИТРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА Московской области

Соч. Эл. Оржешко и Ю. Ромскаго.

Переводъ съ польскаго С. С. Михайловой.

БИБЛИОТЕКА Инв. № ... Московск. Наркомата пром. стройматер.
Библиотека завкома № ... Катуаровского з-да кислотоупоров МПС СССР Инвентарный №

С.-Петербургъ.
Типографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы

Оглавленіе.

Стр.

Часть I. Въ пущѣ 3

Часть II. На Лснѣ 232

Часть III. Во мракѣ 332

Часть IV. Въ ледникахъ 356

Часть V. Въ замкѣ 401

Ad astra.

Д У Э Т Ъ.

Часть первая.

Въ пущѣ.

I.

На западѣ, тамъ далеко, за широкими лѣсами, измѣрить которые не могъ бы и орлиный взглядъ, изъ-за мѣдно-кроваваго пурпура вечерней зари, разливается по лазури море блѣднаго огня и заливаетъ собою лѣсъ, какъ блѣдно-золотистый медъ изумрудную чашу. Въ этомъ сіяніи, какъ бы сотканномъ изъ распыленныхъ обручальныхъ колецъ, дробится и таетъ, давящая все вокругъ, тяжесть лѣсного мрака, и отъ низинъ до поднебесныхъ высотъ все разступается, выдѣляется; широко открываются таинственныя глубины и неизмѣримыя дали, въ которыхъ, какъ въ волшебномъ дворцѣ, зачарованная царевна-жизнь отдыхаетъ на ложѣ, полномъ задумчивости и тишины.

Задумчивость, тишина, вечерній мракъ, ночная темнота, стелютъ саваны сна и печали; туманы прядутъ траурную пряжу; морозъ изъ инея и льда куетъ хрустальные гробы, съ ужасомъ громовъ и шумомъ вихрей проносятся зимнія и лѣтнія бури,—а зачарованная царевна живетъ,—біеніе ея безсмерт-

наго сердца не прерывается ни на минуту, хотя временами оно затихаетъ, ослабѣваетъ. Солнце и звѣзды никогда не исчезаютъ на куполѣ ея дворца, но часто иногда скрываются за тучами, а когда въ румянцѣ зари или въ огнѣ солнечнаго заката восходятъ надъ міромъ ясные вечера и утра, отъ нея несутся тысячи голосовъ, тысячи ароматовъ, тысячи эховъ, и въ таинственныхъ глубинахъ, въ неизмѣримой дали ея покоевъ тысячами ручьевъ разливаются чары красоты.

За чашами и дорогами, за полянами и лугами, за ручьями и рѣками, стоитъ Боръ-Лада, драгоцѣннѣйшее сокровище пущи, вѣковое царство великанъ. Древнѣе всего окружающаго, здѣсь обитаютъ однѣ только сосны, могуче охраняющія свое государство отъ нашествія иныхъ племенъ. И какъ должно великанамъ, онѣ не сходятся въ толпы, но отдѣленныя другъ отъ друга значительнымъ разстояніемъ, съ прямыми и гладкими стволами, точно на подобіе колоннъ, ихъ создали рѣзцы искуснѣйшихъ художниковъ-архитекторовъ, онѣ высоко поднимаютъ къ небу свои роскошныя короны, и кажется будтобы эти колонны сплошь въ сѣдыхъ кружевахъ пороста, или ржаво-красныя отъ пропитавшей ихъ сердцевину древесной смолы, выступая одна за другой, стремятся въ безсмертномъ бѣгѣ въ безконечную даль; скрещиваясь, онѣ создаютъ лабиринты портиковъ съ крышей, украшенной игольчатыми узорами, съ подножіемъ, устланнымъ ковромъ мха или вереска. Мѣстами у ихъ подножія роемъ искръ разсыпаются короны мелкихъ цвѣтовъ, но эту слабую жизнь держатъ въ неволѣ великанши, крупными глотками пьющія сокъ изъ своей любимой песчаной почвы, среди глубокой тишины и аромата нашатыря, вѣющаго

у ихъ ногъ изъ цѣпей муравьиныхъ горъ. Тихо и чисто. По скользкой поверхности опавшихъ сосновыхъ иглъ одни лишь муравьиные народы бродятъ по дорогамъ, уже цѣлые вѣка протоптанымъ ихъ племенемъ, да кое-гдѣ у подножія колонинъ, поющихъ небу гимнъ роста и силы, давно умершій можжевельникъ разливаетъ полосы кровавой гнили. Тихо. Для птицъ здѣсь нѣтъ ягодъ, для пчелъ — воды, для мотыльковъ — цвѣтовъ. Никто не летаетъ, не поетъ, не щебечетъ. Только иногда мѣрно застучитъ дятелъ, рѣзкимъ свистомъ отзовутся въ вершинахъ деревьевъ птенцы ястреба, да вдали зазвучатъ короткіе, отрывистые звонки. Что зазвенѣло? — То заблеяли олени. Они бѣгутъ; съ глухимъ топотомъ, извиваются вдоль сквозныхъ портиковъ рыжеватой полосой сильныхъ и легкихъ тѣлъ, ловко обѣгаютъ колонны сосенъ, едва задѣвая королевскими рогами спустившіяся съ вѣтвей косматыя бороды древеснаго мха. Вдругъ вверху кто-то взлетѣлъ, забились громадныя крылья птицы. То орелъ, ястребъ или коршунъ? Олени остановились, вытянулись длинной вереницей, подняли головы, положили рога на спину и устремили глаза въ ажуръ высокой крыши. Въ ихъ глазахъ боязнь и нѣмая просьба, смѣшанная съ безконечной нѣжностью. Неподвижные, какъ статуи, устремивъ глаза на голубоватыя пятна неба, превратившись во взглядъ и слухъ, они стоятъ, облитые мѣднымъ блескомъ вечерней зари; но вдругъ они срываются и съ быстротой мысли или стрѣлы мчатся дальше, дальше, туда, гдѣ темнѣе, гуще, откуда съ холодныхъ и жирныхъ земель, пахнущихъ торфомъ и трюфелями, надвигается къ царству великановъ сильный, молодой, несущій войну и гибель **лосмычъ**.

Елосмычъ, это — чистый, безъ всякой чуждой примѣси родъ елей. Ели идутъ. Толпа высокихъ и стройныхъ фигуръ идетъ на захватъ земли и ея живительныхъ соковъ. Съ острыми иглами готическихъ башенъ на головахъ, въ рыцарскихъ плащахъ, отъ которыхъ вокругъ падаютъ длинныя тѣни, онѣ спѣшатъ въ бой со старинnымъ родомъ, своими останками утучнившимъ эту землю и разсыпавшимъ по далекимъ морямъ герольдовъ своей славы, въ лицѣ высокихъ, крѣпкихъ мачтъ. Два рода встрѣчаются другъ съ другомъ, сталкиваются, борются. Видно, какъ на колонны сосенъ со всѣхъ сторонъ нападаютъ густые плащи елей, они посылаютъ къ ихъ ногамъ длинныя тѣни, дышащія гибельной сыростью. Лиственный кустарникъ, навязчиво продираясь впередъ, точно войско обозныхъ служителей, усиливаетъ ряды нападающихъ; все чаще и гуще готическіе шпицы башенъ подымаются къ небу, а вокругъ великанщъ становится все темнѣе, темнѣе:— пахнетъ грибами, дымный запахъ торфа заполняетъ все, проникаетъ всѣ поры, чувствуется чье то торжество и тутъ же рядомъ чья то смерть, пока наконецъ, у суженныхъ границъ древняго царства, побѣдитель е л о с м ы ч ъ не раскидываетъ узкую темную, вооруженную острыми башнями, завѣшенную лиственными занавѣсями Ч е р н у ю ч а щ у.

Ч е р н а я ч а щ а — это урочище полное ужасовъ и чудесъ. Тамъ есть воздушные мосты, созданные бурей изъ тѣлъ разбитыхъ рыцарей, опустившихъ умирающія головы на грудь своихъ товарищей; тамъ подъ плащами елей есть низкіе своды, безконечные, молчаливые и мрачные, какъ тайныя церкви; тамъ, среди изворотовъ вывороченныхъ изъ земли корней протянувшихъ свои ноги на подобіе громадныхъ

пауковъ, есть древніе трупы, нагія ребра которыхъ бѣлѣютъ, какъ скелеты допотопныхъ чудовищъ; тамъ между корнями елей, похожихъ на широко разставленныя ноги великановъ, есть удивительныя норы, полныя мрака и тлѣнія. Въ черномъ мракѣ этихъ норъ шевелятся гнѣзда червяковъ и осторожно выглядываютъ змѣиныя головки куницъ и ласокъ; выше въ чащѣ иглъ днемъ скользятъ рыжеватыя бѣлки, а ночью горятъ зеленые глаза, и въ хищныхъ прыжкахъ извиваются кошачьи тѣла рысей. Могучіе вихри и бунтующіе громы бури не достигаютъ дна Черной чащи. Ливень, безжалостно хлещущій готическіе шлемы елей, по рыцарскимъ плащамъ скатывается рѣдкой росой и, проникая въ землю, вызываетъ изъ нея запахъ плѣсени. Временами заглянетъ въ темные овраги царь-орелъ, зашумитъ могучими крыльями и сбивъ вѣтви съ деревьевъ, съ гордымъ шумомъ полетитъ вверхъ. Иногда изъ темной глубины донесется прерывающееся мрачное ворчаніе зубровъ, которые то храпя, то обрываясь, то умолкая, то доходя до громовыхъ раскатовъ напоминаютъ собой гамму, раздающуюся въ нѣдрахъ земли.

То подземная, угрюмая суровая жизнь, разливающая широкіе круги ужаса. Невѣдомо въ какой твердынѣ, укрѣпленной стѣнами лѣсного мусора и защищенной нагими ребрами скелетовъ, вспыхнула борьба и начался трескъ, грохотъ, стукъ, протяжное эхо которыхъ разносится по лѣсу. Слышенъ стонъ деревьевъ, колыхаемыхъ огромными тѣлами, трескъ падающихъ тѣлъ, сухой звукъ сталкивающихся роговъ, топотъ копытъ, въ ожесточеиной борьбѣ, бросающихъ изъ-подъ ногъ глыбы земли. Ужасъ наполняетъ лѣсъ. Все, что есть живого припадаетъ

къ травѣ, листьямъ, забирается въ гнѣзда, въ логовища, въ норы; ползетъ, корчится, свивается въ клубокъ, въ кольца, жаждетъ скрыться, исчезнуть. Но вдругъ все внезапно смолкаетъ. Среди зачарованной тишины, наполнившей лѣсъ всеобщей тревогой, старый побѣжденный зубръ выставляетъ изъ чаши свою рогатую голову и продвигаетъ межъ прозрачныхъ колоннъ Боръ-Лады свое тяжелое туловище. Отъ его густой гривы, пушистой волной подымающейся въ хребтѣ, и длинной спускающейся къ землѣ бороды повѣяло приторнымъ запахомъ мускуса. Побѣжденный, задумчивый, угрюмый, онъ покинулъ родное стадо, чтобы съ этихъ поръ меланхолически и грозно провести свою отшельническую старость среди свѣта и тѣни, ужаса и красоты, дикихъ чудищъ и нѣжной ласки пущи. И съ этихъ поръ онъ будетъ бродить по изумрудным дорогамъ, ведущимъ среди высокихъ стѣнъ въ глубокую даль, къ лазури или къ тучамъ небесъ, по тропинкамъ, своевольно бѣгущимъ тысячами изворотовъ къ серебрянным лентамъ ручьевъ. Онъ пойдетъ туда, гдѣ на ольхахъ среди влажныхъ луговъ висятъ влажные туманы и тревожнымъ блескомъ мигаютъ пастушьи огоньки; гдѣ на розовой глинѣ, на богатыхъ всевозможными листьями грудахъ, гибкіе грабы обвиваютъ тысячами рукъ высокіе вязы, гдѣ дубы затопивъ корни въ стекло черныхъ, какъ смола, водъ устремляютъ къ самому небу свои вѣковыя короны. Навсегда затихшій, онъ будетъ прислушиваться къ тому, какъ деревья въ кленовыхъ рощахъ дрожаньемъ листьевъ, а птицы стройнымъ хоромъ привѣтствуютъ радостное утро, и навсегда одинокій, онъ будетъ изъ-за толстой колонны слѣдить взглядомъ за быстрыми сернами, бѣгущими къ ночнымъ логови-

щамъ. Свой отдыхъ онъ найдетъ тамъ, гдѣ изъ вѣчно зеленыхъ овраговъ, какъ изъ малахитовыхъ чашъ, несется великій и горькій ароматъ травы, названной его именемъ, или тамъ, гдѣ болотистый Никаръ на неизмѣримомъ пространствѣ разставилъ войско тростниковъ въ бархатныхъ колпачкахъ.

На влажной почвѣ Великаго Никара, среди отмелей, точно одинокіе боги возлегли лоси, поднимая надъ мутной поверхностью воды лишь одни головы, окрыленныя вѣтвистыми рогами, и пережевывая пахнущій розмариномъ бугульникъ. На этомъ гладкомъ пространствѣ вѣтры, какъ вихри въ степяхъ, носятся по нивамъ аира, ирисовъ и нимфаровъ, протяжно свищутъ въ тростникахъ — кричатъ чайки, гудитъ выпь, летаютъ цапли, а вокругъ лосьихъ головъ заря стелетъ по стоячимъ водамъ свое розовое зарево . . . . . .

. . . . . .

Незамѣтная среди великой картины природы, темная и тихая среди ея блеска и голосовъ, стояла молодая женщина въ рощѣ осинъ, шелестящихъ каскадомъ дрожащихъ листьевъ среди молчаливыхъ сосенъ. Платье ея ложилось темнымъ пятномъ на ржавчину лѣсного великана, но лицо сіяло въ румяныхъ тѣняхъ заката лучистой молодостью, какъ сіяетъ въ іюльскіе жары среди лѣсной тѣни солнечная корона аринка. Ея весна прошла, фіалки увяли, и на траву, орошенную дождями, изрытую громами, упали лепестки анемонъ, но лѣто жизни такое чистое, какъ дыханіе той пущи, съ которой она непрерывно жила, создало въ ней гармонію формъ и линій, свойственную всѣмъ законченнымъ сильнымъ и чистымъ существамъ.

Сердечные удары углубили синеву ея зрачковъ

теперь поднятыхъ къ серебристымъ каскадамъ листьевъ, и сдѣлали блескъ ихъ болѣе похожимъ на горящее зарево заката, чѣмъ на радостный блескъ зари. Съ закинутой вверхъ головы падалъ шелковистой тяжестью узелъ волосъ цвѣта созрѣвшей пшеницы, а ея сплетенные пальцы говорили о цѣломъ рядѣ поколѣній физической и духовной красоты.

Среди металлическаго шума осиновой рощи, освѣщенная скользящими вокругъ тѣнями рубиноваго свѣта, она скрестила свои руки движеніемъ задумчивости или молитвы и погрузилась въ думы.

— „Творецъ и Владыко всего, что дышитъ, что дышитъ устами, облитыми росою счастья и тутъ же рядомъ губами ранъ, точащихъ кровь страданія, ядъ обиды, зной борьбы, горе невознаградимыхъ утратъ; Наивысшая Сила и Мысль, Ты, который чертишь на неизмѣримой картѣ вселенной безчисленные пути и соединяешь ихъ въ загадку, съ утаеннымъ на днѣ, Тебѣ лишь одному извѣстнымъ ключемъ предназначенія; передъ Твоей волей я покорно склоняю свою волю и къ Твоимъ звѣздамъ посылаю свое сердце, какъ гибкая повилика склоняетъ свои вѣтви къ ногамъ лѣсного великана, а отъ ногъ поднимается къ его вершинѣ...

„Ты поднялъ меня изъ повседневнаго муравейника на своихъ рукахъ и вознесъ высоко, такъ высоко, пока мои глаза не ослѣпилъ блескъ Твоихъ звѣздъ— и Ты пригнулъ лучи этихъ глазъ къ землѣ, обострилъ ихъ проницательностью, раскрылъ широкіе горизонты и показалъ имъ вампиръ летѣвшихъ надъ міромъ съ горбами несчастій и преступленій на спинѣ, подобно горамъ, заслонявшимъ звѣзды. И они идутъ, окутанные кровавымъ дымомъ, ставя свои звѣ-

риныя стопы на гнѣзда, на розы, на жемчугъ, на снѣгъ невинности, на пурпуръ королевской любви. Я слышу трескъ коронованныхъ череповъ, хрипѣніе геройскихъ грудей, вздохи умирающихъ розъ, скрипъ раздавленнаго жемчуга.

„Съ колыбели я впитала въ себя ту легенду легендъ, что трагической истиной дышитъ у подножья этой пущи, она смѣшалась съ моей кровью, окрасила мой мозгъ, напрягла въ сердцѣ чувства, какъ струны арфы... а легенда ея безконечна, и правда ея трагична, о, Боже!

„Глядя въ ту неизмѣримую страницу, читать которую Ты научилъ меня, я не оглядывалась, я не заботилась, я не замѣчала, какъ годы молодости, точно быстрыя волны плыли у моихъ ногъ, исчезали, прежде чѣмъ я успѣвала забросить въ нихъ свой неводъ, какъ собственные мои жемчуги въ раковинѣ сердца превратились въ слезы, прежде чѣмъ я успѣла выковать себѣ изъ нихъ панцырь или корону.

Утро прошло, наступилъ полдень, проходитъ...
Вечеръ ужъ, Боже. Уже лѣсныя птицы
Склоняютъ свои крылья въ полетѣ къ звѣздамъ...

„Гнѣздо мое разрушено, пораженное громомъ... И какъ мелкія птицы разлетаются съ тревожнымъ щебетомъ, когда надъ вершинами пущи пролетаетъ орелъ; какъ трава, которая расцвѣтаетъ такъ пышно, что ее избѣгаетъ низкій полетъ мотыльковъ; какъ облако, стоящее надъ елью и серебрянымъ взглядомъ заглядывающее въ лѣсную темницу, въ то время какъ все вокругъ весело играетъ въ сіяющей лазури — такъ я одинока...

Умолкли пѣвцы твоихъ полей,
Я цѣлый день провелъ въ трудѣ...

„Почему, Господи?

„По дорогамъ пущи стоятъ плакучія березы, въ ихъ тѣни утомленные путники находятъ желанный отдыхъ; на кустахъ малины краснѣютъ ягоды, ими утоляютъ свою жажду птицы; по деревьямъ плачетъ медовая патока, пропитанная горечью.

„Есть на землѣ руки, переносящія въ безопасное мѣсто червяковъ, которымъ грозитъ смерть, и возвращающія деревьямъ сорванныя съ нихъ вѣтви. Есть сердца, вторящія всѣмъ шумамъ, эхамъ, трескамъ, и гулу этой пущи, дыша въ ея груди, какъ ея собственное сердце...

„Развѣ потому?“

„Я вслушиваюсь въ свое сердце, и оно говоритъ мнѣ: да да. При помощи сердца Ты, Господи, говоришь съ людьми“.

„Я имѣю много могилъ, которыя я хожу навѣщать, и одну самую дорогую, въ далекихъ степяхъ, гдѣ моему брату снится небо нашей пущи“.

„Моя старая няня, когда смерть закрывала ея дорогіе глаза, шептала, сжимая мою руку: „Одна ты останешься, одна одинешенька въ этихъ большихъ комнатахъ ...“

„Для меня не было очага...“

„Одинъ только разъ ... но ты знаешь объ этомъ. Ты читаешь въ моемъ сердцѣ ... одинъ только разъ протянула я руку за счастьемъ. Оно ушло...

„Заснули майскіе цвѣты...“

. . . . . .

. . . . . .

Пока она думала, что-то въ дали стало тихо ласкать мхи и папоротники. То бѣжала лань, бѣжала такъ легко, что отъ ея шаговъ лишь изрѣдка заколебалась гибкая вѣтвь осины, или широкій вѣеръ

папоротника. Лань бѣжала прямо къ ней, остановилась среди цвѣтущаго чабера и устремила на нее черные, проницательные глаза.

Блѣдно-золотое сіяніе, свѣтло-эѳирной пылью, наполнявшее и освѣщавшее лѣсъ, стало мутнѣть и густѣть. Линіи стирались, краски гасли, формы, наступая другъ на друга, принимали видъ тѣхъ фантастическихъ видѣній, которыя вереницей метаморфозъ скользятъ предъ засыпающими глазами. Но взамѣнъ ласкавшихъ зрѣніе хаоса и фантасмагоріи, затронувъ другія чувства, заговорили два воздушныхъ хора: звуки и ароматы. Запахло медомъ и смолой, навстрѣчу имъ отъ муравьиныхъ горъ понесся острый запахъ нашатыря, изъ зубровыхъ логовищъ повѣяло приторнымъ мускусомъ, смѣшаннымъ съ горечью дикой горчицы, аира, земля дохнула дымнымъ запахомъ торфа, грибовъ и хлѣба, сыростью глины, пылью песковъ, гнили и, можетъ быть, тѣхъ песковъ, которые оставило въ глубинѣ, ушедшее цѣлые вѣка тому назадъ море. Могучему дыханію земли отвѣтилъ хоръ звуковъ съ неизвѣстнымъ началомъ и концомъ, пропадающимъ гдѣ-то въ бездонной дали. Невѣдомо гдѣ, невѣдомо что говорило, шептало, скользило, пролетало ... Какой то скрипъ и ропотъ, тревожный шелестъ, отдаленный клекотъ, глухой стукъ, нѣжные и замирающіе призывы, вздохи, повторяемые эхомъ, все туманное, едва уловимое, съ неизвѣстной причиной и смертью, сопутствующей зачатію ...

Вдругъ, отчетливо, ясно, протяжно, понеслись, по лѣсу серебристые звуки колокола.

Кто и гдѣ звонитъ?

Въ глубинѣ ли Прыжка Косули такъ громко закричали олени? Илк, можетъ быть, въ Замкѣ залаяли

гончія, привидѣнія которыхъ сопутствуютъ по ночамъ призрачнымъ, королевскимъ охотамъ. Нѣтъ: то церковный звонъ, но не въ земной церкви, раздается онъ. Онъ несется отъ Могилы, урочища, гдѣ подъ землей и лѣсомъ, похороненъ городъ, нѣкогда провалившійся подъ землю живой, съ живымъ населеніемъ, съ храмами, дворцами, улицами. Давно то было; надъ нимъ выросъ высокій, могучій лѣсъ, но городъ живетъ и каждый день въ сумерки посылаетъ на землю колокольный звонъ, дабы возвѣстить, что онъ еще живъ.

Отчетливо, ясно и протяжно несется колокольный звонъ, съ которымъ погребенный городъ посылаетъ на землю свою трагическую пѣснь. Жалуется ли онъ, или молитъ о спасеніи? Или посылаетъ вѣстника велѣній, напоминаній и пророчествъ.

Среди цвѣтущаго чабера, опустивъ руку на гибкую шею лани, женщина прислушивается къ колокольному звону, раздающемуся въ лѣсномъ сумракѣ, а надъ затихшими верхушками осинъ золотымъ глазомъ блеститъ первая звѣзда, она поднимаетъ къ ней свое лицо, бѣлое въ сумракѣ лѣса, и губы ея шепчутъ мольбы, признанія или обѣты.

Еще мгновеніе, вдали блуждаютъ и мелькаютъ рубиновыя искры заката, но вскорѣ гаснутъ. Стройная фигура бѣлой лани, обвитая крепомъ сумрака, расплывается, таетъ и — исчезаетъ.

Звонъ на урочищѣ могилы звучитъ все тише, медленнѣе, слабѣе и — затихаетъ

Надъ затихшей и темной пущей восходятъ высокія звѣзды и золотистыми глазами заглядываютъ въ море ея неподвижныхъ, молчаливыхъ вершинъ...

. . . . . .

Отъ Великаго Никара, краемъ пущи, по глубо-

кому руслу быстро течетъ Лсна, а тамъ, гдѣ Королевскій мостъ перебрасываетъ черезъ нее свою длинную и стройную арку, среди широкихъ полей и луговъ, стоитъ Красовецкій дворъ въ вѣковой, тяжелой, темной чащѣ своихъ садовъ. Отдѣленный отъ пущи журчащей лентой рѣки, онъ кажется брошеннымъ въ даль, заключительнымъ аккордомъ великой зеленой пѣсни.

Густые извивы повилики обвили колонны крыльца. Въ большой низкой комнатѣ, надъ столомъ, заваленнымъ книгами, газетами, цвѣтами, нитками шелковъ, горѣла лампа и черезъ высокія и узкія двери, черезъ узкія низко прорѣзанныя окна, посылала на крыльцо полосы обильнаго свѣта.

Оттуда неслось дыханіе одиночества, спокойствія. труда. Пахло розами и резедой. Раздавались звуки прекрасной фортепіанной музыки. Въ глубинѣ дома кто-то умѣло и искусно игралъ.

Северина Здроевская сидѣла въ полосѣ яркаго свѣта и мягкимъ взглядомъ смотрѣла на чащу зелени отъ края до края покрывавшую широкій дворъ.

Изъ чаши природы она напилась мощныхъ чаръ красоты, при легендарномъ звонѣ колоколовъ, съ глазу на глазъ, она смотрѣла на звѣзды, изъ хора лѣсныхъ ароматовъ она впитала въ себя капли медвяной росы и немного той пыли морскихъ песковъ, какими дышутъ глубокія нѣдра ея родной земли, пока наконецъ не переломилъ ея тоскующее и печальное сердце черный жемчугъ счастья, черный, ибо радужныхъ блесковъ, не обвитыхъ траурнымъ крепомъ — она не знала.

Спокойно, почти весело смотрѣла она на маленькіе огоньки, мигавшіе среди густой зелени двора. То были окна, освѣщенныя блескомъ пылавшихъ за

ними родныхъ очаговъ. Оттуда доносились, заглушаемые разстояніемъ, отрывки разговоровъ, взрывы смѣха, щебетъ дѣтскихъ голосовъ. Голоса хорошо знакомые ей и души знакомыя. Сплетеніе человѣческихъ судебъ, мелкихъ, смиренныхъ, многочисленныхъ, нити которыхъ покоились въ ея рукахъ.

Въ глубинѣ большого дома кто-то непрерывно, прекрасно и умѣло игралъ. Северина улыбнулась, вспомнивъ образъ молодой артистки, тамъ, въ большой низкой комнатѣ, музыкальными тонами разсказывавшей о своей душѣ, преждевременно и тяжело опечаленной. О чемъ думаетъ это бѣдное, очаровательное дитя, когда съ такимъ глубокимъ чувствомъ выполняетъ произведеніе геніальнаго артиста? О покинутой ли въ далекихъ странахъ могилѣ дорогой матери? Или о краткой и удивительной исторіи своего любящаго, обманутаго сердца?

Привлекаемые искусственнымъ свѣтомъ, заливавшимъ колонны крыльца, два цвѣтка повилики раскрыли свои чашечки, и изъ серебристой зелени смотрѣли на нее ихъ широко открытые, темно-синіе глаза.

Северина улыбнулась этимъ молчаливо смотрѣвшимъ на нее глазамъ.

Ее охватывали чары цвѣтовъ, музыки и звѣзднаго вечера. Пахло розами и резедой. Лиственницы, точно черныя колонны, возвышались надъ чащей сумаховъ и акацій, за которыми угасали огни людскихъ жилищъ и замолкали людскіе голоса.

Музыка въ глубинѣ дома тоже замолкла и въ высокихъ и узкихъ дверяхъ крыльца появилась стройная фигура. Свѣтъ лампы заливалъ гибкую дѣвушку и серебрилъ ея русые волосы, не освѣщая вполнѣ черты лица бѣлаго, какъ нарцисъ. Она подошла

къ Северинѣ съ запечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

— Отъ Идаліи, — тихо сказала она.

Изъ разорваннаго конверта выпала карточка, на которую Северина еще не успѣла бросить взглядъ, какъ ее замѣтила Генрика и изъ ея мягкихъ, нѣжныхъ губъ вырвался крикъ. Чувство ужаса, удивленія, неожиданной радости и пронизывающей боли зазвучало въ этомъ крикѣ. Руки ея, державшія портретъ молодого человѣка, дрожали, она низко склонила надъ портретомъ свое покраснѣвшее лицо, наконецъ медленнымъ движеніемъ опустилась къ ногамъ подруги и, скрывъ лицо въ ея платья, тихо зарыдала. Рыданія потрясали нѣжными линіями ея плечъ, а руки бѣлыя, какъ нарцисъ, отчаяннымъ движеніемъ охватили золото волосъ.

Значитъ такъ! значитъ навсегда! Она не утѣшилась, она не забыла.

Идалія Ольская, эта легкомысленная женщина, съ чувствительнымъ сердцемъ и говорливымъ ртомъ, издавна имѣла обычай присылать сюда изъ широкаго міра, по которому она летала, какъ мотылекъ, вѣсти, разсказы и портреты. Теперь она прислала этотъ портретъ и поразила имъ сердце дѣвушки, какъ стрѣлой, которая, погружаясь въ рану, возобновляетъ и обостряетъ боль. Любящей и покинутой ей тяжело было жить; она не могла забыть, не могла понять...

Хотя Северина хорошо знала двойственность человѣческихъ натуръ, которыя часто соединяютъ въ одинъ неразрывный узелъ великодушіе и ничтожество, но она же ничего не понимала. Кто онъ? Каковъ онъ? Какія побужденія, колебанія, бури могли руководить имъ, когда всѣмъ очарованіемъ свѣтскаго человѣка и той утонченностью словъ и чувствъ, ко-

Библиотека Катуаровского з-да кислот. уперев МПСУ-СССР
Центральная библиотечная система Московской области
57
Н 88 18

торая въ ученомъ открываетъ поэта, онъ увлекъ сердце, умъ и чувство прекраснаго ребенка, а потомъ уѣхалъ, не вернулся, замолкъ, исчезъ? Какова была эта душа такая могучая и вмѣстѣ съ тѣмъ злая? Могучей она несомнѣнно была, коль скоро уже въ ранней молодости талантомъ и трудами завоевала міръ знанія и славы; но также и злой, разъ на своемъ пути она сѣяла слезы. Посѣвъ слезъ поражалъ глаза Северины, привыкшіе одиноко всматриваться въ идеалы, несущіе росу утѣшенія.

Северина многое знала о немъ и всетаки ничего не понимала . . . Сухой вѣтеръ космополитизма унесъ его отца въ далекіе края. Тамъ онъ выросъ и на томъ же языкѣ засіялъ необыкновенной, сильной и смѣлой мыслью. Онъ никогда не слышалъ ни шума хлѣбовъ родныхъ полей, ни звучащаго въ лѣсной глубинѣ легендарнаго звона колоколовъ. Онъ былъ вѣткой, оторванной отъ родного пня, роскошно расцвѣтшей на чуждой нивѣ и, казалось, не оглядывался ни на что, не связывалъ себя ни съ чѣмъ, что не было силой, блескомъ, славой и радостью жизни.

Въ широкомъ лабиринтѣ деревьевъ, окружавшихъ домъ, и полномъ человѣческихъ гнѣздъ, угасли огни, замолкли голоса, воцарился сонъ и тишина. У открытаго окна, при шумѣ лиственницъ и акаціи, при лампѣ, на свѣтъ которой слетались ночные мотыльки, Северина всматривалась въ портретъ человѣка, о которомъ она не могла перестать думать. Мысль о немъ зажигала въ ней горячую искру неизвѣстнаго будущаго. Отъ напряженнаго вниманія ея брови сдвинулись, а на губахъ застыла недовѣрчивая улыбка. Съ прекрасно выполненнаго портрета на нее смотрѣли умные, холодные глаза, а среди нѣжно обрисованнаго овала лица тонкія губы дрожали усмѣш-

кой; но на красивомъ лбѣ, сіявшемъ блескомъ мысли, замѣтна была между бровями горькая морщинка, и она бросала на все лицо печать страданія, замкнувшагося въ гордомъ молчаніи. Въ этомъ молодомъ лицѣ ясно видны были: умъ, гордость и ирония — отсутствовало счастье, любовь, доброта. Вмѣсто нихъ изъ за его холода и гордости проглядывала какая-то вѣчная тоска, которая заполняетъ глубину мечтательныхъ душъ, и какой-то гнѣвъ, сжигающій подобныя души, когда ни міръ явленій, ни міръ мысли, ни міръ чувствъ, не могутъ удовлетворить ихъ грезы и желанія.

Опустивъ на колѣни руку съ портретомъ, она подумала, что... ничего удивительнаго.

Ничего удивительнаго, что дитя полюбило этого прекраснаго и разумнаго человѣка, и что оно не можетъ забыть о немъ.

Северина знала, какимъ сердечнымъ теплomъ и какимъ вниманіемъ и деликатностью окружилъ Тадеушъ Родовскій Генрику, когда на далекомъ югѣ смерть приближалась къ ея любимой матери. Она знала, что въ одинъ лѣтній вечеръ, на берегу южнаго озера, при шумѣ водопада, ихъ охватилъ огонь такого момента, о которомъ забыть не всегда легко, а иногда и невозможно. Осиротѣвшей и раненой птицей прилетала Генрика подъ ея крышу, оставивъ за собой могилу матери и надежды счастья. Въ далекомъ путешествіи погибла неоцѣнимая вещь; вѣра въ искренность и постоянство человѣческихъ чувствъ. Ни тишина ея дома, ни тепло ея сердца, ни природа, ни искусство до сихъ поръ не могли успокоить душу, гдѣ отъ краткой любви неустанно лились слезы страданія и, что еще тяжелѣе, дрожала усмѣшка сомнѣнія. Эта душа была еще слишкомъ

молода, еще слишкомъ слаба, чтобы имѣть силы бороться съ суровыми бурями жизни.

Северина, видя людскія страданія, привыкла спрашивать у сердца, разума, совѣсти: что же дѣлать? — она долго думала, сидя у открытаго окна, слушая шумъ лиственницъ и акацій, при лампѣ, на свѣтъ которой слетались ночные мотыльки, пока не встала съ принятымъ рѣшеніемъ. Она знала, что дѣлать. Она потребуетъ исправить то, что разбилось въ рукахъ, быть можетъ, каприза, а быть можетъ, случая.

Въ своемъ намѣреніи Северина ясно замѣчала ту безсмертную мечту, которая вырвала ее изъ обыденной и сдѣлала ея судьбу непохожей на другія. Напрасно плыли по ней горькія воды жизни; мечта жила, какъ должна жить струна, натянутая въ душѣ человѣческой рукою Бога. Жила и, вѣчно цѣпляясь за горній свѣтъ, рвалась въ борьбу съ темными призраками жизни. Ея личное счастье погибло, какъ затоптанный жемчугъ, а горній свѣтъ исчезалъ изъ рукъ. Она безсильная пряха, ткущая изъ кудели идеала золотую нить, которую вѣчно перерѣзываетъ своими неумолимыми ножницами Парка, сидящая на несокрушимой скалѣ дѣйствительности.

Такъ думала она, и ее охватило удивленіе. Северина привыкла внимательно анализировать побужденія своихъ намѣреній и дѣйствій, и невольно, среди руководившихъ ею въ данный моментъ побужденій, она открыла еще одно, неожиданное и такое неясное, что едва могла различить его. Какъ ни горячо было ея сочувствіе къ страдающему, близкому и дорогому существу, къ нему присоединилось еще затаенное желаніе заглянуть въ глубину необыкновенной и таинственной души, глухое стремленіе вырваться изъ круга обыденности къ блеску и лучамъ отдаленныхъ,

необычныхъ явленій. Человѣкъ, портретъ котораго она держала въ своихъ рукахъ, вставалъ передъ ея воображеніемъ въ видѣ загадки, казался ей воплощеніемъ одной только, неутомимой, холодной, гордой мысли; а вѣдь проницательный взглядъ могъ прочесть въ его душѣ, равно какъ мысль, неумолимое и гордое страданіе. Тайно отъ воли и сознанія, помимо сознанія, помимо воли, на ея губахъ пунцовыхъ, какъ созрѣвшая ягода калины, дрожали вопросы: кто ты? Откуда источникъ твоего страданія? Почему пренебрежительно или легкомысленно ты бросаешь изъ рукъ розу, стряхиваешь съ своего сердца капли райскаго напитка?

Какъ пробужденная отъ сна, Северина подняла голову. Развѣ человѣкъ никогда не можетъ совершенно отдѣлить себя отъ самого себя? Развѣ даже тѣ души, что горячѣе всего отдались звѣздамъ, должны вздыхать еще о мелкомъ и ничтожномъ прахѣ? Развѣ всегда золото чувствъ должно содержать въ себѣ примѣсь плохого металла?

Мракъ и тишина наполняли большія комнаты дома. Въ такомъ мракѣ по стѣнамъ скользятъ ночныя бабочки умершихъ надеждъ и на потолкѣ шелестятъ летучія мыши сомнѣній; въ такой тишинѣ колышутся, движутся, какъ въ саванѣ, бездонная меланхолія и тоскующія грезы...

Вблизи журчала хрустальная Лсна; дальше Боръ-Лада пѣлъ суровую гамму своего шума. И отъ невидимой во мракѣ пущи неслись протяжные вздохи, неясные призывы, шелестъ, шумъ, что то напоминавшее легкіе шаги лани по мхамъ — что-то похожее на замирающее въ дали эхо колокольнаго звона.

II.

Бѣловѣжа — Красовцы.

Наша общая родственница, пани Идалія Ольская, выяснитъ вамъ при случаѣ степень соединяющаго насъ родства, но если и потомъ мое обращеніе къ вамъ покажется страннымъ, то вспомните, что его дѣлаетъ дикая женщина. Идалія разскажетъ вамъ, какимъ образомъ, десять лѣтъ тому назадъ, общество ея салоновъ наградило меня прозвищемъ дикарки. Такой я осталась навсегда. Я всегда живу въ пущѣ и на міръ смотрю съ точки зрѣнія пущи.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я съ интересомъ слѣжу взглядомъ за тѣмъ блестящимъ путемъ, по которому вы идете къ великому, навѣрно, будущему. Я питаю надежду, что о причинахъ моего интереса вы меня не спросите, но это только надежда. Вы, житель далекой столицы, навѣрное никогда не замѣчали, какъ деревья въ лѣсу сплетаютъ свои вѣтви, и какъ колосья на нивѣ общей волной отдаютъ поклонъ солнцу. Что же касается меня, то я часто и съ удивленіемъ думаю о томъ магнитѣ, которымъ природа влечетъ къ себѣ планеты одной системы, деревья одного лѣса, колосья одного поля и дѣтей одного рода. Вы и я дѣти одного рода; отсюда мое желаніе и право поблагодарить васъ за листъ лавра, брошенный вами на его тернистую ниву. Такое раннее завоеваніе среди народа не только чуждаго, но враждебнаго намъ, это торжество, которое мы дѣлимъ съ вами, хотя вы объ этомъ не думаете и не заботитесь.

Я знаю отъ Идаліи, что мѣсяцы, свободные отъ научныхъ трудовъ, вы обычно проводите въ Альпахъ, на южныхъ озерахъ, на берегахъ далекихъ морей.

Развѣ вамъ никогда не приходила въ голову мысль провести ихъ въ польской деревнѣ? Развѣ науки и молодой славы достаточно для дого, чтобы сдѣлать ваши горизонты занимательными и теплыми? Я слышала, что иногда блескъ ихъ переживаетъ затменія и что бываютъ на свѣтѣ такіе снѣга, растопить которые они не въ силахъ.

Развѣ вы никогда еще не видѣли затменія своихъ солнцъ, не чувствовали инея, внезапно охватывающаго душу на вашемъ цвѣтущемъ пути?

Еще одинъ вопросъ приходитъ мнѣ въ голову, вѣдь ни на одномъ художественномъ произведеніи нѣтъ столькихъ красокъ, ни въ одной музыкальной мелодіи столькихъ тоновъ, сколько въ человѣкѣ, созданномъ нашей утонченной цивилизаціей, должно быть психическихъ загадокъ? Но подымете ли вы туманить, которую изъ далекаго разстоянія бросаю я вамъ? Вѣдь на одномъ земномъ шарѣ — мы два совершенно различныхъ духа.

Я только попрошу васъ, чтобы вы приняли отъ соотечественницы и родственницы сердечное поздравленіе, съ которымъ я посылаю валъ немного нашего лѣсного аромата, немного журчанія Лсны, нѣсколько капель туманов, создающихъ на нашихъ лугахъ волшебные дворцы и лучъ отъ сіяющихъ надо мною звѣздъ.

III.

Швейцарія — Интерлакенъ.

Я не только отвѣчу вамъ, какъ родственникъ, искренно радующійся тому, что вновь завязались родственныя связи, ослабленныя обстоятельствами и временемъ, но я съ большой готовностью поднялъ бы

брошенную мнѣ издалека гирлянду аромата, тумановъ и шума Бѣловѣжской пущи, поднялъ бы ее даже съ поспѣшностью, если бы не опасеніе, что она соединила меня съ красовецкой пустынницей только по ошибкѣ, благодаря ложнымъ свѣдѣніямъ. Я имѣю въ виду одну нашу общую родственницу, пани Идалію, всегда ко мнѣ весьма благосклонную и полагаю, что именно она ввела васъ въ заблужденіе своими преувеличенными разсказами обо мнѣ и тѣми восхваленіями, на которыя она для меня никогда не скупится. Она то вѣрно, сумѣвъ внушить себѣ, что я совершаю какія-то завоеванія и подвиги, что мою главу окружаетъ ореолъ величія, старается и другихъ убѣдить въ томъ же.

Съ своимъ прекраснымъ привѣтствіемъ, за которое я вамъ очень благодаренъ, вы обратились къ обыкновенному смертному, только тѣмъ отличающемуся въ жизни отъ среднихъ рядовыхъ, что благодаря отсутствію свойствъ необходимыхъ для борьбы за существованіе на иной аренѣ, онъ сталъ книжной молью, углубляющейся въ столь неизмѣримо высокія проблемы, какъ психологія амебы или вопросъ о томъ: что нашимъ предкамъ триглодитнаго періода въ силлурійскую эпоху было полезнѣе, соленая или прѣсная вода? Для столь неинтереснаго смертнаго жаль аромата литовскихъ лѣсовъ, жемчуга тумановъ, собранныхъ на лугахъ, журчанья ручьевъ.

Одаренный такимъ образомъ я, можетъ быть, уже сегодня не сумѣлъ бы воспользоваться этими летучими дарами, какъ тотъ аскетъ, которому неосторожная рука бросила въ окно кельи букетъ пурпурныхъ розъ.

Я совершенно неинтересное существо и отъ роли тріумфатора, бросающаго лучъ славы на нивы

своего рода, очень далекъ. О своей учености я знаю только одно, что я ничего не знаю, а о славѣ моего имени мнѣ позволяетъ догадываться только все возрастающій рядъ сотрудниковъ настолько благородныхъ, что ихъ сердца забились бы чистой радостью, если бы я какимъ либо образомъ споткнулся на томъ пути, который — какъ говоритъ молва — ведетъ человѣчество къ познанію истины. Мои солнца, о коихъ вы меня спрашиваете, совершенно не свѣтятъ, или, по крайней мѣрѣ, дрожатъ очень слабымъ пламенемъ, такъ какъ я самъ на горизонтѣ науки не представляю факела, а пожалуй, только лампочку, слабый блескъ которой постоянно колеблется и исчезаетъ во мракѣ.

Кромѣ упомянутыхъ даровъ, вы были такъ добры, что пожертвовали мнѣ лучъ звѣздъ, сіяющихъ надъ вашей головой. Вѣдь это метафора? И я позволяю сказать себѣ, что она прекрасна. Я полагаю, что въ ней идетъ рѣчь о такъ называемыхъ идеалахъ, или блестящихъ игрушкахъ, весьма желательныхъ и даже необходимыхъ для освѣщенія пущи, когда она открываетъ передъ безпокойнымъ духомъ человѣка свои мрачныя, огромныя, монотонныя и безлюдныя перспективы.

Я никогда не слышалъ, какими голосами говорятъ человѣку пустыни безъ границъ и безъ надежды; но я понимаю, что духъ, замкнутый въ такомъ кругу, дабы не потерять самого себя, долженъ создавать себѣ поднебесные мостки и, украсивъ ихъ цвѣтными лампочками, подкрѣпляться или забавляться ихъ свѣтомъ. Я понимаю также, что въ такомъ отдаленіи наука должна казаться однимъ изъ могучихъ звеньевъ въ системѣ солнцъ и къ ней обращаются глаза, жаждущіе идеаловъ. Это то и наполняетъ меня тре-

вогой. Я боюсь, что при близкомъ столкновеніи со мной, какъ бы тамъ ни было, представителемъ науки, не только гордый Фаросъ знанія умалится и поблѣднѣетъ въ вашихъ глазахъ, но какъ бы и ваши собственныя звѣзды, или тѣ прекрасныя лампочки, что безопасно и спокойно горятъ надъ вашимъ древнимъ жилищемъ, не поблѣднѣли бы и не погасли одна за другой, оставивъ на фонѣ общаго мрака бездну, зіяющую вѣчной и ничѣмъ не заполненной пустотой.

Но если вы протянули мнѣ руку съ цѣлью и желаніемъ приблизиться къ тому солнцу, жрецомъ котораго я являюсь, то дабы уберечь васъ отъ разочарованія, я заранѣе предостерегаю васъ, что вблизи лицо этого идеала скорѣе мертво, нежели живо, что и на этомъ солнцѣ есть пятна, и что оно не грѣетъ. Можетъ случиться, что вмѣсто ожидаемыхъ восторговъ, вы очутитесь передъ насмѣшливыми вопросами и безжалостнымъ отрицаніемъ. Можетъ случиться, что отъ лучей этого удивительнаго солнца вамъ станетъ холодно, что міръ вашихъ идеаловъ опустѣетъ, и изъ вашихъ рукъ выскользнутъ предметы бывшихъ до сихъ поръ вѣрованій и любви. А жаль было бы прекрасныхъ игрушекъ, въ жизни навѣрно весьма желательныхъ, а порой даже и необходимыхъ. Было бы непріятно, если бы именно мнѣ пришлось открыть передъ вами двери того Сезама науки, который такъ много беретъ и такъ мало даетъ.

Но если вашъ интересъ ко мнѣ скорѣе личнаго свойства, въ чемъ моя скромность заставляетъ меня усумниться, въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ пожать протянутую руку и просить вашей благосклонности и на будущее время. Мы родственники по матери, но, какъ вамъ извѣстно, мать моя уже давно умерла. А такъ какъ я почти съ младенческихъ лѣтъ житель

Вѣны, то неудивительно, что семейныя связи, а въ особенности родные моей матери, такъ стерлись изъ моей памяти, что я принужденъ былъ спросить о степени соединяющаго насъ родства. Не принадлежа къ близкимъ, я всетаки не такъ далекъ. И за то, что вы напомнили мнѣ о себѣ я искренно благодарю васъ.

Вашъ голосъ не засталъ меня въ Вѣнѣ, тотчасъ же по окончаніи работы мы убѣжали изъ пыльнаго города къ стопамъ пречистой Юнгфрау. Я говорю во множественномъ числѣ, ибо вслѣдъ за мною сюда прибылъ мой отецъ и пани Идалія по пути въ Біарицъ, остановилась немного на берегахъ Аары. Представляется хорошій случай для маленькаго семейнаго съѣзда. Принимая во вниманіе связывающія насъ всѣхъ родственныя отношенія вы должны были бы на нѣсколько недѣль отказаться отъ пущи и навѣстить здѣсь пани Идалію.

Это было бы тѣмъ легче для васъ, что вашъ пріѣздъ былъ бы въ то же время и данью, принесенной въ жертву прекрасной природѣ, которую вы навѣрно любите, хотя непосредственно, такъ какъ я, ей не служите. Природа, безъ сомнѣнія, всюду прекрасна; но о такихъ красотахъ и чарахъ, въ какія она одѣвается здѣсь на вашемъ сѣверѣ нечего и мечтать. Интенсивность красокъ и свѣта здѣсь часто прямо сказочна. Здѣсь столько солнечнаго свѣта и тепла, что, несмотря на сосѣдство ледниковъ, лѣтніе дни часто напоминаютъ климатъ южнаго пояса. У насъ царитъ изобиліе свѣта и солнца. Я поклонникъ свѣта и космическаго солнца. И потому то я никогда не ѣду туда, къ вамъ, на сѣверъ, по вашему небу проходитъ больше холодныхъ слезъ, чѣмъ горячихъ лучей — а моя жизнь коротка.

Я здѣсь уже цѣлую недѣлю и каждый день вновь дивлюсь открывающимся съ нашего балкона видамъ, какъ новымъ волшебствамъ.

Каждый день со стороны ледниковъ Роны, подобно огненной птицѣ, взлетаетъ на небо солнце; сверкающее золотомъ, бросаетъ на горизонтъ ослѣпительныя полосы расплавленнаго металла и въ пожарѣ пурпура и крови исчезаетъ за озеромъ Тунъ. А проходя по небу, оно свѣтитъ лазурнымъ водамъ, серебристому теченію Аара, роскошнымъ, пушистымъ лугамъ и лѣсамъ, громадной фалангѣ снѣжныхъ Альпъ, окружающихъ насъ ледянымъ кольцомъ и наконецъ намъ, которые стокрасочнымъ таборомъ расположились въ долинѣ и муравьинымъ роемъ заполнили окрестныя горы.

Вотъ ясные и теплые горизонты, не знающіе затменій. Въ общемъ торжествѣ и праздникѣ свѣта тонутъ и исчезаютъ мѣстныя подробности, точно также какъ и въ душѣ туриста тонутъ всѣ затменія и пятна, сдѣланныя жизнью.

На этой благословенной почвѣ, на фонѣ роскошной декораціи альпійскихъ озеръ, каскадовъ, вѣчныхъ снѣговъ, я желалъ бы привѣтствовать обитательницу Бѣловѣжской пущи и быть ея проводникомъ въ странѣ, гдѣ, несмотря на грохотъ паденія лавинъ, жить гораздо безопаснѣе, нежели среди сонаго одиночества пущи, и гдѣ, несмотря на нагроможденные вокругъ ледники, есть болѣе вѣрныя тропинки, чѣмъ на головокружительныхъ путяхъ духа.

IV.

Красовцы.

Я спѣшу успокоить ваши опасенія и вмѣстѣ съ тѣмъ исправить линіи той картины, которую нари-

совало въ вашемъ умѣ далекое разстояніе, раздѣляющее насъ.

Нашу дикость буквально понимать не слѣдуетъ. Книги, журналы, разныя извѣстія съ широкаго міра во всевозможныхъ видахъ — мы имѣемъ и уже издавна не состоимъ идолопоклонниками. Такъ какъ мы получаемъ книги и журналы, то изъ нихъ, а не изъ устъ Идаліи, въ данномъ случаѣ гораздо болѣе милыхъ, чѣмъ компетентныхъ, мы взяли мѣрило славы, какой пользуется въ свѣтѣ ваше имя. А разъ мы не идолопоклонники, то и не бьемъ челомъ съ закрытыми глазами ни передъ какимъ идоломъ, хотя бы имъ была высоко чтимая нами наука. Въ насъ есть какая то сила, которая не позволяетъ никакимъ богамъ гасить наши звѣзды, а однимъ изъ источниковъ этой силы являются навѣрное тѣ слезы, о которыхъ вы говорите, что ихъ на нашемъ небѣ гораздо больше, нежели лучей. Это правда; но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется вѣрно и то, что слезы не всегда бываютъ холодныя.

Наоборотъ. Я часто нахожу въ нихъ много огня и соли; а вѣдь соль, кажется, прекрасное средство отъ анеміи, и лишь въ скалахъ огненной формаціи въ изобиліи находится гранитъ, вещь, какъ извѣстно, трудно поддающаяся разрушенію.

Прежде, чѣмъ говорить о кумирѣ, чьего рокового вліянія на мои звѣзды вы такъ опасаетесь, я должна разсказать вамъ объ одномъ обычаѣ, весьма странномъ, имѣвшемъ мѣсто у нашихъ далекихъ предковъ.

Согласно достовѣрнымъ показаніямъ, древніе литвины, вскорѣ по появленіи на свѣтъ младенца, окропляли его губы каплей сока, выжатаго изъ полыни. Этотъ обычай имѣлъ цѣлью пріучить дѣтей земли

съ перваго же разсвѣта жизни къ земной горечи. Обычай уже давно забытъ и покинутъ, но вѣчно живы его послѣдствія, переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію, такъ что и теперь еще, правда, въ очень рѣдкихъ случаяхъ мы имѣемъ возможность проглатывать сокъ полыни, не отравляясь имъ, и угадывать каждую его каплю, гдѣ бы только она оказалась. Капля полыннаго сока пропитала повидимому и ваше мнѣніе о солнцѣ науки. Вы говорите, что его лицо скорѣе мертво, нежели живо, что оно не грѣетъ, и что на немъ есть пятна. Я знаю, почему оно бываетъ иногда такимъ.

Случилось разъ, что когда одинъ пустынникъ и великій мудрецъ покидалъ пустыню, неся людямъ цвѣтъ своей мысли, созрѣвшій въ пустынѣ, то солнце (космическое) заступило ему дорогу и освѣтило его лицо своимъ могучимъ блескомъ, дабы пустынникъ увидѣлъ, какъ оно гордо и счастливо. Но пустынникъ улыбнулся и сказалъ: „О великолѣпное небесное тѣло! Что бы сталось съ твоей гордостью и твоимъ счастьемъ, если бы ты погубило тѣхъ, кому ты свѣтишь!“

Мнѣ кажется, что то же самое можно повторить относительно жителей всѣхъ міровъ и свѣта всѣхъ солнцъ, которые только тогда могутъ быть счастливы, когда сіяютъ надъ чѣмъ нибудь и для кого нибудь!

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть на землѣ хоть одинъ человѣческій путь, гдѣ не было бы сухихъ песковъ, по которымъ блуждаютъ обманчивые миражи, путь, гдѣ не было бы глухого молчанія, путь, гдѣ не страшили бы человѣка Сфинксы, блѣдные отъ вѣчныхъ думъ, надъ вѣчно неразгаданными загадками? Нѣтъ на землѣ такого человѣческаго пути, какъ нѣтъ на небесахъ души такого свѣта, который

бы, освѣщая пустыню души, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея теплomъ.

Чтобы не захирѣть и не завять среди обманчивыхъ миражей и блѣдныхъ сфинксовъ, для цвѣтка мысли необходима вода изъ тѣхъ источниковъ, которымъ мудрый пустынникъ приписалъ счастье солнца. Ему нужно развивать свою чашечку и раскрывать свою корону для кого-либо, для чего-либо любимаго. Наука, мраморная госпожа, путешествующая въ желѣзной колесницѣ, только тогда согрѣваетъ и оплодотворяетъ проѣзжаемыя страны, когда ей предшествуетъ пламенная звѣзда любви, съ золотыми волосами. Только тогда мраморная госпожа согрѣваетъ проѣзжаемыя страны, когда она сама согрѣвается отъ дыханія звѣзды, разжигающей огонь и огнемъ проходящей міръ.

Нужно знать, зачѣмъ изслѣдуется психологія амебы, нужно помнить, что это маленькое звено неизмѣримо длинной цѣпи, по которой земля и все существующее на ней медленно, медленно поднимается все выше и выше. Безъ этого при изслѣдованіи амебы, какъ и при всякой другой работѣ, легко испытать болѣзненныя судороги сердца, отъ которыхъ корчатся мозгъ и руки, или задохнуться сухимъ пескомъ пустыни гораздо опаснѣе и смертельнѣе, чѣмъ въ силлурійскую эпоху нашъ предокъ давился соленой или прѣсной водой.

Это все относится къ полынной каплѣ, изъ вашей души упавшей на идеалъ науки и — на идеалы вообще. Я знаю, что мои слова, какъ всякія другія слова, не могутъ вытѣснить ее изъ вашей души, но я хочу, чтобы вы знали, что, угадывая ее, я была взволнована, что мои глаза остановились на ней съ сочувствіемъ печали. Неважно происхожденіе горь-

кой капли! Если она есть въ чьей либо душѣ, то та душа становится дороже и цѣннѣе для человѣка, тоже чувствующаго и носящаго въ своей душѣ, каплю полыни и уже совершенно неважно, какимъ путемъ полынная капля попала въ человѣческую душу.

А теперь нѣсколько словъ о климатахъ.

Я не могу не спросить васъ: на какомъ разстояніи отъ сѣвернаго полюса вы помѣстите на картѣ Красовцы? Ибо здѣсь, какъ и вездѣ, люди умираютъ совершенно отъ другихъ причинъ, чѣмъ замерзаніе, а теченіе Лсны такъ же быстро и не менѣе серебристо, чѣмъ теченіе Аара. Что же касается солнца, то оно было извѣстно литвинамъ уже во времена королевы Крумины, первой королевы, засѣявшей литовскую землю сѣменами различныхъ хлѣбовъ. Это было очень давно, но уже и въ тѣ времена солнце проѣзжало по нашему небу въ колесницѣ, запряженной тремя жеребцами, изъ нихъ одинъ былъ серебряный, другой золотой, а третій брилліантовый. Для своихъ услугъ солнце имѣло двухъ небесныхъ прислужницъ, изъ нихъ одна была заря, или Аушра, а другая вечерняя звѣзда, или Вакарина, прислужницы были весьма дѣятельныя и ревностныя, какъ говорятъ объ этомъ двѣ строфы одной старинной пѣсни, записанной въ памяти народа.

Первая строфа говоритъ о дѣвушкѣ, которая съ наступающимъ днемъ ожидаетъ возвращенія возлюбленнаго — воина. Нетерпѣливая и не будучи въ силахъ заснуть, она выходитъ на порогъ нумы съ призывомъ: „Аушра!“ „Аушра!“ Сойди на землю, выведи изъ ночи день!“ Аушра, поднимая надъ землей край розоваго лба, говоритъ: „Нѣтъ времени; я еще должна сначала развести огонь для солнца“.

Во второй строфѣ, наоборотъ, сѣдой старикъ, которому день втрое удлиняетъ скуку старости, протягиваетъ къ западу руки съ призывомъ.

„Вакарина, Вакарина, взойди надъ землей и выведи изъ дня ночь. Но Вакарина, сверкая надъ землей золотымъ узломъ волосъ, отвѣчаетъ: „Нѣтъ времени; я должна еще постлать солнцу ложе“.

Ясно, что уже въ очень древнія времена у литвиновъ было солнце, и притомъ солнце могучее, богатое, съ брилліантовой упряжью, имѣвшее своими прислужницами не какихъ-нибудь замарашекъ.

Есть оно у нихъ и теперь, сверкающее и жгучее, можетъ быть, нѣсколько инымъ образомъ, чѣмъ тамъ у васъ, надъ Альпами, но развѣ солнце не достаточно могуче неисчерпаемо, чтобы въ каждую свою функцію вливать равное, хотя и различное наслажденіе и очарованіе.

Отъ недостатка солнца люди не страдаютъ, оно доброе, всевидящее, есть всюду, всѣмъ свѣтитъ, окружаетъ своей золотой лаской даже снѣжныя хаты эскимосовъ и яснымъ лучомъ, какъ благодѣтельнымъ перстомъ, указываетъ гренландцу на плывущую къ его берегамъ лавину тюленей. Но горе заключается въ томъ, что въ прозрачномъ эфирѣ живутъ драконы, выпивающіе изъ солнечнаго ядра весь блескъ и тепло, и однимъ изъ самыхъ жадныхъ драконовъ является печаль: если она поселится въ чьихъ-либо человѣческихъ глазахъ, то ужъ такъ жадно поглощаетъ солнечный блескъ, что онъ совершенно не въ силахъ достигнуть дна этихъ глазъ. Великое золотое солнце свѣтитъ на небѣ, но въ глазахъ, гдѣ гнѣздится печаль, темно. И эта печаль лишь одинъ изъ многочисленныхъ враговъ небеснаго свѣтила. Древніе литвины знали ихъ и для борьбы съ ними по-

сылали своихъ великановъ. Въ нашей исторіи стала традиціонной борьба съ драконами, выпивающими блескъ и тепло изъ солнца. Развѣ вы никогда не чувствовали въ своихъ жилахъ эту каплю крови нашихъ предковъ, побуждавшую ихъ къ борьбѣ съ драконами.

За приглашеніе къ подножью Юнгфрау благодарю, какъ за проявленіе дружескихъ чувствъ, но покинуть теперь Красовцы не могу. Положеніе владѣлицы большого участка земли у насъ далеко не синекура, наоборотъ, оно налагаетъ много обязанностей и заботъ. Въ данное время у насъ пора жатвы.

Но мои различныя занятія и обязанности все же оставляютъ мнѣ достаточно времени для прогулокъ. Сегодня утромъ, очень рано, я была въ лѣсу и видѣла Аушру, когда она розовой лентой скользила надъ липами, спокойно стоявшими въ синеватомъ сумракѣ разсвѣта, съ свѣтлыми вѣнками омелы на темныхъ коронахъ. У ногъ одной изъ липъ я замѣтила что-то блестящее. То былъ опавшій съ вѣтки листъ, густо усыпанный каплями росы. Каждая капля блестѣла, какъ брилліантъ, а отъ листа вѣяло липовымъ цвѣтомъ и мокрымъ мхомъ. Это маленькое созданіе Творца дышало такой свѣжестью и блескомъ, какъ будто не вѣтеръ сорвалъ его съ дерева, а принесъ изъ рая ангелъ на своихъ утреннихъ крылахъ.

Можетъ быть, я ошибаюсь, но я часто думаю, что изящество мелкихъ твореній природы гораздо сильнѣе, чѣмъ роскошь великихъ, говоритъ намъ о безчисленности и тонкости тѣхъ нитей, какими затканы кросна художника-Творца. Чтобы всюду и во всемъ чувствовать чудеса природы, нужно, какъ я, имѣть Бога въ сердцѣ.

У насъ царитъ сильная жара. Каждый день со стороны неизмѣримыхъ равнинъ Никара солнце выѣзжаетъ на небо на золотой и брилліантовой лошади, летитъ ослѣпительной полосой черезъ горизонтъ, а пролетая, освѣщаетъ и ласкаетъ готическія башни елей, прозрачныя колонны сосенъ, липы въ свѣтлыхъ вѣнкахъ омелы, оленей, утоляющихъ жажду въ серебряныхъ струяхъ Лсны, Гвозны, Наревки, Оленки и — поля, широкія, посколько можетъ окинуть глазъ; ихъ золотыя равнины покрываетъ рой существъ, низко склонившихся надъ землей, сверкающихъ сталью серповъ, залитыхъ зноемъ труда... Я не могу покинуть Красовцы.

Но я, хоть издалека, душою желаю принять участіе въ семейномъ съѣздѣ. Напомните обо мнѣ своему отцу, въ пору моего дѣтства иногда бывавшему въ Красовцахъ гостемъ моего отца, а Идалію сердечно привѣтствуйте отъ моего имени. Съ вами я прощаюсь — до ближайшаго разговора! Прошу, чтобы онъ не былъ далекъ. Я весьма охотно буду говорить вамъ о нашемъ солнцѣ и слушать ваши разсказы о солнцѣ Швейцаріи, а если и вы раздѣляете мое желаніе, то, можетъ быть, изъ той скромной гирлянды, что я бросила вамъ, расцвѣтетъ для насъ обоихъ трилистникъ благой вѣсти.

V.

Интерлакенъ.

Вы пренебрегли нашимъ альпійскимъ раемъ, пренебрегли блескомъ швейцарскихъ ледниковъ и серебристымъ шумомъ, съ какимъ молодые ручьи, падая въ пропасть, прощаются съ своей колыбелью. Этотъ

шумъ можно было бы назвать крикомъ тревоги передъ долгой и скучной жизнью на низинахъ, гдѣ имъ придется пассивно слетаться въ могучіе струи и широкими лентами сплавныхъ рѣкъ стремиться черезъ равнины Европы на сѣверъ?

Очень жаль, что вы не пріѣдете въ Швейцарію, я искренно хотѣлъ бы познакомиться съ той, къ чьему портрету, находящемуся у пани Идаліи, я присматриваюсь часто и — позволю сказать себѣ — все чаще. Это то же самое, что бываетъ иногда съ видами природы: есть такіе, на которые намъ достаточно взглянуть одинъ разъ, и есть такіе, къ которымъ мы готовы возвращаться постоянно. Сегодня видъ одного потока вызвалъ у меня мысль о васъ.

Въ довольно многолюдномъ обществѣ мы совершили экскурсію въ Лаутербруннен, чтобы полюбоваться тамошними водопадами; тамъ есть одинъ потокъ, падающій по обрывистымъ, отвѣснымъ мюренскимъ скаламъ прямо въ долину.

Шумя пѣнистой и снѣжной волной, наверху, въ своемъ скалистомъ руслѣ, онъ послѣ страшнаго паденія снова возрождается у нашихъ ногъ незамѣтной полосой, онѣмѣвшей, печальной и мутной воды и впадаетъ въ протекающую вблизи рѣчку Лучино, безслѣдно исчезая въ ней, какъ и многіе другіе, менѣе прекрасные, менѣе блестящіе ручейки. Но великолѣпнѣе всего онъ на мѣстѣ катастрофы, въ моментъ паденія. Въ это мгновеніе его быстрыя волны, неожиданно теряя подъ собой почву родной горы, съ страшнымъ гуломъ падаютъ въ пропасть, превращаются въ синеватый столбъ воздуха и разсыпаются миріадами жемчуга. Жемчугъ сыплется въ воздухѣ кружевнымъ дождемъ, сплетается въ фестоны хрустальной росы, и, разбиваемый въ прахъ,

снова подымается вверхъ туманами воды, а въ этотъ сверкающій и сіяющій хаосъ воды вмѣшивается солнце, превращаетъ каждую каплю воды въ летучую искру и зажигаетъ въ подвижныхъ фестонахъ мимолетную радугу, яркую и лучезарную, разрываемую теченіемъ, переливающую лазурью и серебромъ.

И вотъ драматическій и великолѣпный переломъ въ жизни горнаго потока напомнилъ мнѣ васъ, и все, что я передумалъ о васъ за послѣдніе дни.

Есть большая аналогія между высокой и шумной молодостью потока въ обрывистыхъ Альпахъ и возвышенной, шумной молодостью человѣческихъ мыслей въ поднебесномъ краю фантастическихъ полетовъ. Въ этихъ полетахъ есть все: смѣлые взрывы буйныхъ силъ, брилліантовыя иллюзіи, гордая вѣра въ блестящую звѣзду будущаго, въ то, что заоблачные края, къ которымъ юношеское самомнѣніе бросаетъ свой излишекъ энергіи стотысячной радугой цвѣтовъ и звуковъ, не созданіе воображенія, но уровень дѣйствительной жизни, потомъ... потомъ изъ кипящей чаши жизни постепенно убываетъ все больше искръ, все больше иллюзій, все больше силъ, жизнь сама понижаетъ юношескій размахъ крыльевъ, пока незамѣтно не превратитъ крылатыя, орлиныя или соколиныя души въ совершенно другихъ птицъ, гнѣздящихся на низинахъ и изъ ихъ мусора такъ спокойно выгребающихъ насущный хлѣбъ повседневности, какъ будто бы за ними въ прошломъ не было летучей сверкающей, лучезарной, смѣлой молодости.

Но иногда бываетъ, что какой-нибудь ударъ судьбы, или громъ познанія внезапно разрушаетъ весь пьедесталъ особенно возвышенной и особенно прекрасной молодости и толкаетъ ее въ пропасть,

подобно тому какъ мюрренскія скалы, внезапно уходя въ сторону отвѣсными стѣнами, сбрасываютъ съ себя разбѣжавшійся потокъ. Тогда происходитъ великое колебаніе души, грохотъ звѣздныхъ лампочекъ на разрушенныхъ лѣсахъ и разстройство всѣхъ аккордовъ въ гимнѣ вѣры и довѣрія. А потомъ наступаетъ глухая, однотонная, темная ночь. Такого рода катастрофа, точно такъ же, какъ и громъ падающаго въ пропасть водопада, чудно-прекрасное зрѣлище и для равнодушнаго зрителя въ высшей степени занимательное. Но такимъ равнодушнымъ зрителемъ можетъ быть, пожалуй, одно только солнце, стоящее на высокомъ небѣ, и играющее гаммой красокъ въ кружевныхъ слезахъ водопада, глухое къ жемчужнымъ крикамъ ужаса, разсѣкающимъ хрустальный воздухъ.

Если бы вы были теперь въ Швейцаріи и ѣздили съ нами въ Лаутербруннень, то навѣрно вы бы поняли многое изъ того, что я, какъ служитель науки, охотно бы объяснилъ вамъ... Но что такое моя наука? Слабое формулированіе истинъ, сущность которыхъ, гораздо болѣе мудрымъ и глубокимъ голосомъ, излагаетъ каждый водопадъ, каждая волна, каждое дыханіе вѣтра, шелестъ каждаго листка. Роль переводчиковъ этихъ истинъ, представляющихъ въ свою очередь только показателей другой, величайшей истины, могли бы взять на себя различныя картины альпійской природы. И вы навѣрно поняли бы ихъ рѣчь, простую, но полную силы, потому что ваши глаза широко открыты для пониманія явленій природы и жаждутъ ихъ красоты.

Вы замѣчаете листокъ, сорванный вѣтромъ, и поражаетесь тонкимъ рисункомъ его жилокъ, или блистающими на немъ жемчужинами росы; но того, что

разсказываетъ вамъ этотъ листокъ и эти жемчужины, вы не слушаете, или не хотите слушать. Правда, что рѣчь мелкихъ созданій природы, такъ же могуча, какъ и глубокій шумъ Аара, или пурпурный гимнъ ледниковъ Юнгфрау при закатѣ солнца; но что жъ изъ всего этого, когда вы ея не слушаете, а предпочитаете прислушиваться къ мелодіи собственныхъ мыслей, заселенныхъ божествами древней миѳологіи, или мистическими лицами народной поэзіи! Вы слышите шелестъ крыльевъ ангела, смахивающаго къ вашимъ ногамъ съ деревьевъ листья, а не слышите того могучаго голоса, что звучитъ во вселенной во всѣ времена и часто говоритъ человѣку языкомъ умершаго листка. Въ этомъ виноваты навѣрно легенды, разсказанныя и напѣтыя ребенку матерью или нянькой, виноваты различные кораны, исповѣдуемые окружающей васъ средой, виноваты, можетъ быть, скромность и безпечность дѣвичьяго ума, не посмѣвшаго сразу вырваться изъ домашней ограды, а позднѣе, когда уже возмужалъ и закипѣлъ порывами молодости, украсившаго свой очагъ какъ только могъ и какъ умѣлъ, лишь бы найти силы выдержать въ немъ и при немъ.

Умъ украшалъ, какъ умѣлъ, свой тѣсный очагъ, обставлялъ его позолоченными кулисами, населялъ образами домашней добродѣтели и домашняго прошлаго, освѣщалъ звѣздочками домашнихъ идеаловъ; и въ одинъ прекрасный день, когда все уже было готово, принаряжено, окроплено ангельскимъ ароматомъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что ему тѣсно, душно, скучно, и онъ призвалъ къ себѣ такого дерзкаго, какъ я, отступника.

Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Мнѣ кажется потому, что я также представляю изъ себя родъ домашняго

пената; но я скажу лишь одно, что умъ сдѣлалъ хорошо, что я весьма благодаренъ ему за это, ибо подобный теплый ручеекъ, полнѣйшая неожиданность — въ ледникахъ людскихъ отношеній.

Притомъ, у меня передъ глазами мелькаетъ что-то въ родѣ широкихъ крыльевъ, въ сѣромъ туманѣ готовыхъ къ полету, крыльевъ, рвущихся къ освобожденію, и во мнѣ возникаетъ желаніе помочь этимъ бѣднымъ крыльямъ освободиться отъ опутавшей ихъ сѣрой, старой, паутинной пряжи. Вы плохо дѣлаете, не желая покидать своихъ Красовецъ, хотя бы иногда, на время.

Слово „плохо“ я говорю не безъ долгаго размышленія. Когда, удостоенный вашимъ призывомъ, я впервые говорилъ съ вами, то я еще не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ той индивидуальности, съ которой неожиданный жизненный случай начиналъ соединять меня крѣпкими нитями. И потому то, полушутливо, полусерьезно, я предостерегалъ васъ отъ холода и ужаса моихъ собственныхъ солнцъ; ибо для личностей средняго калибра самое желательное не поднимать головы выше линіи, начертанной потребностями и утѣшеніями дня. Но для нѣкоторыхъ, болѣе совершенныхъ и болѣе широкихъ умственныхъ организацій бытіе неподвижности должно быть прямо недостойно ихъ, хотя бы это движеніе и возрожденіе грозили разбить въ прахъ всѣ ихъ прежнія святыни. Что же касается васъ лично, то я думаю, что если бы молніи познанія и новыхъ впечатлѣній, ударивъ о вашу душу, столкнули бы съ пьедестала стоявшаго тамъ до сихъ поръ Бога, то у васъ нашлось бы достаточно силъ и воли, чтобы отважно взглянуть на новые горизонты, лишенные всего, что составляетъ теперь цѣль и содержаніе вашей жизни,

но все же не менѣе широкіе и безконечные, чѣмъ прежніе.

Частью отъ отца, частью отъ пани Идаліи, въ которой, несмотря на многолѣтнюю разлуку, вы имѣете всегда одинаково горячую поклонницу, я узналъ много интересныхъ подробностей о вашей семьѣ и о васъ, живо иллюстрирующихъ генезисъ вашихъ убѣжденій, вашу жизнь и дѣятельность. Вашъ старый родъ всегда принадлежалъ къ тѣмъ родамъ, которые не только стояли во главѣ общества по своему происхожденію, но и шли впереди его мыслью и дѣломъ, высоко неся знамя идеаловъ своей эпохи. Исторія вашего брата и его печальная судьба взволновали меня до глубины души, и съ нѣкоторымъ стыдомъ я признаюсь въ томъ, что не знаю... долженъ ли я назвать его несчастной, или счастливой жертвой унаслѣдованныхъ чувствъ и стремленій.

Судьба вашего брата въ моихъ глазахъ еще болѣе трагична оттого, что то пламя, въ которое онъ бросился, дѣйствительно обладая силой экзальтаціи струнъ чувства, съ позитивной точки зрѣнія неминуемо и заранѣе было обречено на горѣніе въ пустотѣ, на угасаніе, не оставляющее послѣ себя иныхъ слѣдовъ — кромѣ горестнаго пепелища и головокружительной бездны. Я вполнѣ понимаю, что примѣръ такого мужества и мученичества могъ и долженъ былъ оказать на васъ громадное, а можетъ быть, и рѣшающее вліяніе. Между тѣмъ, какъ та высокая общественная сфера, къ которой вы принадлежите по своему рожденію, уже совершила свою многократную эволюцію, вы подъ вліяніемъ примѣра брата и этого тяжелаго удара судьбы, повидимому, рѣшили остаться аристократкой не только по роду, но и по духу, поддерживать всякой цѣной традиціи,

унаслѣдованныя отъ предковъ, родителей и брата, и служить этимъ традиціямъ тоже цѣною всего. И до сихъ поръ вы непоколебимо идете своимъ путемъ, не заботясь въ глуши своей родины о милыхъ суетахъ міра сего, но вмѣстѣ съ тѣмъ и теряя изъ глазъ то прогрессивное движеніе, которое насъ всѣхъ и весь міръ ведетъ впередъ, изъ одной эпохи въ другую, отъ старыхъ понятій къ новымъ.

Пани Идалія разсказывала мнѣ чудеса о вашей филантропической и общественной дѣятельности, развитой вами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, ей вы посвятили весь запасъ вашей, достойной удивленія, энергіи, всю свою молодость и — не слишкомъ ли много я скажу — свое личное счастье.

И вотъ, обладая нѣкоторой бѣглостью въ анализѣ различныхъ процессовъ и развитій, я могу, на основаніи слышанныхъ мною подробностей и вашихъ собственныхъ словъ, вникнуть до нѣкоторой степени въ способъ вашего мышленія и уяснить себѣ созданное вами міросозерцаніе. Подобное міросозерцаніе современная, трезвая толпа назвала бы экзальтаціей, въ данномъ случаѣ поверхностное сужденіе дюжинныхъ умовъ было бы до нѣкоторой степени право, такъ какъ подтверждало бы сліяніе на основахъ дѣйствительности жизненныхъ интересовъ съ фантастической пряжей культовъ и идей изъ міра поэзіи. Сліяніе до такой степени полное, тонкія нити историческаго прошлаго и внутреннихъ вопросовъ такой густой сѣтью пропитали и опутали вашъ личный бытъ, что теперь и вы сами не смогли бы разобраться въ двойственности этихъ двухъ элементовъ и найти границы того, что существуетъ извнѣ и что живетъ только въ вашемъ сердцѣ, въ вашемъ воображеніи. Не выводите изъ моихъ словъ

заключенія, что я врагъ поэзіи. Наоборотъ. Хотя ей я непосредственно не посвящаю своего времени и не былъ бы въ состояніи написать даже самаго ничтожнаго стиха, но тѣмъ не менѣе я прославляю культъ красоты, какъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ свойствъ цивилизованнаго человѣчества.

Но я считаю вредной и пагубной постоянную жизнь въ туманѣ мечтательныхъ грезъ и лозунговъ, ибо для побѣды въ сложной борьбѣ за существованіе безусловно необходима трезвость. Я считаю своей обязанностью указать вамъ на это принципіальное заблужденіе, коль скоро между мной и вами начался столь удивительный разговоръ и — вы мнѣ позволите добавить — имѣющій для меня очарованіе чего то далекаго, замѣчаемаго какъ бы въ туманѣ легенды.

Вы живете въ мечтательной странѣ легендъ. Что-то такое, что вы признали своимъ лозунгомъ, что вы назвали своимъ долгомъ, заставляетъ васъ жить въ пущѣ, стеречь родное гнѣздо, какъ боевой форпостъ, заботиться ея первобытныхъ обитателяхъ и жертвовать собою ради ихъ блага. А такъ какъ для молодой души пребываніе съ глазу на глазъ съ безнадежной пустыней, среди людей, инстинкты которыхъ не могутъ имѣть съ этой душой никакого сліянія, могло стать невыносимымъ, то вы украсили его красочной игрой видѣній изъ другого міра, видѣній, поэтическихъ, фантастическихъ, вызванныхъ прямо изъ области миѳовъ. И весь вашъ волшебный міръ несется на крыльяхъ дыханія, погружается въ потокъ, источникъ котораго любовь.

Что такое любовь съ точки зрѣнія разума? Извѣстное состояніе человѣческаго организма, извѣстный расцвѣтъ его чувствъ, часто настолько сильный,

что, если ему встрѣтится грудь мечтателя, то онъ разрываетъ ее, а если встрѣтится мозгъ мечтателя, то для такого мозга любовь, какъ невидимый родникъ, кипитъ во всемъ, что живетъ подъ солнцемъ и внѣ солнца. Я прекрасно понимаю, что человѣкъ можетъ погружаться въ такое состояніе, какъ въ океанъ тепла и нѣжности, но это тепло и эту нѣжность, или, выражаясь иначе, это наслажденіе, ему приходится дорого искупать; погружаясь въ него человѣкъ не сознаетъ, живетъ ли онъ, или грезитъ, самъ ли онъ творецъ той волны, — что его несетъ куда то въ даль, или онъ только пассивно подчиняется ей; куда несетъ его эта волна, что въ ней дѣйствительность, что миражъ, — что правда, а что сказка?

Особенно рѣзко отличается подобными чертами любовь, вытекающая, не изъ конкретныхъ, чувственныхъ явленій, какъ напримѣръ человѣческая единица, но изъ абстрактныхъ безконечностей, по лазури которыхъ, съ знаменами, вышиваемыми временемъ все новыми звѣздами и созвѣздіями, проходятъ все новыя идеи.

Вы вѣрите въ любовь, вытекающую изъ абстрактныхъ безконечностей, и не хотите отвлечь отъ своихъ глазъ нераздѣльно связанной съ ней, но исчезающей изъ глазъ міра—если уже не исчезнувшей—звѣзды долга. Вы живете въ странѣ легендъ.

Вы вѣрите въ вѣчность идеи, въ дѣйствительность любви, въ святость долга, въ доброту, посылающую людямъ какихъ то ангеловъ, собирающихъ слезы и жертвы, дабы потомъ когда-нибудь положить ихъ на вѣсы заслугъ и искупленія... вы живете въ странѣ легендъ.

И если бы такое состояніе, сотканное безпокой-

ной душой изъ мистическихъ порывовъ, приносило вамъ дѣйствительное удовлетвореніе и наполняло бы ваше сердце нектаромъ — можно было бы легко примириться съ этимъ обманчивымъ экстазомъ, ибо голосъ, какимъ говоритъ вся природа, взывая о насыщеніи и удовлетвореніи, былъ бы услышанъ, ея кардинальный законъ былъ бы выполненъ.

Но вы позволите мнѣ быть откровеннымъ: я прошу объ этомъ, имѣя въ виду то привилегированное положеніе, какого вы меня удостоили, въ силу моихъ научныхъ завоеваній и успѣховъ. Я знаю, что это не такъ. Наша общая родственница, пани Идалія, сердечно любящая васъ, со слезами искренняго сожалѣнія на глазахъ, разсказывала мнѣ о томъ, что на порогѣ жизни вы принесли въ жертву своимъ мистическимъ идеаламъ свое личное счастіе. Вчера только я узналъ объ этомъ, а сегодня я уже обращаюсь къ вамъ съ такой рѣчью — можетъ быть, слишкомъ дерзкой, но съ вѣрой въ снисходительность „земного ангела“, какъ называетъ васъ пани Идалія, и прекрасно сознавая, къ чему способенъ вашъ умъ, необычный у „земныхъ ангеловъ“. Я напоминаю, настаиваю, что есть непоколебимыя истины, которыя для человѣка, желающаго понимать міръ и жизнь, звучатъ во всей природѣ и въ каждомъ движеніи его собственнаго существа, звучатъ, какъ доказательство вѣкового закона бытія и движенія, я напоминаю вамъ, что этотъ законъ одинъ и тотъ же для катящагося по наклонной плоскости камня и для человѣческой мысли, ищущей путей въ туманахъ абстракціи; и что, наконецъ, внѣ этого закона нѣтъ ничего и никогда не будетъ, на чемъ могла бы обосноваться человѣческая мысль.

А коль скоро въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ дви-

женія частицъ, координированныхъ извѣстнымъ образомъ, то и внѣ ихъ нѣтъ никакой любви, никакой ненависти, никакихъ вопросовъ и цѣлей; если вся любовь, ненависть, всѣ вопросы и цѣли, вымышленныя человѣчествомъ въ его горѣ, есть ничто иное, какъ фантасмагорія, вдохнутая въ органическую оболочку земли — если жертва и страданіе сжигаются на алтарѣ миражей, если слова молитвы падаютъ въ пустоту, — то зачѣмъ молиться жертвой или словами? Зачѣмъ страдать?

Значитъ, все заключается только въ энергіи, въ отвагѣ порвать съ наслѣдіемъ менѣе просвѣщенныхъ временъ. Я знаю, что это не легко, ибо кромѣ другихъ препятствій, возвышаетъ свой голосъ и личная гордость, борющаяся противъ признанія безцѣльности совершенныхъ до сихъ поръ и серьезно понимаемыхъ поступковъ и дѣйствій.

Большое препятствіе составляетъ также непрерывное вліяніе среды и та неизмѣнная декорація, съ которой, какъ съ вышитыми узорами, тѣсно слилась канва мысли и чувства. Въ виду столь могучихъ и сильныхъ противниковъ не знаю, повліяютъ ли на васъ мои слова, особенно, если ихъ не поддерживаютъ своимъ стихійнымъ проповѣдничествомъ швейцарскія Альпы.

Если позитивная трезвость, наука, истина, побѣдятъ миражи жертвы, долга и т. д., тогда нашъ разговоръ дѣйствительно будетъ для васъ „трилистникомъ благой вѣсти“; для меня лично не существуетъ ни благой, ни плохой вѣсти, такъ какъ мнѣ нечего терять, я не питаю даже и никакихъ надеждъ, ибо ничего не ожидаю. Послѣ побѣды будетъ зависѣть лишь отъ вашей воли: покинуть ли разрушенную крѣпость, или оставаться въ ней уже не по убѣжде-

нію, но... ради спорта, и попрежнему ради успокоенія заселять ее ангельскими хороводами, разъ у васъ есть запасъ силъ для такой роскоши. Пусть тогда ясные хороводы Аушры ведутъ и дальше свою художественную, красивую и безопасную борьбу съ драконами, „летящими къ солнцу, чтобы выпивать его блескъ и тепло“, а въ награду за ваше самоотверженіе пусть солнечный щитъ, всевидящій и вездѣсущій, освѣщая и согрѣвая всѣ существа доброй воли и сердца, не жалѣетъ для васъ своего, блѣднаго, одинокаго, сѣвернаго свѣта и тепла!

Что касается меня, то я обхожусь безъ всякихъ искусственныхъ позолотъ. Любуясь лѣсистыми горами и стремящимися къ небу вершинами ледниковъ, прислушиваясь къ шуму вихрей, свѣвающихъ съ ихъ холоднаго чела снѣжныя діадемы, я не вижу и не слышу ничего, кромѣ движенія и симфоніи атомовъ всеобщаго и невозмутимаго въ своихъ законахъ механизма природы, механизма, къ познанію и уясненію котораго стремится вся моя мысль, всѣ мои силы.

Несмотря на мою трезвость, Швейцарія даетъ мнѣ все, что только она можетъ дать туристу. Несмотря на все, я каждый годъ спѣшу къ подножію альпійскихъ великановъ, или къ безбрежнымъ морямъ. И несмотря на все это, я умѣю цѣнить красоту, звучащую въ симфоніи природы, и оцѣниваю ее, можетъ быть, лучше и вѣрнѣе многихъ, весьма лирически настроенныхъ туристовъ, а ужъ, навѣрно, искреннѣе того уважаемаго общества, коему я имѣлъ честь сопутствовать сегодня въ Лаутербруннен.

Отецъ мой почти непрерывно разговаривалъ со своимъ министерскимъ коллегой о австрійскихъ дѣлахъ, о вѣчно запутанныхъ внутреннихъ отношеніяхъ

австрійской имперіи и только у самаго водопада, когда мы очутились среди его шума и брилліантоваго дождя, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ о высотѣ уровня водопада, прося выразить ее въ цифрахъ.

Пани Идалія восторгалась и дождемъ, и гуломъ, и радугами водопада весьма шумнымъ образомъ, а потомъ такъ же, если не больше, она восторгалась двумя собаками сенъ-бернарской породы, выставленными для продажи; она вообще склонна восторгаться. Изъ остальнаго общества, состоящаго изъ пяти или шести человѣкъ, меня могли, пожалуй, заинтересовать только одни бархатные глаза; этимъ глазамъ пани Идалія видимо протежируетъ, такъ какъ она усадила меня въ одну повозку съ ними.

Но эти глаза уже столько видѣли и такъ сами любятъ быть цѣлью людскихъ взглядовъ, что у хрустально-брилліантоваго, рыдающаго водопада они быстро соскучились, и соскучились такъ основательно, что и я на время заразился ихъ скукой и на обратномъ пути вмѣсто того, чтобы любоваться дѣйствительно прекрасными, черными брилліантами глазъ, думалъ о томъ, что если бы тутъ была съ нами таинственная, далекая пустынница изъ Красовецъ, то она бы, навѣрно, не скучала.

Однако, я долженъ оговориться, что моя антипатія по отношенію къ окружающей меня средѣ, къ чернымъ брилліантамъ, слишкомъ многое видѣвшимъ на свѣтѣ и бывшимъ для многихъ предметомъ восхищенія, распространяемая мною на многихъ и многихъ другихъ лицъ, не имѣетъ ничего общаго съ каплей полыни, выжатой изъ сѣверныхъ бурановъ, а по вашему мнѣнію, еще въ колыбели, по наслѣдству отъ предковъ окропившей мои губы, пропитавшей

всю мою жизнь и даже мои взгляды на науку. Хорошій мыслитель былъ бы я, если бы какая-либо капля полыни могла замутить мои взгляды, критику, анализы!

Я и стремлюсь внести въ эту сферу полную объективность, полное забвеніе горечи и сладости. Вѣдь анализъ и критика, это тотъ заколдованный кругъ, который мы, работники мысли, никогда не смѣемъ покинуть.

Изъ всего мною сказаннаго вытекаетъ еще одно. Если вы когда-нибудь, стряхнувъ съ себя пыль прошлаго, пожелаете посвятить свои силы умственному труду, который принесетъ вамъ освобожденіе, и переступить порогъ той крѣпости, или одинокой башни, которую намъ, работникамъ мысли, нельзя покидать никогда — лучше останьтесь при своихъ залитыхъ зноемъ жнецахъ и обманчивыхъ миражахъ.

VI.

Я начинаю отъ Людовика XIV. Когда-то, въ какихъ-то французскихъ мемуарахъ я прочла, что одна парижская горожанка, весьма красивая, обратила на себя благосклонное вниманіе короля-солнца и введенная его всемогущей волей на придворный балъ, вѣря въ силу своей красоты, въ присутствіи двора, обратилась къ королю, съ такими словами: „Permettez, Sire, que pour la commodité de la conversation je vous nomme: Monsieur!“ Кажется ничего, а для придворныхъ, для этихъ великихъ господъ, съ лакейскими салфетками въ рукахъ стоявшихъ за кресломъ короля, это было поводомъ къ негодованію и ужасу. Коронованный поклонникъ прекрасной супруги парижскаго мэра, обращаясь къ придвор-

нымъ, замѣтилъ: „Voici une petite femme à laquelle on n'a pas fait sa leçon!"

Это изъ мемуаровъ. А теперь, такъ какъ мы находимся не при французскомъ дворѣ и не имѣемъ дѣла съ придворнымъ этикетомъ de sa Majesté l'Etat cest moi, то я увѣрена, что не встрѣчу съ вашей стороны такого уничтожающаго отвѣта, если я обращусь къ вамъ со словами: Permettez, Monsieur... позвольте, чтобы съ этихъ поръ вмѣсто панъ и пани мы говорили другъ другу кузенъ и кузина. Въ этомъ не будетъ никакой фальши, ибо мы съ вами дѣйствительно родственники, а изъ рѣчи устранится много лишняго, позволитъ мысли ничѣмъ не напоминать „ледъ людскихъ отношеній". Согласны ли вы? Я дѣлаю, конечно, весьма смѣлую гипотезу, предполагая что есть что-либо на свѣтѣ, относительно чего мы съ вами можемъ имѣть одинаковое мнѣніе, и начинаю отъ потопа.

У крыльца красовецкаго дома, большого, глубокаго крыльца съ могучими колоннами, съ которыхъ смотрятъ сейчасъ на меня сотни широко открытыхъ темносинихъ глазъ повилики, я сажусь въ свою маленькую, полевую коляску, высокую, легкую, похожую на корзинку для цвѣтовъ, и, взявъ въ руки возжи, говорю: лети, Авизъ! — Авизъ это моя любимая лошадь.

Я не спортсмэнка. Я никогда не имѣла ни времени ни охоты упражняться въ искусствѣ физической ловкости; даже не умѣю ѣздить верхомъ и только — умѣю править, но правлю художественно и передъ лучшимъ спортсмэномъ на свѣтѣ не ударю лицомъ въ грязь. Въ особенности я умѣю и люблю возить сама себя на своемъ Авизѣ. Мой Авизъ прекрасное и разумное животное, полукровный ан-

гличанинъ, золотисто-гнѣдой и до того ко мнѣ привязанный, что, когда онъ видитъ меня издалека, то отъ радости ржетъ, а когда бѣжитъ въ упряжи, то руководится не возжами, но словами, даже тѣмъ тономъ голоса, какимъ я произношу ихъ.

„Лети, Авизъ“. Онъ бѣжитъ быстро и ровно, вытянувшись своимъ худымъ тѣломъ, съ мягкимъ полукругомъ граціозно согнутой шеи. „Скорѣе, Авизъ“. Онъ удваиваетъ бѣгъ и, вытянувшись, какъ струна, кажется, совсѣмъ не касается земли, летитъ по воздуху, но летитъ такъ легко, что ни одинъ камень не стукнетъ подъ его копытами, лишь придорожныя травы, какъ бы охваченныя восторгомъ, склоняются предъ нами своими цвѣтущими головками. „Стой, Авизъ“. Онъ стоитъ, какъ выкованный изъ бронзы Тритонъ, и когда я ухожу, слѣдитъ за мной глазами, налившимися кровью отъ бѣга, широко раздуваетъ ноздри, изъ которыхъ, кажется, пышетъ огонь, и, какъ бы я долго не возвращалась, все стоитъ неподвижно, а издалека увидѣвши меня, задрожитъ всѣмъ тѣломъ, зашевелитъ ушами, зазвенитъ упряжью и граціозно согнутымъ копытомъ въ знакъ радости громко ударитъ нѣсколько разъ о землю.

Почему его зовутъ: Авизъ? Это старая исторія. Давно — о грустное и святое воспоминаніе! — когда я еще дѣвочкой, вмѣстѣ съ братомъ, вдвое старшимъ меня, читала въ красовецкомъ саду или въ затишьи пущи различныя книги, случилось какъ-то, что мы оба, я и мой братъ, влюбились — въ Марка Аврелія. Уже и тогда были люди, которые полагали, что это опасная любовь, ведущая къ „головоломнымъ путямъ духа“ и „лазурямъ абстракціи“. Уже и тогда были въ кругу нашихъ родныхъ и дру-

зей трезвые умы, предостерегавшіе нашего отца отъ оплетавшихъ насъ фантастической пряжей „культовъ и идей“. Но нашъ отецъ самъ преклонялся передъ римской добродѣтелью, начертавшей у Аппіевой дороги, на гробницѣ рода Тразея: „Лучше жить мало, чѣмъ позорно“. И вотъ, снисходительно слушая предостереженія друзей и родныхъ, онъ положилъ руки на наши головы, не только позволяя любить намъ добродѣтельнаго стоика, но и благословляя то направленіе, которое избрали наши молодыя сердца. Съ тѣхъ поръ я и мой братъ безпрепятственно любили Марка Аврелія, а Маркъ Аврелій имѣлъ любимаго верхового коня, по имени Авизъ. Это имя мы дали легконогому животному, на которомъ въ одну лунную, серебристую и ароматную ночь Адась уѣзжалъ отъ крыльца красовецкаго дома, чтобы уже никогда больше не вернуться обратно.—А теперь я имѣю Авиза — птицу.

Я и мой Авизъ летѣли къ полю, къ гладкому, ясному, свободному полю, съ одной стороны охваченному полукругомъ лѣса, точно зубчатой стѣной крѣпости, а съ другихъ сторонъ, отдавшему свое безбрежное русло густому дождю колосьевъ. Лишь только сверкнутъ полукруглой молніей стальные серпы, такъ и посыпется на землю дождь колосьевъ, смѣшанныхъ съ цвѣтами, а въ воздухѣ широко разольется шелестящій шепотъ падающей на ниву соломы. Точно тихій и любовный разговоръ колосьевъ и цвѣтовъ съ землей.

Я и мой Авизъ летимъ по великимъ полямъ, сквозь солнечный жаръ, сквозь дождь цвѣтовъ и шумъ колосьевъ, съ дороги на дорогу, съ луга на лугъ, останавливаясь то тутъ, то тамъ, разговаривая и снова мчась дальше, дальше, свободно заливаемые

золотомъ и сіяніемъ. Горячо страшно, искры сверкаютъ въ воздухѣ, съ неба льется огонь. „Въ лѣсъ, Авизъ“. О, какъ онъ прекрасно понимаетъ, что это значитъ и какимъ путемъ ближе къ лѣсу! Вокругъ луга будниковъ, краемъ Домбровы Добржинскихъ... Но правда, ты вѣдь не имѣешь никакого представленія о томъ, что такое: будники и кто такіе: Добржинскіе. Разскажу это тебѣ когда-нибудь потомъ, а пока вообрази, что это такая общественная амеба, особливая и сложная, ибо она состоитъ изъ множества душъ, конечно человѣческихъ, моими устами просящихъ тебя, кузенъ, о ихъ равноправіи съ той амебой, которая составляетъ предметъ твоихъ научныхъ изслѣдованій. Но объ этомъ en passant. Объѣхавъ лугъ будниковъ, я говорю Авизу: „Тише“ и громко привѣтствую: „Богъ въ помочь“, потому что изъ колосистой чащи выпрямляются стройныя мазурскія дѣвушки и, поднимая сильными руками надъ головой снопы сжатыхъ колосьевъ, обращаютъ ко мнѣ свои лица, сверкающія жемчугомъ веселой улыбки.

По лугу, съ шелестомъ соломы, тихимъ хоромъ несется отвѣтъ: „Богъ заплатитъ“, тутъ и тамъ звучатъ хроматическія гаммы смѣха, а изъ-подъ тѣни груши, растущей на межѣ, поворачивается ко мнѣ удивительное лицо, маленькое, круглое лицо старца, смотрящее изъ глубокихъ, какъ бездна орбитъ, глазами, сверкающими столѣтней мудростью и двадцатилѣтнимъ блескомъ. Между мной и смотрящимъ на меня изъ-подъ тѣни груши лицомъ, начинается разговоръ, изъ котораго, ты, кузенъ, не поймешь ни слова, но я все-таки дословно передамъ его тебѣ, въ формѣ — ребуса.

Голосъ изъ-подъ груши старый, но сильный, го-

воритъ: — „Куда Богъ ведетъ?“ — „На замокъ“, отвѣчаю я. — „Ха, ха, ха! кунигасовъ увидѣть?“ — „И бояросовъ также!“ — „А можетъ быть, и королей польскихъ“. — „Ихъ раньше другихъ; но что слышно у Володковичей?“ — „Лихорадка еще ихъ мучитъ“. — „Докторъ изъ Нарви, говоритъ, что выздоровѣютъ“.—„Не знаютъ пророки, что въ силахъ Бога!“ — „Спрячьтесь въ тѣнь панъ Добржинскій, а то солнце палитъ!“—„Да хранитъ васъ Богъ“.

Лети, Авизъ. Краемъ Домбровы Добржинскихъ; я и мой Авизъ, мы оба склоняемъ головы, охваченныя тѣнями, вѣющими отъ дубовъ-королей, летимъ взглядами, по лугамъ, по веселымъ, майскимъ муравамъ, пока вдругъ насъ не охватываетъ глубокая свѣжесть и смолистый ароматъ. Мы въѣхали въ дремучій лѣсъ, насъ обступили деревья различныхъ видовъ, окружила зелень безчисленныхъ оттѣнковъ, охватилъ ароматъ смолы, янтарными каплями покрывающей сосны, принуждающій къ молчанію даже рубиновый градъ малины, усѣявшій то тамъ, то здѣсь свѣтлую и темную чащу зелени.

Все гуще, все тѣснѣе, все мрачнѣе. Развѣ на невидимой лазури угасло солнце? Нѣтъ: это недавно промчался здѣсь шумный ураганъ и переломалъ столько высокихъ деревьевъ, что они, упавъ другъ на друга и обнявшись вѣтвями, создали въ вверху арки, мосты, балдахины, балюстрады, углубленія, и низы этого дворца съ фантастическимъ куполомъ охватили густыя сумерки. Въ густыхъ сумеркахъ ноги Авиза облѣнились и замедлили свой бѣгъ, оплетенныя ползущими безъ конца змѣями мха, исколотыя умершими вѣтками, бредущія, какъ по кровавой трясинѣ, по можжевельнику, разсыпавшему полосы красноватой гнили.

„Стой, Авизъ“. Я оставила его и — какъ бы оставивъ за собой весь міръ дѣйствительности, — вступила въ страну легендъ.

Легенда не легенда — а то фантастическое существо, что изъ лона вѣковъ прибываетъ на зимнія вечерницы, въ одеждѣ изъ инея и мороза, разсказываетъ, что здѣсь, гдѣ по ночамъ работаютъ надъ постройкой подземныхъ хранилищъ и накапливаніемъ на зиму лѣсныхъ плодовъ барсуки, выбрасывающіе изъ земли кучи глины, тесанные камни, частицы металла, крупинки архитектоническихъ украшеній, нѣкогда возвышался замокъ кунигасовъ, или гордыхъ, сильныхъ, мужественныхъ князей, что по велѣнію Прамжинаса, скрытаго въ глубочайшихъ небесныхъ глубинахъ бога надъ богами, разносили звонъ побѣднаго оружія отъ миндальныхъ, приднѣпровскихъ рощъ до усѣянныхъ янтаремъ прибрежій Балтики. А если они не звенѣли оружіемъ, то охотились на крупнаго звѣря въ такихъ пущахъ, какъ эта, охотились они и въ этой, и теперь еще, когда въ деревушкахъ будниковъ пѣтухи поютъ приближающуюся полночь, изъ обросшихъ мхомъ, изъ изрытыхъ барсуками и вепрями развалинъ замка выѣзжаютъ и несутся въ лѣсъ призрачные охотничьи отряды.

Тогда здѣсь шумъ, движеніе, говоръ. За своимъ кунигасомъ, сіяющимъ во мракѣ бѣлизной горностаевъ, ѣдутъ на роскошно убранныхъ коняхъ бояросы — рыцари въ рысьихъ колпакахъ, съ копьями, поблескивающими при свѣтѣ факеловъ, и когда великій ловчій, съ горбомъ барсучьей торбы на плечахъ, заиграетъ въ длинную трубу охотничій сигналъ, стаи гончихъ вторятъ ему разными голосами, а шаловливые „кауки“ въ красныхъ колпачкахъ тол-

пой бѣгутъ за гончими... тогда, въ хатахъ будниковъ дѣти открываютъ глаза и въ испугѣ спрашиваютъ матерей: что это пуща съ такимъ шумомъ идетъ на деревню? А матери шепчутъ: „спите спокойно. Это только кунигасы ѣдутъ изъ замка на охоту“. Есть такія, что говорятъ „польскіе короли“.

Теперь тутъ тихо, пусто, мрачно. Изъ земли, изрытой барсуками и вепрями, виденъ тесанный камень, можетъ быть, нѣкогда бывшій украшеніемъ княжескаго или королевскаго крыльца. Надъ нимъ одиноко стоитъ печальная ель, вблизи пустое логовище серны серебрится опавшими листьями осокори. Сѣвъ на камень, я думала о твоихъ словахъ. Думая, я чувствовала, какъ въ одномъ моемъ глазу дрожитъ драконъ горя, а въ другомъ драконъ гнѣва, и я не знала сама, который глазъ у меня болитъ сильнѣе.

Не думай, чтобы мнѣ уже совершенно были чужды всякіе порывы гнѣва, какими загорается лазурь абстракціи, когда ее оскорбитъ рука отступника. Но есть такія натуры, для которыхъ гнѣвъ—страданіе.

И вотъ, сидя на камнѣ замка кунигасовъ, подъ печальной елью, я закрыла глаза руками и духомъ всматривалась въ тотъ густой мракъ, которымъ злыя силы жизни окутали твою душу, и вдругъ я почувствовала, какъ что-то мягко и легко коснулось моего плеча.

Читалъ ли ты когда-нибудь Плутарха? Я читала его вмѣстѣ съ братомъ, и мы оба завидовали Сертоpію, что у него была бѣлая лань, прибѣгавшая къ нему въ тяжелые или трагическіе моменты его жизни вѣстницей боговъ, дабы шептать ему на ухо

ихъ волю и о далекихъ, далекихъ Благословенныхъ Островахъ. Когда же и намъ съ братомъ пришлось пережить тяжелый и трагическій моментъ жизни, мы сами увидѣли бѣлую лань. Мракъ уже сталъ заливать лѣсную чащу, когда она прибѣжала и, положивъ свою гибкую шею на плечо Адася, стала шептать ему о волѣ Бога и о томъ, что мостъ къ Благословеннымъ Островамъ, долженъ быть набитъ какъ гвоздями, сердцами людей доброй воли. Съ тѣхъ поръ я иногда вижу ее. Она приходитъ и шепчетъ мнѣ на ухо часто чудесныя, но часто и суровыя рѣчи. И теперь бѣлая лань выглянула изъ зеленой чащи, коснулась моего плеча и своими добрыми внимательными глазами посмотрѣла въ мои глаза. Уши мои были полны пуховаго шелеста ея бѣлоснѣжной шерсти.

Тогда драконъ гнѣва безслѣдно исчезъ, остался только тотъ драконъ, что чрезъ равнины Европы смотритъ на тебя изъ-за брилліанта братской, или — если хочешь — сестриной слезы.

Если въ царствѣ минераловъ нѣтъ ни одного кристалла, настолько отшлифованнаго, чтобы всѣ его стороны имѣли одинаковые размѣры, если по золотистому или бронзовому фону нѣкоторыхъ минераловъ природа проводитъ темныя черты; то что жъ удивительнаго, что въ душѣ человѣка, столь сложной, такъ подчиняющейся разнороднымъ вліяніямъ, могутъ царить ассиметріи и царапины?

Въ твоей душѣ царитъ ассиметрія, и ея золотистый фонъ перерѣзываетъ царапина, похожая на рану, нанесенную ударомъ остр'я. Эта удивительная душа съ дрожью ужаса и восторга вслушивается въ громовое отчаяніе водопада, наблюдаетъ заоблачныя высоты ледниковъ, впитываетъ въ себя изъ лона

королевы Альпъ пурпурный огонь заката — и высмѣиваетъ всѣ тѣ шумы, высоты, огни, которые заключаетъ въ себѣ міръ духа, правда, невидимый для глазъ, но не менѣе истинный, наоборотъ, еще болѣе истинный, ибо онъ единственное, непоколебимое доказательство того, что мы существуемъ. Но это пренебреженіе лишь внѣшнее; языкомъ твоей души говоритъ протестъ чувства и вѣры противъ критики и анализа, топчущаго ихъ. Языкомъ насмѣшки въ твоей душѣ говоритъ страданіе, что она не умѣетъ, или не позволяетъ себѣ любить и чтить.

Элементы тираническаго деспотизма преобладаютъ въ твоей душѣ надъ всѣми другими, всѣ остальные элементы подчиняются имъ, но страдаютъ и кипятъ глухимъ возмущеніемъ. Твоя душа, имѣя въ себѣ всѣ сокровища, какія только міръ можетъ дать молодой жизни, чувствуетъ, что ей уже нечего терять, и въ самомъ началѣ устланнаго блескомъ и цвѣтами пути она уже не ожидаетъ ничего. Она зоветъ другую душу жить ея жизнью, но сейчасъ же спохватывается и говоритъ: останься вдали отъ главной основы, отъ возвышеннѣйшаго содержанія моей жизни — отъ науки.

Къ чему ты зовешь меня кузенъ? Разъ я должна остаться чуждой тому, что въ мірѣ называютъ наиболѣе высокимъ и наиболѣе чистымъ, разъ я должна, какъ отъ злого дракона, держаться вдали отъ умственнаго труда и науки — къ чему ты зовешь меня? Вѣдь общественные труды, подвиги, какъ мнѣ кажется, не имѣютъ въ тебѣ поклонника и пропагандиста; да я и не сумѣла бы выполнять ихъ на чужой землѣ, и не тамъ я должна искать ихъ удовлетворенія. Такъ къ чему же ты зовешь меня? Къ шелестящимъ платьямъ, къ граціозному подниманію

ихъ надъ уличной мостовой? Къ пустымъ разговорамъ и искусственнымъ позамъ на стильныхъ креслахъ? Къ блистанію остроумiемъ, талантомъ, граціей и перчатками на четырнадцати пуговицахъ? Для всего этого не стоитъ переселяться на западъ Европы.

Но есть еще одинъ законъ природы... ты не назвалъ его по имени; я понимаю почему. „Ширмы“, за которыми выросла и живу я, достаточно широки и прозрачны, чтобы имѣть смѣлость и понимать, и высказываться ясно: это законъ тяготѣнія къ насыщенію и удовлетворенію, къ сытости и радостямъ жизни. Я знаю о немъ. Это законъ, который, беря грубѣйшее проявленіе его, руководитъ лисицей, когда она подстерегаетъ молодыхъ сернъ, и стадомъ волковъ, когда, сверкая на снѣгу глазами, какъ свѣчами, они воемъ бѣшенныхъ голосовъ наполняютъ мракъ ночи! это законъ наслажденія и себялюбія, въ ярмо котораго охотно запрягаетъ шею такое множество слугъ, что туда не зачѣмъ вербовать новыхъ?

И безъ того въ мірѣ наступаютъ другъ другу на ноги, тѣснятся такъ, что раздавливаютъ другъ другу грудныя клѣтки. Въ этомъ ярмѣ, а не на красовецкихъ поляхъ ищи ту темную массу, которая душитъ свои грубые инстинкты духами, подвиваетъ, дрессируетъ ихъ и выпускаетъ въ свѣтъ, какъ стада волковъ, одѣтыхъ въ шелкъ и блестящія перчатки.

Но я знаю, что, зовя меня къ признанію этого закона природы, ты, кузенъ, имѣлъ въ виду лишь одинъ наиболѣе поэтическій его параграфъ, тотъ параграфъ, который природа кратко опредѣляетъ двумя словами: онъ и она, который звучитъ въ чашечкѣ цвѣтка, въ крыльяхъ мотылька, въ тоскую-

щихъ глазахъ голубки, въ пѣньѣ соловья, во вздохахъ людского сердца. Да, правда, природа двумя словами пишетъ этотъ параграфъ въ душѣ каждаго изъ своихъ созданій, но человѣкъ съ головой, полной мысли, возстаетъ противъ лаконизма ея стиля, расширяетъ, углубляетъ и украшаетъ его свойственнымъ ему образомъ.

Бываютъ такія возвышенныя натуры, что грезятъ о соединеніи этихъ двухъ выраженій, „онъ и она“ на самыхъ высотахъ духа тонкими и нѣжными нитями. Они не хотятъ быть барсучьими парами, роющими удобное логовище для спанья, но какъ сверхчеловѣческія пары, въ слезахъ, или съ улыбкой, въ зноѣ, или наслажденіи, вмѣстѣ проходятъ общій путь любви, труда, стремленій, страданій.

Если громкая теорія о сверхчеловѣкѣ можетъ получить свое осуществленіе, то только въ такихъ человѣческихъ парахъ, а при ихъ посредствѣ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ. Но подборъ такихъ сліяній труденъ, такъ рѣдки сердца, которыя могутъ жить счастьемъ только вполнѣ спокойной совѣсти и, увы, никогда, именно, не живутъ имъ. Они отталкиваютъ, отбрасываютъ отъ себя все то, что слишкомъ мало гармонируетъ съ музыкой ихъ духа, что можетъ звучать диссонансомъ, что слишкомъ мало, слишкомъ низко, слишкомъ тѣсно, дабы не стать вскорѣ стыдомъ, позоромъ.

Но отталкивая искушеніе, понижающее и умаляющее духъ, человѣкъ не отрицаетъ законовъ природы, наоборотъ, онъ выполняетъ ея кардинальный законъ, законъ, начертанный на каждой страницѣ ея книги, законъ усовершенствованія.

Какъ естественникъ, ты долженъ стократъ лучше меня знать, отъ какихъ мелкихъ атомовъ природа

ведетъ свои творенія къ величію, и изъ какихъ грубыхъ или убогихъ нитей на кроснахъ времени она ткетъ свои самыя богатыя и самыя утонченныя пряжи. Масса космической матеріи, хаотическое собраніе частицъ, безъ чувствъ и сознанія блуждающее въ пространствѣ, цикломъ движеній и потрясеній, вліяній и превращеній становится земнымъ шаромъ, его остывшую скорлупу покрываетъ, неизмѣримая по разнообразію, неисчислимая по богатству, неописанная по красотѣ сцена жизни.

Изъ маленькаго желудя вырастаетъ дубъ, его высокая крона усѣиваетъ землю тысячами желудей. Изъ триглодита, борющагося, какъ равный съ равнымъ, съ медвѣдемъ и высасывающаго сырой мозгъ изъ костей побѣжденнаго звѣря, долгимъ цикломъ превращеній родился Ньютонъ, наблюдающій движеніе небесныхъ тѣлъ, Рафаэль, увѣковѣчивший на полотнѣ небесную красоту, Петрарка, дивной музыкой словъ воспѣвшій женщину, чьей руки онъ никогда не коснулся и — если хочешь — Петроній, arbiter elegantiarum, умѣвшій прекрасно жить и умереть. Какъ естественникъ, ты лучше меня долженъ знать, что природа въ своемъ вѣчномъ творческомъ трудѣ не отъ богатства и разнообразія переходитъ къ убожеству и однотонности, но, что совершенно наоборотъ, ея руки ведутъ ничтожество, убожество, однотонность и безсознательность къ силѣ, богатству дифференціаціи и той степени сознанія не только тѣла, но и духа, на которой, царя надъ общимъ уровнемъ земной жизни, стоятъ пророки, мудрецы, герои человѣчества — сверхчеловѣки.

Для человѣка законъ усовершенствованія заключается, какъ дубъ въ желудѣ, какъ въ глыбѣ глухой и слѣпой матеріи кипящій жизнью земной шаръ,

въ томъ именно, во что съ такимъ пренебреженіемъ ты, кажется, не вѣришь: въ любви и долгѣ. Напрасно искали бы мы другую силу, которая могла бы поднять ничтожество, злобность и несчастіе человѣка до состоянія величія, доброты и счастія; даже такіе высокіе элементы, какъ разумъ и наука, только слившись съ любовью и долгомъ, только вдохновляемые ими, могутъ выполнить эту труднѣйшую изъ всѣхъ задачъ, на какія взираетъ земное солнце—совершенство и счастіе человѣка.

Замѣчалъ ли ты когда-нибудь, что самыя великія вещи есть въ то же время и самыя простыя? Долгъ, это неизмѣримо длинная и прямая линія. Должна, значитъ — плачу; взяла, значитъ — возвращаю. Тѣло мое создано изъ этой земли, изъ ея воздуха, колосьевъ, плодовъ, сіяющаго надъ ней солнца. Духъ мой создала духовная сокровищница, съ такимъ трудомъ и страданіемъ накопленная умершими поколѣніями моего народа. Какъ летящая въ даль вереница журавлей, такъ и они неслись къ свѣту и теплу; имъ я обязана тѣмъ, что варварство не пригибаетъ мою шею къ землѣ, а моимъ глазамъ ничто не мѣшаетъ возноситься къ млечнымъ путямъ высокихъ наслажденій и утѣшеній. И я, вмѣстѣ съ современнымъ мнѣ поколѣніемъ, журавль, летящій въ еще болѣе далекую даль, въ еще болѣе высокую высь. Могу ли я опустить свои крылья только для того, чтобы воспользоваться болѣе обильной пищей? Не стыдно ли было бы мнѣ? Не жаль было бы? Стыдно ѣсть даромъ плоды, добытые изъ-подъ тяжелаго молота жизни множествомъ усилій сердецъ и воли! Жаль разстаться съ тѣми, что летятъ и борются, когда жить стоитъ только для того, чтобы вмѣстѣ съ ними летѣть и бороться!

Но это все еще ничего. Это все еще холодно, сухо и безсильно. Въ этомъ должно быть еще что-то, что долгу, какъ желѣзу огонь, придаетъ крѣпость, упругость, что, какъ скалѣ перерѣзывающая ее минеральная жила придаетъ радугу блеска, что изъ долга и изъ любви, какъ сталь изъ кремня, добываетъ искры. Долженъ быть еще во всемъ этомъ истинный nervus rerum, тотъ наивысшій смыслъ людскихъ дѣйствій, который ты называешь легендой.

Сидя на камнѣ замка кунигасовъ, я долго, долго думала: развѣ легенда—великія, чистыя поля, по тропинкамъ которыхъ сегодня мчалъ меня мой Авизъ? Развѣ легенда шумъ колосьевъ, дождь цвѣтовъ, потоки свѣта и аромата? Развѣ легенда тотъ людской муравейникъ, выполняющій съ согнутыми надъ землей спинами, въ зноѣ лѣта и жары, за все человѣчество, его работу — самую скромную? Развѣ легенда покорность этихъ людей жребію, такъ удивительно сплетенная съ основной важностью выполняемой ими работы? Развѣ легенда ихъ живыя сердца, сморщенныя лица, улыбки, какими они привѣтствуютъ надежду и взлохи, какими они съ ней прощаются? Развѣ легенда ихъ невинныя дѣти, ихъ сѣдовласые старцы, мимолетность ихъ существованій и несомнѣнность ихъ смертнаго часа?

Развѣ можетъ быть легендой та основа исторической правды, которую поэзія обвиваетъ пряжей преданій и пѣсенъ, наполняя ими, какъ тропическими мотыльками, низкія хаты и глубокіе лѣса? Развѣ легенда воспоминанія? Развѣ легенда слова, являющіяся во снѣ побѣжденнымъ? Развѣ легенда несчастіе, передъ которымъ, какъ предъ траурнымъ алтаремъ, почтительно склоняется голова каждаго?

Если все это легенда, то что же истина? Ше-

лестящія платья? Длинныя перчатки до локтей? Веселыя развлеченія, когда при звукахъ бальной музыки человѣческія пары сходятся въ темпѣ вальса, чтобы съ лаконизмомъ дочеловѣческаго стиля выполнить законъ природы: онъ и она? Да несомнѣнно, все это неоспоримыя реальности, но и среди реальностей есть іерархія, и для каждаго свободенъ выборъ. Я предпочитаю тѣ. Для меня то, что ты называешь легендой, даже самая легенда не есть легенда, миѳологія не есть одно только собраніе легендъ, ибо въ ней горитъ звено, связывающее людей съ землей и съ прошлымъ, сіяющее, какъ безсмертная божественная истина надъ столѣтіями людской доли и недоли. Скажу попросту: я эту легенду люблю больше жизни и даже еще больше, больше счастія, а безъ него жизнь страшно трудна.

Я люблю ея запахъ свѣжевспаханной земли и пѣнье жаворонка, шелестъ колосьевъ, шумъ лѣсовъ, туманъ на лугахъ, придорожные камни и кресты, бѣлые саваны снѣговъ, красное зарево заката, сумракъ синихъ и звѣздныхъ ночей.

Я люблю ея тучи, строющія мрачныя арки надъ осенью, горящія мѣдью и пурпуромъ гнѣзда и волны, верескъ и розы, облака и эха, мелкую рябь таинственнаго письма, которымъ вихри покрываютъ овраги ея бѣлыхъ песковъ и еще болѣе таинственную сѣть живыхъ корней давно умершихъ тисовъ, оплетающихъ глубокіе низы моей родной пущи.

Я люблю ее — эту легенду — за ея людскія слезы, надежды, мысли, дѣйствія, золотые сны и ея тяжелую долю, сіяніе и угасаніе ея славы, ея гербовъ, мыслителей и поэтовъ, люблю ее за то, что было и что будетъ — но сильнѣе, вѣрнѣе, нѣжнѣе и наиболѣе гордо люблю я ее въ ея несчастіи.

Люблю и должна. Только. Въ этомъ все то чувство и вся та идея, имени которыхъ я не назову... но въ словахъ, высказанныхъ мною, пусть заключается отвѣтъ на твой вопросъ: „зачѣмъ страдать?“ „Зачѣмъ любить?“

Зачѣмъ! Можно ли отъ начала до конца прослѣдить наукой всѣ пути, превращенія, пользу всего того, что на землѣ возникаетъ и исчезаетъ, исчезаетъ для нашихъ чувствъ, но не погибаетъ? Ничто не погибаетъ! Ты гораздо лучше меня знаешь о томъ, что въ мірѣ матеріи ничто не погибаетъ. Изъ зерна сжатой здѣсь пшеницы, можетъ быть, создается атомъ мозговой массы въ черепѣ мыслителя, молекула увядшей среди темнаго можжевельника арники, можетъ быть, упадетъ на золотой волосъ красавицы, сіяющей въ бальной залѣ. Тѣ же безконечныя превращенія царятъ въ мірѣ духа, то же безпрестанное вращеніе жизни, вѣчный Kreislauf des Lebens изъ формы въ форму, изъ груди въ грудь, изъ быта въ бытъ, и никто на свѣтѣ не сможетъ мнѣ сказать, гдѣ начало и конецъ моей слезы. Въ своемъ первоначальномъ зародышѣ она, можетъ быть, образовалась изъ тоскливаго взгляда въ высь кого-либо изъ моихъ предковъ и радугой надежды отразится въ сердцѣ кого-либо изъ моихъ современниковъ, а отъ него перейдетъ въ другую грудь крупинкой благородной воли, которая, въ свою очередь, войдетъ въ составъ благого дѣла и уже въ другихъ глазахъ мелькнетъ лучомъ радости. Никто не можетъ предугадать и опредѣлить степень вліянія моего страданія и конечныя границы. Вѣрно только то, что, получившій начало въ глубинахъ горячихъ и чистыхъ душъ духовный актъ, создавая на своемъ вѣчномъ пути чистоту и тепло, расширитъ плывущій въ мірѣ ручей

ихъ и приближаетъ ту минуту, когда этотъ ручей станетъ моремъ. Страдаю, потому что люблю, страдаю, потому что должна, а остальное — въ рукахъ Бога.

Такъ сходятся, расходятся и разбиваются наши мысли, но, несмотря на все, мы будемъ говорить другъ съ другомъ.

Я когда-то имѣла брата. Ахъ! Какъ тяжело и трудно сердцу отвыкнуть отъ слова: братъ! Быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ твоей душѣ то здѣсь, то тамъ горятъ гробовые свѣтильники надъ похороненными — и по временамъ оживающими въ могилѣ „лазурями абстракціи“? Свои свѣтильники я зажигаю надъ гробами любимыхъ людей, только на одинъ изъ гробовъ посылаю жгучую тоску.

Какъ вѣрно то, что мостъ, ведущій къ Благословеннымъ Островамъ, долженъ быть сбитъ изъ гвоздей человѣческихъ сердецъ. Будемъ говорить другъ съ другомъ объ этихъ островахъ и обо всемъ, что на пути къ нимъ вѣритъ и живетъ. А между тѣмъ пусть кипитъ и пѣнится на горныхъ высотахъ, не теряясь въ безднѣ, потокъ твоей молодости, и пусть будутъ для тебя легкими „бархатные глаза“, „привыкшіе быть цѣлью для многихъ взглядовъ“, навѣрно сами для себя они тоже звѣзды...

VII.

Интерлакенъ.

Благодарю за сердечную откровенность, за искреннее желаніе примириться со мной, за добрую волю, пробивающуюся въ каждомъ твоемъ словѣ.

Желая склонить меня къ отступничеству отъ правды, къ своимъ миражамъ, ты вывела въ поле борьбы многіе элементы изъ-подъ солнца и внѣ солнца и окрасила эту ширь чарами звучнаго слова, согрѣла тепломъ женскаго сердца. Въ твоихъ словахъ поэтическое вдохновеніе и широкіе горизонты мысли, поражающей меня, несмотря на все то достойное удивленія, что я уже слышалъ о тебѣ.

Я ослѣпленъ, но не убѣжденъ. Чтобы начать эту борьбу съ тобой и вести ее, я долженъ бы владѣть тѣми же самыми способами борьбы; я долженъ стать златоустомъ, въ моемъ сердцѣ долженъ горѣть пламень. Между тѣмъ мое оружіе совершенно иного рода. Умѣло руководимое остріе суровой мысли: вотъ мое единственное оружіе, простое и настолько могучее, что мнѣ не нужно другого, сверкающаго оружія. Мое оружіе такъ могуче, что весь міръ стоитъ передъ нами, піонерами мысли, совершенно безоружнымъ.

Вдохновеніе и огонь чувствъ это, правда, сокровища для сердца, но нуль для разума. Что бы ни выводили въ бой съ утѣсненною мыслью изъ области радужныхъ легендъ и горячей любви, хотя бы ее засыпали милліономъ великолѣпныхъ и яркихъ образовъ, — образовъ, какіе только можетъ создать богатая фантазія поэта, хотя бы ее пытались ослѣпить милліонами фейерверковъ, мимолетныхъ истинъ и племенныхъ интересовъ всѣхъ народовъ и временъ, мысль не задрожитъ, ибо закаленныя кольца ея панцыря сковала стальная неумолимость математическихъ правилъ, только она понимаетъ механизмъ міра и руководитъ міромъ, безъ всякаго отношенія къ привитой къ его содержанію пыли, называемой человѣчествомъ, и безъ всякаго отношенія

къ его карликовымъ дѣламъ, вопросамъ и вдохновеніямъ.

Съ другой стороны, не подлежитъ также сомнѣнію и то, что, имѣя дѣло съ тобой, вся сила моей мысли должна бы уйти въ сторону передъ убѣдительной силой выводовъ, напримѣръ — твоей старой няни, о которой разсказывала мнѣ пани Идалія и образъ которой сохранился даже въ памяти моего отца изъ временъ его охотничьихъ экскурсій въ вашей пущѣ. Превосходство старой „няни“ надо мной заключается въ томъ, что она — какъ сѣдой Акимъ въ трагедіи Толстого — съ разсужденіями не знакома, и даже не поняла бы значенія этого выраженія, но древнимъ упорствомъ нѣсколькихъ понятій, едва замкнутыхъ въ кристаллъ робкаго слова, она постоянно и неутомимо вліяетъ на твое сердце; а я же, съ своимъ запасомъ научныхъ понятій и точныхъ выводовъ, не привыкъ обращаться къ человѣческимъ сердцамъ и, конечно, ничьего сердца ими не открою.

Помимо того, мы съ тобой принадлежимъ къ двумъ совершенно различнымъ мірамъ, и наша встрѣча была бы борьбой мысли и сердца. Я — разумъ, ты — королева чувствъ. Я сказалъ бы, что ты не только любишь, страдаешь, жаждешь, но даже мыслишь и понимаешь сердцемъ. Послѣ всего того, что я писалъ тебѣ раньше, въ твоей душѣ не родилось даже тѣни или хоть бы слѣда тѣни въ истинности твоихъ корановъ; зато одной половиной твоей души овладѣлъ демонъ гнѣва на богохульника, а другой геній милосердія надъ его заблуждающимся сердцемъ и умомъ.

Если бы мнѣ пришлось опредѣлить твою внутреннюю жизнь одной общей фразой, я бы сказалъ,

что она сонъ, воплотившійся наяву на основѣ чувствъ сердца.

Однако, все это весьма занимаетъ и привлекаетъ меня. Какова же должна быть жизнь на вашей почвѣ, если, несмотря на всѣ тяжелые семейные удары и переживанія, на еще болѣе тяжелыя личныя переживанія, разъѣдающій ядъ которыхъ выразился въ догматѣ отреченія отъ личнаго счастья, если, все-таки, несмотря на всѣ удары и разочарованія, не разсѣялся ни одинъ изъ миражей, составляющихъ смыслъ мечтательной жизни?

Въ какіе же цвѣта зари одѣваются небо и земля для Психеи, которая при видѣ истины, видимой изъ-за завѣсы божества Саисъ, имѣетъ лишь улыбку недовѣрія или слезу сожалѣнія? Какимъ же лазурнымъ долженъ казаться міръ, отраженный въ чашечкѣ такой лазурной души?

Такая душа дѣлитъ міръ на двѣ части: землю и небо.

Небо, полное серебряныхъ и лучистыхъ звѣздъ, залитое опаловымъ сіяніемъ луны, комет, метеоровъ, испещренное скрещивающимися нитями млечныхъ путей, это небо — великолѣпная оправа, раскинутая лишь для одной звѣзды, для земной звѣзды, избранной, ибо на ней живетъ человѣчество. А съ земной звѣзды, сверкающей стокрасочнымъ пухомъ цвѣтовъ на долинахъ, жемчужной эмалью снѣговъ на горныхъ вершинахъ, съ земли, обвитой розовыми облаками разсвѣта и заката, или золотымъ блескомъ полудня, возносятся къ небу эѳирной струей ароматы молитвы, славословія гимновъ, поющаго и молящагося человѣчества, довѣрчиво ожидающаго еще болѣе прекраснаго будущаго. Человѣчество можетъ спокойно жить и надѣяться, ибо въ каждомъ атомѣ

эѳира его встрѣчаетъ бдительное око благодѣтельнаго Провидѣнія, ибо въ пути черезъ огни солнцъ и брилліанты звѣздъ его ведетъ хороводъ нѣжныхъ ангеловъ, которые плачутъ съ падшими, надѣются съ отчаявшимися, и своими херувимскими крыльями ограждаютъ его отъ легіоновъ темныхъ духовъ.

Такъ твое молодое и великое сердце охватываетъ и землю, и звѣздный горизонтъ, и то, что надъ звѣздами.

Сердце, столь полное образовъ, должно творить.

Чтобы сердце твое могло быть счастливо, ты должна своей любви давать жизнь и формы, превращать ихъ въ краски и звуки. Преврати свое сердце въ эолову арфу мистическихъ пустынь, возьми въ руки арфу и пой. Обрати свое сердце къ искусству, но въ наукѣ не ищи для себя ничего...

Я тебя въ наши ряды не зову потому, что, какъ разнится твой міръ отъ міра дѣйствительнаго, такъ же долженъ разниться твой идеалъ учености, если только онъ имѣется у тебя, отъ истиннаго знанія. Я желалъ только обратить твое вниманіе на нѣкоторые элементы, могущіе быть для тебя полезными и спасительными, ибо я отъ всей души желаю тебѣ добра, потому что твое внутреннее существо развилось такъ прекрасно, а я не сторонникъ мнѣнія: благословенны нищіе духомъ, и, наконецъ, потому что я считаю состояніемъ прямо недостойнымъ образованнаго духа склоняться съ фанатической покорностью передъ страхомъ идоловъ, теченіемъ вѣковъ, созданныхъ для безсознательной толпы, не умѣющей жить безъ преклоненія, безъ руководителей. Вѣдь можно признавать позитивные выводы науки, жить согласно съ законами природы, и не посвящать себя ихъ открытью.

Развѣ толпа вѣрующихъ или толпа малыхъ и убогихъ духомъ подвергаетъ анализу слова своихъ авгуровъ? Значитъ, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія въ томъ, что я желаю освободить тебя отъ цѣпей миража, и, несмотря на то, предостерегаю отъ вступленія въ область Великаго Знанія.

А почему предостерегаю? Послушай. Каждая нормальная, человѣческая единица имѣетъ право на жизнь и должна жить; только мы, ученые люди, не составляемъ въ коллективной жизни никакого звена. Мы живемъ только мыслью и ради мысли, чтобы воспитать мысль и работать ею, мы попросту не имѣемъ времени жить, мы до нѣкоторой степени бремя міра, онъ долженъ насъ питать. Мы роскошь, какую можетъ позволить себѣ только очень сильное и очень богатое общество. Мы гиперпродукція человѣчества. Въ общественномъ хозяйствѣ мы стоимъ, можно сказать, за скобками. Значитъ, можно ли кому-нибудь совѣтовать: умри для того, чтобы жить мыслью.

Десять лѣтъ тому назадъ, когда, руководимый инстинктомъ, плохимъ или хорошимъ, я жадными устами пилъ изъ источника мудрости, я самъ не предполагалъ, что потокъ моей жизни потечетъ такъ мертво и спокойно. Теперь, смотря на альпійскіе водопады, я думалъ о себѣ: развѣ въ ходѣ моего умственнаго развитія былъ какой-нибудь поворотъ, такой же стремительный, какъ паденіе воды съ Мюренской террасы? Не знаю и сомнѣваюсь; я помню моменты, когда послѣ сильнаго напряженія надъ теоремами великаго мыслителя въ моихъ понятіяхъ возникали внезапно какъ бы выжженныя огнемъ просѣки, открывающіе какіе-то неизвѣстные грозные горизонты, и какъ разсыпались и превращались въ

прахъ цѣлыя системы бывшихъ до сихъ поръ моихъ вѣрованій и мнѣній. Но въ своихъ воспоминаніяхъ я не помню ни одной катастрофы, не упомню такой скалы, о которой бы я могъ сказать:

„На этомъ мѣстѣ сердце его разбилось“.

Но вѣрно только одно, что я уже давно пережилъ безпокойныя раздвоенія психическихъ ферментовъ и утонулъ въ Лучино теоретическаго труда. Для индивидуальности это все-равно, что глухая и темная ночь. Ибо въ области и подъ властью Великаго Знанія борется мысль человѣческая, но о человѣческой индивидуальности тамъ совершенно нѣтъ рѣчи. Все-равно кто смотритъ въ мглу проблемъ. Одного за другимъ выхватываетъ насъ смерть или жизнь изъ редутовъ науки, но никогда не покидаетъ форпоста глазъ, углубленный въ загадочное содержаніе бытія . . . . . .

. . . . . .

Кто долженъ слѣдить мыслью за содержаніемъ вѣчной мысли, тотъ съ тревогой считаетъ короткіе часы жизни, и ему нельзя тратить ихъ на пѣсни сердца. Да, наконецъ, ему скоро покажется и пустой эта пѣснь. Чѣмъ могучѣе становится мысль его, тѣмъ всемогущнѣе расправляетъ она свои крылья, тѣмъ болѣе умаляется, замираетъ голосъ его сердца. Міръ интересуетъ его только, какъ основа, на которой онъ строитъ свои трансцендентальныя проблемы. Онъ интересуетъ его только, какъ механизмъ соразмѣрно дѣйствующихъ законовъ природы, ему совершенно неинтересно случайное содержаніе калейдоскопическихъ картинъ міра. Его взглядъ останавливается на исторіи людей, на ихъ колыбеляхъ и могилахъ, съ одинаковой, объективной трезвостью. Съ одинаковой снисходительностью онъ смотритъ

на игру инстинктовъ, на добродѣтели и на преступленія, на стоиковъ Авреліи, увлекающихся славной смертью, и на гедоинстовъ, пользующихся всевозможными наслажденіями. Для него нѣтъ ни трагедіи зубровъ, диловіальнымъ пережиткомъ вымирающихъ въ нѣдрахъ сѣверныхъ лѣсовъ, ни трагедіи вымирающихъ народовъ, у которыхъ отняты необходимыя условія существованія, ни трагедіи Альпъ, которымъ каждое мгновеніе, раздробляя и развѣвая гранитъ, уменьшаетъ ростъ, пока они не лягутъ когда-нибудь въ прахъ на днѣ будущихъ океановъ. На все это мыслитель обращаетъ вниманіе, ибо изъ всего онъ можетъ выдѣлить какую-либо цифру, необходимую для его абстрактныхъ вычисленій. Но это безпристрастный и нѣмой свидѣтель, подобный солнцу, что вездѣсущее и всевидящее одинаково свѣтитъ какъ земной нищетѣ, такъ и земному торжеству.

Спокойный и безоблачный, онъ не чувствуетъ никакихъ звѣздъ, ни въ себѣ, ни надъ собой, а если когда-либо какой-либо пламень заблеститъ въ его глазахъ, то это лишь мимолетный блескъ гордости. Въ его спокойствіи чувствуется холодъ и величіе смерти. И, дѣйствительно, работники мысли находятся въ сферѣ бытія, чуждой и обособленной отъ всей остальной массы. Они стоятъ на той сторонѣ жизни, закрытой для профана, и изслѣдуютъ матеріалъ кулисъ, среди которыхъ разыгрывается драма міра, принадлежа до нѣкоторой степени къ режиссерамъ, знающимъ, какіе моторы дѣйствуютъ въ данной драмѣ. Они накладываютъ свои руки на вѣковыя пружины, а толпа, наполняющая сцену, знаетъ только лишь ихъ временный эффектъ.

И тебя я тоже нахожу на измѣнчивой аренѣ

міра вмѣстѣ съ плеядой твоихъ идеаловъ, ибо всѣ они — преходящій эффектъ тѣхъ же самыхъ пружинъ. Ты впитала въ себя блескъ окружающихъ тебя кулисъ и полагаешь, что носишь въ сердцѣ Бога и солнце, мнѣ самому ты предвѣщаешь лучшее будущее, если я охвачу міръ огнемъ сердца, и у тебя находится для меня слеза сожалѣнія, что душа моя такъ горька... Я же чувствую себя почти создателемъ міра и держу въ своихъ рукахъ едва ли не всѣ тѣ силы, которыя, живя во вселенной, кристаллизуются на канвѣ природы искрами слезъ или жемчугомъ улыбокъ.

Я могу прибѣгнуть къ другому сравненію: ладья нашей мысли движется вдоль пестрыхъ и узорчатыхъ садовъ жизни, но нигдѣ не останавливается, и мы сами нигдѣ не высаживаемся для отдыха.

Плывя, такимъ образомъ, вдоль далеко раскинувшейся панорамы, я желалъ бы встрѣтить тебя на какомъ-нибудь лазурномъ и цвѣтущемъ лугу и видѣть, что ты себя хорошо чувствуешь, что ты увлечена чѣмъ-нибудь, что ты не испытываешь горя; занятая самоотверженной филантропіей или шаткой соціальной экономіей или же соединеніемъ душъ на основѣ христіанскаго братства. Я хотѣлъ бы, чтобы изъ этого цвѣтущаго оазиса ты проводила бы дружескимъ взглядомъ плывущую къ глубокимъ тѣнямъ ладью преступника...

Однако для меня и то было бы уже роскошью. Намъ нельзя завязывать никакихъ нитей между ладьей мысли и этапами жизни; излишне путаясь, они становятся тяжелымъ бременемъ, а задѣвъ сердце, они могутъ причинить боль.

И всякій разъ, когда на нашихъ горизонтахъ происходятъ трагедіи, то причина ихъ заключается

въ томъ, что въ міръ мысли піонеръ не захватилъ съ собой вполнѣ свободнаго сердца. Но это отнюдь не вредитъ обычнымъ ремесленникамъ науки, а они составляютъ девять десятыхъ многочисленнаго цеха ученыхъ, для истинныхъ же борцовъ такая половинчатость истинное несчастіе.

Ты говоришь мнѣ, что существуютъ безплодные пески, безлюдныя пустыни, гдѣ страшатъ сфинксы, блѣдные отъ вѣчной думы надъ стихійными загадками космоса. О, я знаю задумчивость этихъ сфинксовъ! Волны жизни достигаютъ даже ихъ троновъ, но они далеки отъ жизни, какъ далеки отъ нея глубины абстракціи. Изъ волнъ жизни къ нимъ доносится гулъ однодневныхъ лозунговъ и стремленій, но на ихъ блѣдныхъ лицахъ застыло величіе наблюдаемой вѣчности. Они слышатъ, какъ надъ шумной волной, кипящей у ихъ ногъ, проносится могучее дыханіе безконечнаго времени, и только ихъ однихъ оно не трогаетъ, ибо изъ безконечности они идутъ въ безконечность.

Они одиноко живутъ въ безконечности, но не жалуются на свое одиночество. Никакихъ отдѣльныхъ вопросовъ для нихъ не существуетъ, анализъ привелъ ихъ, минуя всѣ бывшіе до сихъ поръ вопросы, къ единственной загадкѣ существованія: къ первоначалу созданія. Кипящая у ихъ ногъ волна жизни знаетъ эту загадку и зоветъ ее Богомъ, и неспособная подняться выше убогаго міра чувственныхъ представленій она старается уподобить ее себѣ самой. Въ глазахъ сфинксовъ этотъ первый и послѣдній элементъ космоса неизмѣримо глубже и выше Бога человѣчества. Ихъ Богъ не такъ слабъ, чтобы чувствовать вмѣстѣ съ человѣкомъ, чтобы любить и ненавидѣть. Онъ — отсутствіе начала и конца.

Онъ — бытіе самъ въ себѣ, онъ — безконечный, онъ — вѣчный адъ и рай. Глядя на него, сфинксы научились одиночеству и въ своемъ одиночествѣ они не знаютъ печали, каменные, какъ Масиниса, они не прячутъ на днѣ совѣсти никакой погребенной лазури... Они не знаютъ ни молодости, ни старости, ни о чемъ не плачутъ, ничего не желаютъ, а только стремятся въ наивысшемъ значеніи этого слова проникнуться правдой своего Бога. Ища элементовъ правды, они считаютъ движенія атомовъ, вникаютъ въ жизнь душъ на землѣ, измѣряютъ охлажденіе громадныхъ осей, на которыхъ вращается міръ.

И вотъ въ награду за труды, когда они громами мысли хотятъ побороть хаосъ явленій, иногда передъ ихъ неподвижными глазами раскрываются таинственныя безграничія новой поэзіи, болѣе высокой, болѣе гигантской, болѣе великой, чѣмъ маленькая поэзія человѣка. Съ такой поэзіей, вспыхнувшей въ глубинахъ безконечности бытія, борются гордыя души сфинксовъ, чело которыхъ не затемнила тревога, а устъ не опозорила жалоба...

Мнѣ тридцать лѣтъ, но и у меня уже бываютъ минуты, когда предо мной открывается валгалла поэзіи.

Такъ „кипитъ на горныхъ вершинахъ потокъ моей молодости“ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Развѣ пожалѣла бы ты для моей бѣдной молодости, на нѣсколько лѣтнихъ дней, одну пару бархатныхъ глазъ.

VIII.

Интерлакенъ.

Piove! И наша избранная долина наполнилась слезами. Jupiter Pluvius накрылъ насъ густымъ туманомъ обильныхъ, сѣрыхъ тучъ, ползущихъ такъ низко надъ землей, что кажется, будто бы острія башенокъ гостиницы, задѣвая, разрываютъ ихъ на синеватые куски. Съ земли непрерывно поднимаются клубы тумановъ и лѣниво тянутся по лугамъ или же въ медленномъ полетѣ взлетаютъ надъ вершинами деревьевъ и сливаются съ куполомъ дождливыхъ тучъ. Альпы исчезли безслѣдно, даже Малый Рюгенъ едва замѣтнымъ пятномъ мелькаетъ за сѣткой дождевой пыли. А между тѣмъ Интерлакенъ вовсе не выглядитъ угрюмо. Дневной свѣтъ, хотя и затемненный непогодой, имѣетъ скорѣе лазурный, нежели сѣрый цвѣтъ, а аллеи оживляетъ обычное движеніе пріѣзжихъ туристовъ; обманувшись въ надеждѣ увидѣть Юнгфрау, они вознаграждаютъ свое разочарованіе видомъ магазинныхъ выставокъ и многоязычной толпы.

Мы должны были сегодня ѣхать въ горы. Хотя въ насыщенномъ сыростью воздухѣ и слышится тяжелое дыханіе локомотивовъ, зубчатыми колесами взбирающихся на вершины по обрывистому склону Schinige-Platte, но въ нашемъ кружкѣ не нашлось ни одного столь страстнаго любителя горъ, который бы не испугался холода, дождя и тумана. Общество разбилось, и каждый заполняетъ, какъ умѣетъ, время, дѣлящее утро отъ lunch'u, а luncheon отъ обѣда. Я видѣлъ нѣсколькихъ изъ нашихъ дамъ, уходившихъ изъ главной залы прямо въ smoking-room, и слышалъ отъ отца, что уже, несмотря на сравнительно раннюю

пору, у него справлялись обо мнѣ. Но сегодня какъ-то замеръ во мнѣ цивилизованный appetitus sosietatis, открытый, какъ извѣстно, въ человѣческой природѣ еще Гуго Гроціемъ, и вмѣсто того, чтобы слушать шелестъ изящныхъ туалетовъ, я предпочелъ остаться на моемъ балконѣ въ безопасномъ убѣжищѣ отъ непріятностей непогоды, дабы воспользоваться своимъ правомъ и снова нѣсколько минутъ поговорить съ Бѣловѣжей.

Я сегодня въ такомъ, для многихъ весьма обычномъ, для меня же особенномъ настроеніи, что хотѣлъ бы поговорить съ кѣмъ-либо, относящимся ко мнѣ довѣрчиво и дружески о томъ, что я чувствую и уясняю себѣ въ минуты подобнаго настоящему otium. Случаи для такого рода разговоровъ встрѣчаются весьма рѣдко. Невсегда находится кто-нибудь, съ кѣмъ можно говорить о внутреннихъ мелочахъ чувства, и невсегда бываетъ охота. Сегодняшнимъ случаемъ я обязанъ тому сердечному теплу, что вмѣстѣ съ твоимъ голосомъ долетѣлъ ко мнѣ изъ Красовецъ.

Прежде всего я хочу тебѣ сказать, до какой степени пріятна мнѣ твоя идея сблизиться со мной.

Меня обрадовалъ и заинтересовалъ тотъ удивительный и неожиданный фактъ, что гдѣ-то, въ далекой глуши міра, кто-то, лично мнѣ неизвѣстный и притомъ такой выдающійся и необыкновенно талантливый, какъ ты, интересовался мной и думалъ обо мнѣ также неизвѣстномъ и только въ сфинксовомъ значеніи слова достойномъ упоминанія.

Значитъ, когда я въ своемъ кабинетѣ, поглощенный лихорадочной работой мысли, старался изъ своихъ опытовъ добыть искру познанія, тамъ на сѣверѣ, въ лѣсномъ затишьи, утонченный и великій

женскій умъ сопутствовалъ своимъ воображеніемъ моему тяжелому труду и съ дружескимъ интересомъ слѣдилъ за его результатами, разсматривалъ добытую искру и желалъ мнѣ успѣха . . . Итакъ, несмотря на громадную разницу нашихъ натуръ, нашихъ понятій и желаній, дѣятельности и интересовъ, несмотря на наибольшую разницу, какая когда-либо могла быть, между женскимъ и мужскимъ умомъ, несмотря на крайне различныя условія жизни и среды, существовала между нами невидимая связь и воздушный мостъ соединялъ два противоположныхъ полюса.

Да, два противоположныхъ полюса! Мы двое воплощаемъ ихъ въ себѣ далеко полнѣе, чѣмъ міръ Красовецкій и міръ Грановскихъ, міръ консервативнаго симбіоза съ народомъ на развалинахъ прошлаго и блестящій міръ наслажденія, который — не знаю почему — ты дѣлаешь моимъ міромъ. Оба эти міра, хотя и различны по внѣшнимъ подробностямъ жизни, но связаны между собой цѣлой сѣтью житейскихъ моментовъ и находятся рядомъ другъ съ другомъ на одной сторонѣ бытія; я же устранился въ гемисферу безтѣлесной мысли, хотя меня окружаетъ шелковый шелестъ платьевъ, и самъ я ношу перчатки. Изъ всего этого вовсе не слѣдуетъ, что я не приму съ радостью твоего призыва къ дальнѣйшимъ разговорамъ. Наоборотъ, несмотря на дѣлящее насъ расхожденіе, я охотно спаиваю крѣпче звено нашей дружбы; я ощущаю въ этой дружбѣ, вмѣстѣ съ дыханіемъ тепла твоихъ лѣсовъ, капли той живительной росы, которыхъ жизнь не даетъ мнѣ въ большомъ избыткѣ; и, идя еще дальше, я бы охотно создалъ изъ этой пріязни болѣе тѣсныя и болѣе братскія отношенія, если бы существо, подобное мнѣ, вообще способно было стать для кого-либо братомъ. Я

охотно и благодарно открываю свое сердце братскому „ты“, которымъ ты позволяешь мнѣ пользоваться по отношенію къ тебѣ.

Я вижу на твоемъ лицѣ насмѣшливую улыбку... „Открываю сердце“ ... значитъ... сердце. Да; въ минуту откровенности, не понимаю откуда налетѣвшей — подвернулось мнѣ это выраженіе, неизвѣстное на языкѣ сфинксовъ, не знающихъ сердецъ, и подвернулось именно при мысли о великомъ параграфѣ существованія: любви!

Я никогда не перечеркиваю уже написанныхъ словъ, и, отрекаясь отъ всякой гордой сухости, я признаюсь тебѣ въ минуту братскаго довѣрія, что на пути своего поприща мнѣ приходится бороться съ недостаткомъ, можетъ быть, наслѣдственнымъ и невиннымъ, но, по моему мнѣнію, весьма крупнымъ, который неточно и неумѣло, скорѣе неясно и по-дилетантски, я могу опредѣлить однимъ выраженіемъ: „сердце“.

Если дѣло идетъ о наслѣдственномъ недостаткѣ, то я очевидно получилъ его въ наслѣдство отъ матери. Это несомнѣнно знаменательный стигматъ нашего рода. Весьма вѣроятно, что онъ то и есть та капля полыни, о которой ты говоришь, что она еще въ младенчествѣ окропляетъ наши губы, а съ губъ проникаетъ въ душу и отравляетъ намъ жизнь неясной, едва уловимой горечью. То была бы единственная точка соприкосновенія, соединяющая меня съ вами до настоящаго дня, точка, которую я не могу устранить до сихъ поръ.

Въ періодъ работы, когда, охваченный творчествомъ, я весь утопаю въ конструкціи метафизическихъ выводовъ, я легко проникаюсь преждевременной гордостью и обманываюсь увѣренностью, что на высо-

тахъ мысли я избавился отъ стараго недостатка, и что я уже начинаю расти настоящимъ величіемъ. А потомъ, увы ближайшій, слѣдующій за работой otium, первое, случа'но полученное впечатлѣніе снова убѣждаетъ меня въ неизлѣчимой слабости. Я неохотно думаю о своемъ недостаткѣ и скрываю его отъ міра, но сегодня я не хочу таить отъ тебя этой черты, нарушающей единство моего духа и жалуюсь тебѣ. Вотъ яркій примѣръ. Уже одно то, что я жалуюсь и что я добровольно умаляю передъ тобой свой духовный ростъ, не доказываетъ ли сильнѣе всего мое наслѣдственное заблужденіе?

Я даже не умѣю тебѣ разсказать, какъ меня злитъ мое психическое несовершенство, какъ оно мѣшаетъ мнѣ, сколько оно крадетъ у меня мыслей, сколько требуетъ энергіи. Моментами я теряю вѣру въ силу собственной воли и полагаю, что того идеала, къ которому я стремлюсь, я не достигну никогда. О насколько же иной должна быть молодость Сфинксовъ, долженствующихъ холодомъ разума углубить то, что кипитъ хаосомъ бытія у ихъ ногъ! Для части человѣчества, молодость — это шумный полетъ фуриса въ адъ хамсиновъ или въ кристаллъ эѳировъ съ манекенами возлюбленныхъ въ объятіяхъ, съ звѣздой меланхоліи въ распущенныхъ волосахъ; но для Сфинксовъ это пора наибольшаго напряженія власти познанія; и наиболѣе плодотворнаго труда. Въ ихъ памяти молодость должна остаться только, какъ названіе того періода, когда мысль глубже всего освѣщаетъ хаосъ мрака.

Не такова моя молодость! На фонѣ ея чернѣютъ пятна вредныхъ разложеній.

Присутствіе сердца дѣлаетъ въ абстрактныхъ работахъ ничѣмъ не заполненныя бреши. Оно вводитъ

въ стройную вереницу мысли распущенность и стремится цѣпью наслажденія, тоски или сожалѣнія привязать мысль къ землѣ. Какъ бы смѣшонъ былъ Сфинксъ, если бы при провѣркѣ основъ и началъ своего знанія, напавъ на періодъ, называемый молодостью, онъ вздохнулъ бы о немъ, какъ Сильвіо Пеллико въ своей элегіи:

„Lamento Sui fuggitianni primievi“.

Я плохой ученый. Моя душа полна фейерверковъ. Они часто вспыхиваютъ такимъ могучимъ огненнымъ ручьемъ, что вновь завоеванные горизонты гаснутъ во мракѣ, а на арену жизни они бросаютъ такой заманчивый блескъ, что сердцу хотѣлось бы упасть на эти цвѣты, прильнуть къ нимъ, любить...

Часто необходимо силой отрывать душу, давить ее; а такія усилія неизмѣримо-мучительны. Подавивъ наконецъ возмущеніе сердца, я снова погружаюсь въ трудъ, до полнаго истощенія, и эти усилія, возмущенія и напряженіе мысли до крайнихъ степеней сливаются въ одинъ общій фонъ, весьма близкій къ апатіи, характерный для моихъ отношеній съ міромъ.

. . . . . .

Я замѣчаю, что пока я говорилъ съ тобой, погода значительно перемѣнилась къ лучшему.

Дождь почти прекратился, туманъ на лугахъ мѣстами разсѣялся, а мѣстами прозрачными нитями, какъ паутина, ложится на траву, въ оловянномъ саванѣ неба образовались значительныя бреши, изъ нихъ проглядываетъ чистая лазурь, а напротивъ меня, на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается пирамида снѣжно-бѣлой Юнгфрау, о двѣ боковыя горныя площадки, оперлась торжествующимъ лукомъ радуга, „повиснувъ на выплакавшейся тучѣ“.

Я замѣчаю среди клубящихся на горизонтѣ ясныхъ тумановъ еще болѣе бѣлыя, еще болѣе свѣтлыя и ясныя мѣста: это вершины ледниковъ. Онѣ поднимаются такъ высоко, что кажется прямо невѣроятнымъ, будто бы на этихъ высотахъ находится дѣйствительно тяжелый земной гранитъ, и глазъ часто принимаетъ стѣны созданныхъ изъ льда замковъ за фантастическій воздушный штафажъ атмосферы.

Я замѣчаю въ то же время, что въ аллеѣ становится все болѣе шумно и весело, изъ выплакавшихся тучъ падаютъ косые снопы солнечныхъ лучей, а солнце, такъ же какъ сердце, необходимо людямъ, чтобы были довольными и оживленными.

Общее движеніе, блескъ лѣтняго дня, борющагося съ остатками лиловыхъ облаковъ, солнечныя пятна, преломляющіяся золотымъ дождемъ на осыпанной росой зелени, свѣжесть травы и пушистыхъ лѣсовъ, дышущихъ клубами пара надъ источниками, вся эта смѣсь теченій, свѣта, линій и стихій наполняетъ новымъ и чарующе прекраснымъ содержаніемъ раскинувшійся предо мной пейзажъ. Онъ восхищаетъ каждаго, и каждый восхищается имъ по-своему. Большинство останавливаютъ свое вниманіе на выплывающихъ изъ тумана ледникахъ, такъ какъ они-то и составляютъ главную мѣстную достопримѣчательность, а въ красныхъ книжкахъ написано, что они прекраснѣе всего.

Что же касается меня, то я уже видѣлъ столько снѣговъ и ледниковъ, скалистыхъ и воздушныхъ, въ серебрѣ мѣсяца и въ румянцѣ заката, въ лазури полудня и въ сіяніи сѣвера, что теперь мои глаза гораздо охотнѣе останавливаются на болѣе скромныхъ картинахъ, на полусжатыхъ поляхъ и свѣже скошенныхъ лугахъ, раскинувшихся на низкой тер-

расѣ, у подножья горъ, отъ отлогихъ береговъ озера Бріенца до Видерсвиля, деревушки, прижавшейся къ скалѣ у начала Лаутербруннской долины. Тамъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ роскошью международныхъ отелей, идетъ работа маленькихъ тружениковъ земли. На лугахъ, отрѣзанныхъ отъ насъ узкой линіей желѣзнодорожнаго пути, пестрѣютъ фигуры швейцарскихъ крестьянъ и пахнетъ свѣжимъ сѣномъ, развѣшаннымъ на вѣтвистыхъ жердяхъ . . .

. . . . . .

Моя апатія была бы вполнѣ поправима, если бы она была полной, то есть, если бы была выраженіемъ объективнаго равнодушія къ явленіямъ міра. Но дѣло не такъ. Она имѣетъ сильную примѣсь, какую-то терпкость и пресыщенность, родственную чувству тоски о какомъ-то совершенно иномъ состояніи бытія, главнымъ образомъ объ иномъ и въ то же время простомъ. Я не знаю, почему именно теперь, когда я нахожусь на балконѣ дворца, имѣющаго нѣсколько сотъ комнатъ, мнѣ хотѣлось бы опереться о вязанку свѣжаго сѣна, закрыть глаза, и чтобы вмѣсто наряднихъ дамъ, съ кокетливо подобранными платьями и раздушенными тѣлами, мимо меня проходила свѣжая, невинная, бѣлая, какъ нарцисъ, дѣвушка изъ хаты въ Соплицовѣ, съ нѣжностью въ глазахъ. Хотѣлось бы, чтобы вокругъ была тишина, а въ воздухѣ слышался запахъ нарцисовъ, скошеннаго сѣна и сырой земли.

Я жажду въ эти моменты простоты жизни. Далекій видъ скошенныхъ луговъ влечетъ меня своимъ запахомъ, нѣкогда такимъ знакомымъ въ дѣтствѣ; я мечтаю и неясно и глухо тоскую; если когда-нибудь, въ далекомъ будущемъ, я снова попаду на эту террасу гостиницы и взгляну на изумрудные луга,

плоскимъ ковромъ раскинутые между хрустальнымъ альковомъ озера и домиками Вильдерсвиля, то я навѣрно почувствую охоту повторить тоскливыя слова Залѣскаго:

„Моя молодость, когда то роскошная трава,
Какъ сегодня ты пахнешь увядшимъ сѣномъ“!
. . . . . .

Какъ видишь, у меня иногда не только бываютъ идиллическіе вкусы, но я умѣю даже поддерживать ихъ цитатами нашего Парнаса, который я сохраняю, какъ воспоминаніе о матери. Въ формѣ такихъ настроеній проявляется жизненность заключенныхъ въ человѣческомъ организмѣ первобытныхъ инстинктовъ. Будучи составными частями матеріальной природы человѣка, они притягиваютъ наши мысли къ землѣ, какъ свинецъ, мѣшаютъ полетамъ духа и приковываютъ насъ къ параграфу того кодекса, наиболѣе широкимъ и безконечнымъ толкованіемъ котораго служатъ движенія атомовъ и космическихъ глыбъ. Вѣрнѣе, кодексъ бытія состоитъ только изъ одного параграфа, инстинкта самосохраненія. Очень рѣдко бываетъ, что полетъ генія, побѣдно сталкиваясь съ нимъ, давитъ его, какъ небесный архангелъ, отрицая его существованіе. „Какъ бы могло существовать желаніе бытія? — говоритъ въ своемъ одиночествѣ Заратустра, — то чего нѣтъ, не можетъ жаждать бытія, а то, что уже есть, откуда бы брало желаніе существовать дальше?“ Но, несмотря на то, законъ бытія существуетъ, и по своему лаконизму онъ, можетъ быть, есть единственная реальность, заполняющая міръ отъ края до края. Ему послушна комета, по безконечнымъ параболамъ спѣшащая въ вѣчность, ему подчиняется заключенная въ капли сырости амеба, частица которой необходима бытію точно также,

какъ хвостъ кометы, летящей по вселенной, а самымъ яркимъ его доказательствомъ является человѣкъ, какъ наиболѣе сложное соединеніе атомовъ.

Сообразно своей сложной конструкціи человѣкъ проявляетъ этотъ инстинктъ болѣе сложнымъ и разнообразнымъ образомъ, чѣмъ амеба; въ глубинѣ души онъ раздробилъ его на тысячу хроматическихъ блесковъ и каждый изъ этихъ блесковъ окрестилъ особымъ названіемъ. Онъ говоритъ о любви; о любви по выбору, которую онъ прославляетъ пѣснью пѣсней, онъ создаетъ себѣ понятія могучей власти и склоняется предъ ней, онъ признаетъ культы смертныхъ героевъ и безсмертныхъ боговъ, и все это лишь средства, которыя должны укрѣпить его бытіе на землѣ. Только на самой высшей ступени историческаго и индивидуальнаго развитія его духъ доходитъ до уясненія той эпической истины, что его любовь, божество и вѣра — есть клубокъ тѣхъ нитей, по коимъ бытіе вышло изъ лона небытія; а уловивъ въ нихъ стихійную нить, соединяющую насъ со всѣмъ остальнымъ міромъ и пригибающую нашу волю къ рабскому движенію брошенныхъ въ него хаосовъ, онъ жаждетъ освободиться отъ своихъ цѣпей, овладѣть таинственнымъ хаосомъ и собственной силой соразмѣрять его движенія и ходъ.

Ты меня спрашивала: можно ли наукой измѣрить міръ отъ края до края и прослѣдить въ немъ превращенія и пользу всего, что возникаетъ и исчезаетъ на землѣ; ты можешь найти отвѣтъ на это въ наивысшемъ законѣ духовнаго стремленія. До конечныхъ его предѣловъ намъ еще далеко. И развѣ потому мы должны отказаться отъ него? Размахъ генія принадлежитъ будущему, когда наука не будетъ, какъ Фаросъ, одиноко горѣть въ уединенныхъ

обрывахъ мысли, но изъ психическаго очага горсти избранниковъ перейдетъ въ толпу. А теперь? Развѣ этотъ законъ безумiе? Нѣтъ, ибо въ тайникахъ своей природы онъ тоже содержитъ въ себѣ выраженiе идеи вселенной, идущей впередъ и къ вѣчности.

Такъ понимаю я эту идею, такой я ее знаю и такой я чувствую ее въ себѣ. Если я хочу владѣть прошлымъ и будущимъ мiрового развитiя, отъ альфы до омеги, то я не могу склоняться подъ ярмо стремленiй, воспитанныхъ человѣкомъ въ себѣ и ради себя для борьбы за существованiе. Я не могу жить, какъ толпа, если я мыслю не какъ толпа. Если бы, поддавшись утомленiю, я положилъ бы связку сѣна подъ голову, согналъ бы мысль со лба и началъ жить, какъ жили мои предки, если бы я всѣми силами души приросъ къ ихъ почвѣ, соединился съ работницей, данной мнѣ той же почвой, и поклонился бы всему, что въ прошломъ или въ будущемъ связано съ этой почвой, дабы обезпечить себѣ обладанiе ею въ настоящемъ и сохранить ее потомству, если бы я погасилъ зажженный въ моей душѣ факелъ, освѣщающiй мой путь къ высотамъ — развѣ, поступая такъ, я не измѣнилъ бы своимъ идеаламъ, гораздо болѣе великимъ, и не сталъ бы тормазомъ прогресса, который, можетъ быть, благодаря мнѣ сдѣлаетъ новый шагъ впередъ?

На этомъ естественномъ и человѣческомъ, но очень низкомъ уровнѣ инстинктовъ развитiя, разминающихся въ послушной природѣ согласно всемогущему закону существованiя, стоишь и ты, на подобiе растенiя, глубоко вкоренившагося въ родную почву, и, какъ каждое растенiе, крѣпко держишься своей почвы, дабы не потерять готовой пищи бытiя. Не поколе-

бали твоихъ инстинктовъ ни раскрытая книга исторіи, полная историческихъ опытовъ, ни груды разныхъ книгъ, которымъ ты напрасно посвятила столько прекрасныхъ часовъ молодости. Изъ нихъ возникла твоя тѣсная религія, заключающаяся въ двухъ краткихъ словахъ, повторяемыхъ съ фанатическимъ восторгомъ: „люблю и должна“. Это значитъ долгъ и сердце. Двѣ добродѣтели, двѣ слезы, двѣ надежды, провозглашаемыя уже цѣлые вѣка, а я добавлю, что это не очень много.

Тебѣ, какъ женщинѣ, согласно закону существованія, досталось въ удѣлъ великое и горячее сердце, вмѣстѣ съ громадной потребностью любить. Когда пути твоей жизни перепутались настолько, что ты не дала, или не могла дать сердцу истинной любви, тогда твое бѣдное сердце, какъ къ открытой чашѣ потянулось къ тому, что было ближе всего: къ любви и сладости жертвы. Ближе всего былъ собственный домъ, гдѣ эхомъ воспоминаній раздавался голосъ уважаемаго отца и любимаго брата, ушедшаго и не вернувшагося; былъ народъ, связанный съ домомъ въ лицѣ няньки, домашнихъ и сосѣдей; была земля, покрытая туманомъ неизмѣримой печали; было прошлое этой земли, обильное золотой славой, кровавыми рыданіями и пѣснями рапсодовъ, было наконецъ будущее, ея неизвѣстное будущее, покрытое траурнымъ флеромъ. Все это наполнило твое сердце напрасной тоской и, опьяненное напиткомъ, оно повѣрило въ догматъ любви и долга. Люблю, значитъ, жертвую, жажду жертвы — и обманываюсь миражемъ счастія Возьми въ руки арфу и ея звуками воспой свои обманчивые эклоги! Возьми въ руки арфу — и пой!

Домъ, страна, народъ, прошлое и вѣра въ небо,

или въ будущее, таковъ болѣе или менѣе генезисъ любви и долга, наполняющихъ до сихъ поръ твою жизнь. Вытекающую изъ этихъ началъ твою дѣятельность можно подвести подъ различныя категоріи альтруизма, филантропіи, общественнаго труда во всѣхъ его видахъ. Эти понятія повсюду очень высоко цѣнятся, какъ положительные факторы нашего общаго симбіоза и уже многое сказали и написали о нихъ политики, проповѣдники и всѣ тѣ, кто до сихъ поръ не покинулъ доктринъ, считающихъ человѣка цѣлью и вѣнцомъ міра.

Съ этой точки зрѣнія, ты бросила замѣчаніе, что я вѣроятно не пропагандистъ общественнаго труда; если ты питаешь какія-либо сомнѣнія въ этомъ отношеніи, то я готовъ дать тебѣ прямой отвѣтъ, да, я лично, по самому существу, не пропагандистъ его. Я знаю такія степени времени и разстоянія, передъ которыми человѣчество, копошащееся недолгое время на нашемъ земномъ шарѣ и всѣ интересы его бытія умаляются до такихъ мертвыхъ и блѣдныхъ искръ, что въ пламенной зарѣ познанія они безслѣдно исчезаютъ изъ моихъ глазъ. Я знаю вопросы такой громадной важности, что элементарныя проблемы будниковъ, срубающихъ бѣловѣжскія сосны и собирающихъ хлѣбъ на красовецкихъ поляхъ, перестаютъ быть для меня проблемами.

Развѣ можетъ остановить мое вниманіе какой то литовскій будникъ, дремлющій въ тѣни дуба, если въ твоей прекрасной душѣ я читаю, какъ въ открытой книгѣ; я постепенно снимаю въ ней всѣ слои печальнаго палимпсеста и знаю его уже почти до конца! Я вижу на концѣ его золотую арфу, осыпанную какъ жемчугомъ слезами! Возьми въ руки арфу и пой!

И твой альтруизмъ имѣетъ весьма тѣсныя границы: родная нива. Ты сама призналась, что на чужой землѣ ты не смогла бы отдаваться съ тѣмъ же жаромъ общественному груду, который ты исполняешь здѣсь, руководясь долгомъ и сердцемъ. Да это вѣрно! И въ этомъ отношеніи я тоже вполнѣ понимаю тебя. Ты дѣйствуешь и чувствуешь согласно первобытнымъ стремленіямъ инстинкта самосохраненія, пассивнымъ показателемъ котораго и являешься ты. Узкій мѣстный и племенной интересъ заставляетъ васъ держаться наслѣдственной арены и всецѣло посвящать себя ей, обособливаясь и отдѣляясь отъ другихъ.

Это конкуренція мѣста и хлѣба, которую въ видѣ идеальныхъ и возвышенныхъ лозунговъ несутъ на своихъ знаменахъ всѣ народы и которую знаютъ всѣ созданія земли.

Тотъ же инстинктъ руководитъ лисицей, когда она вытѣсняетъ конкурентовъ изъ оврага, гдѣ она выкопала свою нору, руководитъ народомъ сосенъ, когда тѣ тѣсной фалангой захватываютъ все большія площади, отравляя градомъ иглъ болѣе слабыя, но тоже жаждущія жизни растенія. Разница между эксклюзивностью народовъ и эксклюзивностью растеній и животныхъ заключается только въ томъ, что въ царствѣ низшихъ твореній инстинктъ бытія высказывается предъ ухомъ мыслителя со всей лапидарностью первобытнаго стиля, а въ жизни народовъ украшается сверкающей лавочкой различныхъ придатковъ и представленій, характеризующихъ человѣка, какъ animal poeticum i religiosum. Среди этихъ украшеній выдающуюся роль играетъ уже упоминаемая мною любовь къ мѣстному и племенному прошлому. Сильный духъ не обращаетъ своего лица къ прошлому, онъ смотритъ въ будущее,

куда ведетъ его прогрессъ, и стряхиваетъ съ себя бремя старой пыли, дабы она не тяготила его ногъ. Сильный духъ не заботится о томъ прошломъ, изъ котораго онъ самъ вышелъ, своимъ взглядомъ онъ проникаетъ гораздо дальше вглубь, дальше, чѣмъ нѣсколько десятковъ или сотъ поколѣній, составляющихъ исторію его народа, онъ знаетъ, что связи родства соединяютъ его не только съ ордами Азіи, отъ которыхъ онъ самъ происходитъ, но и съ народомъ сосенъ, зарастающихъ пущу тѣсной фалангой, и съ ядромъ гранитовъ, окаменѣвшихъ въ обрывистой волнѣ Альпъ, стремящихся къ тучамъ.

Какъ ореоломъ, окружающимъ могилу прошедшихъ временъ, такъ снами о счастьи, что ждетъ его или его потомковъ въ будущемъ, утѣшается человѣкъ, угрожаемый различными опасностями въ своей настоящей жизни. Надежда подавить враговъ громомъ справедливости и достигнуть желанной цѣли удваиваетъ его силы въ борьбѣ съ судьбой, увеличиваетъ силу сопротивленія и держитъ его въ состояніи добродѣтели, закаляющей его организмъ. Непреодолимое желаніе бытія дѣлаетъ для него возможной вѣру въ мистическую поэзію того міра и приноситъ ту же пользу, какую приносятъ орламъ когти, или глубокій корень растенію, особенно, если на помощь поспѣшитъ сестрица поэзія.

Она также вышла изъ сумерекъ, волею пассивныхъ и мертвыхъ силъ, какъ могучій двигатель самосохраненія, ибо, показывая явленія міра среди волшебныхъ огней, она возбуждаетъ надежды и поддерживаетъ силы. Въ ея магическомъ блескѣ лазурь будущаго становится еще болѣе лазурной, а поколѣнія народа пріобрѣтаютъ сходство съ журавлиными стадами, исчезающими въ туманѣ далекой и чистой зари.

И ты тоже питаешься хлѣбомъ мистики и поэзіи, приносишь жертвы и хочешь быть журавлемъ, летящимъ въ лазури; но почему же, тоскуя о полетѣ птицъ и простирая руки къ разверзнувшимся на небѣ вереницамъ ихъ, ты не спрашиваешь: „куда вы летите, чайки?“ Куда летятъ чайки, лебеди, журавли, въ одиночку и поколѣніями? гдѣ ихъ цѣль и конецъ? Попытайся призадуматься надъ этимъ. Говоря о себѣ, я самъ назвалъ себя отступникомъ. Но въ чемъ заключается мое отступничество? Оно заключается въ томъ, что я не могу указать тебѣ никакихъ Благословенныхъ Острововъ, о которыхъ читала ты у Плутарха, никакого звѣзднаго міра, въ которомъ могло бы воскреснуть то, что разбилось на землѣ, я только умѣю разсказать о желѣзной необходимости бытія, вибрирующей въ волнахъ эѳира, а насъ, людей случая и естественнаго подбора, воспитывающей такимъ образомъ, что изъ радуги и звуковъ, отраженныхъ нашими чувствами, мы создаемъ миражи добродѣтелей и истинъ, божества и долга.

Легко понять, что этика считаетъ добродѣтелью каждое дѣйствіе, полезное въ коллективной борьбѣ за существованіе, а грѣхомъ каждое дѣйствіе вредное въ борьбѣ за самосохраненіе; а такъ какъ въ каждомъ періодѣ и у каждаго народа, по мѣрѣ эволюціи отношеній, должны измѣняться и утилитарные принципы, то въ каждомъ періодѣ и у каждаго народа совершенно иные поступки считаются добродѣтелью и грѣхомъ.

Однако обычно люди такъ поглощены важнымъ дѣломъ жизни, что взглядъ ихъ становится близоруким, и они уже не могутъ надлежащимъ образомъ оцѣнить относительность своихъ этическихъ заповѣдей. Они надѣляютъ свои идеалы утилитарности

безсмертной жизнью, придаютъ имъ значеніе голоса совѣсти и во имя ихъ борются между собой словомъ и дѣломъ. Деспотизмъ природы вліяетъ настолько сильно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ по виду онъ расходится со своей цѣлью, ибо наиболѣе упорныя единицы цѣнятъ свои сказки „выше счастья“ и въ защиту ихъ охотно отдаютъ свою жизнь. Эгоизмъ такихъ стремленій такъ могучъ, что для нихъ смерть пріобрѣтаетъ цѣну изысканнѣйшаго наслажденія.

Бичующіе окровавляютъ свое тѣло бичами, мученикъ, какъ счастья, проситъ у Бога смерти отъ руки палача. Леонидъ умеръ бы отъ стыда, если бы ему не дано было пасть трупомъ подъ Ѳермопилами въ защиту родины.

И никому изъ васъ, фанатиковъ самоотреченія и жертвы, не приходитъ въ голову, что вы погружаетесь въ самый глубокій эгоизмъ творенія, для котораго существуетъ только одинъ законъ: сохранить во что бы то ни стало свой видъ на землѣ.

Я не жалѣю рѣзкихъ словъ и крайнихъ сравненій, дабы освѣтить передъ твоими глазами ту неопровержимую истину, что ты, апостолъ любви и долга и міръ блеска и наслажденія; что ты одиноко страдающая и печальная, и сфера раздушенныхъ волковъ — какъ любезно ты назвала моихъ здѣшнихъ знакомыхъ — вы руководитесь однимъ и тѣмъ же инстинктомъ и находитесь на одномъ и томъ же поюсѣ.

Въ неопровержимости этой истины я хотѣлъ бы убѣдить тебя во что бы то ни стало, и я не кончу своей апострофы, не обративъ твоего вниманія на твое ошибочное представленіе о процессѣ развитія человѣчества. Ты говоришь, что оно идетъ впередъ,

что оно поднимается на высшія ступени, и что оно все ближе къ своему божественному первообразу. Я не могъ бы сказать утвердительно, идетъ ли еще человѣчество впередъ, или же на небосклонѣ своего существованія оно уже дѣлаетъ заходящую линію? Весьма вѣроятно, что оно еще стремится къ своему зениту. Но какъ бы тамъ ни было, такая мелкая подробность теряетъ всякое значеніе, если мы примемъ во вниманіе величіе всеобщей эволюціи. Бытіе реализуется въ безконечныхъ ритмахъ, проявляется движеніемъ подымающейся и опускающейся волны. Высота волнъ различна: есть волны ручьевъ, рѣкъ, океановъ, народовъ, человѣчества и міровъ. Ночью на небѣ мы непосредственно можемъ видѣть самыя большія волны. Среди млечнаго пути разсѣяны пятна синихъ туманов, изъ которыхъ возникнутъ еще системы новыхъ солнцъ, новыхъ сателитовъ. Мы видимъ глыбы матеріи, еще метаемыя хаосомъ дѣвственнаго огня, мы видимъ остывшія планеты, окруженныя дыханіемъ атмосферы, подобно нашей землѣ, и мы имѣемъ тутъ же рядомъ съ собой луну—сожженную, умершую и тихую.

Посмотри на луну! она имѣла свой зенитъ, пережила трагедію заката, и теперь она въ періодѣ спокойствія. Та же судьба, согласно симметріи космическихъ движеній, ждетъ и насъ на землѣ; а когда? Черезъ милліардъ столѣтій, или черезъ часъ, это для космическихъ измѣреній пустая и неинтересная подробность. Мы знаемъ, что земля умретъ. Мы знаемъ, что сначала палецъ времени сотретъ съ нея плѣсень, называемую человѣчествомъ, а потомъ постепенно сотретъ болѣе низкія плѣсени, и наконецъ и тѣ, что создались первыми изъ вѣтра, глины и воды.

И если бы въ далекомъ будущемъ кто-нибудь воскресилъ тебя и вернулъ на этотъ полюсъ, къ которому вы, земные люди приросли умомъ и сердцемъ, какія точки опоры для воли и мысли нашла бы ты на его лунныхъ развалинахъ? Ты была, подобно фаустовскому Евфоризіону, дитя земной красоты, о которомъ даже темная Форкіада должна была сказать, что въ его жилахъ горѣли ангельскія мелодіи; тебя разбила, подавила бы реальность бытія и, можетъ быть, только какой-нибудь клочекъ твоей зари на одинъ мигъ засіялъ бы на мертвомъ солнцѣ. Или ты бы безслѣдно развѣялась, подобно украинскому Эоліону, уплывшему съ своей арфой такъ внезапно, что даже лебеди не успѣли запѣть свою пѣсню.

Полюсъ, гдѣ остановилась моя мысль, лежитъ въ иной сферѣ. Мой полюсъ выше началъ, расцвѣтовъ и смертей. Его наполняетъ мелодія, гдѣ каждый ритмъ и аккордъ составляютъ волнистые проблески міровъ. Развѣ нашлись бы на языкѣ смертныхъ Евфоризіоновъ нужныя краски, чтобы описать горизонты, гдѣ раздаются эти мелодіи? Да и не нужно опредѣлять ихъ убогимъ человѣческимъ языкомъ, чтобы понять, что всякій, кто только однажды взглянетъ на этотъ вихрь блестящихъ звѣздъ, уже не найдетъ покоя на землѣ и вѣчно будетъ рваться — ad astra.

Если ты понимаешь или хотя чувствуешь красоту и величіе наивысшихъ звѣздъ, то ты не будешь удивляться тому, что надолго никто не можетъ и не долженъ останавливать меня здѣсь, въ вашемъ мірѣ. Ты поймешь, что слабый человѣческій духъ, истошающійся часто при одномъ видѣ такихъ горизонтовъ почти до дна, долженъ заботливо сохранять каждый лучъ своей силы, и ты поймешь, какъ вредны

для него всѣ блуждающіе огни настроеній, а я слабъ для нихъ. Постоянно и постоянно открывается мое сердце для земныхъ красокъ и голосовъ, и, хотя я ничего не люблю истинной любовью, я все больше начинаю бояться, что я никогда не перестану желать любви.

Мелочь, но я недавно испыталъ въ этомъ отношеніи непріятное для себя ощущеніе, одно проявленіе котораго уже обезпокоило меня. Вчера, во время вечерняго концерта, въ курзалѣ, у меня была встрѣча неожиданно взволновавшая меня. Я очутился по сосѣдству съ молоденькой англичанкой, въ кругу нѣсколькихъ лицъ смотрѣвшей на рулетку; поводомъ къ тяжелому впечатлѣнію послужило ея большое сходство съ одной тоже молоденькой полькой, съ которой я познакомился прошлымъ лѣтомъ въ Швейцаріи. Я провелъ съ ней недалеко отсюда, въ Гейсбахѣ, на Бріенцкомъ озерѣ, у подножья великолѣпнаго водопада, нѣсколько недѣль, и это знакомство я старался похоронить въ прахѣ забвенія. И вотъ вчера, обманутый сходствомъ, инстинктивно едва не протянулъ къ ней рукъ и, нужно было нѣкоторое напряженіе мысли, чтобы увѣрить себя, что то не могла быть она... Англичанку я быстро потерялъ изъ виду, но впечатлѣніе встрѣчи еще сильно напоминаетъ мнѣ Гейсбахъ... Вотъ эклога и элегія, преслѣдующія сфинксовый тронъ отступника!..

Кто знаетъ, можетъ быть, познакомившись съ Красовцами, я началъ бы тосковать потомъ о тамошнихъ лицахъ и еляхъ, о шелестѣ хлѣбовъ и шумѣ сосенъ, а, можетъ быть, о будникахъ, дремлющихъ въ тѣни дуба? Но теперь я шлю привѣтъ всему, что растетъ, цвѣтетъ, думаетъ, страдаетъ въ Красовцахъ, и несмотря на грозящую мнѣ опасность

новой эклоги, я прошу о скоромъ эхѣ изъ далекаго одиночества, эхѣ, которое на фонѣ сезона въ Интерлакенѣ и полиглотической пестроты, кажется мнѣ чѣмъ то почти легендарнымъ...

О возьми въ руки арфу!

IX.

Красовцы.

Я принимаю арфу, поданную мнѣ тобой, и поднявъ руки, подставляю ее вѣтрамъ, тѣмъ легкимъ, шепчущимъ и ароматнымъ вѣтрамъ, что отъ короны къ коронѣ цвѣтка и отъ чаши къ чашѣ сердца разносятъ по свѣту распыленные брилліанты и виноградныя гроздья! Пусть зазвенятъ на ней эти крылатые вѣстники, что, какъ подчашіе древнихъ пировъ, какъ златокудрые пажи, наливаютъ пирующимъ чаши бытія, огнемъ изъ Фалерна, медомъ изъ Гимета. Пусть на струны, поданныя тобой, упадутъ гибкія вѣтви грабинъ, пусть осыпетъ ихъ своими гранатами созрѣвшая ежевика, пусть ихъ охватитъ жаръ іюльскаго полудня.

Тамъ, гдѣ на розовомъ мергелѣ растетъ густой лиственный лѣсъ, на богатыхъ всевозможными листьями Грудахъ, сегодня было жарко, душно, сонно, деревья стояли влажные отъ тающаго аромата, травы отъ высыпавшихся изъ вымянъ растеній жемчужныхъ и серебряныхъ сѣмянъ. Въ низкомъ кустарникѣ блестѣли, какъ гранаты, ягоды ежевики, массы цвѣтущаго кипрея ложились пятнами фіолетоваго пурпура на черные пни, и бодрствовали одни лишь цвѣты, вмѣстѣ съ испаряющимися отъ жары ароматами, играя съ міромъ солнца, разбившимся на милліарды сверкающихъ пылинокъ. Все же остальное было сонно или засыпало.

Сонно висѣли на вѣткахъ неподвижныя листья, въ кругообразно сотканной среди вѣтвей паутинѣ спалъ паукъ, какъ золотистая точка, соединяя въ себѣ лучи серебристаго круга. Въ высокихъ гнѣздахъ, въ морѣ зелени, закрывъ вѣками кровавые зрачки, спали коршуны; заснули бѣлки въ дуплахъ деревьевъ, серны граціозно вытянулись на верескѣ. Уснули, запутавшись въ густой поросли деревьевъ, волнистыя гусеницы; спали мотыльки, прижавшись къ гибкимъ вѣткамъ, сложивъ крылья, какъ для молитвы. За стѣнами, сотканными изъ нервныхъ растительныхъ тканей, притаились остановившіеся въ своемъ полетѣ вѣтры и, приложивъ къ щелямъ шепчущія губы и уши, прислушивались, не движется ли что-нибудь въ святынѣ жары и молчанія? Не дышитъ ли, не говоритъ ли тамъ кто-нибудь? Нѣтъ, ничто не двигалось, ничто не говорило, даже не шептало, даже, казалось, не дышало! Только обезумѣвшіе ароматы заполняли влажный воздухъ, да повсюду разсѣянныя краски танцовали съ распыленнымъ блескомъ.

Замѣчалъ ли ты когда-нибудь, какъ длинныя вѣтви грабинъ съ гибкостью тростника ложатся на сосѣднія деревья, сплетаясь передъ шагами прохожаго въ упрямыя и упругія преграды? Я развела руками упругія, длинныя вѣтви грабинъ съ большими, холодными листьями и, едва выглянувъ изъ нихъ — остановилась. Остановилась среди ежевики и хмеля, милліардами своихъ колючекъ оцѣпившаго меня до самыхъ плечъ, и, поднявъ надъ головой фестоны тяжелой, зеленой портьеры — смотрѣла.

Небольшая, круглая поляна, окаймленная темнымъ лѣсомъ, лежала залитая лучами солнечнаго свѣта въ густой волнѣ созрѣвшей ржи, отъ нея тянулась въ лѣсъ узкая дорожка, уходившая прямой линіей межъ

двухъ высокихъ стѣнъ, въ недостижимую даль. На краю ржаного поля стояли два человѣка: молодой парубокъ и дѣвушка, они стояли среди роскошной травы, доходившей имъ до колѣнъ, какъ я была до самыхъ плечъ среди ежевики и хмеля. Я узнала ихъ: то были правнуки колонистовъ — пионеровъ, полтора столѣтія тому назадъ поселенныхъ въ безлюдной тогда чащѣ смѣлымъ реформаторомъ - финансистомъ, чтобы они своими могучими руками сдѣлали въ нихъ просѣки для общественной промышленности и богатства.

Они стояли недалеко отъ меня, близко другъ къ другу, они устроили себѣ изъ этой встрѣчи короткій, сіяющій праздникъ. Дѣвушка, опустивъ одной рукой серпъ на яркую тѣнь юбки, пальцами другой ласкала высокій колосъ ржи; онъ скрестилъ свои руки на грабляхъ, рѣзкой линіей лежавшихъ на его плечахъ, и такъ они стояли, молча, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, только утонувъ глазами одинъ въ другомъ. На ихъ серьезно сжатыхъ губахъ не было улыбки, по гладкому лбу не пробѣгало ни одного движенія, и эти неподвижныя фигуры, съ неподвижными профилями, скованные только магнитомъ глазъ, выдѣлялись на фонѣ золотистой пшеницы и темнаго лѣса, какъ статуи, воплощающія чистый и торжественный моментъ счастія. Они сіяли торжествомъ обрученія, совершаемаго на жаркомъ и тихомъ лонѣ природы; они были такъ же, какъ и природа, горячи и тихи, — надъ ними, надъ окаменѣвшими въ золотомъ зноѣ деревьями, колосьями, травами, казалось, неслось эхо сабеистической пѣсни о солнцѣ:

Тихо, тихо ѣхалъ Богъ черезъ горы и долины,
Не дрогнули передъ нимъ ни цвѣтущая пшеница,
Ни лицо пахаря...

Дрогнули отъ внутренняго солнца губы дѣвушки и, подобно коралловымъ раковинамъ, открыли рядъ жемчуга. Тогда улыбнулся и онъ, отвелъ ея руку отъ колоса ржи, и они пошли, держась за руки, среди пшеницы, по межѣ, по узкой, прямой тропинкѣ и долго еще на фонѣ яркой одежды искрилась сталь серпа, то сильнѣе, то слабѣе, пока наконецъ не погасла совсѣмъ.

Никогда еще мой легконогій Авизъ не шелъ такъ медленно, медленно, какъ теперь, когда я возвращалась домой, подъ сводами широкаго лѣсного купола — съ богатыхъ листьями Грудъ... — „тише, Авизъ, тише!“ просила я и мечтала о какой то лодкѣ, такой легкой, какъ видѣніе, которая бы медленно, медленно, безъ движенія веселъ и безъ плеска волнъ, несла бы меня по какому то плесу, блестящему, какъ лунные лучи, къ какимъ то неизвѣстнымъ мірамъ, къ какимъ то „цвѣтущимъ садамъ“, „лазурнымъ гротамъ“ ...

Ахъ! Эти цвѣтущіе сады! Ахъ! Эти лазурные и розовые гроты! Съ иронической улыбкой желѣзная дѣйствительность разрываетъ лунное серебро мечты! Fata-morgana скользитъ по землѣ, чтобы къ ногамъ работниковъ подбрасывать камни оскорбленій! Миражи часто сбываются среди будниковъ, но чѣмъ выше и выше возносится духъ человѣка, тѣмъ быстрѣе улетаютъ они отъ него, далеко, далеко и пропадаютъ въ туманныхъ кладбищахъ несбывшихся сновъ. . .

. . . . . .

Какъ ты гордъ! Если бы сто Пеліоновъ поставить на сто Оссъ, то и то ихъ высота не сравнилась бы съ твоей гордостью! Ты полагаешь, что находишься внѣ человѣчества, надъ человѣчествомъ, разрѣшенный отъ обѣтовъ братства, которыми связы-

ваетъ людей кольцо общихъ высокихъ предназначеній? Это меня удивляетъ. Я всегда полагала, что къ чѣмъ большему величію стремится взоръ и душа человѣка, тѣмъ болѣе малымъ чувствуетъ онъ себя, тѣмъ упорнѣе направляетъ онъ свои силы къ безсмертнымъ солнцамъ, тѣмъ яснѣе для него, что онъ предъ ними тѣнь, слуга, ихъ смиренный чтитель.

И напрасно ты высмѣиваешь слова „блаженны нищіе духомъ“, они только ложно понимаются въ нашей обыденной жизни. Въ ихъ настоящемъ значеніи „нищій духомъ“ не тотъ, у кого нѣтъ никакихъ духовныхъ сокровищъ, а тотъ, который, какъ бы ни были велики его богатства, самого себя не считаетъ лучшей драгоцѣнностью въ сокровищницѣ міра. Быть „нищимъ духомъ“ это значитъ чувствовать себя малымъ вмѣстѣ съ малыми, не обращая вниманія на неизмѣримое превосходство своего роста. Это не только возвышенно, но и весьма разсудительно, да и въ самомъ дѣлѣ, каково же наше величіе, хотя бы и самое великое, и каковы наши богатства, хотя бы и самыя великолѣпныя, передъ лицомъ тѣхъ мукъ, той нищеты и той тлѣнности, безконечность которыхъ каждый изъ насъ носитъ самъ въ себѣ?

Ты смотришь съ глазу на глазъ въ безконечность матеріи, а что ты дѣлаешь съ духомъ? Ибо всѣ тѣ солнца, звѣзды, метеоры, кометы, млечные пути, всѣ группы атомовъ, отъ амебы въ каплѣ воды, до свѣтской львицы, колышущейся въ тактъ музыки въ объятьяхъ свѣтскаго шеголя, управляемыя единымъ закономъ бытія и стремленіемъ къ его удовлетворенію, есть лишь глыбы матеріи разныхъ формъ и размѣровъ, созданныя на непонятномъ для насъ станкѣ вселенной. А гдѣ же другая сторона медали, та, на которой духъ, послѣ безконечныхъ преобразованій,

достигаетъ Кортезіева: „Я мыслю, значитъ, я существую“, или Христова: „Пріидите ко мнѣ, всѣ страждущіе!“

Гдѣ же помѣстишь ты на своихъ горизонтахъ такое явленіе, что даже молодая пара будниковъ, горящая огнемъ закона бытія, не бросается одинъ къ другому съ крикомъ бѣшеной радости, какъ волкъ и волчица, но стоитъ другъ противъ друга въ скромной и задумчивой тиши, въ пѣснѣ сердецъ, предшествующей восторгамъ тѣла, ибо для этихъ восторговъ эта пѣснь есть поэзія и искупленіе? . .

. . . . . .

Кто же это та молодая полька, встрѣченная тобою въ Гейсбахѣ, чей образъ такъ врѣзался въ твою память? Какъ она выглядитъ? Какъ ея имя? Гдѣ она теперь находится? Образъ, запечатлѣнный твоей памятью, долженъ быть весьма колоритнымъ и выпуклымъ, коль скоро подъ его вліяніемъ Сфинксъ, смотрящій въ безконечность матеріи съ высоты ста Оссъ и ста Пеліоновъ, нашелъ въ себѣ силы смиренно признаться, что и онъ носитъ въ себѣ то дыханіе духа, выраженіемъ котораго является сердце! Разскажи мнѣ что-нибудь о молодой героинѣ эклоги въ Гейсбахѣ . . . . . .

. . . . . .

Можетъ быть, я сдѣлаю слишкомъ смѣлую метафору, если скажу, что на почвѣ человѣческихъ душъ любовь вырастаетъ въ столь разныхъ формахъ и видахъ, сколько имѣютъ ихъ растенія, произрастающія на разной почвѣ пущи. Люди удивляются, что любовь „ея и его“ часто, весьма часто, предвѣщая сначала чудеса и рай, быстро превращается въ обыденность и адъ. Но замѣчаетъ ли кто-нибудь, что человѣческія пары обычно проносятъ свою любовь черезъ

ворота жизни въ такихъ легкихъ и пустыхъ сердцахъ, какъ будто бы вмѣстѣ съ ними они вступали въ залу съ вѣчно натертымъ паркетомъ, съ вѣчно зажженными снопами свѣта, съ вѣчно гремящей, веселымъ танцемъ, музыкой — словомъ въ залу, гдѣ въ честь ихъ и ради ихъ торжества долженъ праздноваться вѣчный банкетъ.

Сердца, въ которыхъ влюбленныя пары проносятъ свою любовь черезъ ворота жизни, это пустыни, надъ ними одна лишь птица жажды стремится къ единственному солнцу наслажденія. Что жъ удивительнаго, что, когда неизбѣжная колея человѣческихъ событій гаситъ это солнце, птица остается во мракѣ, или на крыльяхъ жажды летитъ къ другимъ пирамъ, а въ банкетной залѣ не остается ничего, кромѣ капли крови, вытекшей изъ пораненныхъ сердецъ и крыльевъ, кромѣ наполняющаго мракъ запаха выдохшагося вина, увядшихъ померанцевъ и разсыпаннаго перца?

Что жъ? И не желая, я снова должна рисовать тѣ самые столбы, что на твоей географической картѣ означаютъ этапъ человѣческаго развитія, уже давно пережитый, а на моей картинѣ міра возносятся, какъ вѣчныя колонны, поддерживающія куполы всѣхъ Пантеоновъ и Партенононовъ, всѣхъ башенъ и сокровищницъ человѣчества.

Двѣ души, взаимно отвѣчающія другъ другу и бодрствующія надъ самими собой, дѣлящіяся между собой сухимъ хлѣбомъ земного труда, пьющія изъ одной чаши земныхъ страданій, на однихъ крыльяхъ взлетающія на небо райскаго упоенія, двѣ души, что изъ жажды идеала куютъ щитъ противъ зла и соху для вспахиванія почвы подъ посѣвъ добра; двѣ души, что умѣютъ творить изъ собственныхъ

желаній на алтарѣ всесожженія, а въ сердечной крови, обливающей жертву, находить черные жемчуги счастія; двѣ души, заселенныя хоромъ нетлѣнныхъ, безсмертныхъ созданій, что вступающую въ ихъ кругъ тлѣнную и смертную любовь „ея и его“ поятъ свѣтомъ высокихъ вдохновеній, медомъ утѣшенія и элексиромъ вѣчной жизни — видѣлъ ли ты когда-нибудь соединеніе такихъ двухъ душъ, видѣлъ ли любовь, отлитую въ наиболѣе драгоцѣнную и рѣдкую форму. Она неслыханно рѣдка, ибо кто же посвящаетъ себя искусству, необходимому для ея возсозданія? Это искусство умѣть распознавать голоса матеріи отъ голосовъ духа и вести всѣ нити жизни отъ земли къ небу.

Помнишь ли ты тотъ моментъ путешествія Алигіери по небеснымъ сферамъ, когда онъ увидѣлъ себя вмѣстѣ съ Беатриче заключеннымъ въ жемчужинѣ, принявшей ихъ въ свое лоно, какъ капля воды принимаетъ лучъ солнца. То была звѣзда, имѣющая на себѣ какіе-то темные знаки. Беатриче, со взглядомъ, устремленнымъ на круги вѣчности, такъ объясняла небесное бытіе своему земному возлюбленному:

„И небо въ звѣздномъ пламенномъ вѣнцѣ
Изъ безднъ ума, — чьей силою кружится, —
Пріемлетъ видъ свой и печать въ лицѣ.
И какъ душа, что въ бренныхъ насъ таится
По разнымъ членамъ, примѣняясь къ ихъ
Различнымъ отправленьямъ, въ васъ дробится,
Такъ разумъ высшій благость силъ святыхъ
Въ милліонахъ звѣздъ являетъ раздробленный,
Вращаясь самъ въ единствѣ лицъ своихъ.
Различьемъ силъ различно сопряженный
Съ безцѣннымъ тѣломъ, что онъ самъ живитъ,
Онъ связанъ съ нимъ, какъ жизнь въ васъ
плоти бренной

Изъ радостной природы, въ міръ излитъ,
Духъ смѣшанный сіяетъ въ тѣлѣ томъ,
Какъ радостью зѣница глазъ блеститъ".

А такъ какъ лицо Алигіери все еще заволакивала печаль несовершеннаго познанія, то Беатриче, смотря на него съ такой улыбкой, что „человѣкъ и на пыткѣ чувствовалъ бы себя счастливымъ", продолжала:

О, если здѣсь я пламеннѣй пылаю,
Чѣмъ на землѣ, и страстью такъ горю,
Что силу глазъ твоихъ я побѣждаю,
То не дивись и вѣдай: глубже зрю
Я Благо то, къ нему же быстротечно,
Чѣмъ выше мчусь, свободнѣй тѣмъ парю [1].

Не одинъ только путь науки ведетъ насъ къ познанію. Часто поэты, благодаря наивысшей силѣ чувства, взлетаютъ къ эмпирейскимъ высотамъ и видятъ тотъ центральный пунктъ, изъ котораго на Вселенную „льется разнообразіе свѣта". Иногда именно поэты достигаютъ наивысшаго познанія, ибо они сами есть глубочайшій источникъ льющагося съ вершины свѣта, наивысшее выраженіе средоточія и напряженія силы чувства. Надъ землей, кромѣ освѣщающей земную ночь луны разума, горитъ еще оживляющее все, что живетъ, солнце чувства; кто отдалится отъ этого солнца, жизнь того должна обрисовать на небѣ ночную дугу.

Ключи отъ всѣхъ вопросовъ человѣческой жизни заключаются въ отношеніяхъ живущихъ къ той наивысшей Мысли и Любви, на которую указывала Беатриче Данте изъ лона жемчужины — звѣзды. Тѣ золотоносныя жилы, по которымъ пробѣгаетъ наша душа, какъ-то: вѣра, наука, искусство, любовь

[1] Перев. Дм. Мина.

„ея и его“, это лѣстница со столькими ступенями, сколько стремленій къ великимъ цѣлямъ горитъ въ человѣческой груди. А каждая изъ этихъ ступеней тѣмъ болѣе сильными нитями соединена съ центральнымъ пунктомъ Всебытія, съ Наивысшей Мыслью и Любовью — Богомъ, чѣмъ полнѣе форма ея сливается съ волей художника — и чѣмъ менѣе глуха матерія къ призывамъ духа...

Такъ рисуется мнѣ любовь „ея и его“, . . . но немедленно же разсѣивается и исчезаетъ на кладбищѣ не сбывшихся сновъ.

А теперь вторая эклога и вмѣстѣ съ ней, можетъ быть, краткая строфа эпоса.

Начинается, какъ въ сказкѣ.

Жилъ былъ вблизи этой пущи мужъ сильной руки и великаго сердца, получившій откровеніе, что подъ куполъ замка, грозящій обваломъ, онъ долженъ подставить колонны, а стѣны его, покрывающіяся блѣдностью смерти, окрасить яркимъ колоритомъ жизни. Получивъ откровеніе, возвѣщавшее ему подвиги и труды, онъ смиренно сказалъ: „хорошо, о Господи! твою волю я исполню“, а потомъ широкимъ взглядомъ повелъ вокругъ себя, ища на горизонтѣ мрамора для колоннъ, желѣза и пурпура для гематита жизни. Этимъ взглядомъ онъ встрѣтился съ темной, глубокой, полной тайнъ пущей, орлинымъ крыломъ ударилъ о нее и воскликнулъ: „Сезамъ, откройся“. Имя этого мужа было Антоній Тизенгаузъ. Имя звучало чуждо, но тотъ, кто его носилъ, былъ роднымъ и добрымъ сыномъ замка.

И онъ сталъ тогда открывать сокровищницу. Призвавъ изъ сосѣдней мазовецкой стороны свободныхъ людей, носившихъ шляхетскія имена Добржинскихъ, Млодницкихъ, Володковичей и т. д., онъ

отдалъ зачарованные ключи ихъ отважнымъ и сильнымъ рукамъ. Обезлюдѣлъ тогда въ Мазовіи не одинъ хуторъ, по словамъ поэта: „славившійся широко мужествомъ шляхтичей и красотой шляхтянокъ“, но взамѣнъ пуща закипѣла человѣческой жизнью.

И до того уже не разъ кипѣла тутъ человѣческая жизнь. При музыкѣ охотничьихъ трубъ, ягелонскіе отряды клали трупомъ тысячи зубровъ и лосей, долженствовавшихъ питать рыцарскія рати грюнвальдскихъ побѣдителей; ударяясь о высокіе своды липъ и лиственницъ, здѣсь разносилось въ торжественныхъ кликахъ любимое имя Сигизмунда Августа; а еще въ одинъ изъ моментовъ, исчезнувшихъ въ океанѣ времени, по мосту, переброшенному черезъ Лсну, въ своей королевской славѣ проѣзжалъ мудрый семиградчанинъ и, покрывъ пуромъ охотничьихъ шатровъ одно изъ урочищъ, онъ навсегда связалъ съ нимъ имя Баторія. Но то были краткіе моменты, послѣ нихъ дно зеленаго моря снова заполнила бездонная тишина, таящая въ себѣ только шумъ Боръ-Лады и грохотъ и гулъ звѣриной борьбы, любви и гнѣва.

Теперь тутъ кипитъ не та жизнь, какая на высотѣ замковъ горитъ шлемами роскоши или славы, но та, что у основъ общества мелькаетъ сталью топоровъ и тѣми искрами, которыя разжигаютъ въ капляхъ человѣческаго труда жаркія солнца и блѣдные мѣсяцы. Народъ свободный, мужественный, сильный, сознающій, что онъ творитъ, поднялъ топоры, огнемъ наполнилъ пасти смолокуренъ, зубами пилъ заскрежеталъ по тѣламъ лѣсныхъ великановъ, а въ стѣнахъ плавильни изъ растопленной матеріи сталъ скручивать пламенныя змѣи. И неизвѣстно, потому ли, что смолокурни и плавильни

строились въ формѣ снопообразныхъ и круглыхъ будокъ, или потому, что отголоски закипѣвшей жизни выгоняли изъ ночныхъ логовищъ угрюмыхъ зубровъ и пугливыхъ ланей, а въ глубинѣ лѣса будили эхо, спавшее уже цѣлые вѣка, но народъ этотъ получилъ имя будниковъ.

То было давно, давно. На часахъ времени стрѣлки съ тѣхъ поръ подвинулись почти на два часа, на человѣческомъ языкѣ называемыхъ столѣтіями. Въ то время еще табуны дикихъ коней топотомъ копытъ и веселымъ ржаніемъ наполняли лѣса и луга; медвѣди, спокойно сидя на верхушкахъ липъ, съ ворчаньемъ наслажденія грабили медъ изъ неисчислимыхъ пчелиныхъ ульевъ; рыси по ночамъ зажигали на деревьяхъ иллюминацію блестящихъ глазъ; на Лснѣ, Наревкѣ, Бѣлой, Оленкѣ, Криницѣ, Гвозной, всюду, гдѣ только была вода, народы бобровъ съ громкимъ крикомъ строили свои художественные деревни и городки.

Тогда, кромѣ тѣхъ отважныхъ и сильныхъ людей, что по призыву мужа съ великимъ сердцемъ, бросили шумный, блестящій міръ и поселились въ здѣшней тиши и тѣни, тутъ еще никого не было.

Изъ ихъ рукъ бѣловѣжскія сосны, въ видѣ высокихъ, крѣпкихъ мачтъ, плыли по далекимъ морямъ и широко по свѣту разливалися медовыя рѣки. Изъ ихъ рукъ въ храмахъ и танцовальныхъ залахъ сіяли лучами свѣта восковые факелы, а изъ вѣчно-прочныхъ досокъ воздвигались стѣны дворцовъ и храмовъ. Ихъ руки обвивали вокругъ изнѣженныхъ тѣлъ медвѣжьи, бобровыя и волчьи шубы, подъ усталые члены борцовъ разстилали лосиныя шкуры, а столы пирующихъ осыпали дождемъ стекляннаго и хрустальнаго блеска.

Сознавая свои труды, они требовали для себя правъ, равныхъ этимъ трудамъ, а такъ какъ родомъ они были отъ тѣхъ, что по роднымъ хуторамъ, по словамъ поэта, „имѣли щеколды, гвозди, крюки, либо усѣченные, либо носящіе знаки сабли“, то здѣсь творились иногда удивительныя, суровыя и страшныя дѣла. Когда этотъ народъ, такой свободный, какъ живущіе съ нимъ рядомъ табуны дикихъ коней, и такой закаленный, какъ желѣзо топоровъ, которыми онъ перековывалъ сосны въ золото, становился стѣной, противъ чего-либо, то разрушить эту стѣну было такъ же трудно, какъ переломить въ пальцахъ одинъ изъ тѣхъ дубовъ, въ дуплѣ котораго свободно можетъ повернуться конь съ ѣздокомъ. Ежедневно смола, а въ праздникъ кровь борьбы текла изъ подъ его рукъ.

Каждую минуту, тихо задумчивый, какъ мазовецкія равнины и какъ эта пуща, для своей борьбы и въ свою защиту онъ имѣлъ, подобно зубрамъ, лосямъ и рысямъ пущи, клыки, рога и сверкающіе глаза.

Высокій и сильный народъ росъ на этой почвѣ, бросавшей сосны къ облакамъ, охраняемый вуалями тѣней, которыми лѣсъ заслонялъ его отъ солнечнаго жара, онъ углублялъ свою душу подъ глубокими сводами лѣсныхъ дорогъ и сцена его жизни на фонѣ лѣсныхъ кулисъ неоднократно звучала голосами суровыхъ трагедій, лирическихъ идиллій, или эпосовъ непоколебимаго мужества . . .

Пока, наконецъ, не утихло все, и шумная стихія, разливавшая по широкимъ пустынямъ волны дикой или героической поэзіи, не поплыла тѣснымъ, сонным, монотоннымъ русломъ, а надъ нимъ теперь одна лишь волшебница могучей и свободной природы развертываетъ свои чарующія полотна.

Но живы воспоминанія. Есть въ одномъ мѣстѣ окопы, заросшіе молодымъ дубнякомъ, съ высокимъ и длиннымъ курганомъ посрединѣ.

Тамъ, среди тонкихъ дубовъ, залитый розовымъ свѣтомъ заката сѣдой Добржинскій иногда разсказываетъ, чьи руки копали этотъ лагерный валъ, и кто спитъ вѣчнымъ сномъ подъ курганомъ, покрытымъ звѣздами безсмертниковъ и высокими стеблями лиловыхъ колокольчиковъ. И когда онъ разсказываетъ, глаза его въ глубокихъ впадинахъ горятъ, какъ раскаленные уголья, а если тамъ на курганѣ застанутъ его сумерки и надъ окопами пронесется звонъ колоколовъ подземнаго города, то увядшія губы старика шепчутъ: „и вѣчный свѣтъ пусть свѣтитъ имъ, о, Боже, Боже“!

Нѣсколько дней тому назадъ мой Авизъ примчалъ меня въ одно изъ ближайшихъ будничьихъ поселеній; я сидѣла въ усадьбѣ Добржинскихъ, чистой, зеленой, съ букетомъ березовыхъ вѣтокъ у воротъ, открытыхъ на широкіе луга, окаймленные полукругомъ лѣса; я сидѣла подъ грушей, и ея вѣтвистый зонтикъ разросся такъ широко, что заходящее солнце не достигало даже края моего платья и только у ногъ моихъ ткало по муравѣ сѣть изъ золотыхъ нитей. Я была не одна и не тишина окружала меня. Наоборотъ, надъ моей головой чирикали птицы, а вокругъ меня щебетала масса дѣтей.

Ихъ было множество. Смотря на нихъ, я думала, если бы ты могъ ихъ видѣть... О, если бы ты видѣлъ ихъ льняные кудели надъ лбами, которые солнечные поцѣлуи покрыли здоровой смуглотой, а изъ подъ этихъ лбовъ блестящій рой голубыхъ и карихъ звѣздочекъ, красныя губки, дрожащія отъ смѣха; въ ихъ мелкихъ зубахъ, какъ орѣхи у

бѣлокъ, хрустѣли конфекты, а руки, какъ колыхаемыя вѣтромъ вѣтки, протянулись къ блестящимъ крестикамъ и яркимъ буквамъ азбуки; если бы ты видѣлъ, какъ потомъ, среди разстегнутыхъ рубашекъ, крестики разсыпались серебряной росой по дѣтскимъ грудямъ и какъ ихъ блескъ спорилъ съ блескомъ голубыхъ и карихъ звѣздочекъ, — если бы ты все это могъ видѣть, я убѣждена, о! убѣждена, что твои глаза съ наслажденіемъ утонули бы, какъ утонули мои, въ млечномъ пути невинности и радостнаго очарованія!

Потомъ молодая Добржинская, гибкая и стройная мазурка съ тяжелой косой на головѣ, вышла за ворота усадьбы, и я видѣла, какъ она долго ходила вдоль гряды астръ, расцвѣтшихъ подъ окнами свѣтлицы во всей своей красотѣ, разноцвѣтныхъ, высокихъ, громадныхъ.

Она присматривалась къ цвѣтамъ, выбирала, колебалась недовольная ни однимъ, наконецъ сорвала одну, быстро миновала дворъ и, подавая мнѣ бѣлоснѣжный цвѣтокъ на длинномъ стеблѣ, сказала съ улыбкой: „самая красивая“.

Она опустила вѣки, рѣсницы бросили тѣнь на мелкія черты ея лица, покрывшагося розовымъ облакомъ румянца. Я приколола астру къ груди, и мое сердце удивительно легко забилось при видѣ этой благодарности матери за радость дѣтей. То была зачарованная въ бѣлоснѣжномъ цвѣткѣ капля той нѣжности — что такъ необходима человѣческой жизни, для раны человѣческой груди, именуемой сердцемъ человѣка!

Потомъ принесли мнѣ подъ грушу пѣнистое молоко и хлѣбъ, пахнувшій землей и кленовыми листьями, и бѣловѣжскій медъ, въ которомъ заклю-

чены всѣ ароматы лѣса, и сладость котораго оставляетъ на нёбѣ горечь, взятую у мяты и аира.

А затѣмъ въ усадьбѣ Добржинскихъ воцарилась тишина; всѣ разсѣялись, разбѣжались; солнце гдѣ то за лугами скрылось съ горизонта, теплый вечеръ окуталъ лѣсъ и деревню сѣрымъ туманомъ, окна домовъ озолотились блескомъ зажженныхъ огней, въ ажурѣ груши стали поблескивать мелкія звѣзды. Молодая Добржинская, давшая мнѣ цвѣтокъ, пѣла у очага, и звуки ея печальной пѣсни долетали подъ навѣсъ груши.

Старый Добржинскій сидѣлъ рядомъ со мной въ такой глубокой тѣни, что виднѣлся только его черный, тонкій силуэтъ. Несмотря на то, что лобъ его изрытъ глубокими морщинами и, когда я пріѣзжаю, онъ зоветъ уже правнука поставить моего Авиза въ удобное мѣсто, самъ онъ все еще высокаго роста, спина его пряма и равна, и говоритъ онъ охотно и много.

— Есть на свѣтѣ очень сильные люди, — говорилъ онъ, — сильнѣе всякаго зла; какое бы тамъ ни стояло предъ ними препятствіе, они каждое, какъ перо, смахнутъ съ своей дороги. Однажды было такъ. Легъ посреди дороги, гдѣ людямъ ходить надо было, камень такой страшной величины, что онъ ни пройти, ни проѣхать никому не давалъ. У однихъ изъ за него разбились колеса телѣгъ, другіе, споткнувшись, смертельно разбились, а иные принуждены были далеко вокругъ объѣзжать его. Откуда взялся этотъ камень? неизвѣстно; навѣрно, земля сама выбросила его на мученіе человѣка, ибо каждый знаетъ, что земля, будучи нашей кормилицей, умѣетъ быть иногда для человѣка и суровой мучительницей. Но довольно того, что сколько есть во

всей пущѣ и ея окрестностяхъ людей, всѣ отъ жестокаго камня терпѣли бѣды и непріятности, а иногда даже и несчастія. Наконецъ, переполнилась чаша людского терпѣнія, и однажды всѣ, кто живъ, собрались вмѣстѣ и соединились противъ общаго врага. Какъ вѣтви вокругъ дубоваго пня, такъ самыя сильныя руки оплелись вокругъ камня и гей! го! Вверхъ его! Сильнѣе! Дальше! Еще разъ! еще разъ! Ничего. А пусть его молнія хватитъ! Какъ лежалъ, такъ и лежитъ, среди красноватаго мха, что оброс его кругомъ, и съ насмѣшкой скалитъ свои бѣлые зубы.

Стали всѣ, опустивъ руки, въ большой печали, вдругъ, видятъ, что кто-то подъѣзжаетъ по дорогѣ, а какъ дорога была лѣсная, то что ни блеснетъ изъ деревьевъ солнечный лучъ, такъ и зажжетъ надъ его головой на высокомъ шлемѣ золотистую звѣзду, или брилліантъ, сверкающій радугой. Панъ не панъ, рыцарь не рыцарь; пожалуй, что рыцарь, ибо шлемъ на головѣ и одежда кой-гдѣ сталью блеститъ. Лицо же его сіяло такой добротой и смѣлостью, что всѣ сразу почувствовали къ нему большую симпатію и довѣріе, а когда онъ приблизился и остановивъ коня, сталъ разспрашивать, почему собрались тутъ люди въ такомъ большомъ числѣ и съ такими печальными лицами, они сейчасъ же разсказали ему свое горе. Такъ и такъ, ясновельможный панъ, разсказываютъ, такъ и такъ: анъ тутъ смотрятъ, на ясномъ лицѣ рыцаря сожалѣніе выступаетъ и онъ съ коня слѣзаетъ. „Я вамъ, — говоритъ онъ, — этотъ камень сброшу съ дороги“. Они на то съ удивленіемъ отвѣчаютъ: „Гдѣ-жъ бы тамъ ясновельможный панъ для насъ такія хлопоты понесъ!“ А онъ имъ съ чудной улыбкой: „Я за-

тѣмъ и ѣзжу по свѣту, чтобы невинныхъ и обиженныхъ спасать". А они снова съ сомнѣніемъ. „Тутъ не хватитъ никакой силы, хоть бы и самой великой!" А онъ имъ съ блестящими, какъ звѣзды, глазами говоритъ. „Моей силы хватитъ, ибо я ее черпаю изъ жалости къ вамъ!" Обвилъ руками жестокій камень, потрясъ имъ такъ, что земля застонала, и бросилъ его далеко въ лѣсъ, гдѣ онъ загремѣлъ въ воздухѣ и съ трескомъ сломалъ нѣсколько молодыхъ елей". Дорога лежала гладкая и ровная, а на человѣческихъ лицахъ, раньше опечаленныхъ, ангельское крыло писало буквы радости. Рыцарь снова сѣлъ на коня и, любезно поклонившись, поѣхалъ дальше спасать невинныхъ и обиженныхъ.

Такъ разсказывалъ старый Добржинскій; такая легенда о мужѣ сильнѣе всякаго зла живетъ среди молчанія и говора пущи. Слышишь ли ты долетающее отъ этой деревенской легенды эхо шаговъ Росинанта, благороднаго рыцаря изъ Ламанча, эхо великодушныхъ, рыцарскихъ чувствъ и исторій? Я полагаю, что самъ король Артуръ охотно бы посадилъ за свой круглый столъ этого товарища, что съ золотистой звѣздой на шлемѣ и чудной улыбкой на лицѣ заблудился на бѣловѣжской дорогѣ.

Стемнѣло; звѣзды уже не разсѣивали мрака, въ которомъ царила такая тишина, что слышенъ былъ слабый трескъ дикаго бальзамина, когда онъ, тронутый крыломъ ночного мотылька, высыпаетъ на траву свои пахучія зерна.

Когда, уже собираясь уѣзжать, я стала на порогѣ комнаты со словами прощанія, меня окружили дѣти, а молодая Добржинская громко всплеснула руками.

— Хотите ѣхать! Какъ же такъ? одной . . . ночью!

И она стала просить и уговаривать меня.

— Останьтесь, переночуйте! Завтра рано утромъ, если спѣшите, успѣете уѣхать, увидите, какъ здѣсь утромъ чудно играетъ разный свѣтъ по деревьямъ и какъ серны бѣгутъ черезъ луга, чтобы напиться воды въ Оленкѣ . . .

Я подумала: дѣйствительно, иной разъ тяжело бываетъ тѣмъ, кто идетъ одинъ ночью, ночью . . . и была благодарна этой крестьянкѣ, за то, что, когда никто обо мнѣ не безпокоится, она обезпокоилась . .

На другой день, когда я рано утромъ покидала селеніе будниковъ, свѣтъ зари чудно игралъ на деревьяхъ, стадо сернъ бѣжало черезъ зеленые луга, двѣ оленьихъ головы съ могучими рогами выглядывали изъ лѣсу, а надъ лѣсомъ, по лазури, разсѣивался, гаснущій румянецъ Аушры.

Надъ деревьями поселка, то выше, то ниже, рисовались на розовомъ небѣ темные силуэты стоящихъ въ гнѣздахъ аистовъ.

X.

Красовцы.

Если бы мои вчерашнія слова уже не улетѣли въ свѣтъ, можетъ быть, сегодня нѣкоторыя изъ нихъ я оставила бы тамъ, откуда они вышли, то есть, въ скрытой для всѣхъ глазъ, кромѣ глазъ Бога, глубинѣ моей души. Но они уже улетѣли, — и я не жалѣю объ этомъ.

Я вовсе не хочу предстать предъ тобой въ видѣ монолита, если по временамъ въ трещинахъ моего существа вспыхиваютъ такіе огоньки, какіе блуждаютъ иногда ночью на почвѣ, при дневномъ свѣтѣ

обрѣтающей спокойствіе и гладкость зеленой равнины. Отнюдь не тревожитъ и не огорчаетъ меня, что одинъ изъ этихъ огоньковъ, въ видѣ раненой птицы, прилетитъ къ тебѣ, дабы коснуться твоего задумчиваго чела и на минуту отдохнуть у твоего сердца.

Не затѣмъ вовсе наши души изъ отдаленныхъ пунктовъ земли ведутъ этотъ разговоръ, чтобы дѣтской игрой въ прятки заполнять рекреаціонное время.

Пусть тѣ трещины имѣются во мнѣ; это проявленіе той подземной работы, для которой нуженъ гаситель. Въ своемъ багажѣ я имѣю его: точное распредѣленіе дней.

Ты, конечно, не догадываешься, что это значитъ? Вотъ, я беру день, какъ страницу чистой бумаги, черчу его клѣтками такимъ образомъ, чтобы ни малѣйшая линія времени не осталась пустой и въ каждой клѣткѣ записываю названіе какого-нибудь дѣла, занятія или обязанности. Потомъ нужно заполнять эти клѣтки соотвѣтствующими занятіями, одна за другой, безъ задержекъ, безъ промедленій, безъ прогулокъ по озерамъ задумчивости, или мечтаній. Паузы не дозволяются. Никакихъ просьбъ отъ черепахи — лѣни, или отъ злого духа — воображенія не принимать! Даже физическимъ силамъ приказывать: должны!

Даже мысли, которой хотѣлось бы вырваться изъ клѣтки и полетать на свободѣ, говорить: „извините! другой разъ я весьма охотно, но сегодня нельзя!“ И такимъ образомъ переходя отъ одной клѣтки къ другой, создать для себя бенедиктинскій уставъ, дабы, кончая день, увидѣть такого ангела, какихъ рисовали бенедиктинки на поляхъ своихъ прекрасныхъ книгъ серебромъ чистоты и лазурью успокоенія.

Говоря попросту, въ нѣкоторые моменты, въ качествѣ лѣкарства прописывается усиленная доза труда; кстати замѣчу тебѣ, что по отношенію къ этому мнимому великому господину я раздѣляю — какъ и во многихъ другихъ случаяхъ — точку зрѣнія пущи, т. е. совершенно противоположную общимъ представленіямъ о немъ.

Я считаю трудъ не великимъ господиномъ, а только слугою великихъ господъ. Есть Олимпъ, на которомъ царятъ короли и боги, но на немъ трудъ имѣетъ только ту привилегію, какую при французскомъ дворѣ имѣли герцогини, то есть сидѣть на табуреткѣ. Короли и боги цѣль, онъ средство, цѣнимое только настолько, насколько цѣнится рука, пользующаяся имъ, засаживаетъ ли она землю сахарнымъ тростникомъ или полынью, строитъ роскошныя зданія или дѣлаетъ дыры въ чужихъ заборахъ. Вѣдь и усовершенствованныя пушки также плоды труда, вѣдь и акробаты работаютъ, часто принужденъ работать въ потѣ чела и спекулянтъ съ толстой кожей на совѣсти и сердцѣ. Съ точки зрѣнія пущи, слѣпой къ блеску золотого тельца и грязныхъ вулкановъ, нельзя абсолютно чтить трудъ, но зато имѣется постоянная и тѣсная дружба съ нимъ, что-то въ родѣ отношеній слабаго созданія къ здоровому и сильному другу.

Какъ другъ доброй воли, одинокаго сердца и огненнаго воображенія, трудъ выполняетъ задачу подкрѣпить, утѣшить и помочь. Его съ виду твердая рука, имѣетъ для плачущихъ материнскія ласки, а грудь, съ виду высохшая, полна молока и вина, услаждающихъ напитокъ жизни и регулирующихъ вращеніе горячихъ струй въ мозгу и сердцѣ. Всѣ эти задачи трудъ выполнялъ по отношенію ко мнѣ

весь сегодняшній день, пока мысли мои не потекли спокойной волной, а ручей ихъ, вчера нѣсколько взволнованный, снова поплылъ спокойно и увѣренно. Ты ошибаешся, полагая, что мой міръ, или — назовемъ его по имени — міръ этическихъ идеаловъ, имѣетъ такъ много точекъ соприкосновенія съ міромъ суетнаго и самолюбиваго наслажденія ... Но какъ же назвать тотъ, другой міръ. Ты, конечно, долженъ знать о тѣхъ особенныхъ птицахъ, родина которыхъ горячія сферы, а единый способъ пропитанія, питье сладкихъ соковъ изъ тропическихъ цвѣтовъ. Ни зеренъ, ни мушекъ они не хотятъ; они пьютъ одни только благовонные цвѣточные нектары, и потому ученые называютъ ихъ нектарниками. И ты полагаешь, что міръ этическихъ идеаловъ больше имѣетъ сходства съ міромъ нектарниковъ, чѣмъ съ міромъ умственныхъ изслѣдованій, въ которомъ живешь ты. Прости, если я назову это мнѣніе поверхностнымъ. Дѣйствительно, по виду можетъ казаться, что, несмотря на рѣзкую разницу, чтители Великаго Добра и нектарники сохранили еще много общаго. Ибо развѣ нектарники не наполняютъ въ праздничные дни костельныхъ сводовъ, развѣ они не устраиваютъ для облегченія человѣческой нужды разнородныхъ зрѣлищъ, не увлекаются эстетическими впечатлѣніями, выполняющими, какъ извѣстно, по отношенію къ этикѣ, весьма важныя задачи.

Но все это одна лишь внѣшность; тонкая скорлупа, охватывающая человѣческія души, которую комбинація внѣшнихъ силъ и событій испещряютъ холмами и долинами, линіи ихъ весьма похожи другъ на друга, но въ невидимой глубинѣ таится ядро совершенно иного свойства.

Человѣческая душа точно также, какъ и земной

шаръ, имѣетъ свою литосферу, различнымъ образомъ изрѣзанную случайными вѣтрами и водами, подъ ея верхней оболочкой скрывается ядро съ неизслѣдованной еще учеными природой, и именно это скрытое ядро, а отнюдь не форма поверхности, рѣшаютъ вопросъ о цѣнности людей, о ихъ взаимномъ сходствѣ. Въ немъ живетъ тайна загадки; почему фарисей, щедро раздающій милостыню, можетъ быть негодяемъ, а грѣшникъ, плачущій о своихъ грѣхахъ, близкимъ къ спасенію.

Признаки души нектарниковъ это: мелочность, легкомыслiе, близорукость и вкусъ, тяготѣющій лишь къ сладкимъ, цвѣточнымъ сокамъ. Эти душонки могутъ быть даже очень милы при близкомъ соприкосновенiи съ ними, они лишены яда, полны грацiи въ выраженiи своихъ словъ и мелкихъ чувствъ, событія жизни могутъ вызывать у нихъ весьма красивыя фразы и хорошiе поступки; но во всякомъ случаѣ это будетъ лишь случайная работа вѣтра и воды, а подъ созданными водой и вѣтромъ холмами и долинами останется все та же душонка, которая, произнося: „идеалъ“—видитъ вдали кустъ, осыпанный розами, а рисуя для своихъ стремленiй и усилiй цѣль, пишетъ на мелкомъ пескѣ своего ума и сердца слово: *я*.

Совершенно иные признаки у жителей другихъ двухъ мiровъ. Какъ бы ни расходились они въ выборѣ звѣздъ и въ выборѣ путей, ведущихъ къ звѣздамъ, ты всегда узнаешь ихъ уже по одному тому, что они стремятся къ звѣздамъ, что они сами сгораютъ въ полетѣ отъ своихъ огненныхъ крыльевъ, можетъ быть, они стремятся къ звѣздамъ и сгораютъ совершенно различнымъ образомъ, но зато всегда на алтарѣ идеаловъ. Изъ атмосферы, окутывающей

ихъ души, слышенъ неумолкающій призывъ: скорѣй! выше! И они напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы схватить какъ можно больше лучей съ короны Правды, или Добра, и имъ не знакомо спокойствіе. Ты можешь узнать эти души еще потому, что онѣ никогда не знаютъ спокойствія, ибо, какъ бы велики ни были накопленныя ими сокровища, имъ всегда кажется, что плоды ихъ трудовъ еще слишкомъ ничтожны, и, каковы бы ни были совершенные ими подвиги, имъ всегда кажется, что они еще ничего не сдѣлали; и это вполнѣ понятно, вѣдь предѣлы своихъ завоеваній они сравниваютъ не съ своимъ собственнымъ ростомъ, не съ человѣческимъ или земнымъ величіемъ, а съ тѣми недостижимыми и необъятными параболами, которыя рисуютъ имъ на небѣ звѣзды ихъ идеаловъ. Ты можешь узнать эти души еще потому, что въ самой глубинѣ ихъ слово *я* отъ края до края поглощено словомъ идеалъ, и еще потому, что размахъ ихъ быстрыхъ крыльевъ очень рѣдко можетъ остановить нѣжность цвѣточныхъ ароматовъ, и если цвѣты даже и остановятъ ихъ, то они пьютъ скорѣе изъ нихъ горечь, а не сладость. Ты можешь узнать эти души еще потому, что въ ихъ груди всегда бьется сердце, и потому, что счастье въ этихъ сердцахъ очень рѣдкій гость, и сердце ихъ подобно гималайскимъ родендронамъ, пурпуровыя чашечки которыхъ могутъ цвѣсти лишь въ глубочайшей тѣни и пылаютъ пурпуромъ тоски одинокіе и неизвѣстные. Одинокими имъ приходится быть, ибо когда сердца нектарниковъ перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ сладости цвѣтка и наслажденія, они говорятъ твоими словами: „намъ, какъ толпѣ, чувствовать нельзя!“ Да такъ и есть:

имъ, какъ толпѣ жить и чувствовать нельзя. Почему? Они испытываютъ то чувство, какое должны испытывать отходящіе отъ алтаря жрецы, они понимаютъ, что руки, касавшіяся величайшихъ святынь, больше чѣмъ всякія другія должны оставаться чистыми.

Они сознаютъ свою великую отвѣтственность, и эта отвѣтственность накладываетъ на ихъ жизнь печать, на которой вырѣзанъ архангелъ съ огненнымъ мечомъ, стоящій на стражѣ у воротъ ихъ стремленій.

Есть два рода человѣческихъ натуръ: ходячій и крылатый. Тѣхъ изъ нихъ, что умѣютъ только ходить, надо постоянно подталкивать крыльями, дабы они не начали ползать. Ты еще потому можешь узнать родственныхъ другъ другу духовъ, что они совершаютъ эту тяжелую обязанность, оказывая тѣмъ важную услугу человѣчеству. Что бы сталось съ міромъ, если бы тѣ, кто носитъ идеалы въ глубинѣ своей души, исчезли съ поверхности земли? Это несомнѣнно было бы такое тяжелое общественное бѣдствіе, какого свѣтъ еще не видывалъ, пуля такого калибра, что по сравненію съ ней всѣ египетскія язвы, свернутыя въ одинъ клубокъ, оказались бы мячикомъ, какимъ играютъ дѣти.

Ты еще и потому можешь узнать братство крылатыхъ душъ, что къ какимъ бы они ни стремились звѣздамъ, они не только сами летятъ къ нимъ, но еще охраняютъ отъ гибели ту слабую нить, которая соединяетъ человѣчество со звѣздами.

Здѣсь я должна спросить тебя: почему ты полагаешь, что мой взглядъ на человѣчество наивный и идолопоклонническій? Однажды я уже тебѣ говорила, что мы здѣсь уже давно перестали быть идо-

лопоклонниками и, что нашу дикость дословно понимать не слѣдуетъ. Мнѣ чуждо дѣтское понятіе, будто бы вселенная со всѣмъ, что въ ней живетъ и дышитъ, создана только къ услугамъ человѣка. Еще въ дѣтствѣ, начитавшись днемъ Фламаріона, я ночью грезила о существахъ, заселяющихъ планету великаго Юпитера. Значительно позднѣе я познакомилась съ Гейне и запомнила разговоръ поэта съ купцомъ, встрѣченнымъ по дорогѣ въ Гарцъ, полагавшимъ, что деревья имѣютъ зеленый цвѣтъ лишь потому, что зеленая краска полезна для здоровья человѣческихъ глазъ, на что поэтъ отвѣтилъ: Богъ создалъ осла затѣмъ, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣкъ имѣлъ точку сравненія, а человѣка затѣмъ, чтобы онъ не былъ ослом. Я не поклоняюсь такъ идолопоклоннически человѣчеству, дабы видѣть во вселенной раба, падающаго ницъ передъ нимъ, но и наоборотъ, я также не падаю ницъ въ наивномъ преклоненіи передъ ликомъ самой вселенной. Изъ чего ты заключилъ, что свѣтъ лазурно отражается въ лазурной чашечкѣ моего сердца? О! если я дѣйствительно замѣчаю полосы лазури, освѣщающія сумракъ міра, и если въ хрусталѣ моей души они скрещиваются съ полосами тѣней, то не человѣчество дало мнѣ эти лазурныя полосы, а наивысшая Творческая Сила заткала ими ядро моей души.

Въ отношеніи лѣтъ я твоя ровесница, кузенъ, но прими во вниманіе, что есть времена и страны, когда людямъ, живущимъ въ нихъ, какъ солдатамъ на войнѣ, надо считать годы вдвойнѣ.

Въ огнѣ семейныхъ и общественныхъ несчастій я созрѣла очень рано, но эта зрѣлость съ самаго начала должна была таить въ себѣ наивную вѣру и энтузіазмъ своей преждевременности. Я вѣрила, что

когда святынѣ грозитъ обвалъ, то всѣ вѣрующіе съ мудростью жрецовъ, съ жаромъ рыцарей, съ презрѣніемъ къ мелочамъ міра, общими силами, единодушно, плечо къ плечу, будутъ ковать желѣзо для скрѣпъ ея крыши, искать пурпурнаго гематита жизни для окраски поблѣднѣвшаго мрамора фасада. Я мечтала о лигахъ взаимной помощи, о союзѣ множества силъ, которыя бы, какъ стрѣлы въ колчанѣ, стремились къ одной идеѣ и, выпускаемыя изъ тетивъ любви, какъ стрѣлы, летѣли къ одной цѣли. Съ этой вѣрой, съ этими мечтами я прибыла къ людямъ разумнымъ, блестящимъ, знаменитымъ, увѣренная, какъ и въ томъ, что я живу, что это жрецы, рыцари, вожди. То были нектарники. Они прекрасно играли на лирахъ, съ ихъ устъ или изъ подъ пера ихъ лилась медовая и цвѣтистая рѣчь, часть своей жизни они посвящали наукѣ, искусству, филантропіи; но тѣмъ не менѣе идеаломъ, замѣчаемымъ яснѣе всего и привлекающимъ наиболѣе сильно, и для нихъ былъ розовый кустъ. И я запѣла вмѣстѣ съ Гейне:

„Черные фраки, чулочки,
Ловко скроенныя платья,
Приторно сладкія рѣчи,
Ласки, лобзанія, объятія".

И запѣвъ отъ всей души:

„Въ горы отъ васъ ухожуя я",

я убѣжала въ Красовцы.

„Въ горы, гдѣ шепчутся ели
Воды прозрачны, гремучи" .. [1]

гдѣ у меня былъ товарищъ по работѣ, и раньше мой единомышленникъ, мой бѣдный братъ, въ безгранич-

---

[1] Пер. П. Вейнберга.

ную дружбу и силу энтузіазма котораго я глубоко вѣрила. Многихъ изъ его ровесниковъ дыханіе времени унесло въ погонѣ за болѣе благопріятными обстоятельствами жизни въ далекія страны, онъ, съ открытой головой и сильной волей, рядомъ со мною, крѣпко держался родной почвы, и самъ одинъ осуществлялъ мои дикія или безумныя мечты о лигахъ, союзахъ... Однажды, когда я со слезами благодарности говорила ему объ этомъ, онъ отвѣтилъ мнѣ со слезами нѣжности: „навсегда“! Немного позднѣе онъ женился на пустой и жадной дѣвушкѣ, которая, какъ всѣ низшія натуры, имѣла въ запасѣ цѣлый арсеналъ средствъ, чтобы завладѣть и принизить болѣе высшую натуру, и благодаря ей, ради нея онъ погнался въ далекія страны, за лучшими обстоятельствами и болѣе блестящей жизнью. Тогда я поняла, какой жалкой тряпкой бываетъ въ человѣческихъ устахъ выраженіе: навсегда! и изъ какого плохого матеріала созданы тѣ горнила, въ которыхъ человѣческій металлъ, съ виду самый закаленный, превращается въ летучій эѳиръ.

Но что значатъ личныя испытанія передъ общимъ видомъ человѣчества?

Если бы всѣ уродства, недостатки и безумія человѣчества воплотились въ отдѣльныя формы, эту толпу не вмѣстила бы Іосафатова долина. Если жизнь обладаетъ такой крючковатой поверхностью, что даже очень сильные члены разрываются на ней въ кровавые куски, если углы ея такъ остры, что самыя сильныя сердца, ударяясь о нихъ, издаютъ звукъ лопнувшаго стекла, если оно великій скребокъ, лишающій дни надежды, ночи сна, сердца радости, то кто же дѣлаетъ ее таковой, если не само человѣчество?

Я обошла поля его благодарности и, найдя на большомъ лугу нѣсколько слабыхъ растеній, я узнала, что это былъ особенно обильный урожай. Я ходила по лугамъ его дружбы и дивилась великому количеству лицъ, обращенныхъ въ сторону наибольшаго блеска и богатства.

Я обошла нивы его доброты, и эта прогулка показалась мнѣ очень короткой; но когда я обходила поле его самолюбія, я упала отъ истощенія силъ, а ниву, на которой растетъ его глупость, я даже и не рѣшилась обойти....

Кромѣ того, твои слова, будто бы этическія понятія и дѣйствія въ своихъ разнообразныхъ видахъ и проявленіяхъ высоко цѣнятся человѣчествомъ, глубоко невѣрны. Въ теоріи да; но на праткикѣ? о, нѣтъ! Развѣ чтитель и слуга идеала можетъ быть когда нибудь розовымъ кустикомъ?

Его скорѣе можно сравнить съ нарисованной на стеклѣ мистической розой, сквозь которую горящія краски и печальный дневной свѣтъ пробиваются въ мрачные своды храма. И вотъ мистическимъ розамъ и мрачнымъ храмамъ плохо живется въ странѣ людскихъ вкусовъ, хотя ихъ часто навѣщаютъ и удивляются имъ, но каждый спѣшитъ уйти отъ нихъ на рынокъ, на биржу, на поля успѣховъ, въ какіе-нибудь сады.

Дѣло въ томъ, что дневной свѣтъ, проникая сквозь мистическую розу, пріобрѣтаетъ отъ нея жаркій и печальный колоритъ, а громадное большинство людей легче всего переноситъ лѣтнюю температуру и изъ всего, что существуетъ на небѣ и землѣ, сильнѣе всего жаждетъ радости.

Въ какой-то книгѣ, не помню въ какой, находится такое географическое указаніе: „Кто плыветъ

къ людскимъ сердцамъ рѣкою Добродѣтели, никогда не доплыветъ къ нимъ; вѣрный путъ ведетъ черезъ усадьбу Веселья и большой городъ Обыденности". И это указаніе глубоко вѣрно. Хорошо зналъ объ этомъ мыслитель, говорившій о неповѣріи, возбуждаемомъ тѣми, что прибываютъ изъ великихъ странъ мысли или чувства. „Когда ночью, задолго до восхода, люди, спящіе въ постеляхъ, слышатъ за окномъ одинокіе шаги, тогда они говорятъ: „куда это направляется воръ?" И дѣйствительно, не затѣмъ ли прибываютъ одинокіе пустынники, чтобы украсть у пирующихъ вещь, безусловно необходимую для ихъ спокойствія, то есть: отпущеніе?

Есть родъ ядовитыхъ растеній, ядъ которыхъ, принятый въ извѣстной дозѣ, даетъ знать о себѣ веселымъ безумiемъ, и было время, когда люди широко пользовались этимъ ядомъ, почтивъ растеніе, дававшее его, именемъ „consolantes". И всегда, во всѣ времена, дабы пробуждать въ людяхъ широкую и сильную отзывчивость, нужно быть, правда, ядовитымъ, но возбуждающимъ веселое безумiе пасленомъ. Желая уже покончить наконецъ съ вопросомъ о человѣчествѣ, я еще разъ заимствую слова одного мыслителя: „я отбыла долгую дорогу отъ червяка къ человѣку, но въ человѣкѣ еще остались многіе элементы червяка".

Я вижу на твоемъ лицѣ ироническую улыбку! Ты думаешь съ торжествомъ:

„Развѣ я не говорилъ, что это ничтожная плѣсень земли? Можно ли ее любить? Стоитъ ли ей служить?

Удивительный вопросъ: можно ли любить? Можно ли не любить? Можетъ ли не любить тотъ, кто носитъ любовь въ себѣ, кому любовь въ ядро души,

какъ зерно въ скорлупу орѣха, вложила наивысшая Творческая рука?

Ты навѣрно видѣлъ матерей, которыя безгранично любятъ своихъ слабыхъ и некрасивыхъ дѣтей, несмотря на эти недостатки, или вѣрнѣе именно потому, что дѣти ихъ обижены природой, что они больше, сильнѣе нуждаются въ материнской заботливости, гораздо больше, чѣмъ если бы они принесли съ собой въ свѣтъ силу и красоту. И напрасно ты удивлялся бы, что можно любить созданіе настолько несовершенное и приносящее столько огорченій?

Такая мать отвѣтила бы тебѣ... что она должна любить, ибо любовь живетъ въ ней и связываетъ ее съ этимъ созданіемъ не только наслажденіемъ любви, но и нѣжностью сожалѣнія и желаніемъ уменьшить его недостатки и облегчить его несчастія.

Думалъ ли ты когда-нибудь о томъ, что какова бы ни была дѣлящая людей разница занятій, достоинствъ, добродѣтелей, разума, всѣ они скованы одной цѣпью желѣзнаго принужденія, страданій, заблужденій и смерти? Страданія, заблужденія и смерть, вотъ тѣ три звена, которые впиваются во всѣхъ, между тѣмъ какъ любовь только нѣкоторымъ изъ нихъ старается уменьшить тяжесть и твердость цѣпи.

Знаешь ли ты что-нибудь о прощеніи!

Нѣкоторые называютъ его слабостью; но это ошибка, только сильные умѣютъ прощать. Древніе считали месть наслажденіемъ боговъ; но пришла въ міръ великая и благодѣтельная сила, которая уже девятнадцать столѣтій ведетъ человѣчество отъ червяка къ человѣку, и она то создала во мнѣ совершенно иной источникъ радости.

Я чувствую и знаю, что тотъ, кто никогда не опускалъ свою руку на горящее отъ страданія чело врага, кто движеніемъ милосердія не остановилъ надъ бездной ногу, пытавшуюся столкнуть его въ эту бездну, кто никогда челомъ во прахѣ, а сердцемъ въ небѣ не говорилъ небесному Отцу: „Прости мнѣ, какъ я прощаю!“ — тотъ никогда не зналъ божественной радости.

Знаешь ли ты грузное чудовище физической силы, которое ногами, подбитыми желѣзной подковой, давитъ грудь побѣжденной слабости и кладетъ мрачную тѣнь между нею и солнцемъ? Я его знаю и говорю тебѣ, что если бы я была ничтожной песчинкой или ничтожнѣйшимъ листкомъ, опавшимъ съ дерева, то и тогда бы меня противъ этого чудовища и желѣзной подковы бросилъ двукрылый вихрь гнѣва и состраданія.

Я не спрашиваю тебя: знаешь ли ты гордость? но скажу тебѣ, что я, хотя по своему, но тоже горда, какъ и ты. Я обладаю высокимъ честолюбіемъ. Если человѣчество переживаетъ свое преобразованіе изъ червяка въ человѣка, то я хочу быть въ его жилахъ хоть единой каплей крови, ускоряющей это преобразованіе. Когда оно крупными глотками поглощаетъ ядъ своихъ увеселительныхъ пасленовъ, я хочу быть въ его крови хоть единой каплей противоядія. Я не хочу быть ядовитой бѣленой, но бѣлой березой, своимъ живительнымъ сокомъ подкрѣпляющей силы пахаря. Я хочу идти по лѣстницѣ Іакова не въ видѣ ангела, но въ видѣ муравья, несущаго вверхъ мелкіе стебли для постройки моста, соединяющаго небо и землю.

Я хочу говорить Богу: „Да пріидетъ царство Твое!“ чувствуя, что и я одна изъ пряхъ, ткущихъ

золотую нить, по которой царство Великаго Добра медленно, медленно спускается на землю.

Такое честолюбіе и гордость не даютъ мнѣ спокойствія, ибо я никогда не могу удовлетворить ихъ, точно такъ же, какъ тебѣ не даетъ спокойствія та безконечность явленій, что составляетъ предметъ твоихъ изслѣдованій, ибо никогда твой глазъ не можетъ достигнутъ ея конечныхъ границъ.

Но понятно, что моя гордость была бы нищетой безумцевъ, которымъ кажется, что они короли, если бы я, какъ ты, считала человѣчество „плѣсенью земли“, „координаціей частицъ“, вызванной изъ хаоса слѣпымъ случаемъ, и по твоимъ словамъ та же самая сила, невѣдомо откуда возникшая, невѣдомо къ чему стремящаяся, по мимолетномъ существованіи не оставивъ ни малѣйшаго слѣда, снова толкнетъ человѣчество въ хаосъ безъ смысла и цѣли. Но для меня въ океанѣ мысли обрисовалась совершенно иная картина. Я вижу необъятную цѣпь жизни, однимъ концомъ погруженную въ бездны матеріи, а другимъ заброшенную на наивысшія вершины духа. Все, что живетъ, что хранитъ въ себѣ хоть искру духовнаго элемента, борется съ суровыми объятіями матеріи и, вырываясь изъ подъ ея власти, достигаетъ все болѣе полнаго освобожденія, все сильнѣе стремится въ высь.

Въ этой цѣпи человѣчество лишь одно изъ ея звеньевъ, а почему это звено одновременно такъ велико и такъ мало, такъ прекрасно и такъ ничтожно — я не знаю и не добиваюсь знать, ибо это познаніе лежитъ въ царствѣ божественныхъ тайнъ и замкнуто отъ моихъ глазъ ключемъ Непознанія.

Но я знаю и вѣрю, что я атомъ въ звенѣ цѣпи, стремящейся къ Правдѣ правдъ, и Добру добра, къ

Спокойствію спокойствъ, къ Красотѣ красоты и что, работая надъ силой и блескомъ этого звена, я работаю для блага всей цѣпи.

Мы существуемъ для чего-нибудь, есть какая то необходимость, ради которой мы существуемъ, такая великая, что мы безъ всякаго униженія можемъ, какъ песчинки предъ солнцемъ, склоняться предъ ней и безъ суетнаго тщеславія, выпрямляясь, какъ титаны, гордиться тѣмъ, что мы ей служимъ.

Отбывая путь отъ червяка къ человѣку, мы служимъ какой то великой причинѣ; лицо ея мы навѣрно увидимъ лишь тогда, когда нашъ гобеленъ будетъ уже вышитъ, и передъ работниками, вышивавшими его съ лѣвой стороны, разовьется непонятная для земли картина Божьяго міра, созданія той причины всѣхъ причинъ и той правды всѣхъ правдъ, имя которой— Богъ.

Вотъ видишь! я сказала тебѣ гораздо больше, чѣмъ я говорю кому-либо на свѣтѣ.

И ты знаешь теперь, что поддерживаетъ мою великую слабость и что сіяетъ въ тѣни моей неумѣримой печали.

XI.

Интерлакенъ.

Арфа твоя пѣвуча, а пѣсни ея полны блеска природы и горячаго дыханія твоей души. Я благодарю тебя, за то, что ты признаешь меня достойнымъ твоего довѣрія, ты сказала мнѣ такъ много, что я испыталъ необыкновенное волненіе, въ которомъ все-таки было и чувство разочарованія.

Кажется мало вѣроятнымъ, чтобы кто-нибудь, такъ лишенный всякой любви и всякихъ надеждъ,

какъ я, могъ еще испытывать какое-нибудь разочарованіе. Но такъ случилось. Ибо, хотя ты сама сказала, что мы „на одномъ шарѣ два совершенно различныхъ духа“, и я тоже прекрасно понималъ, что мы антиподы на двухъ полюсахъ бытія, все-таки я питалъ искру надежды, что если я не смогу убѣдить тебя вполнѣ, то по крайней мѣрѣ я помогу уяснить тебѣ ядро нѣкоторыхъ истинъ.

И таково уже свойство человѣческой натуры: я заранѣе тѣшился открытіемъ, что въ этомъ мірѣ есть кто-то, кто живетъ — не какъ блѣдные Сфинксы мыслью о жизни — но самою жизнью, что есть существо, способное принять участіе въ моихъ взглядахъ и стремленіяхъ, способное оцѣнить цѣнность воспринятыхъ съ волны явленій, впечатлѣній и представленій.

Теперь я вижу, что я радовался преждевременно. Изъ твоихъ словъ ясно вытекаетъ безплодность полемики нашихъ двухъ элементовъ, не выказывающихъ ни тѣни малѣйшаго родства. Ходъ твоихъ разсужденій, гдѣ роль отдѣльныхъ понятій, сужденій и выводовъ играютъ болѣе быстрые и медленные удары сердца, не можетъ слиться съ рѣкой моихъ мыслей, плывущей къ инымъ океанамъ.

Твои мечты изъ того міра и самоотверженные экстазы, твои мечи и копья, скованные изъ великолѣпныхъ, но обманчивыхъ сновъ, хороши, чтобы отгонять драконовъ, пугающихъ дѣтей, но безсильные, они ломаются о скалистое величіе пантеона знанія.

Я не спорю, что намъ еще далеко до вершины, до завершенія купола пантеона и до увѣнчанія его розой конечнаго познанія, въ которой, какъ въ брилліантовомъ центрѣ, соединятся и засіяютъ всѣ по-

знанія и науки... Но цѣлые вѣка накоплялась дѣятельная армія ревностныхъ работниковъ, вышивавшихъ гобеленъ съ лѣвой стороны, не сознавшихъ еще ни цѣлей, ни результатовъ своего труда, безчисленные отрывки матеріаловъ, изъ которыхъ мы построили гигантскія стѣны, такія высокія, что вы, смотря на насъ съ низу, не въ состояніи уже разсмотрѣть и понять нашу работу подъ тучами — а мы неутомимые, немногочисленные, мы, что не боимся головокруженія, стоимъ на самой стѣнѣ на безопасномъ фундаментѣ математическихъ архитравовъ и метоповъ и соединяемъ уже своды. Соединяемъ ихъ изъ такихъ могучихъ истинъ, что передъ нами должны умолкнуть всѣ ваши мечтательныя арфы.

Я не могъ, не имѣлъ еще времени многое сказать тебѣ по этому поводу. Но я указалъ тебѣ на нѣкоторыя изъ архи-истинъ, добытыхъ нами, краткихъ и скупыхъ по содержанію, подобно краткимъ догматамъ этики, и если бы ты захотѣла воспользоваться нашимъ откровеніемъ, ты могла бы самостоятельно измѣрить ими область и направленіе всѣхъ твоихъ абсолютныхъ императивовъ. Но въ зеркало правды ты бросаешь лишь мимолетный взглядъ.

Я знаю, что ты можешь понять все, но не хочешь понять, и меня главнымъ образомъ занимаетъ вопросъ, почему, имѣя столько блестящихъ условій, чтобы выдѣлиться изъ средней массы, ты осталась въ толпѣ тѣхъ, которые думаютъ стадно, чувствуютъ стадно и дѣйствуютъ стадно. Но еще больше тревожитъ меня другой фактъ: въ минуты отдыха, когда съ вершинъ пантеона я схожу въ долины повседневности и измученной ладонью прикрываю утомленные глаза, на лѣтнія каникулы, ко-

гда мнѣ необходимо нужно уберечь мозгъ отъ преждевременнаго утомленія, я не имѣю и не имѣлъ никогда никого, живя въ кругу нектарниковъ, съ кѣмъ бы я могъ подѣлиться своимъ глубочайшимъ „я“... Раньше очень рѣдко, а съ теченіемъ лѣтъ все чаще, въ такія минуты бездѣятельности, когда меня не интересуютъ даже новыя книги, я чувствовалъ свое полное одиночество на свѣтѣ; теперь, когда мнѣ блеснула возможность иныхъ разговоровъ, чѣмъ тѣ, которые ведетъ мое общество во время table d'hota,—а за мимолетность этого неожиданнаго блеска ручается кажется все, —мнѣ будетъ казаться еще пустыннѣе, еще холоднѣе на свѣтѣ.

Если бы я принадлежалъ къ нищимъ духомъ, слившимся въ разноцвѣтномъ теченіи жизни вмѣстѣ съ нектарниками, изъ чувства неизмѣримаго одиночества могло бы вырости во мнѣ страданіе... страданіе, которое въ дальнѣйшемъ довело бы меня весьма вѣроятно до какого-нибудь эффектнаго finale. Найти эффектную развязку нетрудно. Развѣ можетъ быть что либо болѣе привлекательнаго для выбитой изъ колеи Психеи, чѣмъ стремящіеся къ эѳиру, сверкающіе опаловые и лазурные ледники, такіе высокіе и такіе глубокіе — или летящія съ ихъ чела бѣлыя тучи лавинъ, такія великолѣпныя и такія смертельныя? Могутъ еще привлечь выбитую изъ колеи Психею два великихъ бездонныхъ озера, охваченныхъ раковиной синихъ и аметистовыхъ Альпъ. Психея склоняется изъ лодки, стоящей неподвижно на срединѣ озера, и слѣдитъ, какъ плывучій хрусталь — сверху стекляный, какъ слеза — переходитъ во все болѣе мрачную, все болѣе глубокую меланхолію затонувшаго селедина, а потомъ мутнѣетъ, превращаясь въ темную зелень неподвижнаго

вечера, а еще глубже преображается въ черную ночь, глубокія бездны которой гасятъ навѣрняка всѣ мысли и чувства...

Вообще, если бы я принадлежалъ мыслью, рѣчью и чувствами къ великому обществу жителей земли, я вѣроятнѣе всего былъ бы весьма печальной особью, байроновской по настроенію и совершенно негодной къ совмѣстной жизни съ людьми. Но такъ какъ я являюсь самимъ собою, чѣмъ-то, что пани Идалія называетъ совершенно непохожимъ на „остальныхъ господъ“, то я лишенъ всякой экзальтаціи: не ищу глубокихъ щелей въ ледникахъ, не выплываю на глубокія озера, а то, что я имѣю вокругъ себя однихъ только нектарниковъ, до такой степени мнѣ рѣшительно все равно, что — какъ кажется — я ничѣмъ особеннымъ ихъ не поражаю; а невозмутимостью своей апатіи пріобрѣтаю ихъ благосклонность, можетъ быть, еще скорѣе нежели „остальные господа“.

Мнѣ не приходитъ въ голову мысль развивать передъ какой-либо изъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ анализъ бытія съ точки зрѣнія — напримѣръ — Сфинкса, или внушать австрійскому государственному мужу per longum et latum, тотъ взглядъ, что исторію творятъ не перемѣны въ нашемъ государственномъ кабинетѣ, но дифференціалы перемѣнъ въ движеніи координированныхъ частицъ, такъ называемой, матеріи. У меня нѣтъ охоты къ такимъ безнадежнымъ попыткамъ, ибо я знаю, что, даже при неслыханномъ усиліи съ моей стороны, мои партнеры самое большее дошли бы до признанія глубокой аксіомы о суетѣ суетъ и тому подобныхъ вещей, популяризованныхъ еще Соломономъ.

Но найдя въ тебѣ такія сокровища духа, какихъ

я до сихъ поръ не встрѣчалъ никогда, мнѣ захотѣлось, чтобы хоть разъ жизнь допустила исключеніе. Наша встрѣча была такъ прекрасна, такъ неожиданна, такъ удивительна, что въ возможность подобнаго исключенія я съ каждымъ днемъ вѣрилъ сильнѣе и вскорѣ привязался къ мысли, что съ этихъ поръ я уже не буду среди людей такимъ изолированнымъ элементомъ, который не соединяется ни съ одной сферой и нигдѣ не находитъ никакого отзвука. Теперь мнѣ глубоко жаль, что въ жизненныхъ отношеніяхъ я и далѣе останусь такимъ же одинокимъ.

Я думалъ также въ теченіе послѣднихъ дней о томъ, что не лучшимъ ли отдыхомъ для утомленной Психеи было бы не идти на лѣтнія каникулы ни на шумную, полную нектарниковъ набережную Остенде, ни въ Альпы, гдѣ снуютъ навязчивыя толпы филистеровъ, но углубиться на сѣверъ и черезъ семь горъ, семь рѣкъ и семь лѣсовъ добраться до того лѣса, въ которомъ скрывается зачарованный красовецкій замокъ...

Тамъ меня встрѣтили бы новыя, рѣдкія цѣнныя впечатлѣнія; тамъ среди звуковъ пущи мы вели бы долгіе разговоры, которые пани Идалія и „остальные господа“ считали бы безъ сомнѣнія утомительными и скучными, а мы бы называли ихъ нашими часами отдыха.

Быстро, очень быстро, заставила ты меня убѣдиться, что планъ такого otium принадлежитъ къ числу невыполнимыхъ утопій. Очевидно и ясно, что я, говоря обыденнымъ языкомъ, обреченъ на то, чтобы съ женщинами разговаривать не иначе, какъ краемъ губъ, а при механическомъ повтореніи банальныхъ фразъ вести въ то же время съ самимъ собою монологъ о генезисѣ и о эволюціонномъ значеніи су-

шества, шелестящаго рядомъ со мною шелкомъ и щебечущаго болѣе или менѣе милыя пустячки.

Тебѣ также о чемъ бы я могъ говорить, тебѣ, что склоняешься передъ какою то силой — туманомъ, созданнымъ людскимъ воображеніемъ — пламенно молишься ей и въ жертву ея плановъ, ея воли, приносишь свое сердце и счастіе, свою свободу.

Я знаю только одно, что тебѣ я не говорилъ бы никакихъ позитивныхъ проповѣдей, не объяснялъ бы разницы между матеріей и духомъ, не объяснялъ бы, какъ и когда поглотили духа Сфинксы. Словомъ, не будилъ бы тебя отъ твоихъ благихъ грезъ. Да и теперь совсѣмъ напрасно говорю я тебѣ такъ много.

— Разсуждая холодно и трезво, я долженъ бы ограничиться подтвержденіемъ вовсе не новаго факта, что людямъ тѣмъ труднѣе понять другъ друга, чѣмъ выше степень ихъ развитія и знанія. Два атома матеріи, дифференцированные жизнью, двѣ амебы, заключенныя въ каплѣ воды, могутъ подчиниться магнетическому влеченію, неуклонно приближающему ихъ другъ къ другу и соединяющему въ одно. Два мотылька при одномъ прикосновеніи усиковъ идентифицируютъ свою волю и желанія.

Двумъ будникамъ, можетъ быть, достаточно еще одного движенія и улыбки коралловыхъ губъ, еще одного прикосновенія рукъ, съ сверкающими серпами. Но нѣсколько выше идиллія и гармонія сочувствія и единомыслія становится все болѣе трудной, все менѣе вѣроятной, а на болѣе высшихъ степеняхъ и совсѣмъ невозможной. Каждая единица воспитывается по-своему, по-своему сіяетъ извнѣ: такъ, что встрѣтившіеся лучи не могутъ уже сосредоточиться въ одну звѣзду жизни и разсѣиваются въ общемъ

полусвѣтѣ. И потому, хотя и очень часто единицы соединяются въ пары или вступаютъ другъ съ другомъ въ различные общественные и психическіе союзы, но, несмотря на то, на свѣтѣ не дѣлается яснѣе.

Столь разнообразныя препятствія, всѣ эти рвы и зигзаги, эти вставленныя между людьми рамы, различно преломляющія свѣтъ, вліяютъ такъ, что даже наиболѣе гармонизированныя существа, отрекшись отъ первобытнаго магнетизма, проходятъ мимо другъ друга, какъ теченія двухъ совершенно различныхъ элементовъ. Я полагаю, что ужъ изъ этого одного источника могъ бы выйти неисчерпаемый родникъ печали и горестнымъ наводненіемъ залить всѣ равнины моей души — если бы мыслью и волей я принадлежалъ къ великому обществу жителей земли.

Ты, что думаешь сердцемъ, дѣлишь людей на такихъ, въ которыхъ есть любовь, и на такихъ, которые не имѣютъ въ себѣ любви. А такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что во мнѣ нѣтъ любви, то очевидно ты причисляешь меня къ категоріи погибшихъ, неправда ли? Мнѣ кажется даже, что ты обвиняешь меня въ нѣкоторыхъ вкусахъ нектарниковъ

Это пробивается изъ твоихъ вопросовъ о моей прошлогодней пріятельницѣ въ Гейсбахѣ, въ которой ты, можетъ быть, предчувствуешь какую-нибудь брошенную нектарникомъ жертву... Но ты глубоко заблуждаешься. Скорѣе я жертва, ибо прекрасная идиллія, радужная, какъ мыльный пузырь, вернулась теперь ко мнѣ откуда-то изъ глубины минувшаго, на элегической волнѣ воспоминаній.

А воспоминанія — рефлексіи души, совершенно излишнія, уже потому излишнія, что они въ состояніи толкнуть самые могучіе умы на скользкую плоскость смѣшного...

Представь себѣ Сфинкса на высокой скалѣ; Сфинкса, возсоздающаго въ глубинѣ своей сосредоточенности вселенную. Передъ его лицомъ прошла молодая дѣвушка, сіяющая и случайно говорящая тѣмъ же самымъ языкомъ, на которомъ онъ возсоздаетъ въ себѣ вселенную, мысли. Она прошла дальше и забыла о мрачной загадкѣ блѣднаго видѣнія, погрузившись въ шумную суету жизни, слабымъ эхомъ долетающую съ земныхъ низинъ до трона разума. И представь себѣ, что этотъ Сфинкъ, наблюдая вихрь міровъ, еще годъ спустя повторяетъ вопросъ:

— Можетъ быть, тогда мимо меня прошло мое счастіе? Ну и что же? Не заставляй меня исповѣдываться въ этой petite affaire, чтобы въ довершеніе всего я не сталъ еще и смѣшнымъ въ твоихъ глазахъ. Я принадлежу къ типу такихъ людей, въ основѣ своего существа уже настолько испорченныхъ и отрицательныхъ, которые предпочитаютъ быть обвиненными въ отсутствіи сердца, во влеченіи къ привлекательнымъ, ядовитымъ пасленамъ, въ служеніи золотому тельцу наслажденія, нежели быть въ твоихъ глазахъ смѣшнымъ. Кромѣ тебя, мнѣніе населяющихъ свѣтъ абдеритовъ для меня такъ же важно, какъ напримѣръ та подробность, съ кѣмъ моя лучезарная пріятельница изъ Гейсбаха переживаетъ въ этомъ году новую эклогу.

У меня въ настоящемъ году что-то не клеится эклога. Даже эхо зачарованныхъ Красовецъ не прилетаетъ ко мнѣ идилліей,—оно разбивается по дорогѣ золотой пылью...

У тебя доброе сердце, и, пожалуй, ты встревожишься печальной судьбой солнечнаго эхо, ибо, можетъ быть, единственная причина того, что ты посылаешь ко мнѣ его, это альтруистическое и весьма

добродѣтельное желаніе удѣлить мнѣ противоядія противъ ядовитыхъ пасленовъ. Я спѣшу успокоить тебя, что если меня не обманываютъ всѣ признаки, то опасность разъ навсегда избѣгнута. Меня окружаютъ чародѣйскіе паслены разныхъ цвѣтовъ и формъ. Я признаюсь тебѣ искренно, что, уѣзжая сюда на каникулы, я имѣлъ намѣреніе нѣсколько упиться ихъ нектаромъ, который ты назвала ядовитымъ. Но несмотря на наилучшія условія, что-то испортилось въ моихъ разсчетахъ и — нѣтъ эклоги.

Отравить меня хотѣла моя уважаемая покровительница, пани Идалія, находящаяся въ данное время уже въ Біаррицѣ. По крайней мѣрѣ, такой оборотъ принялъ нашъ послѣдній разговоръ, заведенный подъ тучами, на высотахъ міра. Мы устроили общую прогулку на Schinige Platte, дабы съ ея высотъ видѣть восходъ солнца, а уже потомъ изъ гостиницы прогуляться на отдѣльные ея гребни. Вечеромъ наше общество осталось на террассѣ гостиницы, а я, желая полюбоваться красноватымъ фейерверкомъ заката на облачномъ небѣ, предпочелъ пройти по новой почти прямой дорогѣ къ Обербергорну; вечеръ былъ теплый и вполнѣ спокойный, дорога удобная и прямая, и ко мнѣ присоединилась и пани Идалія. Вотъ тогда то я и узналъ, что я не похожъ на остальныхъ господъ, что я кажусь ей какимъ то разбитымъ или утомленнымъ и недовольнымъ, что она отъ всего сердца желала бы, чтобы я развлекся, и что ей трудно говорить со мной открыто, такъ какъ величіе моей неизвѣстности наводитъ на нее прямо робость. Разговоръ, начатый такимъ образомъ, обѣщалъ стать занимательнымъ и могъ бы дѣйствительно меня занять, если бы я былъ похожъ на остальныхъ господъ. Наша родственница, опершись о мою руку, ловко

обходя разбросанные по дорогѣ камни и склоняясь иногда за скромными придорожными альпійскими цвѣтками, стала повторять похвалы, воздаваемыя мнѣ тѣми бархатными глазами, съ которыми я ѣздилъ въ Лаутербруннен̈ъ. А потомъ восторгалась неслыханной изысканностью ихъ обладательницы и неслыханной, но тщательно скрываемой глубиной ея души, заключающейся главнымъ образомъ въ томъ, что она такъ же, какъ я, недовольна каникулами.

И пани Идалія выпытывала: интересуетъ ли меня какая-нибудь изъ недавно прибывшихъ дамъ? Ты должна знать, кузина, что въ нашемъ кружкѣ не одна только пара глазъ прекрасна. Мы получили на послѣдней недѣлѣ различныя очаровательныя новинки. Въ первую голову заслуживаютъ упоминанія двѣ высоко-рожденныя парижанки, хорошія знакомыя Идаліи изъ Трувилля, старшая сестра замужняя, въ стилѣ genre cocotte, имѣетъ пушистые волосы ярко-желтаго цвѣта, брови, покрашенныя бронзой, что-то среднее между тушью Ванъ-Дейка и расплавленной мѣдью, выраженіе лица чрезвычайно умное, граничащее почти съ дерзкой гаминадой; младшая, дѣвица, представляетъ блестящій контрастъ своимъ архаизмомъ въ линіяхъ туалета и въ прическѣ гладкихъ волосъ на виски à la Клео де Меродъ. Объ этихъ-то дамахъ разсказывала мнѣ пани Идалія, со свойственной ей живостью, много интересныхъ подробностей, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что она сама была на сторонѣ бархатныхъ глазъ.

Мы разговаривали такимъ образомъ, идя по узкому горному хребту; по обѣимъ сторонамъ его спускались обрывистые склоны, съ лѣвой стороны нашъ взглядъ находилъ точку опоры только на днѣ пейзажа, лежащаго на нѣсколько футовъ ниже насъ.

Тамъ, въ вечернемъ туманѣ мелькалъ Интерлакенъ, а сквозь солнечный блескъ и низко висящія тучи на насъ смотрѣли два синихъ озера, какъ двѣ блестящихъ плиты лазурита, оправленныхъ въ желтовато-бѣлую рамку, покрытыхъ зеленью каменныхъ горъ.

Въ той сторонѣ небо горѣло кровавой позолотой заката и играло эѳирнымъ калейдоскопомъ облаковъ, тихо разсѣиваемыхъ колеблющимся сіяніемъ солнца И между тѣмъ, какъ отдаленныя низины тонули во все болѣе глубокомъ мракѣ, солнечное сіяніе прямой линіей лилось на наши гордыя, скалистыя вершины, дѣлая изъ насъ самихъ двѣ подвижныхъ арабески, темными пятнами выдѣлявшіяся на фонѣ капризныхъ контуровъ горы и сверкавшей надъ нашими головами лазури.

Съ правой стороны наши тѣни длинными зигзагами ложились на траву, тянувшуюся къ югу въ видѣ овальной котловины; оттуда доносился громкій и однотонный гулъ стадъ, возвращавшихся домой.

Постепенно солнечный щитъ приблизился къ цѣпи горъ, идущей за Тунскимъ озеромъ, и освѣтилъ земную декорацію такъ прекрасно, что если бы и ты гуляла съ нами вдоль горнаго хребта, то я увѣренъ, что это солнце, хотя и чужое, заслужило бы твое одобреніе; я не пытаюсь даже слабо возсоздать ту оргію красокъ и свѣта, какая вспыхнула, когда солнце скрылось за декораціей. Пани Идалія, прерывая нашъ разговоръ криками удивленія и восторга, страшно жалѣла, что Ореада съ черными глазами не отправилась вмѣстѣ съ нами въ этотъ романическій міръ.

Громадное удовольствіе доставила пани Идаліи наша встрѣча съ стадомъ козъ, возвращавшихся изъ шалаша на ночлегъ домой по той же самой дорогѣ, что и мы. Во главѣ стада гордо шли когма-

тые козлы, а за ними безтолково толкались самки, вытянувъ къ намъ тонкія, черныя и розовыя морды. Мы тоже повернули назадъ и нѣкоторое время шли въ обществѣ подвижнаго стада, которое, останавливаясь около болѣе вкусныхъ травъ, толкая другъ друга и распространяя свой рѣзкій запахъ, бѣжало впереди насъ, легко стуча копытами.

Все это, вмѣстѣ взятое, ржавый блескъ, бросаемый къ нашимъ ногамъ небомъ, каменистый гребень, румяный отъ поцѣлуевъ соннаго Геліоса, рѣзкія испаренія козъ, смѣшанныя съ тонкимъ запахомъ иланга, обвѣвавшимъ меня при каждомъ шелестѣ платья опиравшейся на мою руку женщины, наконецъ, самое содержаніе нашего разговора, все это, слившись въ одно опредѣленное настроеніе, привело мнѣ на память твои слова о параграфѣ жизни „онъ и она“.

И я почувствовалъ, что настроеніе, какого желаетъ для меня моя покровительница и въ какое такъ легко впадаютъ бархатные глаза и другіе очаровательные предметы, такъ первобытно, я сказалъ бы, что оно такъ животно, такъ сильно напоминаетъ атмосферу преслѣдующихъ другъ друга фавновъ, что параграфъ бытія, установленный для общества, собравшагося на ночлегъ въ горной гостиницѣ, и параграфъ, владѣющій обществомъ, волнистой лентой бѣжавшимъ впереди насъ, по своему стилю весьма незначительно разнятся другъ отъ друга, несмотря на тщательную и изысканную палитуру съ нашей стороны, и циничную откровенность со стороны козъ.

И я подумалъ, что по отношенію къ этому параграфу я не имѣю ничего общаго съ обществомъ, собравшимся на ночлегъ на вершинѣ швейцарской горы и послѣдствіемъ выполненія этого параграфа было бы возникновеніе въ моей душѣ неизлѣчимой печали.

Я чувствую, что для такихъ настроеній мнѣ требуется гораздо меньше испареній животнаго мускуса и во сто разъ больше желательны лебединые хороводы, румяныя зори у снѣга ландышей, если бы дѣйствительно такое настроеніе должно было охватить всего меня и стать для меня, согласно первобытнымъ законамъ природы, максимой жизни. А между тѣмъ рядомъ съ собою я чувствую только запахъ рѣзкихъ эссенцій и долженъ завоевать бархатъ блестящихъ глазъ, у меня нѣтъ свѣжихъ ландышей, нѣтъ непорочныхъ лебедей, я не имѣю зачарованной бѣлой лани, которая бы нѣжно оперла голову о мое плечо и шептала бы мнѣ пѣсни того міра о Благословенныхъ Островахъ. Я лишь въ сказочной дали вижу мадоннъ, сидящихъ подъ зонтикомъ сельскихъ грушъ, съ солнечной сѣтью у ногъ, съ бѣлой астрой на груди, съ хоромъ дѣтей, орошенныхъ серебряной росой крестиковъ...

Вдругъ пани Идалія вспомнила Красовцы и стала мнѣ многое разсказывать о тебѣ. Я улыбался, думая о томъ, что я знаю гораздо больше ея. А когда она спросила меня, не соберусь ли я когда-нибудь въ Красовцы, чтобы лично познакомиться съ тобой, я отвѣтилъ ей слѣдующее: я боюсь, какъ бы при сближеніи двухъ столь разныхъ натуръ, какъ твоя и моя, внутренняя гармонія кого-либо изъ насъ не превратилась въ скрежетъ зубовный.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ несомнѣнную увѣренность, что молодая пріятельница Идаліи охотно и дружески склонилась бы ко мнѣ и участливо вплела бы нѣсколько горячихъ розъ въ безцвѣтную полосу моей жизни, и прямо съ этой горы я могъ бы унести въ долину нѣсколько воспоминаній, пурпуровыхъ и нѣжныхъ...

И я бы безъ сомнѣнія унесъ ихъ съ собой, но

мой настоящій otium какъ-то удивительно начался. Я когда-то отдалился отъ жизни, зная, что бросаю ее добровольно. Теперь же я замѣчаю, что хотя бы я и пожелалъ хоть на короткій моментъ вернуться къ ней, она бы мнѣ уже ничего не могла дать; я долженъ однако жить въ собственномъ дворцѣ, выстроенномъ цѣною тысячи безсонныхъ ночей и тысячи кровавыхъ анализовъ. Я построилъ его на вершинѣ горы, насыпанной тысячами поколѣній ревностныхъ работниковъ прогресса, сойти съ нея я уже не могу, ибо всѣ дорожки земныхъ привычекъ и всѣ воздушные мосты чувствъ постепенно развѣялись и исчезли.

А извнѣ кто же захочетъ вступить въ мое пристанище? Даже такія существа, какъ ты, не пожелаютъ искать моихъ исчезнувшихъ мостовъ и скрытыхъ ключей къ моей сокровищницѣ.

Велика сила времени, которое безъ вѣдома человѣка хозяйничаетъ въ его душѣ. Для васъ, любящихъ и любимыхъ, должны вырастать изъ подобнаго неизбѣжнаго вліянія времени наибольшія жизненныя трагедіи. Tempus edax rerum: время грабитель чувствъ. Мы слышали о порывахъ — неважно о какихъ, о животныхъ или ангельскихъ, — переживали ихъ сами, а когда наступилъ часъ внутреннихъ подсчетовъ, то тамъ, гдѣ должны были тлѣть искры громового зарева, мы нашли лишь гарь и дымъ угасшаго костра... Такія открытія люди могли бы дѣлать ежедневно.

Въ періодъ лѣтняго мысленнаго сна, я сдѣлалъ открытіе, что моя темно-волосая Ореада, прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ, не въ состояніи дать мнѣ ничего, что имѣло бы для меня значеніе истинной радости... Только настоящіе Сфинксы свободны отъ подобныхъ открытій,—не смѣшиваясь съ толпой, они

сіяютъ надъ міромъ огнемъ собственной силы, какъ звѣзды. Вступилъ ли я уже на эту звѣздную дорогу? Не знаю. Какъ бы тамъ ни было, теперь мнѣ уже нечего сказать людямъ, и съ ихъ стороны я уже ничего не могу ожидать. . . . . .

. . . . . .

Но развѣ это значитъ, что всѣ нити должны порваться, какъ паутина, и что ты уже больше не будешь присылать мнѣ своихъ пѣсенъ? Возможно, что обладая высоко развитой душой, но имѣя вполнѣ опредѣленныя вѣрованія и стремленія, ты принуждена осуждать мою мысль и не можешь слѣдовать за мной въ сверхчеловѣческія глубины бытія, замораживающія тебя своимъ холодомъ. Но вѣдь я могу оставаться близкимъ тебѣ, могу попрежнему остаться внимательнымъ и благодарнымъ хранителемъ твоего довѣрія, слушателемъ возвышенной рѣчи твоей души?

Я уже больше не возобновлю своихъ попытокъ вывести тебя на свободу изъ твоего зачарованнаго круга, хотя тебѣ съ немъ живется не такъ уже хорошо и не такъ свѣтло. Но не прекращай говорить со мной... Узнай, наконецъ, что и я имѣю часы молитвы и молніи поэзіи. И именно въ такіе часы я тоскую о твоей молитвѣ, а глубже всего я тосковалъ о ней на той горѣ, гдѣ я ночевалъ съ Ореадой, и вмѣсто нѣжныхъ воспоминаній эту глубокую тоску я принесъ съ собой въ долины. На той горѣ моя безсонная ночь прошла въ бодрствованіи и размышленіяхъ о жизни, но увы не объ общей загадкѣ жизни, а о моей собственной жизни. Я думалъ о томъ, что какъ домъ, въ которомъ я провожу эту ночь, стоитъ на остріѣ альпійскаго хребта, такъ и я стою на зенитѣ своей жизни; о той опасной и обрывистой тропинкѣ, по которой я взобрался на

гору, и о томъ пути, по которому я долженъ буду снова сойти во мракъ долинъ. Тамъ я разсматривалъ ту половину своей жизни, что уже была пройдена, и ту, что должна была вскорѣ наступить... Сквозь угловатыя прорѣзи оконъ мою комнату освѣщала луна, проходившая по высокому небу надъ неизмѣримымъ моремъ темныхъ, густыхъ облаковъ, серебрившихся у края! насколько взглядъ могъ окинуть горизонтъ, облака тѣсными клубами нависли надъ міромъ и закрыли все, кромѣ этой единственной горной вершины, выплывавшей навстрѣчу лунѣ изъ наводненія тучъ.

Въ теченіе той долгой августовской ночи, удивительно душной и безвѣтренной даже въ тѣхъ высотахъ, пурпурныя розы, цвѣтущія на путяхъ моей жизни, утратили для меня окончательно остатки своего прежняго аромата... На другой день утромъ, представъ передъ прекрасной Ореадой, стройной и свѣжей, съ звѣздой эдельвейса на груди, съ загадочной улыбкой на губахъ, я сердечно сжалъ ея руку, и моментально исчезъ одинъ, въ отдаленныхъ каменныхъ ущельяхъ, свободныхъ отъ наплыва туристовъ.

Тогда-то, во время долгаго блужданія по уединеннымъ скаламъ и пропастямъ, я затосковалъ о холодномъ одиночествѣ ледниковъ, гдѣ бы я могъ совершать безпрепятственно свое богослуженіе...

Но это такія отдаленныя, такія нелюдимыя рѣчи, такъ отличныя отъ твоихъ молитвъ, такъ сверхчеловѣчески гордыя и исключительно сфинксовыя, что говорить о нихъ тебѣ, теперь, по крайней мѣрѣ, я не буду. Я скажу тебѣ иное: ты знаешь слова, которыя проникаютъ вглубь сердца. Присылай мнѣ такія слова. Для отдыха тѣла и ума мнѣ нуженъ

холодъ непорочныхъ снѣговъ, хрустальныхъ источниковъ, росы — а все это замѣняютъ мнѣ твои слова. Главнымъ образомъ тѣ, что, какъ блуждающіе огоньки, вспыхиваютъ иногда на уравновѣшенной поверхности твоей души, между тѣмъ, какъ внизу кипитъ буря. Эти огоньки, падая на мои виски, преклоняютъ и приближаютъ ко мнѣ чашечку твоего сердца.

Мнѣ необходима дружба твоего сердца. Оно, великое, чистое, пусть будетъ для меня источникомъ отдохновенія, когда я схожу съ вершинъ пантеона въ мракъ обыденности и жажду прикрыть утомленныя вѣки...

Скажи мнѣ также когда-нибудь нѣсколько словъ объ одной загадкѣ сердца, о которой я желалъ бы услышать мнѣніе существа изъ категоріи положительныхъ, то есть носящихъ въ себѣ любовь.

Какъ ты думаешь? что можетъ чувствовать молодая и незнакомая съ жизнью дѣвушка, когда ея губъ впервые коснутся дерзкія губы мужчины? Удивляется ли она, радуется ли, или страдаетъ? тоскуетъ ли хоть немного и вспоминаетъ? — и какъ долго вспоминаетъ: день, недѣлю, мѣсяцъ? Охотнѣе ли ищетъ новыхъ губъ, или же, встрѣтивъ новыя — возвращается мыслью къ тѣмъ первымъ, святотатственнымъ?

Мы говорили объ этомъ съ Идаліей, — но то категорія нектарниковъ.

Мы уже простились съ уѣзжающей въ Біарриць пани Идаліей снопами цвѣтовъ. Ореада доставила ей цѣлый снопъ эдельвейса.

A propos цвѣтовъ. Вмѣстѣ съ новымъ эхо своей пущи, одари меня горстью своихъ цвѣтовъ. На нашей послѣдней прогулкѣ, убогій, растительный міръ, колыхаемый вѣтромъ на безплодныхъ альпій-

скихъ вершинахъ, напомнилъ мнѣ наши родные люстики и маргаритки, нѣкогда усѣивавшіе клумбы въ деревнѣ, у моей матери.

Тамъ то начались мои первыя свѣдѣнія о флорѣ. Я хотѣлъ бы, спустя почти тридцать лѣтъ, снова увидѣть нѣсколько скромныхъ маргаритокъ съ нашихъ луговъ. Можетъ быть, онѣ будутъ имѣть для меня большее очарованіе, чѣмъ бархатный эдельвейсъ.

XII.

Красовцы.

„Солнце выбранило блѣдный мѣсяцъ,
Зачѣмъ онъ свѣтитъ такъ слабо и скромно
Тихо отвѣтилъ блѣдный мѣсяцъ:
— День принадлежитъ тебѣ, ночь—мнѣ,
Сіяй ты днемъ надъ широкимъ міромъ,
А я ночью смотрюсь въ глубокую воду".

Такъ въ старой литовской пѣсенкѣ разговариваютъ между собой небесныя свѣтила

Мнѣ очень жаль, что я не могу своимъ разговоромъ усладить твой Otium, но природа не вдохнула въ меня способности рабски вторить чужимъ мыслямъ и чужой совѣсти. Я имѣю свои собственныя мысли; но развѣ неизмѣримо гордые Сфинксы, противники всякаго смиренія, могли бы найти удовольствіе и удовлетвореніе въ чьей-либо пассивности и рабствѣ?

На твой вопросъ, относительно дѣвичьихъ сердецъ и губъ, я не могу отвѣтить ничего положительнаго. Есть разныя сердца и разныя губы. Бываютъ сердца, полныя гимновъ, и полныя — куплетовъ. Бываютъ губы, на которыхъ поцѣлуи щебечутъ, какъ легкомысленные воробьи, и такія, на ко-

торыхъ они кладутъ печать, ненарушимую, какъ священный обѣтъ. Если бы я стала тебѣ разсказывать о нихъ, то я бы легко могла напасть на сердце съ гимнами и губы съ священной печатью, значитъ, на предметы твоей иронiи ...

Зачѣмъ?

Цвѣтовъ я тоже не присылаю. Съ моими цвѣтами произошло слѣдующее:

Въ темныхъ глубинахъ пущи встрѣчаются мѣста, ослѣпляющiя глаза бѣлизной расцвѣтшаго лѣсного спирея, таволги, на высокихъ стебляхъ поднимаются букеты бѣлоснѣжныхъ звѣздъ, такiе легкiе, что при каждомъ дыханiи вѣтерка они свиваются и развиваются, такiе блестящiе, что кажется, будто это факелы, изъ сожалѣнiя зажженные Богомъ для подавленiя мрака. И кто бы ожидалъ, что эти сiяющiя обитательницы чащи излюбленное лакомство самаго угрюмаго изъ ея жителей — зубра? Приходитъ онъ, большой, тяжелый, допотопный, и бѣлый сiяющiй гимнъ лѣса исчезаетъ въ его огромной пасти.

Различныя чудовища съѣдаютъ на свѣтѣ различные цвѣты. Пришли они и къ намъ также и съѣли мои цвѣты, у меня теперь нѣтъ никакихъ цвѣтовъ.

Мнѣ вспомнился одинъ вопросъ. Не могъ ли бы ты разсказать мнѣ подробнѣе о своей матери? Съ дѣтства въ моей памяти сохранились разсказы объ этомъ существѣ, полномъ очарованiя и печали, которое не только на своихъ клумбахъ, но и въ сердцѣ имѣло много прекрасныхъ цвѣтовъ родной страны. Живя на чужбинѣ, она будто бы никогда не могла забыть родной земли и угасла преждевременно именно потому, что стояла въ полосѣ дыханiя слишкомъ сухихъ и холодныхъ вѣтровъ.

Перкунъ гремитъ! Только что пролетѣла сильная

буря. Бѣшеный вихрь несъ клубящіеся туманы желтоватой пыли, освѣщаемой красными змѣями молній, непрерывно извивавшихся по тѣламъ тяжелыхъ тучъ; міръ стоялъ во мракѣ, отъ края до края заполненномъ рѣзкимъ трескомъ громовъ, пронзительнымъ скрипомъ метаемыхъ деревьевъ, могучимъ гуломъ ломаемыхъ въ чащѣ великановъ. На далекомъ краю луга вспыхнулъ и долго среди темноватаго тумана сіялъ краснымъ факеломъ зажженный громомъ дубъ. Потомъ полился проливной ливень, шумъ котораго заглушилъ всѣ звуки, воздушное море, падающее со страшнымъ шумомъ, закрыло собой все. Пока наконецъ такъ же внезапно, какъ онъ начался, не прекратился этотъ проливной дождь, а изъ за густыхъ тучъ, скопившихся на одной сторонѣ неба, полились на землю полосы солнечныхъ лучей. На разметанныхъ деревьяхъ, на усыпавшихъ землю вѣткахъ, на травѣ, на пескѣ засверкала масса разбитаго хрусталя и серебра, который даже еще теперь и внизу, и вверху сіяетъ, дрожитъ, мигаетъ, а въ густой стѣнѣ тучъ, стоящей по одной сторонѣ неба, слышенъ еще гулъ далекаго грома, вверху, на высотѣ засіяла радуга. Опираясь однимъ концомъ о барельефы тучъ, она другимъ концомъ погружаетъ свой блестящій лукъ въ темное урочище пущи, носящее имя Неизвѣстнаго Рога, скрывающее въ себѣ тайну изъ огня и янтаря.

Но я тебѣ о нашихъ мракахъ, радугахъ, урочищахъ, тайнахъ ужъ, пожалуй, больше и не буду говорить ...

Зачѣмъ?

XIII.

Интерлакенъ.

Не закрывайся Перкуновой тучей, несущей въ себѣ громъ, — разскажи мнѣ огненную, янтарную тайну Неизвѣстнаго Рога.

Прошу.

XIV.

Красовцы.

Хорошо; разскажу.

Давно, давно — даже прадѣды первыхъ будниковъ не могутъ этого помнить—существовала въ пущѣ языческая святыня, Ромове, или домъ мира. Тутъ же рядомъ было жилище верховнаго жреца, священное мѣсто, внутренность котораго не имѣлъ права видѣть ни одинъ, непосвященный глазъ, и, благодаря тому, это мѣсто, строгимъ запретомъ превращенное въ неприступную крѣпость, получило названіе Неизвѣстнаго Рога. Причина исчезла, но названіе пережило потомства и вѣка.

Кромѣ жреческихъ молитвъ, тамъ совершались нѣкоторые акты, таинственные, суровые и чудесные. Когда на широкомъ мірѣ умиралъ герой, извѣстный по своимъ мужественнымъ подвигамъ, или пѣвецъ, любимый за свои пламенныя пѣсни, ихъ смертные останки, вмѣстѣ съ копьемъ и вооруженіемъ рыцаря, или съ одеждой и лирой поэта, сжигались здѣсь, на кострѣ изъ лиственницъ и тисовъ, при куреніи янтаря и камфары. Народъ этихъ актовъ не видѣлъ, но именно потому въ краю его фантазіи совершались чудеса воскрешенія. Каждый разъ, какъ только въ опоясанной строгимъ запретомъ зеленой крѣпости совершалась огненная тайна, надъ Неизвѣстнымъ Рогомъ вспыхивалъ пламенный блескъ,

въ которомъ герой на конѣ и въ вооруженіи или пѣвецъ съ лирой въ рукахъ съ быстротой молніи перерѣзали ночной мракъ, взлетали къ облакамъ или звѣздамъ и исчезали среди нихъ. И когда они исчезали, на небѣ на одинъ моментъ дрожалъ свѣтящійся туманъ и въ воздухѣ разносился запахъ сожженнаго янтаря.

Какъ водныя волны, что стираютъ на пескахъ письма вѣтровъ, такъ уплывающія столѣтія стерли въ человѣческой памяти языческую Ромове и горящіе костры, и даже самыя имена старыхъ владыкъ человѣческихъ сердецъ.

Но въ глубинахъ памяти, скрыто безсмертное, хотя и замутненное озеро воспоминаній. Какъ только на ночныхъ небесахъ какая-либо сила природы выброситъ надъ Неизвѣстнымъ Рогомъ молнію, или иной свѣтъ невѣдомаго происхожденія, народъ крестится, съ почтеніемъ склоняетъ головы и вѣритъ, что гдѣ-то на свѣтѣ одно какое-либо мужественное или пѣвучее сердце въ эту минуту перестало биться.

Былъ моментъ, когда и я повѣрила миражу. Мнѣ казалось, что при свѣтѣ вспыхнувшей надъ лѣсомъ лѣтней молніи я замѣтила фигуру брата вмѣстѣ съ конемъ — Авизомъ, а въ воздухѣ повѣяло янтаремъ смерти, полной славы.

Потомъ часто, когда въ ночные часы, я смотрѣла на то мѣсто пущи, гдѣ находится Неизвѣстный Рогъ, и поднимала свой взглядъ къ чернѣвшему надъ нимъ небу, мнѣ вспоминались слова великаго и любимаго поэта о той минутѣ:

„Когда, сбросивъ смертную оболочку земли,
Равная быстрому огню душа перерѣжетъ облака“.

XV.

Интерлакенъ.

У тебя нѣтъ для меня цвѣтовъ. Можетъ быть, потому нѣтъ ихъ для меня, что твое сердце звучитъ гимнами, а уста нѣкогда запечатлѣны были святой печатью ... А можетъ быть, ты предполагаешь, что я имѣю слишкомъ много розъ, источниковъ росы ... А можетъ быть, ты считаешь меня однимъ изъ тѣхъ грозныхъ чудовищъ, что жадно уничтожаютъ снѣжныя цвѣточныя кружева, подобно тому, какъ темные первобытные обитатели вашихъ пущъ топчутъ тяжелой стопой гибкія и бѣлоснѣжныя таволги.

И я скажу тебѣ: есть такія удивительныя сердца, что даже, окруженныя тысячами розъ, они не умѣютъ биться пульсомъ розъ. Бываютъ такія разборчивыя солнца, что они желаютъ соединять свои лучи въ радугу лишь на выплакавшихся тучахъ ...

Ты прекрасно знаешь, какіе гимны изъ твоихъ устъ я слушалъ бы неохотно, но также ты не можешь, такъ по крайней мѣрѣ я надѣюсь, питать никакого сомнѣнія въ томъ, что сердце, звучащее куплетами, и губы, на которыхъ поцѣлуи щебечутъ, какъ воробьи, вовсе не идеалъ моихъ досуговъ, и даже не предметъ моихъ вкусовъ. Но, очевидно, мои упоминанія о большомъ свѣтѣ нектарниковъ, въ которомъ я вращаюсь, возбудили въ тебѣ предположеніе, что, не стѣсняясь всеобщими нормами, я тоже по-своему рѣшилъ параграфъ „онъ и она“, и что мое рѣшеніе наполнило меня въ относительно молодомъ возрастѣ чувствомъ пресыщенія. Для лицъ, смотрящихъ на жизнь съ твоей точки зрѣнія, это была бы весьма мутная подробность ...

Я не хотѣлъ бы, чтобы на экранъ, поставленный между нашими существами, и такъ уже не очень прозрачный, и такъ уже полный тѣней, пали новыя тѣни, въ особенности изъ такихъ мутныхъ источниковъ. И потому лучше всего будетъ, если я отдамъ тебѣ полный отчетъ въ эпизодѣ, давшемъ мнѣ поводъ къ послѣднему эротическому вопросу. Я не хочу быть въ твоихъ глазахъ сверхчеловѣкомъ и прикрывать лоскутья развѣяннаго ореола видомъ полнѣйшаго безчувствія. Наконецъ, я не могу говорить съ тобой о чемъ-либо, не имѣющемъ личнаго характера, безъ того, чтобы не вызвать немедленнаго трения понятій и чувствъ, науки и вѣры... Тутъ дѣло идетъ ни о Клео де Мередъ, ни о genre cocotte, ни объ одной изъ извѣстныхъ свѣтскихъ женщинъ, встрѣчаемыхъ на великихъ торжищахъ Европы, но объ упоминаемой мною моей соотечественницѣ, съ которой въ прошломъ году я провелъ очень короткое время въ сосѣднемъ Гейсбахѣ.

Прежде всего ты должна знать Гейсбахъ.

Въ этой мѣстности единственный жилой пунктъ одна только гостиница, стоящая на зеленой скалѣ, которая выступаетъ изъ озера Бріенца на подобіе полуострова и почти отвѣсной стѣной снова падаетъ въ озерныя глубины. Съ палубы пароходовъ, привозящихъ путешественниковъ въ Бріенцъ, уже издалека видны надъ вершинами елей и хвой, густымъ плащемъ покрывающихъ утесъ, стройныя башни зданія, построеннаго по образцу средневѣковыхъ замковъ. Видны также на изумрудной драпировкѣ кониферовъ свѣтлыя капли рубиновъ — швейцарскихъ флаговъ, водруженныхъ на иглахъ башенокъ, а у самаго основанія, тамъ, гдѣ скалистый полуостровъ, спускаясь въ озеро, отражаетъ въ немъ

свѣтлую полосу своей вершины, темный плащъ елей, розовыя стѣны замка и капли рубина, колыхаемыя вѣтромъ на движущейся волнѣ, и наконецъ глубоко затопленныя, изумрудныя отраженія болѣе высокихъ горъ, тамъ привлекаетъ вниманіе большое, блестящее, снѣжно-бѣлое, и, повидимому, неподвижное пятно. Только тогда, когда пароходъ уже минуетъ похожій на плавникъ рыбы плоскій мысъ и островки Изельта, загадочная бѣлизна оживаетъ, начинаетъ клубиться, пѣниться и шумѣть. Это самый низкій водопадъ и устье Бріенцскаго бассейна для того источника, который, падая съ могучихъ Альпъ, появляется надъ верхушками отвѣсно стоящихъ лѣсовъ, разрѣзаетъ ихъ шумнымъ столбомъ бѣлыхъ и серебристыхъ ручьевъ, разбивающихся семью стремительными каскадами о камни и катящихся съ головокружительныхъ высотъ черезъ разрытыя лощины прямо въ озеро. Позади себя гостиница имѣетъ горизонтъ, замкнутый почти до неба этой отвѣсной и лѣсистой стѣной, перерѣзанной величественными змѣями водопадовъ, а впереди сосредоточенный рядъ хвойныхъ пирамидъ со спутанными вѣтвями оставляетъ только узкія щели, сквозь которыя проглядываетъ темно-синяя площадь озера и противоположная стѣна туманныхъ горъ, съ безплодными провалами Ротгорна. Вотъ слабая картина Гейсбаха, затишья, уединившагося отъ говорливаго пути международнаго прилива среди шума водъ и шума лѣсовъ.

Это затишье влечетъ къ отдыху, и я хотѣлъ бы вернуться туда еще когда-нибудь, въ твоемъ обществѣ, съ твоей задумчивостью, съ твоей арфой, играющей неизвѣстные мнѣ до сихъ поръ мотивы...

Я хотѣлъ бы смотрѣть на шумную и сіяющую

игру атомовъ, отдыхать, упиваясь глубокимъ теченіемъ твоей души и разлитымъ по немъ солнечнымъ сіяніемъ . . . . . .

. . . . . .

Тамъ я увидѣлъ ее. И полюбилъ сразу,
Ибо она вышла изъ радуги и пѣны потока;
Я сталъ вѣрить тогда и вѣрю до конца,
Ибо такъ свѣтла она была отъ лучей солнца.

. . . . . .

Нѣтъ, то не было ужъ такъ вполнѣ согласно съ мечтами сентиментальныхъ дѣвицъ и романтическихъ поэтовъ. Я не былъ влюбленъ... и тогда не было солнца. Въ концѣ августа я возвращался съ запада домой и рѣшилъ остановиться на однѣ сутки въ Гейсбахѣ. Лѣто было, особенно въ горахъ, весьма дождливое, холодное и уже съ половины августа носилось въ воздухѣ дыханіе осени. Мнѣ хотѣлось увидѣть Гейсбахъ вечеромъ, при свѣтѣ магическихъ огней. Я прибылъ на мѣсто въ концѣ дня, и немедленно послѣ пріѣзда вышелъ на террасу; солнце въ этотъ день снова блестѣло вѣнцомъ блѣдныхъ лучей, но теперь уже спряталось. По широкой лѣстницѣ, тонущей въ массѣ высокихъ кустарниковъ, я сошелъ съ террасы на маленькую утрамбованную площадку передъ домомъ, окруженную кольцомъ высокихъ и тѣнистыхъ деревьевъ. Въ ту пору площадка была уже нѣсколько мрачна и почти пуста. На одной изъ скамеекъ я замѣтилъ супружескую сѣдую пару, закутанную въ пледы и повидимому близкую къ могилѣ. Но на поворотѣ площадки, около каменной баллюстрады, надъ краемъ пропасти, гдѣ ели нѣсколько разступаются, пропуская немного свѣта и открывая прекрасный видъ на озеро

и противоположныя скалы, находилось еще одно живое существо — молоденькая дѣвушка.

Она сидѣла въ широкомъ тростниковомъ креслѣ, съ открытой книжкой на колѣняхъ и, поднявъ голову, неподвижно и, казалось, съ большимъ вниманіемъ смотрѣла на вершины Ротгорна, затуманенныя синевой уже близкихъ сумерекъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ внимательнѣе присмотрѣться къ ея фигурѣ, меня поразилъ удивительно пріятный и мягкій блескъ ея русыхъ волосъ, свернутыхъ сзади головы художественными кольцами, а на лбу и вискахъ, распустившихся свѣтлой кудрявой сѣткой. Я охватилъ ее взглядомъ и приблизился къ баллюстрадѣ, потомъ, опершись о каменный барьеръ, я сталъ любоваться панорамой, отъ времени до времени переводя взглядъ на незнакомку. Я могъ это дѣлать безъ опасенія подвергнуться упреку въ навязчивости или невѣжливости, а дѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что каждый взглядъ на очаровательную дѣвушку придавалъ все новыя и желательныя подробности къ цѣлому, произведшему на меня съ перваго же момента весьма сильное впечатлѣніе. Я прямо не припомню себѣ, чтобы какая-либо иная женская фигура такъ прекрасно отвѣчала тому идеальному образцу, какой привыкло создавать воображеніе каждаго изъ насъ, сообразно дѣйствующимъ въ насъ физіологическимъ и духовнымъ свойствамъ индивидуальности. Я разсматривалъ ее съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ; но какъ только я замѣтилъ, что она почувствовала мой взглядъ и, продолжая прерванное чтеніе, склонилась надъ книжкой, я обратилъ глаза на незнакомый мнѣ тогда пейзажъ и покоя читательницы уже не нарушилъ ни разу. Я стоялъ неподвижно долгое время, больше

заинтересованный сосѣдствомъ дѣвушки, чѣмъ красотой панорамы, и съ растущей жаждой знакомства. Меня вмѣстѣ съ тѣмъ интересовало, приводитъ ли и ее въ безпокойство мое присутствіе? Такъ-то, несмотря на то, что я почти не видѣлъ ея, я угадывалъ инстинктивно, прямо чувствовалъ, что при отгибаніи пробѣгаемыхъ страницъ книги, взглядъ ея мимолетнымъ лучомъ падалъ на меня и съ большой поспѣшностью снова возвращался къ страницамъ. Непосредственно наши зрачки встрѣтились только въ тотъ моментъ, когда я отошелъ отъ балюстрады и, направляясь обратно къ террасѣ, остановился взглядомъ на ней. Тогда я впервые испыталъ впечатлѣніе, что ея глаза, смотрящіе изъ овальной оправы русыхъ рѣсницъ, имѣютъ видъ серебряныхъ, и убѣдился, что ея изящныя губы изъ блѣдно-розоваго коралла обрисовываются на бѣломъ лицѣ такими нѣжными линіями, какъ у амуровъ Бугеро. Очарованіе ея нѣжнаго лица слѣдуетъ причислить къ роду тѣхъ красотъ, которыя не вліяютъ слишкомъ блестящими и яркими эффектами на легкую впечатлительность широкихъ круговъ, но разсматриваемые вблизи — привлекаютъ тѣмъ сильнѣе изящной рѣзьбой чертъ и прекрасной гармоніей всѣхъ своихъ подробностей.

Я до настоящаго дня не знаю, путемъ какой таинственной интуиціи я сразу сказалъ себѣ, что это должна быть очень лазурная полька, несмотря на то, что рядомъ на табуретѣ лежалъ журналъ съ французскимъ заглавіемъ, а читаемая книга по своему формату и желтому переплету указывала на парижское происхожденіе. Дѣвушка, измѣряя меня взглядомъ, пыталась придать своимъ глазамъ выраженіе полнаго равнодушія и гордости, однако, именно

эта гордость позволила мнѣ предположить, что она не смотрѣла на меня такъ, какъ смотрѣла бы на еловый пень, или на канделябры лампіоновъ. Я могъ бы остаться еще нѣкоторое время рядомъ съ ней, но предпочелъ показать равнодушный видъ и уйти въ сторону парка, въ надеждѣ, что вскорѣ въ столовой, я снова найду возможность удовлетворить мои эстетическія потребности. Вообще я былъ весьма доволенъ своей идеей, приведшей меня въ Гейсбахъ.

Это довольство уступило мѣсто чувству разочарованія, когда моя надежда не оправдалась. При видѣ столовъ, тянувшихся двойнымъ рядомъ вдоль обширной залы, я остановился надъ вопросомъ о томъ, одаритъ ли меня судьба мѣстомъ по крайней мѣрѣ за однимъ столомъ съ серебрянкой. Но незнакомка не явилась совсѣмъ, а рука судьбы помѣстила меня самымъ недостойнымъ образомъ между заспаннымъ французомъ и американской семьей, состоящей изъ нѣсколькихъ человѣкъ, которая при подкрѣпленіи пищей совершенно не сохраняла разсудительной и такъ часто желательной въ рѣчи экономіи. Въ довершеніе всего сталъ накрапывать дождь, и водопадъ въ этотъ вечеръ не освѣтили.

Я нашелъ ее только на другой день, въ полдень, въ паркѣ гостиницы, пестрѣвшемъ отъ множества цвѣтовъ. Я шелъ отъ водопадовъ по нѣсколько наклонной цвѣточной аллеѣ домой, и на противоположномъ концѣ ея увидѣлъ трехъ лицъ, весьма медленно идущихъ подъ гору. Въ одной изъ нихъ я немедленно узналъ ее. Она вела мать, высокую и худую женщину, съ румянцемъ на лицѣ, но несомнѣнно больную; мать остановилась, чтобы отдохнуть, хотя весь путь, пройденный отъ гостиницы до этого пункта, могъ составлять самое большее нѣ-

сколько сотъ шаговъ. Одной рукой она опиралась на руку стройной дѣвушки, въ другой, безсильно опущенной, держала легкій, соломенный, китайскій вѣеръ, бросавшій на сѣрый шелкъ ея длиннаго платья пятно блѣднаго золота. Третья, вѣроятно компаньонка, быстро отдалилась, ища, повидимому, кресель. Этотъ случай былъ мнѣ весьма на руку. Я прошелъ мимо дамъ, слегка приподнявъ шляпу и встрѣтивъ кого-то изъ слугъ, значительно скорѣе, чѣмъ ихъ спутница, успѣлъ доставить кресла.

Когда два часа спустя дамы покидали кіоскъ, откуда открывался наиболѣе живописный видъ на весь Гейсбахъ, я уже могъ подать руку матери, помогая дѣвушкѣ. Какъ видишь, знакомство было начато безъ особыхъ трудностей. Всѣ мои предположенія оказались вѣрны. Да и я не старался узнать многаго. То были наши соотечественницы, въ общественной іерархіи стоящія высоко и блестяще — насколько помню изъ Литвы. Мѣстомъ воспоминанія и образованія дѣвушки былъ Парижъ, мѣстомъ пребыванія матери уже нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ значительно ухудшилось состояніе ея здоровья, различныя лѣчебныя мѣстности западной Европы. Въ Гейсбахѣ онѣ находились уже недѣлю съ намѣреніемъ остаться въ немъ до половины сентября. Съ перваго же взгляда я понялъ, что страданія матери, обостренныя порокомъ сердца, принадлежатъ къ числу болѣзней, истощающихъ медленно, но упорно, и что доктора могутъ только одно, создать такія условія, среди которыхъ неизбѣжный конецъ наступилъ бы какъ можно позднѣе и въ наиболѣе мягкой формѣ. Больная не имѣла въ себѣ ничего, что могло бы въ какомъ-либо отношеніи возбудить мой интересъ или симпатію, наоборотъ, она раздражала

меня постояннымъ, провинціальнымъ и старомоднымъ употребленіемъ французскаго языка, а своимъ болѣзненнымъ состояніемъ напоминала мнѣ, что и въ моей груди тоже находятся часы сердца, которые ударяютъ столько-то и столько разъ въ минуту и каждую минуту, по малѣйшему поводу, могутъ остановиться.

Разговоры съ этой больной и обыденной женщиной въ сѣромъ платьѣ съ большимъ, блѣдно-золотистымъ вѣеромъ производили на меня впечатлѣніе тошнотворныхъ, аптечныхъ капель; но я принималъ ихъ съ добровольной отвагой, коль скоро наградой было для меня присутствіе прекрасной дѣвушки. Правда, только присутствіе, ничего больше. Ибо она ни разу не обратилась ко мнѣ. Весьма вѣроятно, что она считала меня за пролазу, нахала — а можетъ быть, прямо за сезоннаго ловца приданаго. О дѣйствительной причинѣ оказываемой мнѣ тогда антипатіи я такъ и не узналъ. Быть можетъ, что мое приспособленіе къ уровню ея матери удалось мнѣ такъ прекрасно, что она приняла меня за ничтожество. Я не выводилъ ее изъ заблужденія, не открывалъ забрала и сталъ эхомъ различныхъ, текущихъ дѣлъ вѣнскаго и нашего société, поскольку мое полное равнодушіе къ вещамъ подобнаго рода позволило мнѣ запомнить различныя подробности, довольно часто служившія предметомъ разговора пани Идаліи. Такимъ образомъ, завоевывая симпатіи матери, я узналъ, что дамы обѣдали въ своихъ комнатахъ, и употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы склонить ихъ навѣщать общую залу. Дѣвушка стала возражать матери, но я имѣлъ большинство за собой, и мнѣ подали надежду встрѣтиться вечеромъ въ столовой. Въ продолженіе нашего разговора я

убѣдился, что прекрасная дѣвушка привязана къ матери всей нѣжностью своего молодого сердца, и что кромѣ серебристыхъ глазъ она имѣетъ еще одно достоинство, придающее ей невыразимое очарованіе — улыбку. Она улыбнулась нѣсколько разъ, обмѣниваясь замѣчаніями съ матерью, и тогда изъ ея нѣжныхъ губъ показался рядъ зубовъ, весьма бѣлыхъ и весьма мелкихъ, почти дѣтскихъ. Казалось, что эта улыбка освѣщаетъ розоватость ея лица свѣтомъ внутренняго солнца, но оно быстро пряталось и гасло, какъ только взглядъ ея встрѣчался съ моимъ наблюдающимъ взглядомъ. Я не навязывался никакимъ прямо къ ней обращеннымъ словомъ, исключительно занятый старшими дамами, и провожалъ ихъ домой, удовлетворенный видомъ дѣвушки, идущей впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ. Она иногда останавливалась около роскошныхъ клумбъ, нѣжнымъ движеніемъ касаясь розъ на высокихъ кустарникахъ... Воздухъ былъ тихій и душный.

Только въ вестибюлѣ гостиницы, когда мать сѣла на кушетку, чтобы снова отдохнуть, и заговорила со своей старшей спутницей, а дѣвушка стояла невдалекѣ съ сорваннымъ бутономъ розы въ рукахъ, я нѣсколько приблизился къ ней.

— Жаль розы, — сказалъ я серьезно, указывая на цвѣтокъ.

Она посмотрѣла на меня, не понимая.

— Завянетъ и умретъ... — добавилъ я.

Это было все, что я сказалъ ей при этомъ первомъ разговорѣ.

Въ тотъ же день я увидѣлъ ее еще разъ, такъ какъ дамы сошли дѣйствительно во время table d'hote'a въ столовую, гдѣ мы и заняли отдѣльный столъ, нѣсколько вдали отъ заполнившаго залу британскаго

элемента. Хотя я и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, насколько эта гордая и неласковая ко мнѣ дѣвушка заинтересовала меня, но полуденные часы я провелъ въ ожиданіи общаго обѣда. Небо снова нахмурилось. Изъ хвойной чащи и горныхъ ущелій поднялся густой туманъ, крупный дождь закрылъ все сѣрымъ вуалемъ уже близкой осени, постепенно затушевывая всѣ красоты пейзажа. Я убилъ время въ читальнѣ, перебирая шаблонныя сокровища отельной библіотеки, что однако не утомило меня, ибо мыслью я постепенно возвращался къ новому знакомству.

Типъ дѣвушки былъ удивительный и занимательный. Наряду съ изысканной элегантностью большого свѣта въ одеждѣ и въ каждомъ движеніи, — свѣжесть весны и какъ бы бѣлая нетронутость. Если при теперешней утонченности чувствъ въ эстетическомъ отношеніи, говорится повсюду о краскахъ тоновъ и о мелодіи красокъ, то, опредѣляя метафорой впечатлѣніе, произведенное на меня этой дѣвушкой, я долженъ былъ бы смѣшать нѣсколько чертъ разомъ: бѣлизну атласа, ароматъ ранней весны, жемчугъ розы, а символомъ избрать развернувшійся въ росѣ цвѣтокъ нарцисса. И, не зная еще ея настоящаго имени, я назвалъ ее нарцисомъ.

Когда я сидѣлъ за круглымъ, богато сервированнымъ столомъ, между больной дамой въ черномъ, роскошномъ туалетѣ и ея претенціозной спутницей, напротивъ весенняго нарцисса, заливаемаго свѣтомъ электрическихъ лампъ, я зналъ, что пути нашихъ существованій, совершенно различныхъ, столкнулись только на одинъ моментъ, и что черезъ мигъ они должны снова разойтись, какъ двѣ, случайно скрещенныхъ, параболы, принадлежащія двумъ различ-

нымъ системамъ. Я прекрасно сознавалъ, что между мной и этой молодой, можетъ быть, девятнадцатилѣтней полькой нѣтъ и не можетъ быть никакихъ точекъ соприкосновенія, и, сознавая это, я тѣмъ не менѣе рѣшилъ продолжить пріятный моментъ по мѣрѣ возможности. Нѣсколько дней не составляли для меня никакой разницы, а въ эти нѣсколько дней я могъ достигнуть того, что единственно было для меня важно, то есть, запечатлѣть нашу встрѣчу въ памяти дѣвушки рѣзче, нежели то бываетъ обычно въ подвижномъ калейдоскопѣ дорожныхъ впечатлѣній. Нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ то, что оказываемый мнѣ холодъ возбудилъ мой интересъ. Ты покачаешь головой надъ этой дѣтской мелочностью человѣка, отдавшагося спекулятивной мысли! Но мысль это только часть человѣческаго существа! Людскія существа тратятъ обычно свои силы ради мелочныхъ стремленій, а стремленія свои вставляютъ въ роскошныя рамки поэзіи, какъ идеалы! Почему же мысли нельзя коснуться даже краемъ обыденныхъ идеаловъ, если она отнюдь не хочетъ вся потонуть въ нихъ, а только ищетъ освѣженія передъ трудами дальнѣйшаго похода!

Такъ разсуждалъ я тогда, смотря съ удовольствіемъ, граничащимъ почти съ восхищеніемъ, на нарцисовую дѣвушку, навѣрно неизмѣримо далекую отъ желанія выдѣлить переживаемый эпизодъ изъ текущей измѣнчивости калейдоскопа и сохранить его на твердой почвѣ своей памяти, особенно дружеской памяти. Что касается меня, то я уже зналъ, что скоро не уѣду изъ Гейсбаха. Но пока я разговаривалъ почти исключительно съ матерью, задавая себѣ тяжелый трудъ не показать, что дискусія о затрагиваемыхъ ею темахъ мнѣ невыразимо скучна.

Дочь мало вмѣшивалась въ разговоръ. Ея слова относились главнымъ образомъ къ больной и дышали великой привязанностью. Пользуясь случаемъ, я снова подмѣтилъ нѣсколько разъ ея жемчужную улыбку. Услышалъ также ея имя, нѣжной лаской, коснувшееся моего слуха: Генрися! Разъ мать при мнѣ поцѣловала ее въ лобъ и губы, что произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Подъ конецъ я началъ говорить о самомъ Гейсбахѣ и о красотахъ Бернскаго кантона. Оказалось, что бѣдняжка нигдѣ не была, ничего собственно не видѣла, даже не добралась еще до большихъ водопадовъ, составляя все время компанію матери, а сама она была полна искренняго преклоненія предъ горной природой. Я предложилъ себя, какъ проводника, по крайней мѣрѣ къ водопадамъ — но безрезультатно. Дебютъ былъ самый неудачный.

На помощь мнѣ пришелъ случай, въ суровой и печальной формѣ внезапнаго ухудшенія состоянія больной въ теченіе ночи. Узнавъ объ этомъ утромъ отъ прислуги, я немедленно отправился за болѣе подробными свѣдѣніями къ мѣстному доктору, который обрисовалъ положеніе больной не въ очень мрачныхъ краскахъ, но и не возбудилъ во мнѣ особаго довѣрія въ правильность своего діагноза. Мнѣ вспомнилось прочитанное наканунѣ имя одного изъ извѣстныхъ вѣнскихъ клиниковъ, находящагося въ данное время въ Люцернѣ, и путешествіе въ Люцернъ, съ цѣлью приглашенія медицинской знаменитости, было рѣшено въ тотъ же моментъ. Хотя больная чувствовала себя уже нѣсколько лучше, я заявилъ о своемъ намѣреніи Генрикѣ при помощи дамы-компаньонки, которую вызвалъ съ этой цѣлью на нѣсколько минутъ. Вскорѣ предо мной была та,

ради которой я готовъ былъ превратиться въ филантропа. Она была весьма испугана и ужъ не такъ холодна, какъ раньше. Она полагала, что докторъ открылъ мнѣ истинное положеніе вещей. Я успокоилъ ее, какъ могъ, замѣтивъ, что путешествіе въ Люцернъ не составитъ для меня никакого труда, наоборотъ, въ виду безнадежной непогоды доставитъ мнѣ нѣкоторое развлеченіе, и мои отношенія къ извѣстному спеціалисту значительно помогутъ добиться его согласія на пріѣздъ въ Гейсбахъ, что несомнѣнно принесетъ больной и намъ всѣмъ нѣкоторое успокоеніе.

На самомъ дѣлѣ мое предпріятіе вовсе не было такимъ легкимъ.

По дорогѣ, смотря на ручьи ливня, заливающіе міръ, и прислушиваясь къ громкому шуму колесъ, задѣвавшихъ за шпалы, я даже поставилъ себѣ вопросъ, не дѣлаю ли я слишкомъ многаго и не заслуживаю ли я упрека въ смѣшномъ донкихотствѣ? Я не могъ точно опредѣлить и обсудить мое поведеніе.

Я нашелъ вѣнскаго доктора съ большимъ трудомъ, и такъ какъ было уже поздно, то лишь на другой день около полудня мы прибыли въ Гейсбахъ. Послѣ осмотра докторъ прописалъ больной полное спокойствіе и далъ нѣсколько ничего незначущихъ гигіеническихъ совѣтовъ. Больная могла прожить еще нѣсколько недѣль, даже нѣсколько мѣсяцевъ, но могла угаснуть и черезъ нѣсколько дней. Я просилъ доктора успокоить насколько возможно обѣихъ дамъ, но въ то же время осторожно посовѣтовать вызвать кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ, чтобы, въ случаѣ катастрофы, осиротѣвшая дѣвушка не осталась безъ всякой помощи. Дѣйствительно, онѣ написали кому-то изъ ближай-

шихъ родныхъ. И, какъ я узналъ потомъ, нѣсколько семействъ обѣщали прибыть въ Гейсбахъ, въ началѣ сентября, во время своего проѣзда черезъ Швейцарію. Больная радовалась этимъ встрѣчамъ и съ полнымъ довѣріемъ говорила о будущемъ. Припадокъ прошелъ безъ особенно замѣтнаго вреда.

Своихъ трудовъ и хлопотъ я не жалѣлъ, а между тѣмъ я потерялъ почти два дня на путешествіе и совѣщанія съ вѣнской знаменитостью. Меня охватило чувство живѣйшаго удовлетворенія, когда, вскорѣ послѣ отъѣзда доктора, я встрѣтился съ моими дамами и въ глазахъ больной представилъ дѣло такимъ образомъ, будто бы ученый по счастливому стеченію обстоятельствъ самъ посѣтилъ Гейсбахъ, въ чемъ конечно совершенно нѣтъ ни малѣйшей заслуги съ моей стороны. Дѣвушка, слушая мою невинную ложь, вела себя уже нѣсколько иначе, и замѣтно было, что въ ея настроеніи происходитъ какая-то перемѣна. Можетъ быть, наряду съ равнодушіемъ и недовѣріемъ, въ ней пробудились и другія чувства: интересъ и благодарность. Въ подробности этого психологическаго процесса я не пытался вникать, и въ дальнѣйшемъ велъ ту же тактику, что раньше, почти исключительно разговаривалъ съ матерью, подробно разсказывавшей мнѣ какую-то модную исторію Трувилльскаго сезона.

Потомъ на прекрасной террасѣ гостиницы я очутился наединѣ съ моимъ нарцисомъ. Первый разъ наеденѣ, такъ какъ нѣмую встрѣчу три дня тому назадъ я не могу принимать въ разсчетъ. Она видимо считала своей обязанностью поблагодарить меня за оказанныя услуги. Она сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ, даже сердечныхъ словъ, изъ которыхъ я запомнилъ только одну фразу:

— Вы такъ добры къ мамѣ, что я и не знаю, какъ благодарить васъ.

На эти слова она вправѣ была ожидать отвѣта, что я исполнилъ только элементарную обязанность, поспѣшилъ на помощь женщинамъ и соотечественницамъ, что я буду чувствовать себя счастливымъ, если смогу и далѣе быть имъ полезнымъ, и много тому подобныхъ, общихъ мѣстъ, которыя въ каждое время и при каждомъ случаѣ повторяются всѣми весьма механически, но во мнѣніи свѣта считаются долгомъ и правдой. Въ моихъ губахъ подобный отвѣтъ былъ бы смѣшенъ и напоминалъ бы маріонетокъ, а въ ея глазахъ я не хотѣлъ быть ни смѣшнымъ, ни маріонеткой.

Послѣ нѣкотораго колебанія я объяснилъ ей, можетъ быть, съ излишней точностью, весьма сухимъ и обстоятельнымъ тономъ, что меня не за что благодарить, и что я вовсе не такъ добръ, какъ то кажется ей. Я просто доставляю самому себѣ удовольствіе, если прихожу имъ на помощь. Къ услугамъ ихъ останусь такъ долго, какъ того пожелаетъ она сама. Я также сказалъ ей, что меня ничто не связываетъ съ Гейсбахомъ, что я имѣлъ намѣреніе провести здѣсь только одинъ день, но, увидѣвъ ее въ первый же вечеръ, я рѣшилъ остаться такъ долго, какъ останется здѣсь она.

— Руководитъ мною такъ называемый эгоизмъ, законъ бытія, столь распространенный среди людей, такъ что я вовсе не заслуживаю благодарности — добавилъ я, смотря въ ея серебряные глаза, внезапно принявшіе прежнее выраженіе равнодушія, и на ея розовыя губы, снова утратившія свою улыбку и ставшія губами нахмурившагося амура.

Видя, къ какимъ плохимъ результатамъ привела

моя откровенность, я поспѣшно перемѣнилъ тему разговора и снова вернулся къ благопріятнымъ предсказаніямъ и гороскопу знаменитаго доктора.

Мой маневръ удался, нашъ разговоръ снова оживился искрами сердечности. Я задалъ ей вопросъ и опять не совсѣмъ удачный, но во всякомъ случаѣ слишкомъ фамильярный.

— Вы очень любите свою мать?

Такъ какъ она была въ замѣшательствѣ, не зная, какъ отвѣтить на подобнаго рода вопросъ, то я продолжалъ дальше:

— Я уже успѣлъ замѣтить, что вы привязаны къ матери всей душой, какъ немногія дѣти нашего времени. И вы правы. Любите ее, сильно любите, ибо такъ, какъ мать любитъ васъ,—никто на свѣтѣ не будетъ и не можетъ любить васъ. Я до нѣкоторой степени знаю, какъ вы, благодаря полученному воспитанію, смотрите на свѣтъ, и увѣренъ, что вы искренно вѣрите въ существованіе на землѣ великой любви... свѣтлой, лазурной, архангельски-крылатой и всемогущей. Я не знаю вашей прежней жизни, но, на основаніи опыта и знанія человѣческой Психеи, я могу утверждать, что до сихъ поръ вы ее еще не нашли. Да это было бы и слишкомъ рано. Но въ будущемъ, если гдѣ-нибудь въ Парижѣ или Трувиллѣ, или же на вершинѣ самой Юнгфрау, вы встрѣтите такую любовь, которая вашей свѣтлой вѣрѣ покажется лазурнымъ ангеломъ, то и тогда не надѣйтесь, что вы обрѣли сокровище, равное сердцу матери. Безъ сомнѣнія, материнская любовь, какъ и всякая другая, чистѣйшій эгоизмъ. Но все-таки, оцѣнивая жизнь не съ точки зрѣнія желѣзной необходимости развитія, а съ точки зрѣнія врожденныхъ инстинктовъ, приходится эгоизмъ матери признать

металломъ гораздо болѣе благороднымъ, нежели металлъ другихъ сердецъ...

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, въ ея хрустальныхъ зрачкахъ возникали вопросы, а голосъ мой затихалъ, становился мягкимъ и звучалъ необосно-ванной никакими разумными мотивами нѣжностью. Ибо, говоря съ ней о матери, я силой воображенія чувствовалъ присутствіе тяжелой тучи горя, что еще незамѣчаемая ею самой остановилась надъ ея свѣтлой головкой, дабы такъ быстро покрыть трауромъ первое сіяніе ея весны... Я представлялъ себѣ, какъ на ея русые волосы, теперь мягко освѣщаемые вновь наступившей свѣтлой погодой, будутъ падать лучи свѣчъ, зажженныхъ около останковъ матери, какъ изъ ея серебряныхъ глазъ посыпятся жемчужныя слезы и какъ ея нѣжныя губы будутъ дрожать отъ сдерживаемыхъ рыданій... я мысленно переживалъ такія картины, отчасти какъ Сфинксъ, знающій прошлое, настоящее и будущее и видящій предъ собой слабое созданіе, вѣрующее въ жизнь, отчасти, какъ человѣкъ, жаждущій любви, который охотно бы покрылъ поцѣлуями эти прекрасныя губы, глаза и волосы, отлично сознавая въ то же время, что самымъ нѣжнымъ взрывомъ эротизма онъ не замѣнитъ того, что уйдетъ въ землю вмѣстѣ съ тѣми останками.

Ея замѣшательство росло вмѣстѣ съ волной моихъ словъ, для ея уха навѣрно странныхъ. Можетъ быть, уже и тогда она понимала, что имѣетъ дѣло не съ обычнымъ ловцомъ и любителемъ женщинъ, но навѣрно не могла понять, съ какой цѣлью и зачѣмъ именно я говорилъ ей такія рѣчи. Притомъ во всемъ ея поведеніи пробивалась нѣкоторая тревога и опасенія, что мы снова уклоняемся отъ темы нашего разговора на пути, если и не плохіе, то во

всякомъ случаѣ неясные, а предъ подобной, не вполнѣ чистой сферой, ея Психея отступала съ врожденнымъ отвращеніемъ. Именно этимъ своимъ свойствомъ она чрезвычайно привлекала меня.

Для меня она была первая женщина, которая не пыталась добиться моего вниманія ни эксцентричностью, ни близостью на разстояніе дыханія, никакимъ другимъ искусствомъ душныхъ будуаровъ, къ какому прибѣгаютъ космополитическія Клеоны, а иногда и альпійскія Ореады. Ея испуганная Психея пряталась отъ меня въ бѣлую чащу нарцисовъ, хотя мои глаза были чисты и не ласкали ея тѣла поцѣлуями взглядовъ.

Ея губы дважды раскрылись, какъ будто бы она хотѣла прервать меня, наконецъ, она спросила, живы ли мои родители?

— Отецъ мой живъ, но такихъ старыхъ дѣтей, какъ я, отцы не ласкаютъ. А мать моя рано умерла, оставивъ меня еще ребенкомъ, и потому я не получаю ни отъ кого никакихъ поцѣлуевъ...

И я сталъ просто и съ большой охотой разсказывать ей различныя подробности о моемъ дѣтствѣ и моей матери, о которой у меня остались слабыя, но дорогія воспоминанія, дышащія ароматомъ тѣхъ цвѣтовъ, какихъ, по твоимъ словамъ, у ней было такъ много не на однѣхъ только клумбахъ ея домашняго королевства...

И удивительна жизненная сила такихъ выцвѣтшихъ цвѣтковъ! Когда я вынималъ изъ сокровищницы моихъ первыхъ дѣтскихъ впечатлѣній маргаритки и лютики, что росли на круглыхъ газонахъ нашей сельской усадьбы, и тѣ другіе цвѣты, что изъ своей мечтательной души мать хотѣла переселить въ маленькое сердце своего сына, тѣ цвѣты,

что обычной колеей ушли вмѣстѣ съ ней въ могилу, дѣйствительно казалось, что всѣ они, воскресая изъ мертвыхъ, точно защитники, присланные мнѣ на помощь, окружили мою голову ореоломъ ея, дабы блескомъ зари завоевать для меня сердце желанной дѣвушки.

И правда, не воскресшая ли изъ мертвыхъ опека матери помогла мнѣ тогда? Я знаю только одно, что она именно ввела насъ въ атмосферу, какой мы не дышали до сихъ поръ, атмосферу совершенно чуждую заламъ, террасамъ и садамъ международныхъ отелей, вѣрнѣе всего свойственную зеленымъ лужайкамъ у подъѣздовъ наслѣдственныхъ жилищъ и сельской архитектурѣ такихъ крылецъ, какое теперь осыпано въ Красовцахъ безчисленными сотнями чашечекъ повилики. Въ дыханіи, вѣявшемъ изъ тѣхъ далекихъ сторонъ, знакомыхъ намъ обоимъ по годамъ дѣтства и покинутыхъ навсегда, намъ было такъ хорошо, что отъ нашего вниманія совершенно ускользнулъ наступающій вечеръ и тотъ долгій періодъ времени, который мы просидѣли у каменной баллюстрады, высоко, надъ глубокимъ молчаніемъ озерныхъ водъ.

Моя собесѣдница поспѣшно встала, чтобы заглянуть къ больной.. я остановилъ ее. На лифѣ изъ жемчужно-сѣраго сукна, на которомъ вышивка бѣлыхъ вѣтокъ выступала точно выпуклая рѣзьба, она имѣла нѣсколько листковъ плюща и вѣтку барвинка, соединенные въ одинъ букетикъ: я попросилъ ее подарить мнѣ эти листики. Она отказала безъ малѣйшаго колебанія; отказала съ тѣмъ характернымъ для нея выраженіемъ лица, голоса и всей фигуры, въ которомъ чувствовалась безпомощность сконфуженнаго ребенка и вмѣстѣ съ тѣмъ гордость свѣт-

ской дамы, оттѣнокъ недовольства и какъ будто бы опасеніе причинить мнѣ этимъ отказомъ непріятность. Для меня же ея отказъ былъ чѣмъ то желаннымъ и милымъ, былъ мѣриломъ правды для силуэта, какой я создалъ по своимъ наблюденіямъ, былъ почти радостью. Но для нея у меня была только внезапная серьезность во взглядѣ, а на губахъ исчезающая улыбка.

— Не отказывайте мнѣ въ этой мелочи — настаивалъ я, подходя очень близко. — Правда, мое желаніе можетъ показаться весьма наивнымъ и дышитъ заплѣснѣвѣвшимъ романтизмомъ. Дѣло вѣдь не въ этихъ листкахъ, приколотыхъ у вашей груди, но, вѣрнѣе, въ какомъ-нибудь дарѣ, полученномъ изъ вашихъ рукъ въ награду, якобы за доброту сердца, а такимъ даромъ я избралъ именно скромный букетикъ, не представляющій для васъ никакой цѣнности. Я очень прошу у васъ эту бездѣлицу, я жажду какого-нибудь проявленія дружбы, не освященнаго обычаемъ. Можетъ быть, никогда ничто другое, что пожелаете вы мнѣ подарить, не будетъ имѣть для меня такой цѣнности, хотя бы само по себѣ оно было великой и цѣнной вещью. Если теперь вы откажете мнѣ, то вмѣстѣ съ этой вѣточкой вы откажете мнѣ разъ навсегда во всемъ, только настоящая минута рѣшаетъ для меня цѣнность всякой жертвы. Эта минута еще продолжается, еще дрожитъ въ воздухѣ, но моментъ — и она уйдетъ въ вѣчность и ужъ никогда не вернется. Знаете ли вы, что вы наносите мнѣ обиду, которую уже никогда и ничѣмъ вознаградить нельзя будетъ...

Но она, испуганная моей настойчивостью, отказала рѣшительно, но мягко. Ея рѣшительность, хотя я самъ и желалъ видѣть ее такой, все-таки причинила мнѣ непріятность.

— Моментъ прошелъ и не вернется — печально сказалъ я... А когда она уходила, я задалъ еще одинъ вопросъ, желаетъ ли она пойти со мной вечеромъ, во время иллюминаціи, къ водопаду? Когда же она отрицательно покачала головой, я сухо добавилъ:

— Извиняюсь за свою навязчивость и уже никогда больше не буду вамъ надоѣдать. — Потомъ я сѣлъ на садовую скамейку, позволилъ ей уйти одной и идти по широкой лѣстницѣ въ гостиницу.

Наступилъ рядъ дней, а можетъ быть, недѣль, въ продолженіе которыхъ наши отношенія ограничивались самымъ необходимымъ обмѣномъ словъ о совершенно постороннихъ вещахъ. Никогда я первый не обращался къ ней. Но зато я весь отдался попеченіямъ о больной, стараясь угадывать и оказывать ей съ виду мелкія и незначительныя, но на самомъ дѣлѣ столь желанныя и многочисленныя услуги и облегченія, и съ каждымъ днемъ я становился все болѣе необходимымъ, пріобрѣталъ все большое дружеское расположеніе обѣихъ дамъ. Въ особенности мать такъ привыкла къ своему случайному опекуну, что по каждому вопросу обращалась ко мнѣ и слѣпо вѣрила моимъ указаніямъ. Я же внушалъ ей увѣренность въ постоянномъ улучшеніи здоровья и заботился о ней все охотнѣе и искреннѣе.

Чтобы отдалить отъ тебя предположеніе, что моя заботливость о больной была холоднымъ, стратегическимъ маневромъ, разсчитаннымъ на захватъ молодого сердца съ его наиболѣе доступной стороны, я долженъ замѣтить тебѣ, что другіе импульсы играли тутъ болѣе важную роль. Во-первыхъ, какъ большинство людей науки, я имѣю то свойство, что каждую предпринятую задачу считаю цѣлью самой

въ себѣ и провожу ее возможно точнѣе, во-вторыхъ, я вообще очень быстро привыкаю къ мѣстамъ и людямъ; наконецъ, я находился передъ существомъ, которое порядокъ міра вскорѣ долженъ былъ передвинуть въ вѣчность и границы иного бытія, а процессъ этого передвиженія никогда не теряетъ своего значенія и стихійнаго величія. Случай сдѣлалъ меня наблюдателемъ явленія съ настроеніемъ до извѣстной степени трагическимъ уже однимъ тѣмъ, что я, пассивный свидѣтель, со всей ясностью анализа видѣлъ его механизмъ въ полномъ, ничѣмъ не задерживаемомъ движеніи, а на человѣческой аренѣ не было ни слѣда трагизма. Наоборотъ, одно солнце надежды, успокоенія, блескъ роскошной природы и розовое облако незнанія, распростертое передъ близорукимъ взглядомъ затрагиваемыхъ уже пальцемъ судьбы актеровъ, эту ситуацію мы можемъ опредѣлить нерацiональнымъ и ненаучнымъ но обычнымъ языкомъ: мнѣ было жаль нашей пацiентки. Я не хотѣлъ, чтобы она замѣтила что-нибудь изъ закулиснаго механизма. Я бы очень охотно прибавилъ еще ея излюбленнаго блеска, сгустилъ розовое облако и нектаромъ успокоенія упоилъ бы ее до забвенія.

И вотъ я интересовался сезонными извѣстіями изъ Трувилля, обнаруживалъ вкусы и привычки свѣтскаго волокиты и иногда только обращался съ какимъ-нибудь мнѣніемъ, съ какимъ-нибудь взглядомъ pro bono meo къ той, которая уже давно должна была понять, что я играю добровольную комедію, ради ея матери, съ большимъ вкладомъ уступчивой снисходительности по отношенію къ больной. Всякій разъ она подхватывала нить слегка затрагиваемыхъ мной прежнихъ темъ, очевидно желая показать, что и она охотнѣе вращается въ дру-

гихъ областяхъ мысли, нежели эта обычная повседневность. Но я съ упорной выдержкой никогда не предпринималъ болѣе обширной дискусіи. Я обращался къ ней только въ случаѣ необходимости, а на обращенные ко мнѣ вопросы отвѣчалъ кратко, смотря на нее спокойно, серьезно и съ выраженіемъ тайной печали. Тогда она своими серебряными глазами искала моего взгляда, какъ будто бы желала убѣдиться, дѣйствительно ли мелкое столкновеніе, вызванное лишь свѣтской нетактичностью съ моей стороны, могло стать для серьезно мыслящаго человѣка поводомъ къ недоразумѣнію, и какъ будто бы пыталась устранить между нами тѣнь этого недоразумѣнія. Ея маленькая тревога, вытекавшая, очевидно, изъ врожденной мягкости сердца, была мнѣ такъ мила, что я упорно оставался при своемъ дѣтскомъ упрямствѣ.

И объ общихъ прогулкахъ теперь уже не было рѣчи. Погода установилась, и вмѣстѣ съ сентябремъ наступили теплые, яркіе, хотя осенніе дни. Гостиницу наполнила новая и уже послѣдняя волна туристовъ. Я довольно долго просиживалъ съ дамами въ паркѣ, гдѣ давала концерты капелла заведенія. Вечеромъ мы любовались съ террасы волшебнымъ эффектомъ огней магнія, зажигаемыхъ электрической искрой на всѣхъ скатахъ водопада. Предъ ошеломленнымъ зрителемъ въ глубокомъ мракѣ исчезала вся могучая часть горы, горѣлъ только крутой столбъ потока; скрывавшійся легкимъ туманомъ разсѣиваемой воды гдѣ-то вверху среди звѣздъ, и соскользавшій быстрымъ зигзагомъ съ чернаго плаща ночи въ бездну оврага, раскрывавшаго свою пасть у подножья горы. И то былъ дѣйствительно прекрасный видъ; лучи магнія красиво мѣняли свой цвѣтъ, освѣ-

щая черную корону еловыхъ вѣтвей, обрамлявшихъ каскадъ, заливая серебристый потокъ золотистымъ дождемъ и посылая на темный горизонтъ звѣзды ракетъ, краткій мигъ стоявшихъ на небѣ, ослѣпительно сіяя, и тихо угасавшихъ, какъ слишкомъ смѣлыя мысли, разбивавшіяся о вѣчность. Съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они гасли, падали потомъ безсильныя, огненныя слезы и тонули въ водномъ туманѣ, поднимавшемся надъ водопадомъ.

Англійскія дамы, обративъ безкровныя лица къ магическому свѣту, неутомимо повторяли: Splendid! splendid! а моя дѣвушка жалѣла только, что чарующій моментъ иллюминаціи продолжается такъ мало!

— Летучія чары Гейсбаха, — замѣтилъ я, обращаясь къ матери, — имѣютъ по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что за деньги возвращаются каждый день снова. Тотъ же пламень, что весною охватываетъ человѣческія сердца и придаетъ имъ различныя, прекрасныя краски, тоже продолжается очень недолго, но не возвращается никогда . . .

Мысль моя проходила тогда по широкимъ долинамъ чувствъ, размышленій и желаній, полнымъ неясныхъ тѣней и неуловимыхъ границъ, загадочнымъ кольцомъ окружившихъ мою душу. И я добавилъ:

— Летучая звѣзда счастія является въ жизни каждаго человѣка только одинъ разъ, въ видѣ робкой искры, а незамѣченная или отвергнутая—она летитъ дальше и уже не возвращается.

По лицу той, къ которой я собственно обращался, прошла легкая дрожь и остановилась на минуту на губахъ, въ движеніи бровей и въ слабой морщинкѣ на лбу, что я всегда замѣчалъ у нея,

какъ только она была сильно занята какой-либо трудной и неясной мыслью. Призадумалась ли она о звѣздѣ счастія? Или полагала, что я жалуюсь?

Въ тотъ же самый вечеръ она спросила меня: далеко ли до самаго высокаго водопада? Я полагалъ, что часъ пути въ гору. Она очень хотѣла бы добраться до вершины и очутиться на изумрудныхъ лугахъ, усѣянныхъ шалашами пастуховъ. Я говорилъ ей, что тамъ вверху уже нѣтъ прозаическихъ туристовъ, но видишь вокругъ себя нескошенную, цвѣтущую траву, едва протоптанныя дорожки, стада, разносящія эхо своихъ звонковъ, пропасти, заросшія горной сосной и кустами рододендроновъ, а надъ всѣмъ этимъ громадный кругъ кристальной атмосферы, соединенной въ куполѣ свѣта и тепла, надъ острыми хребтами горныхъ цѣпей, цѣпей сѣрыхъ, лиловыхъ, синихъ и, наконецъ, такихъ лазурныхъ и чистыхъ, какъ небо. Гдѣ-то въ ничтожной дали видны оттуда крыши и клумбы Гейсбаха — похожія на дѣтскія игрушки — и его жители, маленькіе, какъ муравьи, которые движутся среди искусственныхъ арабесокъ клумбъ, не предчувствуя и не зная, какъ думается и чувствуется на высотахъ! На свѣтлыхъ и свободныхъ высотахъ!...

На другой день я былъ ранѣе обыкновеннаго передъ домомъ среди полиглотическаго говора путешествующихъ душонокъ, обрадованныхъ великолѣпной погодой. Я ждалъ недолго; вскорѣ на ступеняхъ, ведущихъ въ вестибюль, показалась она одна, въ гладкомъ костюмѣ для гулянья, съ шляпой и зонтикомъ въ рукахъ. Я сейчасъ же замѣтилъ темно-зеленый букетикъ листьевъ, приколотыхъ у пояса. Въ это утро въ ней было много солнца и

радости. Она уже издалека улыбалась мнѣ и протянула руку навстрѣчу. Обойдя оврагъ, раздѣлявшій скалу надвое вблизи площадки гостиницы, мы направились въ лѣсъ къ водопаду, какъ будто относительно нашей прогулки мы точно договорились другъ съ другомъ наканунѣ вечеромъ.

Мать чувствовала себя сегодня лучше: слѣдовательно, можно было уйти на нѣсколько часовъ.

Мы медленно шли по тѣнистому хвойному лѣсу, мѣстами свѣтлому, мѣстами темному, дорога шла вдоль русла ручья, гдѣ воды потока шумнымъ и высокимъ водопадомъ метались среди обрывовъ и камней, мы останавливались на легкихъ мосткахъ, переброшенныхъ надъ бушующими волнами, или сходили съ дорожки на придорожные камни, откуда насъ гнали назадъ брызги пѣны и брилліантовые отъ солнца туманы водной пыли. Она не слышала громкихъ криковъ отчаянія водопада и фонтановъ, разсѣкавшихъ кристальное спокойствіе воздуха. Ее захватывала новизна видовъ, шумное движеніе стихій, стремящихся къ равновѣсію спокойствія, яркость красокъ и торжествующее сіяніе солнца, наполнявшаго самую ничтожную каплю воды своимъ блескомъ. Во время нашей прогулки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ намъ встрѣтились кучи грязнаго пепла и вбитые въ землю полуобожженные столбы съ остатками фейерверка. Эти пепелища поразили ее, какъ черныя и сѣрыя пятна среди сочной чащи лѣсныхъ травъ и радужныхъ гранитовъ.

— Если все, что вдали отъ насъ горитъ и ослѣпляетъ, выглядитъ такъ вблизи...

Но я прервалъ ее.

— Это только огарки. Не нужно думать объ этихъ печальныхъ, сожженныхъ вещахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, молодость, которой надо жить, не должна думать объ огаркахъ. Если бы она думала о нихъ, то прежде всего она должна была бы отвернуться отъ меня.

Мы шли подъ гору по обрывистому скату разогрѣтаго горячимъ полуднемъ лѣса. Шедшая со мной дѣвушка скрывала въ себѣ зарево всѣхъ огней, изъ которыхъ люди разжигаютъ свои руководящія свѣтила, такъ необходимыя для ихъ жизни, какъ кислородъ или вода. Я же несъ съ собой на эту солнечную гору столько холодныхъ и темныхъ пепелищъ, что долженъ былъ бы показаться ей столбомъ траура, болѣе чернымъ, чѣмъ тѣ столбы, на которыхъ развѣвались остатки угасшихъ солнцъ магнія. Я предпочиталъ казаться ей чѣмъ-то совершенно обратнымъ, чѣмъ-то болѣе прекраснымъ и даже болѣе интереснымъ, нежели брилліантовые фонтаны, нежели тѣ лучистые румянцы, что блуждали по смолистымъ пнямъ, чѣмъ вѣтки ежевики и малины, изъ чащи деревьевъ спадавшія на нашу дорожку, чѣмъ рой стрекозъ и мотыльковъ, летавшихъ надъ фіолетовымъ цвѣтомъ царь-травы и волкобоя. И потому-то я прибѣгнулъ къ помощи цвѣтовъ и чаръ природы. Я наполнилъ свои мысли красками колокольчиковъ и мотыльковъ, запахомъ малины и елей, украсилъ ихъ серебромъ растопленнаго снѣга, падавшаго рядомъ съ нами со скалъ, неся гулъ и шумъ водопада въ долину . . . и говорилъ ей о красотахъ альпійскаго міра.

Мы дѣйствительно приближались къ нему, покинувъ границы отельнаго шаблона и платныхъ рѣдкостей. Лѣсъ сталъ рѣже, наша крутая и узенькая тропинка пересѣкала скалы, покрытыя карликовыми кленами и лещиной, ягодъ и цвѣтовъ было

больше, берега Гейсбаха становились все болѣе обрывистыми и недоступными.

Слушая мои рѣчи, она остановилась съ зарумянившимся лицомъ, съ волнующейся грудью подъ гладкимъ лифомъ отъ долгаго восхожденія на гору. Въ ней самой были всѣ очарованія и безсмертныя радуги дѣвственной природы, свѣжесть малины на губахъ и лазурная серебристость въ глазахъ...

По дорогѣ намъ встрѣтилось нѣсколько даже сюда забравшихся viveur'овъ въ претенціозныхъ, альпійскихъ dressach, они окинули насъ любопытнымъ и испытующимъ взглядомъ, обмѣниваясь между собою живыми замѣчаніями. Очевидно, они приняли насъ за помолвленныхъ, или за влюбленныхъ, ищущихъ одиночества.

Правда, что при видѣ моей внимательной слушательницы я предпочелъ бы отказаться отъ всякой нѣжности, даже если бы — кто знаетъ? — она и не отказала бы мнѣ въ ней, чѣмъ упасть въ ея глазахъ до уровня обыденнаго ничтожества. Правда, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей, непривычной и неопытной, тропинка могла показаться крутой и опасной, я не подавалъ ей руки, что безъ всякихъ угрызеній совѣсти разрѣшаетъ суровая владѣлица Красовецъ даже молодой парѣ будниковъ на полянахъ пущи. Можетъ быть, гордый мыслитель, не желающій ничего дѣлить съ толпой, и жертвовалъ во мнѣ счастіемъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы говорить ей нѣжныя и розовыя слова, я рисовалъ предъ ней величіе ледниковъ и сравнивалъ его съ ничтожностью людскихъ силъ и желаній. Вмѣсто того, чтобъ стлать къ ея ногамъ мягкія гирлянды лести, я откровенно признавался ей, что въ дикихъ пустыняхъ достигающихъ неба горъ, я предпочитаю быть

всегда одинокимъ... Развѣ есть кто-либо настолько великій и крылатый духомъ, чтобы имѣть силу среди этихъ высочайшихъ и чистѣйшихъ пространствъ земли стать со мною на одномъ уровнѣ мысли и ея полетовъ?

Не знаю, понимала ли она вполнѣ значеніе моихъ словъ. Она говорила, что она почти никогда не бываетъ одинокой, но что такое одиночество, о какомъ я разсказываю, она понимаетъ и что это должно быть неземное чувство... Гармонизировало ли дѣйствительно это утвержденіе съ общимъ выраженіемъ ея житейскихъ стремленій и взглядовъ? Или она предпочла бы найти во мнѣ болѣе кровавый огонь?...

Ибо огни, въ какіе я одѣвалъ предъ нею свою душу, были лазурны, но, можетъ быть, они имѣли для нея извѣстный блескъ рѣдкихъ вещей... Можетъ быть, развиваясь непосредственно для нея и предъ ней, они привлекали ее, какъ шумъ горныхъ водъ и запахъ горнаго лѣса, и, можетъ быть, имъ приходилось дѣлить судьбу такихъ нѣжныхъ впечатлѣній, что въ бальныхъ залахъ и на трибунахъ бѣговъ привыкли улетать безъ слѣда... Теперь только я уясняю себѣ, какъ мало я занимался распознаваніемъ индивидуальнаго направленія ея мышленія. Изъ разговоровъ, которые вели мы съ ней, чаще всего мнѣ приходятъ на память картины моихъ собственныхъ идей. Теперь ея силуэтъ рисуется предо мной въ арабескахъ, цвѣтахъ, блескахъ, или тѣняхъ идей, порывовъ и настроеній, какія вокругъ нея, въ ней и для нея я самъ и самовольно вызывалъ... Были ли мои настроенія вмѣстѣ съ тѣмъ и поэзіей, живущей постоянно въ моей душѣ, въ этомъ я не могу дать себѣ яснаго отчета. Она была

преимущественно моей слушательницей, слушательницей очарованной и увлеченной. Когда она глазами воображенія смотрѣла на очарованіе снѣжной лазури, такой, какую я рисовалъ передъ ней, гдѣ то высоко, оправленную въ зарю серафическаго утра, и въ пурпуръ закатовъ нездѣшняго міра, такую прекрасную, какой нѣтъ ни въ горахъ Швейцаріи, ни нигдѣ на землѣ, тогда изъ салоновъ нектарниковъ и трибунъ бѣговъ въ ней не оставалось ничего, кромѣ безупречной изысканности ея фигуры и внѣшности, ни одна пылинка, принесенная оттуда, не мутила ясности ея души. Тогда она была однимъ восторгомъ, одной тоской и шла бы за мной сквозь снѣга.

Но молодой дѣвушкѣ трудно было такъ долго идти къ такимъ отдаленнымъ высотамъ! Трудно и далеко! Едва мы дошли до половины горы, еще не кончился лѣсъ, еще не сгибалась подъ нашими ногами изумрудная трава, еще не звенѣло эхо стадъ, когда бѣдняжка съ сожалѣніемъ и ужасомъ замѣтила, что мы уже должны возвращаться къ матери, которую она оставила одну на столь долгое время!...

Мы поспѣшно возвращались въ долину...

По пути я провелъ ее еще на одинъ скалистый обрывъ, который мы раньше миновали. Третій главный водопадъ падаетъ широкой лентой съ каменной стѣны, такъ сильно наклоненной впередъ, что, обойдя расщелину, можно попасть подъ водопадъ и изъ холодной, темной аркады видѣть міръ, полный красокъ и солнца, сквозь серебристо-синюю вуаль подвижной волны. Эффектъ былъ настолько неожиданный и такой чарующій, что мой нарцисъ умолкъ въ глубокомъ созерцаніи.

Она стояла неподвижно, глядя на истинно волшебную игру красокъ, вслушиваясь въ рыдающій

шумъ водопада, проникавшій сюда цѣлой гаммой звуковъ, дрожащій отъ натиска водъ и казавшійся голосомъ мертвыхъ камней, или заключеннаго здѣсь въ тѣняхъ и сырости небеснаго свѣта. Я не прерывалъ молчанія, но, опершись локтемъ о уголъ еловыхъ корней, составлявшихъ аркаду, улыбаясь смотрѣлъ на нее. Она, казалось, забыла обо всемъ, что было внѣ очарованія этого хрустальнаго уединенія, слушала и смотрѣла. Ничего, только слушала и смотрѣла. И думала. Морщинка задумчивости выступила среди ея сдвинутыхъ бровей, розовыя губы раскрылись отъ легкой дрожи, какъ будто бы хотѣли шепотомъ вторить кипѣвшимъ въ ней мыслямъ, чувствамъ, картинамъ.

Но эти чувства и картины должны были быть изъ тѣхъ, что „улыбкой разрываютъ грудь“... Вскорѣ на ея губахъ появился лучъ безсознательнаго счастія, охватилъ все лицо и наполнилъ глаза выраженіемъ тихаго волненія или восторга... Я смотрѣлъ на эту игру внутренней зари, на лазурныя радуги и блескъ падающаго на нее блѣднаго солнца, не поглощеннаго еще вполнѣ пѣнистой занавѣсью; долго смотрѣлъ, пока она не очнулась отъ своей задумчивости и не встрѣтила моего взгляда.

Она смутилась такъ сильно, какъ будто бы я измѣнически подслушалъ какую-то великую и плохо охраняемую тайну.

Видимо, она хотѣла шутливо оправдаться въ своей задумчивости и восторгѣ, но въ моемъ взглядѣ и въ моей улыбкѣ, должно быть, было столько открытаго и теплаго сочувствія, что она забыла о извиненіяхъ, внезапный горячій румянецъ выступилъ на ея разгорѣвшемся лицѣ, охватилъ прозрачнымъ заревомъ ея виски, лобъ, шею, точно у ребенка,

пойманнаго на мѣстѣ преступленія. И въ ту минуту, когда она стояла предо мной, вся пылавшая и безпомощная, прикрывъ зрачки рѣсницами, впервые покинула ее великосвѣтская выдержка, и она стала похожа на ученицу, плохо отвѣтившую свой урокъ. Тогда впервые мнѣ въ голову пришла мысль схватить ее въ объятія, прижать къ груди и цѣловать въ ней это зарево непорочной скромности.

И можетъ быть — не отдавая себѣ точнаго отчета, въ томъ, что съ ней творится — она бы осталась на моей груди тихая и безсознательная . . .

Увы, я сразу уяснилъ себѣ всю разницу нашихъ существъ. Припомнилъ бѣлую и холодную страну, мою страну, холодную и гордую страну моей мысли, которой нѣтъ дѣла до нарцисовъ, и вспомнилъ веселыя улыбки нектарниковъ, встрѣченныхъ нами, при видѣ которыхъ презрительно закрылись мои вѣки.

И я вывелъ ее изъ лазури фантастическаго грота на яркую жару полдня, и вскорѣ передалъ матери нетронутую, ясную и сіяющую...

Даже листья барвинка, приколотые у пояса, вмѣстѣ съ нею вернулись въ долину...

Въ послѣполуденные часы мы всѣ очутились въ нашемъ садовомъ кіоскѣ. Она имѣла съ собой маленькую книжечку Лоти „Le Pêcheurs d'Islande“. Я зналъ эту чудную пѣснь, воспѣтую романскими устами въ честь моря и любви.

Я охотно предложилъ читать ее вслухъ. То были послѣднія главы печальной исторіи влюбленныхъ, раздѣленныхъ моремъ.

На скалистомъ прибрежьи Бретани, въ ураганахъ весны цвѣли бѣлоснѣжные боярышники, и любовь

двухъ людей достигала зенита своего экстаза, а отъ прибрежья катилась въ безконечность и гордо вздымалась непобѣдимая и грозная стихія, гордая своей безконечностью, не знающая ни восторговъ, ни весны... Потомъ на колышущейся волнѣ остаются останки утонувшаго возлюбленнаго, до смѣшного маленькіе и мертвые въ величіи вздоховъ океана, а на прибрежьи, обнаженномъ вѣтрами и волнами, чернѣетъ крестъ, какъ символъ утѣшенія.

Въ глазахъ моей слушательницы стояли слезы...

Окончивъ чтеніе, мы долго говорили. Она спрашивала меня, — что является наивысшей красотой и поэзіей на землѣ: Альпы или море?

Я отвѣтилъ:

— Красоты нѣтъ ни на горизонтахъ океана, ни на вершинахъ Альпъ. Только тогда, когда надъ ними проходитъ сила бодрствующей, человѣческой мысли, можетъ изъ ея великихъ крыльевъ пасть на эти волны и на эти снѣга столько атомовъ красоты, что въ сердцахъ людей, идущихъ черезъ эти воды и снѣга, родятся цвѣты поэзіи.

На слѣдующій день снова была прекрасная погода, и мы почти все время находились вдвоемъ въ той же чистой и свободной атмосферѣ, только нѣсколько высокой и крылатой; я уже и въ присутствіи матери не заботился больше о вкусахъ и дѣлахъ нектарниковъ, а старался возможно полнѣе описать смѣлые полеты и сверкающія перья той бодрствующей и всемогущей мысли, которой не видѣли глаза ея ребенка. Я старался облечь птицу мысли въ такую божественность и роскошь, что въ полдень моя спутница не замѣтила, когда собственно мы добрались до павильона, стоящаго нѣсколько вдали отъ Гейсбаха, на высокомъ курганѣ, оттуда открывался

королевскій видъ на долину Аара, озеро и воды далекихъ горъ, — а вечеромъ она не замѣтила, какъ наступила пора иллюминаціи и разлуки.

Слѣдующій день я употребилъ на то, чтобы навѣстить Ротгорнъ. Я бы, безъ сомнѣнія, предпочелъ отказаться отъ этой экскурсіи и снова провести время въ обществѣ моихъ соотечественницъ, но взяли верхъ причины для меня весьма важныя. Я рѣшилъ остаться наединѣ съ самимъ собой на цѣлый день и уяснить точно себѣ свое состояніе. Во мнѣ кипѣло глухое безпокойство, какъ будто бы моему наивысшему благу грозила утрата, или какъ будто бы я былъ близокъ къ измѣнѣ чему-то настолько важному, что даже серебряные глаза прекрасной дѣвушки не давали мнѣ забвенія, хотя я читалъ въ нихъ все возроставшую ко мнѣ благосклонность; даже тогда, и именно сильнѣе всего тогда, во мнѣ подымалось возмущеніе противъ того, что я самъ чувствовалъ, и противъ того, чего, какъ невыразимо дорогой для меня вещи, я старался достигнуть — достигалъ. Мнѣ необходимо было уединиться и думать. Необходимо было думать о своей мысли и, поставивъ ее передъ собой, внимательно осмотрѣть, цѣла ли она, ненарушима ли и остаюсь ли я съ ней въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ.

Рано утромъ я сѣлъ на пароходъ, заходившій въ Гейсбахъ по дорогѣ изъ Интерлакена въ Бріенцъ, откуда я и предпринялъ свое путешествіе. День былъ жаркій и еще прекрасный, но безукоризненная до сихъ поръ погода уже весьма замѣтно портилась. Изъ-за сѣверныхъ и восточныхъ горъ выползли тучи. Въ началѣ онѣ были незамѣтны и бѣлы, но уже въ полдень стояли на высотѣ двухъ съ половиной тысячъ метровъ такія грозныя и густыя, что въ

двухъ шагахъ нельзя было ничего видѣть. Я не сѣтовалъ на нихъ. Часто тучи бываютъ прекраснѣе видовъ природы, рекламируемыхъ въ проспектахъ. Онѣ еще далеко отъ насъ, еще ложатся на небѣ фантастическими пятнами, какъ самый обычный штафажъ пейзажа, а ужъ мы замѣчаемъ у нашихъ ногъ свѣжій отрядъ новыхъ, подземныхъ тучъ. Онѣ родятся гдѣ-то въ глубинѣ, сѣрыя, плоскія, неподвижныя, а потомъ внезапно выгибаютъ свои круглые хребты, какъ пробужденныя животныя, встающія изъ логовищъ, и движутся тѣсной лавиной, быстро, тихо, съ обѣихъ сторонъ скалистаго острія, на которомъ мы стоимъ, вверхъ къ горѣ. И вдругъ онѣ снова подъ нами. Скользятъ по косымъ насыпямъ и пропастямъ истоковъ; одна вѣетъ по небу густыми лентами дыма, другія достигаютъ высоты горнаго хребта и, разложивъ въ трещинахъ и углубленіяхъ чудовищныя лапы, на моментъ превращаютъ насъ въ статуй, плывущихъ по небу на каменныхъ корабляхъ, затѣмъ, соединившись съ летучимъ отрядомъ мрака, охватившимъ небеса, поглощаетъ насъ совершенно.

Онѣ приносятъ съ собой мракъ, морозъ и вихри.

И именно эти вихри, морозъ и мракъ, пришедшіе вмѣстѣ съ тучами, я встрѣтилъ какъ желанныхъ и давно невидимыхъ вѣстниковъ. Окруженный ими, я понялъ, что слишкомъ долго я пребывалъ въ тѣсномъ и горячемъ гнѣздѣ, слишкомъ долго топталъ арабески искусственныхъ клумбъ и упивался опаснымъ очарованіемъ эгоистическаго счастія. Я понялъ, что энергія воли, слишкомъ долго остававшаяся бездѣятельной, можетъ такъ распуститься и облѣниться, что я остался бы у основъ незаконченнаго зданія, поддавшись потребностямъ и желаніямъ жизни, та-

кой жизни, какою живутъ обыденныя толпы низинъ и равнинъ.

Тутъ, среди суровыхъ вѣстниковъ осенней бури, я снова встрѣтился съ глазу на глазъ съ первобытной и неисчерпаемой силой. Клубы тучъ, стадомъ апокалипсическихъ видѣній охватившія высоты, и пронзительно свистящій вихрь, были для меня спасеніемъ и указаніемъ. Я съ наслажденіемъ отбрасывалъ приступы воздушныхъ водоворотовъ и вдыхалъ легкими холодный воздухъ. Я переходилъ съ одного обрыва на другой, иногда останавливаясь и борясь съ морозными теченіями, иногда ища опоры у высоко торчавшихъ камней; иногда на открытыхъ мѣстахъ, обнаженныхъ вѣтрами, я былъ такъ сильно преслѣдуемъ бурей, что мнѣ приходилось хвататься за кусты длинной, сожженой травы, заросшей южный склонъ горы. Но чѣмъ больше усиливался вѣтеръ и холодъ сырыхъ тумановъ, тѣмъ лучше чувствовали себя мои мысли; слишкомъ долго онѣ отдыхали и теперь онѣ пробуждались, готовыя къ труду и полету. Онѣ рады были стряхнуть съ себя мертвечину бездѣятельной летаргіи и пуститься въ безграничіе новыхъ горизонтовъ, какъ стада тучъ, летящія отъ этой небольшой горы къ ледохранилищамъ Юнгфрау. Я чувствовалъ въ себѣ безграничность, мысль и полноту силъ, чтобы охватить ею все; я понялъ, что она моя возлюбленная, и что она желаетъ быть моей единственной возлюбленной, я испугался за нее, я затосковалъ объ уединеніи съ ней и изо всей силы рванулъ препятствіе, начинавшее расти между мной и ею.

Пылью ничтожнаго праха, безсильнымъ туманомъ стоячей воды низинъ повѣяло ко мнѣ отъ всего, что не было этой ясной, великой, сверхматеріальной

госпожей вселенной и возлюбленной моего прошлаго. Она единственная — холодная — показалась мнѣ достойной того, чтобы у ногъ ея я вылилъ огонь моей груди... кипѣла моя грудь отъ той, маленькой, тѣлесной, но я поднялся надъ тлѣнными атомами и протянулъ руки къ безсмертной, чистѣйшей...

Но, наконецъ, когда, прогнанный изъ наивысшихъ пропастей отголосками грома, я отступилъ въ безопасное убѣжище, а затѣмъ сѣлъ въ поѣздъ, быстро умчавшій меня изъ безлюдной сферы стихійныхъ явленій въ тѣсныя и теплыя сферы зеленыхъ луговъ, лѣсовъ, полей и, наконецъ, садовъ, гдѣ люди густо строятъ свои дома и удобныя жилища — тогда я понялъ ясно и безповоротно, что въ этомъ спокойномъ удушьѣ и безопасной тѣснотѣ я никогда не смогу основать свое гнѣздо или логовище. Правда, что въ такомъ убѣжденіи, укрѣпившемся во мнѣ на угрюмой вершинѣ, заключался приговоръ добровольнаго изгнанія моего существа въ одинокое блужданіе, тяжелое и изнуряющее блужданіе, безъ тепла, безъ нѣжности, безъ конца; но я не чувствовалъ въ себѣ по этому поводу ни печали, ни горя. Быть можетъ, скорбь укрощенной природы превращалась во мнѣ въ холодную надменность, въ ту гордость, которую я иногда ношу на лбу и на губахъ, сжатыхъ молчаніемъ.

Я помню, что, ожидая парохода на пристани въ Бріенцъ, сидя въ душномъ и, несмотря на поздній часъ, еще яркомъ воздухѣ, среди говора туристовъ и далекихъ отголосковъ громовъ, я былъ занятъ идеей одного великаго, научнаго труда, въ которомъ я бы представилъ цѣли и методическіе пути, области и достигнутые результаты усилій духа, желающаго покорить вселенную путемъ познанія. Этотъ

трудъ, который бы обрисовалъ такую борьбу и охватилъ ее въ систему цифръ и мѣръ, былъ издавна моей идеей. Но только изъ Ротгорна я принесъ съ собой убѣжденіе въ необходимости выполненія его своими личными силами. Только тамъ эта необходимость овладѣла мной цѣликомъ и стала претворяться въ дѣйствіе. Только тамъ я сталъ искать первыхъ основныхъ пунктовъ того труда, что я потомъ выполнилъ въ теченіе прошедшей зимы, и тамъ было его истинное „зачатіе“.

Понимаешь ли ты sui generis моей внутренней исторіи, деспотическій и абсолютный захватъ меня мыслью о трудѣ, мыслью о трудномъ произведеніи? Такія исторіи происходили во мнѣ нерѣдко.

Они приходятъ всегда неожиданно, они внезапная эманація бодрствующаго духа, и сразу берутъ въ рабство всего меня, всѣ мои силы и желанія.

Пароходъ наполнился горстью туристовъ, отошелъ отъ берега, перерѣзалъ озеро поперекъ и высадилъ меня и половину туристовъ у подножья Гейсбаха, а съ другой половиной поплылъ дальше; насъ перегрузили въ вагоны, висящіе на стальныхъ канатахъ и переправили по воздушному мосту надъ пѣнящимися волнами каскада. Изъ среды пилигриммовъ до меня доносились крики восторга и ужаса; а между тѣмъ во мнѣ жило только одно сознаніе, какъ будто бы все мое тѣло и все мое существо привязаны къ великому золотому огню, гораздо болѣе великолѣпному, нежели всѣ земныя солнца, содержаніе этого огня есть и мое содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое, что по сравненію съ этимъ пылающимъ явленіемъ всѣ эти голоса, эти дороги и пароходы, это разлитое по озерамъ и материкамъ ревностное движеніе существъ, ищущихъ

впечатлѣній и воспоминаній, даже эти озера и материки есть лишь переходящая, маленькая, однодневная игрушка, что-то такое пустое, почти невидимое, почти тѣнь, погибающая въ тлѣнности.

Послѣдній годъ моей жизни, творческій годъ труда, начатаго въ тотъ день, разъяснилъ мои сужденія и открылъ предо мной истинное отношеніе сообразности размѣровъ и удѣльнаго вѣса между пламенемъ познавательной мысли и сферой, надъ которой развивается ея золотистое знамя. Этотъ годъ сильно углубилъ мои мысли, а съ окружающей сферой окончательно разъединилъ меня. Теперь ужъ она мнѣ почти чужда. Раньше еще существовало нѣкоторое родство между нами. Раньше я не избѣгалъ силковъ, свитыхъ изъ блестящей пряжи, и часто, зайдя въ розовые сады земли, позволялъ себя опутать брилліантовой паутиной, растянутой на коврахъ атласныхъ цвѣтовъ; и часто паутинные узоры были такъ привлекательны, такъ нѣжны, что я не спѣшилъ освободиться отъ нихъ, въ той увѣренности, что они связываютъ меня только внѣшне. Теперь они едва обращаютъ на себя мое вниманіе. Глубочайшій переворотъ совершилъ во мнѣ послѣдній періодъ времени, періодъ сознанія упоминаемаго уже мною труда. Онъ требовалъ столько силъ, такого высокаго напряженія всей власти духа въ одну способность анализа и познанія, что нужно было рвать и отбрасывать всѣ пряжи. Въ награду мнѣ досталась въ удѣлъ высокая трезвость и точная мѣра человѣческихъ поступковъ и требованій, по отношенію къ общему плану бытія. Это великая награда. Но такое рѣдкое и цѣнное сокровище я долженъ былъ искупить полнымъ разрушеніемъ нитей, соединяющихъ меня съ розовыми садами жизни. Тогда-то я оттолкнулъ то видѣніе,

такое чарующее, которое пересѣкло мою дорогу и овѣяло меня дыханіемъ личнаго счастія. Скажешь ли ты, что лучшимъ удѣломъ для меня было бы окутаться бѣлизной райскихъ нарцисовъ и на ихъ атласномъ коврѣ впасть въ летаргію мысли? Скажешь ли ты это? О почему же ты сама, глядя на свои звѣзды, стоишь вдали отъ рая и цвѣтущихъ садовъ и одна идешь ночью... ночью!.. Ты можешь и должна меня понять... ты единственная.

Вернувшись изъ Ротгорна домой, я нашелъ перемѣны. Прибыли родные, приглашенные письмами, и нѣсколько еще другихъ лицъ. Я случайно наткнулся на цѣлое общество и былъ представленъ. Новые, или, вѣрнѣе, тѣ же самые типы нектарниковъ...

Чужіе голоса, чужія лица бросаютъ на меня взгляды, обостренные легкимъ любопытствомъ, разборъ неизвѣстныхъ мнѣ семейныхъ и несемейныхъ вопросовъ, взаимное оживленіе, а въ особенности веселость моей недавней собесѣдницы — все это слившись въ одинъ непріятный аккордъ ложной интонаціи, заставило меня отступить, какъ можно скорѣе и сказать себѣ, что моя роль пришла къ концу. Мое присутствіе уже не имѣло больше смысла. Я чувствовалъ себя лишнимъ.

Изъ столовой, гдѣ было невыносимо душно, я вышелъ на площадку и, бросившись въ кресло, сталъ думать объ отъѣздѣ. Въ тепломъ, неподвижномъ воздухѣ чувствовалась приближающаяся буря. Съ рѣзкимъ свѣтомъ электрическихъ лампъ смѣшивался блескъ далекихъ и тихихъ молній. На площадкѣ было пусто. Я былъ измученъ блужданіемъ по горамъ и умственнымъ возбужденіемъ. Меня раздражала духота атмосферы и угнетала необходимость окончательнаго разрыва моей идилліи, мысль о ней

пронизывала меня рѣзкими ударами боли. Я не зналъ еще, какую форму приметъ разлука, но чувствовалъ уже теперь, что она страданіе. Какъ чиста, нѣжна, полна чаръ была на этотъ разъ пряжа сѣтей!.. Но невольно я задавалъ себѣ вопросъ: будетъ ли хоть немного разлука тяжела и для нея? Приснятся ли ей когда-нибудь тѣнистыя аркады въ завѣсѣ жемчуга и лазури, когда душа ея будетъ высыхать въ шумѣ приморскихъ бульваровъ или на трибунахъ бѣговъ?

Смотря когда-нибудь въ будущемъ на заливы, полные нектарниковъ, отыщетъ ли она въ ритмѣ пульсирующаго моря слѣдъ всеобщихъ силъ моторовъ бытія, которые, къ счастью бретанскихъ рыбаковъ, движутся волною, тяжелой, какъ смерть, а на пирамидахъ Альпъ воплощаются въ золотые факелы бодрствующихъ духовъ и въ экстазы херувимовъ?..

Отъ этихъ мыслей меня пробудилъ шелестъ платья, звукъ знакомыхъ легкихъ шаговъ и видъ гибкой, свѣтлорусой фигуры, въ жемчужно-сѣрыхъ узорахъ, съ рубиномъ темной розы на груди... При видѣ ея сердце мое забилось живѣй, и мое утомленіе исчезло. Вѣдь было ясно, что она пришла, чтобы найти меня и поговорить немного послѣ проведеннаго въ разлукѣ дня. Я привѣтствовалъ ее съ нескрываемой радостью. Она стала объяснять, что въ комнатахъ матери, куда всѣ ушли, ей было невыносимо душно, и что она нуждалась въ свѣжемъ воздухѣ... хотя и тутъ невозможно освѣжиться... при томъ она любитъ смотрѣть на молніи...

Каждымъ такимъ словомъ она врѣзывалась мнѣ въ сердце.

Я не зналъ, о чемъ говорить. Спросилъ ее о матери, видъ которой въ этотъ день показался мнѣ

какимъ-то особеннымъ; мы прошли нѣсколько разъ вдоль террасы — потомъ она сѣла на одной изъ скамеекъ и указала мнѣ мѣсто рядомъ съ собой... но я не хотѣлъ садиться. Въ отдаленіи нѣсколькихъ шаговъ я молча смотрѣлъ на нее. По ея лицу прошелъ нѣжный румянецъ. Она сидѣла въ сильномъ блескѣ электричества, обративъ лицо къ озеру и Ротгорну, гдѣ отъ времени до времени небо разверзалось синеватымъ свѣтомъ пропасти. Смотря на нее, я переживалъ въ памяти рядъ дней, проведенныхъ подъ одной съ ней крышей.

Наконецъ, я прервалъ молчаніе:

— Бѣдная роза!..

— Потому, что завянетъ и умретъ? — спросила она, обращая свой взглядъ ко мнѣ.

— Нѣтъ; не потому. Эта роза печальна, ибо говоритъ себѣ: „Я роскошный цвѣтокъ съ чуднымъ ароматомъ, а не имѣю никакой цѣнности; она пропала вмѣстѣ съ тѣмъ моментомъ, когда стала надо мной моя звѣзда, но неузнанная или отвергнутая, погасла и уже не вернется...“

Не слѣдя за выраженіемъ ея лица, вызваннаго моей рѣчью, я обратился къ атмосферическимъ цвѣтамъ и въ отвлеченныхъ и яркихъ образахъ сталъ повторять ей все, что въ теченіе моей одинокой прогулки передумалъ мой умъ. Я говорилъ безпокойно, горячо, быстро.

То не былъ гимнъ преклоненія передъ ожидающимъ меня трудомъ, но скорѣе апоѳеозъ его темы. Нашъ, до сихъ поръ, скупой разговоръ, сталъ монологомъ. Она не прервала меня ни разу.

Я говорилъ скорѣе для себя, чѣмъ для нея. Повторить то, что я говорилъ тогда, теперь ужъ я не могу.

Быть можетъ, вмѣстѣ съ синимъ блескомъ, открывавшимъ ворота мрака, предо мной открылась тогда Валгалла сфинксовой поэзіи... ко мнѣ рватогда Валгалла сфинксовой поэзіи... ко мнѣ рвались со всѣхъ сторонъ новыя идеи, новыя впечатлѣнія, новыя картины, все болѣе гордыя, могучія и горячія.

Если я когда-либо видѣлъ генія мысли, проникающаго бытіе и содержаніе бытія, генія мысли въ его великой и необъятной славѣ — то я видѣлъ его тогда. Если когда-либо понятія, краски, огни и эха, живущія въ природѣ, я сумѣлъ сплести въ ритмъ такихъ аккордовъ, гдѣ бы отразились огни и эха, живущіе внѣ нашей мысли, въ насъ самихъ и внѣ насъ, во всемъ и внѣ всего — то въ найденныхъ тогда аккордахъ хаотическимъ и далекимъ біеніемъ проявилась предчувствуемая правда бытія. Сіяли великіе троны Сфинксовъ, ихъ окрылялъ орлиный шумъ и знамена изъ огней; а предъ ними пылалъ океанъ вѣчности съ отраженной въ немъ Fata morgana или обрывкомъ бытія, въ которыхъ родится, живетъ, борется, страдаетъ и умираетъ человѣчество.

Я припомнилъ ей ея собственное удивленіе, когда съ наиболѣе высокаго пункта, до котораго мы успѣли добраться при нашей прогулкѣ, она увидѣла замокъ, паркъ и кіоски Гейсбаха. Все показалось ей не только маленькимъ, но совершенно инымъ, почти неизвѣстнымъ. Еще болѣе инымъ и еще болѣе чуждымъ показалось бы ей наше гнѣздо съ вершины Ротгорна...

Размѣры и цѣнности измѣняются вмѣстѣ съ высотой, на какую мы поднимаемся, какую же цѣнность могутъ представлять сокровища человѣческаго бытія, разсматриваемыя съ вершины гордыхъ троновъ?!.

Потомъ я пробовалъ объяснить ей въ быстрыхъ, точныхъ и нетерпѣливыхъ словахъ ту единственную элементарную правду, которую я напрасно хотѣлъ впитать и въ тебя, что, кромѣ власти и догмата анализирующей мысли, нѣтъ для жизни никакихъ благъ, никакихъ цѣлей. Если духъ человѣка имѣетъ въ себѣ достаточно силы, дабы вступить на такія высоты, уже не земныя, ледяныя и мертвыя, но божественно живыя и пламенныя, — то развѣ родной обрывокъ бытія, откуда онъ взлетѣлъ, можетъ и долженъ имѣть возможность столкнуть его съ достигнутаго пьедестала?

Что же можетъ потянуть его назадъ въ жизнь? Развѣ родство съ атомами, изъ которыхъ онъ случайно возникъ?

Развѣ цѣнность долгой жизни, искупленной апатіей и смертью мысли?

— Или, быть можетъ, — видѣніе личнаго счастья?

Мою долгую рѣчь прервало громкое шипѣніе огненныхъ змѣй. Вырвавшись изъ глубокаго мрака, скрывавшаго водопадъ и горы, скрестившись высоко вверху, они бросили въ этотъ мракъ градъ искръ, въ знакъ того, что иллюминація уже начинается.

И только горсть взлетѣвшихъ въ эѳиръ ракетныхъ искръ убѣдила меня, что я, должно быть, ужъ очень долго говорилъ и что я говорилъ о вещахъ, которыя прекрасную дѣвушку, слушавшую меня, совершенно не могли интересовать. Зачѣмъ же я терялъ время на атомы и догматы, коль скоро у меня его такъ мало, а она находилась при мнѣ, быть можетъ, въ послѣдній разъ?.. И вмѣсто того, чтобы окончить начатую фразу, я сказалъ, указывая на остатки разсыпавшихся въ воздухѣ огоньковъ.

— Надъ вашей головой летаютъ золотыя звѣзды!

Я думалъ о падающихъ звѣздахъ, о которыхъ легенда говоритъ, что онѣ горятъ для всѣхъ людей на небѣ, какъ основательницы счастья...

Во мнѣ было страшное желаніе счастья и непоколебимая воля не принять его ни отъ одной изъ звѣздъ, что летятъ и притягиваютъ внизъ...

Она же не замѣчала ничего ни вверху, ни внизу.

Она сидѣла, слегка склонившись, съ сплетенными на колѣняхъ руками, въ глубокой задумчивости; видно было, что какой-то важный и трудный вопросъ внезапно явился предъ ней, и она не можетъ его рѣшить. На лицѣ ея не осталось ни слѣда румянца. Наоборотъ, оно стало очень блѣдно, и я еще никогда не видѣлъ ее такой блѣдной и такой глубоко-серьезной. Наконецъ, какъ бы въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ, она начала говорить медленно и тихо, не смотря мнѣ въ глаза, какъ будто бы она формулировала вслухъ выводы, добытые изъ клубка мысли, смотаннаго нами обоими. Въ ея голосѣ звучала нота мягкой печали и чувствовалась крупинка горечи.

— Все это трудныя для пониманія вещи... Да, сомнѣнія въ этомъ не должно быть никакого... Кто настолько могучъ, чтобы вступить на такіе пьедесталы, съ высоты которыхъ можно наблюдать всѣ міры, видѣть и знать, откуда они взялись, зачѣмъ и куда они стремятся, и понимать ихъ судьбы — тотъ не найдетъ на землѣ ничего, чтобы онъ могъ поставить наравнѣ съ собственной властью и величіемъ... онъ не находитъ и не найдетъ... дѣйствительно для него не можетъ имѣть цѣнности, ни человѣчество, ни жизнь и счастіе того рода, о какомъ тоскуютъ другіе... ни звѣзды, ни ледники...

Она остановилась... а потомъ, склонивъ низко

голову и расплетя руки, докончила тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Ни мой барвинокъ...

Я не могу точно уяснить себѣ, что тогда произошло со мной, — мой поступокъ не былъ подготовленъ никакимъ намѣреніемъ. Въ то время, когда розовые лепестки ея губъ еще дрожали отъ сказанныхъ словъ, я уже былъ около нея, я уже обнялъ ея голову рукой, склонилъ назадъ ея лицо и на ея дѣвичьи губы запечатлѣлъ долгій и горячій поцѣлуй... моя ласка продолжалась едва минуту, а однако рядъ впечатлѣній и мыслей, которыя я уяснялъ себѣ въ теченіе этой короткой минуты, былъ весьма сложенъ и дологъ. Сначала меня поразило то страшное потрясеніе, какое испытала она при прикосновеніи моихъ губъ.

Она не сдѣлала ни одного жеста защиты, только руки ея упали движеніемъ тревоги. Она оцѣпенѣла и окаменѣла совершенно. Я чувствовалъ мягкій шелкъ ея волосъ и нѣжность поцѣлуевъ, а въ то же время, лицомъ къ лицу, утопая взглядомъ въ ея глазахъ, я видѣлъ, что ихъ серебряная и прозрачная лазурь затуманилась и помутнѣла. И губы ея казались безчувственными и мертвыми. А можетъ быть, и сердце ея перестало биться въ тотъ моментъ, когда я прильнулъ къ ней и съ блѣднымъ лицомъ Актеона бралъ съ ея устъ первую и послѣднюю дань любви...

А мои поцѣлуи не были страстнымъ взрывомъ возлюбленнаго. Возлюбленнаго!.. Да, въ нихъ было много и такого огня. Я вложилъ въ нихъ всю нѣжность, на какую только способно мое существо. И я помню, что, почувствовавъ ее такъ близко около себя, лицомъ къ лицу, сердцемъ къ

сердцу, я долженъ былъ сильнымъ движеніемъ воли побороть внезапно охватившее меня желаніе отречься, ради обыденнаго счастья съ ней и тихой жизни около этихъ дѣвичьихъ губъ и шелковистыхъ волосъ, отъ всѣхъ моихъ великихъ полетовъ и мыслей... Но внезапная и сильная волна чувственной нѣжности сейчасъ же разбилась о силу другихъ, болѣе глубокихъ и, повидимому, въ моей натурѣ болѣе основныхъ чувствъ. Меня захватила красота факта, имѣвшаго въ себѣ цѣнность и торжественность обряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ трагичность рѣшительной минуты.

Насильно уничтожая въ ней первую неприкосновенность весны и утра, я дѣлалъ это не столько ради себя, какъ сколько въ честь и жертву всеобщей, вѣковой и творческой силы, блестящимъ и краткимъ проявленіемъ которой являюсь я самъ и моя душа.

Этой власти всемогущаго и вѣчнаго огня принадлежитъ то, что наиболѣе цѣннаго создаетъ земля изъ своихъ стихій.

Пусть эта дѣвушка идетъ и дальше въ жизни своимъ путемъ, пусть въ окружающей ее толпѣ она любитъ и побѣждаетъ: зарю чудеснаго очарованія, отнятую моими устами, она уже не сможетъ отдать никому.

Я понималъ, что въ данный моментъ я разстаюсь съ ней окончательно, что я теряю ее невозвратно и навсегда. И изъ источника такого созданія во мнѣ поднялась новая, могучая и тяжелая волна эгоистическаго сожалѣнія о туманной, блѣдной судьбѣ моей собственной молодости. Я чувствовалъ ясно и невозвратно, что вмѣстѣ съ этимъ прощаніемъ кончается заря весны моей жизни, наступаетъ періодъ

тяжелой, окончательной одинокой борьбы и, кто знаетъ, побѣждающей ли?..

Меня охватила невыразимая печаль о молодой поэзіи розъ, нарцисовъ, соловьевъ и сердечныхъ родниковъ, съ ней я прощался въ лицѣ этой дѣвушки — такая безграничная и бездонная печаль, что гигантскій свѣтъ моей мысли и моихъ стремленій я могъ бы затопить океаномъ горькихъ и глухихъ слезъ... но наивысшее напряженіе воли разсѣяло и преодолѣло и эту грозную волну.

Всѣ эти возмущенія и побѣды поднялись во мнѣ, столкнулись и упали въ теченіе той короткой минуты, что я провелъ у ея сердца.

Все-таки у меня еще осталось настолько сознанія, чтобы подумать о томъ, что мы находимся въ публичномъ мѣстѣ, настолько сознанія, чтобы окинуть взглядомъ площадку, одни ли мы находимся на ней. Вдали видна была группа лицъ, любовавшихся начавшейся иллюминаціей потока.

Спокойный, торжественный и печальный, я осторожно освободилъ ее изъ своихъ объятій, еще разъ посмотрѣлъ въ ея глаза, теперь покрытые рѣсницами, на блѣдныя, крѣпко-сжатыя губы и отошелъ къ зрителямъ, собравшимся на другой сторонѣ террасы, оставивъ ее молчаливую и одинокую. На черномъ плащѣ ночи сіяла громадная, вертикальная полоса, кипящаго серебра. Надъ нею взлетали золотистыя звѣзды, разсыпаясь громадными и огненными слезами. На небѣ играли молніи...

Ночью, у ея матери снова возобновился припадокъ, весьма опасный, вызванный, можетъ быть, — по крайней мѣрѣ, отчасти — стремительной бурей, пронесшейся надъ Гейсбахомъ въ полночные часы. Уже раньше я велѣлъ прислугѣ немедленно увѣдо-

мить меня въ случаѣ какого-нибудь ухудшенія. Въ первую минуту пришлось удовольствоваться помощью мѣстнаго гидропата. Но мы немедленно привели въ движеніе телефонъ и телеграфъ, чтобы вызвать лучшія медицинскія силы изъ Интерлакена и Люцерна. На другой день, получивъ извѣщеніе отъ одного изъ доктоpовъ, что вѣнскаго профессора видѣли послѣднее время въ отелѣ Бельвю въ Интерлакенѣ, я немедленно отправился туда, но тамъ ужъ его не засталъ, въ конторѣ мнѣ не могли дать никакихъ свѣдѣній. Наконецъ, одна изъ дочерей содержателя гостиницы вспомнила о проектируемой гостемъ прогулкѣ въ Беатенбергъ. Я поѣхалъ дальше и снова напрасно. Наконецъ, въ Тунѣ я нашелъ его. Ученый, видя себя преслѣдуемымъ вторично, а можетъ быть убѣжденный, что его искусство въ данномъ случаѣ безсильно, не хотѣлъ слушать о вторичной поѣздкѣ къ больной дамѣ и только послѣ моихъ долгихъ и горячихъ просьбъ согласился ѣхать. Вечеромъ мы были въ Гейсбахѣ. Послѣ консиліума состояніе больной было признано безнадежнымъ, хотя, послѣ примѣненія различныхъ средствъ, больная чувствовала себя нѣсколько лучше и бодрѣе.

Присутствіе семьи обезпечивало бѣдной дѣвушкѣ гораздо болѣе лучшую опеку, чѣмъ моя, и я уѣхалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ профессоромъ. Я простился съ ней, говоря, что внезапныя и важныя дѣла требуютъ моего немедленнаго присутствія. Она ничего не сказала, только, избѣгая моего взгляда, крѣпко сжавъ губы, протянула мнѣ свою маленькую, холодную, бѣлую руку...

— Благодарю, — шепнула она. — Вы были такъ добры къ моей мамѣ...

Не спросила ни о чемъ и ничего не требовала.

Я тоже, молча, удалился съ опущеннымъ взглядомъ.

Съ того времени я ничего не знаю о ней, и вотъ вся моя исповѣдь.

Долгая исповѣдь, но я не жалѣю ея — убѣжденный въ томъ, что открылъ тебѣ много своихъ тайнъ, и что въ будущемъ ты не будешь осуждать меня въ тяготѣніи къ бархатнымъ эпизодамъ жизни.

XVI.

Интерлакенъ.

Наряду съ воспоминаніями, составляющими на пути жизни часто довольно сильныя препятствія и суровой волной отбрасывающими теченіе человѣческихъ стремленій въ сторону отъ нормальнаго пути къ ничтожнымъ и мертвымъ вещамъ, къ давно засохшимъ цвѣтамъ и давно развѣяннымъ тѣнямъ; наряду съ сожалѣніемъ, что послѣ каждаго вечера должно наступить какое-нибудь сегодня и какое-нибудь завтра; наряду съ печалью, тоскливыми мечтами, надеждами и многими другими, тому подобными эманаціями нашего „я“ — также принадлежатъ къ самымъ ненужнымъ и вреднымъ явленіямъ, признанія и изліянія всякаго рода. Они составляютъ страшное заблужденіе, если принять во вниманіе краткость времени и ничтожный запасъ тѣхъ силъ, какія мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

Эту ошибку я сдѣлалъ недавно по отношенію къ тебѣ, воскресивъ видѣніе счастія, не существовавшаго никогда, и развернувши знамена изъ огня, въ дыханіи которыхъ та слабая искорка должна была погибнуть, какъ атомъ угольной пыли. И это не

единственная моя ошибка. Ужъ я совершилъ предъ тобою цѣлый рядъ такихъ нерацiональныхъ поступковъ и, что еще хуже, не перестаю грѣшить дальше, что несомнѣнно вредитъ мнѣ въ твоихъ глазахъ, ибо вызываетъ ложное оптическое впечатлѣнiе, умаляющее мой духовный ростъ. Но передъ тобой одной я не стыжусь грѣшить и вопреки принципамъ оптики уменьшаться тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе я приближаюсь своей непокорной душой къ вашему, твоему полюсу. А коль скоро я приближаюсь къ вамъ — къ тебѣ, на разстоянiе эготическихъ вздоховъ, и эготическихъ жалобъ, то я очень желалъ бы знать, каково твое окончательное мнѣнiе обо мнѣ? Правда ли, что когда моя ладья касается вашихъ наслѣдственныхъ позицiй, то твое ухо улавливаетъ одинъ лишь скрипъ и скрежетъ??

Но ты молчишь. Почему ты молчишь? Развѣ ты не желаешь даже порицать меня.

За что порицать? Развѣ мои неугасимые огни, хотя и ужасные для изнѣженныхъ чувствъ по ядовитости своихъ молнiй и зигзагамъ громовъ, несмотря на то не ясны и не могучи? Правда, сцена природы знаетъ другiе огни, другiя знамена, правда, свѣтъ слабой искорки гораздо болѣе полезенъ для глазъ, чѣмъ зарево факела, освѣщающаго цѣлыя небеса. Но развѣ это моя вина, что я предпочелъ стать съ горящимъ взглядомъ и поблѣднѣвшимъ лицомъ около опаснаго факела, чѣмъ прозябать подъ слабой искоркой лозунга сохраненiя вида, какой горитъ надъ ямой барсука и хатой будника. Если ужъ тутъ и есть чья-нибудь вина, то судьбы или случая. Я полагаю, что никакой вины нѣтъ въ томъ, что, разъ уже взявъ это знамя въ руки, я преданно остался при немъ и жажду устоять

при немъ дальше всей моей душой и всѣми силами моей воли. И наконецъ, никто изъ живущихъ не поставитъ мнѣ въ вину, что я уберегъ отъ сфинксоваго жара серебристые глаза пробуждающагося къ жизни ребенка и отослалъ его назадъ къ лазурнымъ гротамъ и розовымъ облакамъ. А что это дитя, счастливо сохраненное для лазури и солнца, не истратило слишкомъ много энергіи своей жизни на безплодныя эманаціи души, называемыя воспоминаніями или тоской — я не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія.

Ты не можешь упрекнуть меня ни въ одной погрѣшности по отношенію къ вашему свѣту. Съ коранами — послѣ безплодной попытки — я не борюсь, бархата не топчу, розовыхъ кустовъ не ломаю, нектаровъ не пью. Съ башни, воздвигнутой собственнымъ трудомъ, я стараюсь бросить лучи бодрствующей мысли какъ можно дальше въ хаосъ безграничной мглы, а вѣсть о замѣченныхъ во мракѣ таинственныхъ знакахъ я посылаю по вершинамъ общества къ другимъ башнямъ, гдѣ вѣютъ къ небу такія же, но болѣе могучія искры познанія. Мои вновь добытыя мысли, сталкиваясь съ волною другихъ извѣстій, сливаются съ ними въ одинъ общій кругъ, который растетъ все выше и постепенно дѣлаетъ все болѣе широкіе круги. Міръ, вѣчно занятый вопросами своего бытія, не часто обращаетъ свой взглядъ въ высь, онъ не узнаетъ никогда, или лишь въ исключительныхъ случаяхъ, узнаетъ о игрѣ кипящихъ, сливающихся и возрастающихъ, свѣтлыхъ волнъ, а интересуется ими только тогда, когда неуловимые результаты воздушнаго разговора служатъ непосредственно къ услажденію житейскаго нектара. Тогда изъ царства Геліогабаловъ и мучениковъ къ

намъ доходитъ гулъ аплодисментовъ въ честь столь полезныхъ діалоговъ, и міръ бросаетъ намъ въ благодарность — мыльный пузырь славы. И наконецъ мы здѣсь всегда одни. И нѣтъ въ этомъ вины ни съ чьей стороны.

Но ты не думай, что, говоря тебѣ, я жалуюсь на одиночество. Я вовсе не дѣлаю этого. Ты знаешь, что я самъ разрушилъ мосты, соединяющіе мое убѣжище съ шумомъ и торжищемъ міра. Давно уже, желая оріентироваться въ дѣлахъ этой юдоли нищеты и скуки, я сконструировалъ для себя весьма утонченное приспособленіе, съ помощью котораго я взвѣшивалъ и сравнивалъ. Сравненіе дало мнѣ такіе результаты: все, что среди суеты торжищъ пользуется спросомъ, оказалось легкимъ, какъ пухъ и пустота, все же, что имѣло вѣсъ и цѣнность золота, оказалось весьма далеко отъ торговаго шума. Отсюда вытекаютъ мои добровольныя прогулки по нелюдимымъ тропинкамъ, и потому я не жалуюсь на одиночество.

Но зато, говоря сегодня съ тобой, я хочу напомнить тебѣ, что я тоскую о твоемъ голосѣ и цѣною личныхъ признаній я радъ бы внушить тебѣ убѣжденіе, что я достоинъ твоей памяти.

И, наконецъ, хотя бы я былъ полонъ всевозможныхъ прегрѣшеній ч, согласно буквѣ вашихъ катехизисовъ, заслуживалъ осужденія, то вѣдь снисходительность, свойственная сердцамъ, въ которыхъ живетъ любовь, должна разогнать тѣни суроваго приговора и подумать о томъ, что и осужденные иногда нуждаются въ каплѣ нектара. Что звукъ твоего голоса для меня нектаръ, объ этомъ ты знаешь и безъ многихъ словъ съ моей стороны....

А между тѣмъ мой теперешній otium или лѣтній сонъ наработавшагося ума складывается все болѣе неудачно, и я добавлю съ большей искренностью, можетъ быть, даже слишкомъ большой, что въ значительной степени въ этомъ виновата ты.

Раньше, въ эпоху летаргіи, когда засыпалъ мой утомленный умъ, сердце шло отдыхать на зеленые луга, открывалось для красокъ и ароматовъ, каталось по цвѣтамъ, обвивалось пухомъ бриллiантовыхъ паутинъ, а затѣмъ свободно стряхивало ихъ съ себя, когда наступала пора новой работы для возрожденной мысли.

Въ этомъ году птицы молодости не воскресли во мнѣ и не полетѣли вновь за элексиромъ жизни. Онѣ очевидно погибли отъ жары — или отъ холода. Правда, мое сердце открылось для красокъ, ароматовъ и эхъ, но оно не освѣжается и не проникается уже ничѣмъ. Столкнувшись съ сверкающей струей жизни, оно уходитъ отъ нея, какъ мертвая вещь.

Среди прекрасныхъ горъ, въ воздухѣ, насыщенномъ живительнымъ ароматомъ лѣсовъ, несущимъ вѣяніе кристальныхъ водъ Аара и бернскихъ ледниковъ, я не только не нашелъ до сихъ поръ желаннаго отдыха, но, наоборотъ, чувствую, какое-то общее, мучительное для мозга и нервовъ и все безпрерывно усиливающееся разстройство. Въ этомъ состояніи я не только собой, но и всѣмъ, что меня окружаетъ, недоволенъ все сильнѣе и сильнѣе и разочарованъ въ своемъ нѣкогда любимомъ уголкѣ міра. Ты бы сказала, разсмотрѣвъ мою душу, что во мнѣ исчезаютъ и весьма непріятнымъ образомъ послѣдніе слѣды снисходительности къ ближнимъ, и была бы права. Въ то время, когда сіяющій и шу-

мящій вокругъ меня міръ все сильнѣе раздражаетъ меня, мое сердце — я снова повторяю: сердце — такъ какъ вы, люди, взаимно любящіе, охотнѣе всего пользуетесь этимъ утопическимъ символомъ — мое сердце все больше звучитъ какой то нотой сожалѣнія, или тоски о томъ, чего имѣть я не могу. Это, очевидно, неестественное и нездоровое явленіе.

И именно на тебя падаетъ значительная часть вины, что мое сердце такъ разстроено. Совершенно неожиданно ты блеснула мнѣ загадочной радугой, удивительно соединенной съ пшеничными колосьями, соснами, тимьяномъ... потомъ въ далекомъ туманѣ показала мнѣ неясную картину бора и таинственной пущи, а среди нихъ силуэты неизвѣстныхъ мнѣ жилищъ и неизвѣстныхъ людей, а потомъ закрыла все перкуновой тучей, умолкла, и — исчезло все — вмѣстѣ съ эхомъ твоего голоса — можетъ быть, невозвратно. Весьма естественно, что сердце, само по себѣ безсильное и слабое, обезпокоилось весьма вреднымъ образомъ этой полосой замѣченныхъ видѣній. Можетъ быть, ему грезятся какіе-то свѣтлые луга, колосистыя нивы, зеленыя рощи, какіе-то миражи и форты, непохожіе на тѣ, что ему были извѣстны до сихъ поръ и, можетъ быть, потому даже на изумрудныхъ волнахъ Аара оно не хочетъ биться болѣе сильнымъ пульсомъ... Да, наконецъ, развѣ я знаю? Можетъ быть, ему что-нибудь, приснилось и теперь оно задумчиво сосредоточивается надъ чѣмъ-то неуловимымъ, исчезнувшимъ? Кто сможетъ дать точный отчетъ во внутреннихъ движеніяхъ души, столь трудной для познанія, какъ символъ чувства, наиболѣе неточный изъ символовъ.

Интерлакенъ, со всей его славой и со всѣмъ об-

ществомъ, переливающимся черезъ его гостепріимные пороги, кажется мнѣ все болѣе скучнымъ и тошнотворнымъ.

Отвращеніе и скука; тошнота и досада; вотъ выраженія, удачнѣе всего опредѣляющія мою настоящую атмосферу. Одновременно съ этимъ соединяется убѣжденіе, что природа самого Интерлакена не играетъ тутъ никакой роли, что всюду, гдѣ только мои здѣшніе товарищи разобьютъ свои шатры, неизбѣжно долженъ повториться тотъ же самый аккордъ суетности и скуки! Я думаю, что если бы всѣ мы, кто только тутъ есть, стали ангелами и могли бы разложить свой таборъ на серединѣ Дантовскаго рая, то еще до заката солнца я бы добровольно ушелъ къ погибшимъ и проклятымъ духамъ, хотя, можетъ быть, позднѣе и посылалъ бы свой печальный взглядъ къ потерянному раю ангеловъ. Здѣсь неизбѣжно круженіе разъ или два въ сутки по главной аллеѣ, во время концерта, когда вокругъ тѣснятся толпы обыкновенныхъ абдеритовъ, жаждущихъ музыки, сосѣдства знаменитой горы, а главное вида привилегированныхъ абдеритовъ. Послѣдніе, кружась по извѣстной Интерлакенской аллеѣ, или отдыхая среди экзотическихъ клумбъ, не отдаются вполнѣ и безъ остатка наслажденію бытія, какъ то полагаетъ наивное большинство зрителей. Наоборотъ, я замѣчаю, что способность соединять полезное съ пріятнымъ у моихъ ближнихъ весьма развита, и что міръ движется. Никто не перестаетъ думать о томъ, что колесо фортуны слѣдуетъ катить впередъ, и находимся ли мы на шумной концертной прогулкѣ, или въ вагонѣ модной желѣзной дороги, взбирающейся по замерзшему склону Юнгфрау, всюду я натыкаюсь, на рев-

ностныхъ работниковъ, занятыхъ въ собственномъ своемъ кругу.

Напримѣръ, я замѣчаю, что мой отецъ не упускаетъ ни одного случая вести обширные разговоры съ однимъ высокопоставленнымъ дипломатомъ, прибывшимъ сюда изъ Берлина. А по взаимному оживленію я могу заключить, что дѣло идетъ о какомъ-то новомъ планѣ отца, который былъ бы выгоденъ не только для двухъ дружественныхъ державъ, но и имъ обоимъ далъ бы славу испытанныхъ политиковъ.

Я вижу, что очаровательную Клеону, которая обходитъ аллею въ противоположномъ намъ направленіи и встрѣчается съ нами на половинѣ пути, окружило нѣсколько молодыхъ французовъ, и каждый изъ нихъ работаетъ согласно своимъ частнымъ намѣреніямъ.

Подобнымъ же образомъ работаетъ впереди меня другой, неизвѣстный мнѣ ближе господинъ, съ импонирующими плечами и кровавымъ затылкомъ, онъ, кажется, на трехъ языкахъ и — повидимому — безъ всякаго результата старается раскачать и разогрѣть неприступную Ореаду, часто весьма мало разговорчивую и задумчивую.

Даже аристократическій, придунайскій сановникъ, старый пріятель нашего дома, прохаживаясь со мной, не теряетъ времени или полагаетъ, что не теряетъ его напрасно, охотно узнавая отъ меня краткія свѣдѣнія о текущихъ вопросахъ и спорахъ отвлеченной науки, на болѣе точное штудированіе которыхъ у него не хватаетъ времени въ массѣ общественныхъ свѣтскихъ дѣлъ. И когда мы разговариваемъ такимъ образомъ о высокихъ, отвлеченныхъ и мудрыхъ вещахъ, то навѣрно ни одному изъ зрителей, жаждущему насъ видѣть, и не приходитъ въ голову подобная мысль; немолодой, но безупречной изы-

сканности государственный мужъ, направивъ разговоръ на какой-либо изъ такихъ отвлеченныхъ вопросовъ, какъ четвертое измѣреніе или безсмертіе души, покровительственно ведетъ меня подъ руку съ миной римскаго мецената, и слыша все, что я говорю ему (кромѣ легкой иронiи, которая невольно вмѣшивается въ это изложеніе sui generis), вращаетъ въ то же время стеклышко своего монокля то въ ту, то въ другую сторону, отъ времени до времени привѣтствуя знакомыхъ кивкомъ своего выбритаго лица; или же онъ упорно направляетъ свой монокль на идущую впереди насъ Ореаду, какъ будто бы онъ интересовался безсмертіемъ только этой единственной красавицы. Наконецъ, онъ прерываетъ меня полу-насмѣшливымъ, полу-торжествующимъ замѣчаніемъ, что однако наша наука даже въ принципіальныхъ вопросахъ не можетъ дать ни одного яснаго, краткаго, рѣшительнаго „да“ или „нѣтъ“, потомъ припоминаетъ мнѣ изъ Гете, что вся наша философія ничего не стоитъ. Я же, и безъ Фауста уже давно дошедшій до познанія той истины, что философскія системы сѣры, а только дерево жизни зелено, вторю ему съ полной охотой. Случайные зрители, безъ сомнѣнія, убѣждены, что мы сообщаемъ другъ другу свои наблюденія относительно фигуры и разнородныхъ достоинствъ идущей впереди насъ женщины или другихъ дамъ, присутствующихъ на прогулкѣ, а между тѣмъ, несомнѣнный фактъ, что важный, государственный мужъ, дополняетъ свой умъ возвышенными, отвлеченными и мудрыми вещами, и что въ кругу работающихъ единицъ онъ не представляетъ исключенія.

Словомъ, работаютъ всѣ, и не только тутъ, на Аарѣ, но и въ Трувиллѣ, и въ Біаритцѣ, всюду. И

что же оказывается? Оказывается, что въ то время, какъ всѣ вокругъ меня заняты и работаютъ надъ тѣмъ, чтобы на путяхъ жизни пройти, какъ можно дальше, а по крайней мѣрѣ, какъ можно удобнѣе, только я одинъ, считавшій себя нѣкогда самолюбивымъ человѣкомъ, бездѣятельно стою на мѣстѣ, съ сложенными руками и, можетъ быть, вскорѣ не смогу разрѣшить даже такого вопроса, что важнѣе: троны Сфинксовъ или моя лакированная обувь?

Не ставь мнѣ во зло мои сарказмы и горечь. Я нарисую тебѣ другую картину. Напротивъ нашей гостиницы устроился на тротуарѣ какой-то изобрѣтательный, но оборванный астрономъ съ зрительной трубой, въ которую днемъ онъ показываетъ вершину Юнгфрау, а когда становится темно — Сатурна. И около вечерней звѣзды останавливаются наши работники. Телескопъ плохой, но контуры серебристой планеты рѣзко выдѣляются на черномъ фонѣ ночи; ясно видно плоское кольцо, и даже дѣлящая его линія Кассини. Но линза телескопа устроена страшно неудобно и безъ всякой крѣпкой подставки, такъ что неопытному трудно удержать зрачокъ на мѣстѣ. Чтобы облегчить эту задачу, сильному господину съ широкими плечами приходитъ въ голову идея, мнѣ весьма импонирующая: онъ низко склоняетъ свои плечи и не заботится о неудобной позиціи, только бы дамы, получивъ точку опоры на его плечахъ, могли присмотрѣться къ Сатурну. Ясное дѣло, что и другіе мужчины не позволяютъ себя пристыдить и ревностно спорятъ о роли столба и каріатиды. Изслѣдованія начинаются наново и продолжаются дольше или короче, сообразно тому, кто смотритъ, кто помогаетъ,

кто болѣе ловокъ или горячѣе занятъ дѣлами небесныхъ тѣлъ, и т. д.

Когда наступила очередь Ореады, я вполголоса попросилъ ее отказаться отъ вида Сатурна, она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и дѣйствительно отошла вмѣстѣ со мной отъ уличной обсерваторіи. Въ награду за такую маленькую уступку, я разсказалъ ей все, что знаю и думаю о кольцахъ Сатурна. Летучія полосы фосфорическаго и жгучаго тумана заключили въ цѣпи громадную звѣзду, размѣры которой превышаютъ на сотни тысячъ километровъ размѣры нашей планеты. Несмотря на свои цѣпи, Сатурнъ въ моемъ разсказѣ вышелъ весьма могучимъ, не только Сатурнъ, но и весь горизонтъ обрисовался такъ ярко, что горсть существъ, собравшихся у телескопа въ Интерлакенѣ, умалилась до размѣровъ горсти ничтожныхъ, дешевыхъ маріонетокъ, съ однообразнымъ, весьма простымъ и весьма малоинтереснымъ механизмомъ... Долго я говорилъ моей слушательницѣ о великихъ и малыхъ размѣрахъ, — а увелъ я ее отъ зрительной трубы потому, что въ нашемъ избранномъ обществѣ только она одна часто кажется такъ же, какъ я, бездѣятельной и не заботится о колесѣ житейской фортуны — она единственная.

Какъ только пріятельница Идаліи уѣдетъ, я останусь здѣсь единственной особью, стоящей на мѣстѣ и по своей лѣности рѣзко непохожей на другихъ.

Дабы обрисовать свою среду, я взялъ нѣсколько первыхъ, попавшихся мелкихъ чертъ, но достаточно характерныхъ для того міра, гдѣ цвѣтутъ паслены „consolantes“, какъ ты назвала ихъ, хотя гораздо изящнѣе можно бы сдѣлать сравненіе съ орхидеями: вѣдь, чѣмъ прекраснѣе и дороже, тѣмъ болѣе ядо-

вито выглядятъ онѣ. Въ ихъ кругу со мной ничего не можетъ случиться, орхидеи инстинктивно чувствуютъ, что ихъ ядъ меня не привлекаетъ и сами отворачиваются къ болѣе благодарнымъ жертвамъ. Только тотъ можетъ пасть ихъ жертвой, кто, привлеченный блескомъ цвѣточной чашечки, жаждетъ лихорадочно вкрасться въ его внутреннія тайны. Я ихъ знаю и знаю, что, кромѣ одного мотива, заключеннаго въ азбукѣ бытія, онѣ ничего не скрываютъ въ себѣ, и потому всѣ онѣ кажутся мнѣ ясными до самаго дна, плоскими и пустыми. У того, кто находится въ роскошной теплицѣ, насыщенной сильнымъ и возбуждающимъ запахомъ, бываютъ моменты внезапныхъ и нетерпѣливыхъ желаній, чтобы по крайней мѣрѣ въ прекраснѣйшемъ изъ цвѣтковъ нашлось какое-нибудь содержаніе, достойное его внѣшняго вида, огненное и таинственное, ради котораго стоило бы соблазниться имъ. Но стоитъ мнѣ вспомнить, что въ этой атмосферѣ мою горячую жажду ничто не успокоитъ, и на моемъ горизонтѣ появляется темный ангелъ меланхоліи, щедрой рукой сыплющій черные цвѣты, а отъ его цвѣтовъ падаетъ на меня тѣнь, ясная для всѣхъ. Тогда кукушкины слезы ищутъ болѣе солнечныхъ сторонъ и отворачиваютъ свои чашечки, меня же охватываетъ чувство безмѣрной пустоты и полнѣйшаго утомленія. Въ такихъ случаяхъ я вдвойнѣ чувствую свое одиночество въ людской толпѣ и глубже понимаю, что колесо моей жизни не можетъ зацѣпиться ни за какое другое колесо.

Быть можетъ, въ просѣкахъ пущи, заселенной народомъ дубовъ и вѣковыхъ сосенъ, я нашелъ бы вокругъ себя гораздо больше нитей родства и единства. Здѣсь рѣзко очерчена граница моего я

и область моихъ интересовъ; тамъ также рѣзко проходитъ граница области человѣческихъ интересовъ, между ними пропасть. И тутъ, и тамъ я чувствую свою ненужность, обособленность, одиночество; чувство пустоты, скуки, отвращенія, переполняетъ меня; такихъ чувствъ, можетъ быть, и не испытываютъ тѣ, что до сихъ поръ завидуютъ моимъ мнимымъ успѣхамъ, привилегіямъ, торжеству!

Жизнь считаютъ иногда великаномъ, съ которымъ нужно бороться, чтобы завоевать для себя край тропинки. Мнѣ она кажется гадиной, придавленной, чѣмъ то громаднымъ и невидимымъ, которая извивается въ золотистой тинѣ и выбрасываетъ то тутъ, то тамъ, на поверхность, корону цвѣтка, разорванную и испачканную золотомъ.

Единственная вещь, всегда прекрасная и непорочно чистая, это Юнгфрау, царящая надъ всѣмъ, въ особенности, когда она выплываетъ на небо изъ омута бѣлыхъ облаковъ — несравненный символъ чистоты, выше лилій и дѣвицъ.

Прекрасенъ и Ааръ, я люблю его за то, что онъ, зеленый, хрустальный и шумный, несетъ на своихъ волнахъ дыханіе и свѣжесть холодныхъ безлюдныхъ высотъ и выбрасываетъ ихъ изъ своей груди здѣсь, среди позолоченной прозы отелей и шумнаго разсадника женскихъ туалетовъ. Я почти завидую его непоколебимому равнодушію и тому спокойствію существованія, вѣчно пассивнаго, съ какимъ онъ не перестаетъ переливаться изъ озера въ озеро широкой и ровною лентой, непокорно перерѣзывающей городской бульваръ, калейдоскопъ надушенныхъ куколъ. Онъ начинается, живетъ и кончается самъ въ себѣ, имѣетъ собственное мѣрное движеніе и дыханіе, принесенное изъ ледяной колыбели, на

стражѣ которой стоитъ темная пирамида Финстераргорна. Развѣ для него важно, отражаются ли въ немъ темныя горныя хаты, или бѣлые дворцы утонченной роскоши? Ничто его не возмущаетъ и ничто не задерживаетъ.

Гораздо болѣе высокая стража окружаетъ источники, откуда беретъ свое начало струя моей мысли—а несмотря на то, какъ шатко и неувѣренно ея теченіе! Какія же это силы остановили ее, возмущаютъ и исчерпываютъ ее такъ, что она, кажется, высохнетъ до дна? Маленькій гулъ, несущійся отъ кучки сатировъ, немного блестящей красы, радужно отражающейся на тѣлахъ печальныхъ ангеловъ; ничего, просто атомъ аромата, исходящій изъ увядшаго цвѣтка; а сколько использовано энергіи, сколько потрачено силъ и потеряно мыслей!

Одѣтая въ бѣлое женщина иногда поднимается со мною на сосѣднюю гору, на склоны Гардера. Тамъ есть павильоны и деревянное крыльцо, откуда открываются виды несравненной красоты, а выше растетъ лѣсъ лиственницъ, посаженный косыми и скрещивающимися полосами. Иногда вдвоемъ мы доходимъ даже туда. Одни вдвоемъ: и въ книгѣ моей жизни можетъ открыться страница успѣховъ, наслажденія, тріумфа... Но я не хочу ее открывать. Не стоитъ. Мы сидимъ на низенькой лѣсной скамейкѣ, молча, погруженные въ свои мысли. Внизу сквозь лиственницы и клены блеститъ поясъ рѣки, а за нимъ серебрятся среди экзотическихъ кустовъ высокіе обелиски фонтана и минаретные куполы курзала; оттуда доносятся отрывистые звуки оркестра, звуки неясные, ибо пѣніе скрипки разсѣивается гдѣ-то по дорогѣ, а къ намъ доходитъ только головокружительный рефренъ металлическихъ тоновъ, отсчиты-

вающихъ ритмъ балетной музыки. И кажется, будто изъ тактовъ этого ритма сплетаются розовыя ленты, плывущія къ намъ сквозь сѣть лиственницъ. Розы Шиллера.

Я оттолкнулъ отъ себя розы на вершинѣ скалистыхъ высотъ, сейчасъ тутъ предо мною замыкающихъ пейзажъ, а теперь мнѣ не нужно отталкивать ихъ отъ себя, ибо они не привлекаютъ меня. Да и теперь мои глаза не привлекаетъ ничто. Сѣрый демонъ меланхоліи, котораго я часто вижу, тихо, угрюмо проходитъ черезъ долину и разбрасываетъ щедрой рукой посѣвъ тѣнистой печали. Отъ великаго демона падаетъ вокругъ меня мракъ и превращаетъ міръ въ плоскую, блѣдную, мертвую матерію, полузаглушенный призывъ которой, рефренъ танца, передается отъ дерева къ дереву.

Эхо декадентскаго пресыщенія; когда оно взлетаетъ на гору и блуждаетъ среди стволовъ, кипящихъ живительной и сильной кровью, оно заключаетъ въ себѣ безграничіе ироніи. Но еще болѣе удивительно, что женщина, сопутствующая мнѣ, которая въ эпоху минувшей наивности и минувшей силы была бы несомнѣнно царицей Судовъ Любви, кажется, также понимаетъ смыслъ металлическихъ звуковъ и видитъ тѣни демона, заслоняющія горизонтъ. И она до нѣкоторой степени не обладаетъ умѣніемъ жить. Ея бархатные глаза, вмѣсто того, чтобы блестѣть сознаніемъ побѣдъ — гаснутъ. Красныя губы стягиваются выраженіемъ горечи... А вѣдь въ жизни, часы которой мы измѣряемъ ритмами танца, черные глаза и красныя губы это сила, это крылья, уносящія какъ можно дальше, какъ можно выше!

Если бы я жилъ въ давно минувшую эпоху первобытной наивности и первобытной силы, я бы сталъ

рыцаремъ этой королевы наслажденія, выбитой изъ колеи и печальной; я сплеталъ бы вѣнки изъ манящихъ пѣсенъ и, припадая къ ея стопамъ, жарко молился бы о наградѣ любви. Теперь же мы представляемъ пару лишь на посмѣшище окружающаго насъ здороваго лѣса, корни котораго съ стихійнымъ упорствомъ врѣзаются въ скалу. Всѣ искры жизни гаснутъ подъ завѣсой неопредѣленныхъ сумерекъ, охватывающихъ всю долину. Я едва могу замѣтить бѣлоснѣжное лицо Юнгфрау, мелькающее въ безконечномъ мракѣ, высоко и далеко...

Но я жалуюсь не на то, что я не умѣю жить такъ сильно, какъ живетъ лиственница или дубъ, вкоренившійся въ скалу. Другія области бытія открыты передо мной.

Если мои настоящія слова должны быть жалобой, то я жалуюсь на нищету и ничтожество той половинчатости, какая разрываетъ мою душу, на то, что вмѣсто того, чтобы расковать льва мысли и указать ему на новыя высоты, гдѣ онъ долженъ стать побѣдителемъ и пробудить широкое эхо вѣстью о новыхъ завоеваніяхъ, я мечтаю о какихъ то туманныхъ, далекихъ легендахъ; я жалуюсь на то, что вмѣсто развлеченія, какое мнѣ должно доставлять присутствіе веселящейся толпы, я раздумываю о томъ, что въ окружающей меня веселой толпѣ лица женщинъ никогда не краснѣютъ и что ни одна изъ нихъ не смогла бы подарить меня ни каплей счастія.

Наконецъ, мнѣ надо жаловаться и на то, что я съ жалобой ищу твоего голоса, что я хочу заставить думать твое воображеніе обо мнѣ, признаваясь тебѣ въ томъ, въ чемъ люди моего склада не привыкли признаваться никому.

Счастіе! Мы пробрались въ небольшомъ обществѣ черезъ „Col de la Petite Scheidegg къ ледникамъ. Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау настолько пошла впередъ, что каждый нектарникъ, даже не измѣнивъ своего туалета на вооруженіе туриста, можетъ теперь прохаживаться по ледяной скорлупѣ, ѣздить на саняхъ по снѣжнымъ засыпямъ, видѣть вблизи туманы снѣжной пыли, слетающіе съ лавинъ, смотрѣть въ пропасти трещинъ ледяного плаща, въ глубинѣ которыхъ журчатъ невидимые ручьи и таится смерть... Но о смерти никто не думаетъ. Наоборотъ. Я видѣлъ, какъ оживлялись даже самыя блѣдныя лица.

Тамъ есть подземные ходы, прорубленные во льду, куда Эротъ съ завязанными глазами долженъ вводить влюбленныя пары. Тамъ ходятъ по лазурному жолобу, который на прикосновеніе ноги отвѣчаетъ стекляннымъ звукомъ; лазурь проникаетъ стѣны, соединяется въ прозрачныя арки надъ головой, проникаетъ людскія фигуры, наполняетъ небомъ зрачки, и, кажется, звучитъ даже въ людской рѣчи. Чѣмъ глубже входишь туда, тѣмъ больше чаръ и тайнъ блеститъ на хрустальныхъ стѣнахъ, тѣмъ охотнѣе растопляется сердце въ серебристо-синей тюрьмѣ. И тамъ мы очутились вдвоемъ. И туда послѣдовалъ за мной геній тоски о какой-то великой и неизвѣстной печали...

Я убѣдился невозвратно и въ послѣдній разъ, что и та красота, что шла рядомъ со мной, превосходившая другихъ не одной только красотой, ничего не можетъ мнѣ дать. Я не согрѣлся тепломъ ея дыханія, я не искалъ ея горячихъ устъ, что могли быть моими. Я смотрѣлъ на нее потомъ, когда она стояла у входа, въ хрустальныхъ воротахъ, опершись

рукой о колонну холоднаго купола, наполовину отуманенная подземнымъ свѣтомъ, наполовину уже охваченная яркимъ солнцемъ, можетъ быть, думающая о своемъ тайномъ пораженіи...

А я! Мысль моя улетѣла отъ ея лазурной фигуры и отъ ледяного грота, выше, на снѣжные склоны, дикіе, нагроможденные у обрыва... и остановилась неожиданно — не знаю почему — на твоемъ „Авизѣ“.

Преодолѣлъ ли бы онъ эти ледяныя препятствія? Чѣмъ бы его разжечь? Какъ бы его подковать? Подковы изъ стали были бы сильны и тверды, но слишкомъ мало блестящи... изъ золота болѣе прекрасны, но слишкомъ мягки... Можетъ быть, ему приколоть крылья какого-нибудь глубокаго увлеченія... или громаднаго чувства... Можетъ быть, я бы столкнулъ его въ ледяныя челюсти, чтобы тебѣ уже не на комъ было ѣздить по твоей пущѣ, и ты бы осталась въ своей усадьбѣ, безпомощная и покинутая...

А между тѣмъ меня ждало путешествіе внизъ, электричество и паръ, съ цѣлымъ аппаратомъ моноклей, духовъ, пудры, французскаго языка, кровавыхъ затылковъ и бритыхъ лицъ...

XVII.

Интерлакенъ.

Снова прошло нѣкоторое время, а ты не отвѣтила мнѣ ни слова. Это говоритъ, что, какъ бы далеко я ни ушелъ въ будущее, это будущее уже ничего не принесетъ мнѣ отъ тебя. Итакъ, не исполнилось данное тобой мнѣ обѣщаніе о трилистникѣ

благой вѣсти. Зачѣмъ ты предприняла эту попытку, чтобы такъ быстро по-женски одуматься и не кончить?.. не мнѣ входить въ это. Ты мнѣ не можешь бросить упрека въ прозелитизмѣ; онъ прекратился очень быстро. Что же касается меня, то я дѣйствительно думалъ о какой то благой вѣсти. Но, какъ я вижу, уже ничего особенно хорошаго не можетъ случиться со мной.. Я легко привыкъ къ твоему голосу...

Жаль. Наша встрѣча была такъ удивительна и прекрасна.

Возвращаясь мыслью къ той минутѣ, когда я послѣдній разъ обращался къ тебѣ, я замѣчаю, что протекшее время оставило значительные слѣды въ моей душѣ. У меня является великое желаніе говорить съ тобой. И я ни минуты не колеблюсь, чтобы осуществить его. Я совершилъ въ послѣднее время столько непослѣдовательностей, что еще одна ничего не исправитъ, ничего не испортитъ. Я знаю, что молчать было бы лучше, болѣе славно, гордо... Но я не могу, я все-таки говорю съ тобой.

Я рѣшилъ выдержать на мѣстѣ до отъѣзда моего отца, хотя пребываніе въ здѣшней атмосферѣ становится для меня съ каждымъ днемъ невыносимѣе; но это продлится недолго. Мною руководили различные поводы; главнымъ образомъ отецъ, который меня очень любитъ, несмотря на то, что трудно представить себѣ двухъ людей болѣе чуждыхъ другъ другу и столь далекихъ по своимъ взглядамъ, стремленіямъ и интересамъ. Я руководился также нѣкоторыми причинами, относительно женщины, упоминаемой мной неоднократно подъ именемъ Ореады. Она нѣсколько дней тому назадъ покинула Интерлакенъ, отправляясь къ Идаліи къ морю. Если бы

я выѣхалъ отсюда вслѣдъ за нею, то подтвердилъ бы ложныя догадки, темой для которыхъ стали наши взаимныя отношенія. Я хотѣлъ бы избѣгнуть этого какъ для нея, такъ и для себя, и не хотѣлъ пренебрегать внѣшностью. Когда она уѣзжала я былъ около нея; но среди цвѣтовъ, засыпавшихъ ея вагонъ, не было никакихъ отъ меня.

Если бы я былъ обыкновеннымъ мужчиной, жаждущимъ атласныхъ эпизодовъ жизни, то для удовлетворенія моихъ желаній мнѣ необходимо было бы сознаніе, что цвѣтокъ наполнится нѣжностью только для меня одного, и что я одинъ изъ тысячи буду завершителемъ его судьбы. Если бы я принималъ дѣятельное участіе въ комедіи жизни и зналъ, что подобный цвѣтокъ тоскуетъ обо мнѣ и стремится ко мнѣ, то, можетъ быть, это было бы для меня очарованіемъ болѣе сильнымъ, чѣмъ царство духа на высотахъ міра... Но въ нездоровой атмосферѣ пресыщенія, отвращенія и безсилія, какой дышу я, нѣтъ такого цвѣтка. Можетъ ли онъ гдѣ-нибудь расцвѣсть для меня и наполниться нектаромъ? гдѣ искать тотъ чудотворный край?

. . . . . .

Къ ряду неловкихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ взволнованнаго сердца и воображенія, принадлежитъ также и пустое любопытство: встрѣтимся ли мы съ тобой въ тѣсныхъ границахъ настоящаго бытія? или же пути нашихъ предназначеній навсегда текутъ въ совершенно различныхъ направленіяхъ?

Такой вопросъ въ одинъ прекрасный день всталъ густымъ туманомъ надъ пустыми берегами Аара, и видъ серебристо-зеленой рѣки, сѣро-желтыхъ скалъ и лилово-бѣлыхъ снѣговъ исчезъ совершенно изъ моихъ глазъ, исчезло все, что бы могло заполнить

мои мысли. И зароилась ненужная путаница грезъ, видѣній, воспоминаній и сожалѣній...

Что такое игра памяти? Развѣ не сонъ о разсѣянной плеядѣ неудержанныхъ звѣздъ, развѣ не откапываніе угасшихъ костровъ, развѣ не отгребаніе черныхъ пепелищъ, отъ которыхъ затмеваются всѣ солнца въ насъ самихъ и надъ нами.

Кажется даже, что ты когда-то спрашивала меня о такомъ внутреннемъ мракѣ. Раньше я не зналъ его.

И вотъ, когда воспоминанія окружатъ меня блѣдной толпой, сейчасъ же приходитъ другая сила, раньше невидимая и неизвѣстная, сила пробуждающейся печали о судьбѣ собственной жизни. Пробуждается печаль о ребенкѣ, такъ любимомъ родителями, особенно любимомъ нѣкогда матерью; она навѣрно желала всѣми силами своего сердца, чтобы надъ головой ея единственнаго сына не мрачныя силы ложились тѣнью, но всю жизнь сіяли вѣчнымъ весельемъ брилліантовыя солнца.

Судьба моя не сложилась согласно желаніямъ моей доброй матери. Перелистывая страницу за страницей изъ прошедшей уже части моей жизни и части наиболѣе цвѣтущей — ея сердце несомнѣнно бы испугалось и въ своемъ безпокойствѣ, можетъ быть, снова бы забилось, чтобы помочь, спасти! Чѣмъ же заполнены эти страницы? Есть ли въ нихъ пятна и заблужденія, отъ которыхъ можетъ сломаться и истлѣть ось остающагося для меня будущаго? Въ часы безцѣльной задумчивости, перелистывая страницу за страницей, я не нахожу въ нихъ позорныхъ заблужденій. А однако... Я вступилъ на какую-то высоту, относительно болѣе высокую, нежели обычные пути жизни, вознесенную пирамидой моихъ

мыслей, и оказывается, что эта гора стекляная; съ ея безплодныхъ и безлюдныхъ стѣнъ память скользитъ прямо къ началамъ дѣтства, но изъ своихъ экскурсій въ прошлое не приноситъ ничего для сердца, жаждущаго нѣжныхъ воспоминаній.

Сердцу, ищущему живыхъ источниковъ, что за дѣло до стеклянной горы!

Значитъ, есть горечь и соль слезъ и рой отвергнутыхъ часовъ, что встаютъ изъ гроба прошлаго, какъ мстители, соединяются въ вереницы, непокорно кружатся вокругъ меня и кричатъ: „гдѣ счастіе?“ Я боюсь той минуты, когда они окружатъ меня съ крикомъ „поздно“ и снова пропадутъ въ безднѣ небытія, оставивъ послѣ себя туманъ разбросаннаго пепла и послѣдній блескъ гибнущихъ звѣздъ...

. . . . . .

Не я разрушилъ въ себѣ орудіе пѣсни, но уничтожила его неумолимая трезвость познанія. Должна была разрушить. Я думаю, что только существа, далекія отъ анализа и незнакомыя съ механизмомъ бытія, могутъ пѣть пѣснь жизни. Необходимыя для того мягкость и смиреніе — это ихъ врожденная натура.

Я былъ слишкомъ нетерпѣливъ и горячъ, слишкомъ долго анализировалъ, создалъ слишкомъ широкій горизонтъ для своихъ понятій — и теперь знаю слишкомъ много. Моя мудрость лишила меня первобытной мягкости и смиренія. Изъ границъ, предназначенныхъ людямъ, дабы они жили и существовали въ нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, я вышелъ со жгучимъ любопытствомъ и послѣ долгаго путешествія остановился тамъ, откуда берутъ свое начало источники всякой жизни. Я знаю каждую нить, изъ которой прядется жизнь, и генезисъ каждой изъ

силъ, что кипятъ во мнѣ самомъ: и потому-то высохли для меня всѣ источники.

Я говорю неправду, утверждая, что я воплощеніе абсолютной, первой и послѣдней истины. Никто не знаетъ ея. Чѣмъ мудрѣе дѣлаютъ меня годы труда, тѣмъ сильнѣе растетъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ этой истины. Я едва предчувствую величіе и выраженіе ея лица. Все, что люди называютъ наукой, только туманное отраженіе ея, тѣнь этого отраженія, тѣнь тѣни и показатель настолько посредственный и отодвинутый назадъ, что наука сама въ себѣ мало чѣмъ разнится отъ вѣры. Но уже и эти проблески отраженія и крупинки познанія лишаютъ всякой внѣшней красоты скелетъ жизни. Смотря на его наготу, невозможно грезить о жизни, пѣть и любить. Наука, какъ Эмпуза греческаго Аида, обнажаетъ все, къ чему она ни прикоснется. Нужно быть на тронѣ судьбы и Творца, нужно застыть въ окаменѣлости сфинксоваго взгляда, дабы вынести видъ обнаженныхъ водоворотовъ, зависящихъ, неизвѣстно какъ и неизвѣстно зачѣмъ, отъ вихря одной оси, находящейся внѣ времени и внѣ пространства. Кто не застынетъ, для того этотъ видъ, неумолимо ясный, становится источникомъ сверхчеловѣческой боли или взрывомъ сверхчеловѣческой насмѣшки.

Все, что живетъ, терзается въ цѣпяхъ и кольцахъ, которыя оно само себѣ свило и должно вить безконечно. Это принудительный трудъ добровольныхъ пытокъ и самоубійствъ, продолжающійся уже вѣка, когда еще не было ни времени, ни пространства, ни даже ясной границы между бытіемъ и небытіемъ. Тѣ же самыя силы, что нѣкогда боролись съ собой въ первыхъ движеніяхъ, ураганахъ и ды-

ханіяхъ прабытія, теперь корчатся въ пароксизмахъ, какими человѣчество отмѣчаетъ свою исторію, тѣ же самыя силы сталкиваются въ борьбѣ за хлѣбъ, какую ведетъ единица съ голодомъ общества, хотя она и принадлежитъ ему кровью и костью, и тѣ же самыя силы бросаютъ одинъ народъ на другой. Какъ человѣкъ, я не могу ничего подумать, ничего сказать, ничего хотѣть и ни о чемъ тосковать, что бы не было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всего прошлаго и неизбѣжнымъ началомъ того, что послѣдуетъ.

Когда амеба, рожденая въ прогнившей водѣ, протягиваетъ тоненькія ниточки своей плазмы, дабы всосать въ себя каплю кислорода, когда глистъ вгрызается въ почву, поглощая землю и неутомимо превращая ее въ черный прахъ, и когда я самъ усиліемъ мозга стараюсь врѣзаться въ ядро бытія и добываю изъ него частицу за частицей для познающей мысли, то повсюду повторяются одно и то же напряженіе воли, одно и то же движеніе, дифференцированное въ три фазы, и неизвѣстно даже, выше чѣмъ-либо фаза моихъ усилій усилій амебы? Вѣрнѣе даже нѣтъ, ибо въ томъ и въ другомъ напряженіи воли реализуется одна и та же необходимость, одна и та же истинность математическихъ правилъ, осуществляющихся — въ безконечности.

И хотя бы я былъ воплощеніемъ всѣхъ геніевъ и запылалъ пожаромъ наивысшаго экстаза, все-таки я не смогъ бы высвободиться изъ этого блуждающаго круга и добыть изъ себя, что-нибудь, что бы не было наслѣдствомъ, взятымъ у глиста, амебы и космическихъ туманновъ. Если я размышляю о возможности нарцисоваго счастія, то я даю выраженіе

3-1336

тѣмъ же самымъ стремленіямъ, что соединяютъ червяка съ червякомъ и заставляютъ кокотку-астронома упорно всматриваться въ телескопъ. Все, что въ настроеніяхъ Интерлакенскаго сезона неожиданно пробудилось во мнѣ и захватило мое воображеніе, это исканіе воспоминаній, это тайное сожалѣніе, что я не имѣю воспоминаній иного рода, какъ пустой Ааръ, Гардеръ, Schinige Platte или Гейсбахъ: все это лишь признаки моего физическаго возраста, инстинктъ говоритъ мнѣ, что пора уже основать собственное гнѣздо.

Никто не долженъ покидать міръ бездѣтно. „Il lauro non ad altro serve che ad attirare il mirto“ — говорятъ ваши поэты. Вотъ тотъ источникъ Ипокрены, изъ котораго вытекаетъ вся ваша поэзія. Это либо кровавые бои, веденные въ интересахъ инстинктовъ, или упоенія полынью въ борьбѣ съ инстинктами вида. Для каменной объективности Сфинкса отсюда вытекаютъ цѣнныя и важныя формулы, тѣмъ болѣе важныя, что онѣ идентичны съ борьбой атомовъ въ ретортѣ и съ вращеніемъ міровъ; но коль скоро мы почувствуемъ, что мы сами охвачены кольцомъ этихъ же формулъ, что никакимъ возмущеніемъ, никакимъ отчаяніемъ мы не можемъ освободиться отъ нихъ, хотя бы даже мы уничтожили самихъ себя, тогда состояніе нашей души невыносимо, а для тѣхъ, кто желалъ бы счастія — безвыходно. Ибо тогда кровь кричитъ мнѣ о своихъ правахъ, воображеніе идетъ на службу этому призыву, грудь тоскуетъ о другой груди, дабы создать розовый дворецъ счастія, а другая сторона моего самосознанія говоритъ мнѣ въ то же время, что эпиталама моей любви равняетъ меня съ червякомъ и горстью грязи, тоже имѣющей свои законы соединенія и тяготѣнія.

Ахъ, мнѣ кажется, что и съ ангеломъ вмѣстѣ я не создалъ бы себѣ счастія на землѣ! И его бы я осквернилъ, коснувшись устами его чела. И притомъ, я имѣю сердце удивительно нѣжное... и въ минуты своей безпримѣрной печали и восторговъ я часто заламывалъ бы руки въ отчаянной жаждѣ высшаго бытія и высшей любви, выше міра, выше человѣчества. Я хочу любить иначе, нежели любятъ атомы, люди и планеты. И во мнѣ подымаются такія безлонныя рыданія, что я не могу, какъ индійскій богъ, взять для себя возлюбленную изъ пылающаго костра и унести ее въ свою страну, не знающую ни времени, ни границъ, дабы своей жизнью и любовью создать новые законы, новыя мысли, новое прошлое и будущее.

Мои слова могутъ показаться признаками сумасшествія, но, наоборотъ, они признаки чрезвычайной трезвости познанія. Таковъ именно человѣческій умъ на наивысшей ступени своего сознанія. Плохо только то нервное разстройство, что оказалось сильнѣе животворнаго вліянія альпійскаго климата и старается уничтожить во мнѣ остатки юношеской жизненности. И вотъ, несмотря на климатъ, я выгляжу такъ плохо, какъ пессимистъ - поэтъ, и по мѣрѣ того, какъ проходитъ лѣто, а сезонъ приближается къ концу, я чувствую въ себѣ все возрастающее утомленіе. Я еще не покину Швейцаріи, но перенесусь глубже въ горы, гдѣ красоты природы не продаются оптомъ, какъ на рынкѣ, и гдѣ бы я могъ вспомнить, наконецъ, спустя долгое время, какъ выглядятъ на самомъ дѣлѣ лѣса, скалы, водопады. Можетъ быть, тамъ успокоятся мои нервы. Меня привлекаетъ Юнгфрау, высокая, бѣлая. Въ своей дѣвственности она мнѣ кажется вѣчной. Но и она пройдетъ...

Между тѣмъ, жизнь разстилаетъ передъ мною свой бархатъ. Сегодняшній вечеръ чудесенъ. Въ мои окна уже падаютъ лучи первыхъ лампіоновъ. Вскорѣ весь паркъ засіяетъ тысячами огней. На вершинахъ горъ появятся красные и бѣлые огни, похожіе на горящіе цвѣты, сегодня кантонъ праздноуетъ ночнымъ торжествомъ и иллюминаціей какую то національную годовщину. И наше общество украситъ собой это торжество. Будутъ люди работать. Мой отецъ навѣрно сегодня уговорится окончательно относительно программы своей предполагаемой дипломатической дѣятельности. А я? Подъ вліяніемъ общаго веселья, подъ огнемъ страстныхъ взглядовъ, при прикосновеніи рукъ, отступающихъ въ толпѣ въ мою сторону, можетъ быть, пробудится и во мнѣ здоровый инстинктъ вида и возьметъ верхъ надъ больной гипертрофіей мысли.

Можетъ быть, мною овладѣетъ горе новаго рода, горе, что я не умѣю быть простымъ прохожимъ, и зависть, что краткой молніей моего существованія я не сумѣю воспользоваться такъ, какъ пользуется ею толпа, по происхожденію или по духу не питающая въ своемъ мозгу никакихъ стремленій, никакихъ желаній, выходящихъ изъ границъ и цѣлей первобытныхъ кодексовъ природы. Я чувствую себя способнымъ къ такой зависти, и потому при видѣ этихъ пестрыхъ лампіоновъ и шумной толпы стыдъ охватываетъ мое лицо за то, что, презирая низины ея инстинктовъ и развлеченій, я самъ не имѣю права отдѣлиться отъ нея, такъ какъ и я не лучше ихъ — я, сынъ Аристея...

Истинно говорю, хоть сотни красочныхъ лампъ освѣщаютъ мою дорогу, а около моего лица сверкаютъ огненные взгляды, мои горизонты не ясны.

не теплы. Не такъ ужъ ясны, не такъ ужъ теплы!

Устрани отъ своего лица перкунову тучу... Вернись съ хоромъ видѣній... съ своей королевской легендой . . . . . .

. . . . . .

Охъ, знаю, я знаю, что бы еще могло поддержать и успокоить меня!

Не бѣлоснѣжные ландыши, не лебединые хороводы, не лазурные лучи весны! Помочь мнѣ могла бы сила великой любви яснаго существа, которое бы всю сумму собственнаго счастія перенесло на меня и желало бы быть не только моей возлюбленной, но сестрой, нянькой, матерью, провидѣніемъ.. источникомъ вдохновенія, глубокимъ источникомъ... Не лучезарность ребенка, летящаго къ блеску и солнцу, но мягкій, млечный свѣтъ, заливающій глубину пролитыхъ и успокоившихся слезъ, и при томъ величіе духа... Но — это сонъ...

То была бы любовь, отъ которой дѣлается теплѣе и яснѣе на свѣтѣ. Я ушелъ бы безъ всякихъ опасеній въ это серебряное сіяніе чувства, подъ безопасную и нѣжную стражу, къ звѣздамъ.

Она, неся въ груди безграничіе любви и прощенія, охладила бы мои виски мягкой рукой. Предъ нею одной я открылъ бы мрачные тайники моей души. Для моихъ ранъ она имѣла бы мудрость самоотверженнаго сердца и тихій бальзамъ житейскаго опыта. Въ полынь сомнѣній, вытекающую изъ моихъ анализовъ, она бы вливала каплю за каплей медъ удивительно-нѣжнаго сердца, божественный нектаръ взаимнаго сочувствія... Съ нею я поселился бы въ странѣ чистыхъ и сіяющихъ пространствъ, какъ жемчужная раковина, какъ та звѣзда-

жемчужина, что заключила въ себѣ Данта и Беатриче... Но это сонъ...

Взамѣнъ за всѣ ея богатства, что жъ бы я далъ ей? Развѣ то, что осталось во мнѣ отраженнымъ отъ красоты добываемыхъ міровъ и остатки наслѣдства послѣ моей матери, какъ арфа, звучащіе въ глубинахъ моей души! Кто же можетъ знать? Быть можетъ, этими остатками я смогъ бы еще глубоко и сильно любить!

Нѣкоторые полагаютъ, что для женщины—когда она любитъ — счастьемъ можетъ быть даже страданіе.

Правда ли это?

Когда любитъ!.. Никто меня не любитъ... я не заботился о мірѣ и для созданія счастья я не нуженъ никому на свѣтѣ. Никому. Волшебницы-звѣзды ловятъ радужныя искры, играющія въ солнечныхъ лучахъ, и стерегутъ священный огонь родовой святыни — и никто не обращаетъ своего взгляда въ сторону, гдѣ темно и душно — и холодно...

Не правда ли?

А если бы даже и творились на землѣ чудеса, если бы нашлась та единственная, та добрая, та великая, что могла бы полюбить мое безплодное и утомленное сердце, развѣ могла бы она полюбить такъ, чтобы жить только для меня, какъ ангелъ любви, облегченія, спокойствія и утѣшенія?

Знаешь ли ты такую? Знаешь ли ты крылатаго херувима великой, чистой, глубокой, женской души?

— Я вижу его... онъ проходитъ надъ людскимъ муравейникомъ, высоко, одиноко, тамъ, гдѣ бѣлѣютъ въ облакахъ высочайшія вершины, надъ его головой звѣзды, его лазурныя крылья развиваются надъ непорочными снѣгами, а къ ногамъ его стремится — вотъ такой, бѣлый эдельвейсъ!..

Часть вторая.

На Лснѣ.

XVIII.

Отъ Великаго Никара, отца бѣловѣжскихъ водъ, по дну широкой котловины бѣжитъ Лсна и своими шумными волнами пробѣгаетъ подъ аркой Королевскаго моста, соединяющаго высокія стѣны ея прибрежій. По откосу одного изъ прибрежій, у подножія густого лѣса, стелется лента изумруднаго луга, такая длинная, что границы ея исчезаютъ въ неясной дали. Это садъ, засѣянный цвѣтами, засаженный кустарниками, играющій музыкой безчисленныхъ красокъ и линій, сказочный садъ безъ конца.

Деревья растутъ только кой-гдѣ, изрѣдка. Ель темнымъ плащемъ обнимаетъ бѣлую березу, тополь закидываетъ свои сѣдыя вѣтви на темную липу, одиноκая рябина стоитъ вся въ коралловыхъ гроздьяхъ, верба переливается на вѣтвяхъ серебряннымъ и стальнымъ блескомъ, — а внизу безчисленный орѣшникъ изъ соединенія гибкихъ вѣтвей строитъ арки, бесѣдки, аркады, темные и низкіе своды, манящіе взглядъ въ разнообразныя глубины, полутѣни, полумраки . . .

Послѣдній лѣтній мѣсяцъ вспыхнулъ удвоенной жизнью возродившихся цвѣтовъ и созрѣвшихъ сѣмянъ. Послѣднія жары раскалили на рябинѣ и калинѣ пурпуровыя гроздья и красными слезами облили дикія розы. Дикій ленъ зацвѣлъ желтымъ пламенемъ, а геранія фіолетовымъ.

По архитектоническимъ и скульптурнымъ линіямъ деревьевъ и кустарниковъ вились кружева изъ листьевъ, осыпанныя яркими искрами цвѣтовъ. Вмѣсто умолкнувшихъ птицъ пѣли краски. Въ лазури и золотѣ воздуха, съ хрустальнымъ шумомъ Лсны разносился сильный ароматъ цвѣтущей мяты и горькой зубровой травы.

У подножья калины, усѣянной цвѣтными гроздьями, среди густо цвѣтущихъ геранiй сидѣла Северина и съ робкой задумчивой улыбкой всматривалась въ лежащій на ея ладони горный эдельвейсъ.

Какое дуновеніе или какой вздохъ перенесъ этотъ цвѣтокъ съ альпійскихъ высотъ на прибрежье Лсны, зеленѣющее отъ орѣшника, калины и дикихъ розъ? Какая молнія вырвала его изъ нѣдръ родной скалы и бросила на этотъ спокойный лугъ, къ ногамъ лѣсныхъ, суровыхъ и печальныхъ великановъ?

Уже два дня горный цвѣтокъ шепталъ ей о тайнахъ возвышеннаго и несчастнаго сердца. Между этимъ сердцемъ и своимъ она чувствовала протянутыя нити мечты. Эта мечта была такъ высока, какъ облако, что въ серебристомъ туманѣ скользило по небу и такъ горяча, какъ лучъ солнца, что въ тѣнистыхъ кустахъ разжегъ краснымъ пламенемъ ягоды калины. Она несла изъ туманной дали тоскующій, робкій, удивительно нѣжный напѣвъ... Кто тамъ зоветъ, вздыхаетъ, молитъ? Кто въ далекомъ мракѣ поетъ о солнцѣ?

Въ ея сердцѣ царила печаль, та самая, что омрачала то далекое сердце, и надъ ея головой развѣвались крылья демона меланхоліи, того самаго, что въ далекой долинѣ Аара щедрой рукой разбрасывалъ посѣвы жгучей печали. И тутъ, и тамъ, ей и ему, на пути къ великому знанію и на пути къ великому добру жизнь была громадной гадиной, извивавшейся въ золотистой тинѣ и выбрасывавшей отъ времени до времени на поверхность испачканную и разорванную корону цвѣтка.

И у него, и у нея на крыльяхъ, летѣвшихъ къ звѣздамъ, висѣло бремя, тянувшее ихъ къ землѣ. Чѣмъ оно было? Ничѣмъ и всѣмъ, слабостью и силой; ахъ! оно было поющей въ каждой пылинкѣ міра и никогда не смолкающей въ человѣческихъ сердцахъ пѣсней о счастіи.

Это бремя, тянувшее крылья внизъ, было велѣніемъ и сопротивленіемъ, велѣніемъ матеріи и сопротивленіемъ духа — жаждой другой души, но тоже въ ангельскомъ видѣ. Но развѣ есть гдѣ-нибудь на землѣ сердца и доли ангельски-счастливыя и ангельски-чистыя? Развѣ также, какъ существуетъ земля и небо, нужно всегда выбирать между полынью страданія и сладостью поступка?

Что за встрѣча и какой случай. Куда была направлена стрѣла, и гдѣ она упала. Какая сила искривляетъ полетъ выстрѣловъ? Изъ-за какого таинственнаго мрака выходятъ тѣ руки, что путаютъ нити намѣреній? Нити намѣреній, сплетенныя на чистыхъ высотахъ, что-то схватываетъ и отбрасываетъ въ сторону, куда и не смотрѣли глаза пряхи. О, бѣдныя человѣческія руки, вы, когда начинаете прясть, не знаете никогда, что вы спрядете! Слабыя руки, дрожащія отъ непредвидѣнныхъ дуновеній, окрова-

вленныя и страдающія отъ незамѣченныхъ терніевъ, руководимыя близорукимъ взглядомъ, ослѣпляемымъ блескомъ и затемняемымъ слезами!..

Бархатистая грудь горнаго цвѣтка, казалось, дышала и шептала свое посланіе:

„Развѣ мы никогда не встрѣтимся въ тѣсныхъ границахъ настоящаго бытія. Развѣ пути нашихъ предназначеній движутся навсегда въ противоположныхъ направленіяхъ?“

Почему никогда! Почему навсегда? Развѣ духамъ, взлетающимъ къ звѣздамъ, нельзя направлять свой полетъ къ землѣ, чтобы на головы, увядающія отъ тоски, лить потоки подкрѣпляющей силы, а въ сердцахъ, онѣмѣвшихъ отъ глухихъ ударовъ, вновь натягивать струны вѣры и любви? Развѣ это не то искусство, въ которомъ художниками могутъ быть только они? Развѣ это не то твореніе, для выполненія котораго сила покоится только въ ихъ горячихъ и чистыхъ рукахъ?..

Бархатистая грудь бѣлоснѣжнаго горнаго цвѣтка, казалось, шептала или вздыхала:

„Не бѣлоснѣжные ландыши, не лебединые хороводы, не лазурные лучи весны могутъ поддержать и успокоить меня, но только лунный, млечный свѣтъ, сіяющій надъ глубиной пролитыхъ и успокоившихся слезъ — и притомъ величіе духа“.

„То была бы любовь, отъ которой дѣлается теплѣе и яснѣе на свѣтѣ. Но это сонъ“...

„Я поселился бы съ ней въ мірѣ чистыхъ и сіяющихъ пространствъ, какъ жемчужная раковина, какъ та звѣзда-жемчужина, что заключила въ себѣ Данта и Беатриче... Но это сонъ“.

„Знаешь ли ты крылатаго херувима великой, чистой, глубокой женской души?.. Я вижу его...

къ ногамъ его стремится вотъ такой бѣлый эдельвейсъ“...

Сонъ... Тоскливый, далекій, лазурный, пѣвучій сонъ. . . . . .

. . . . . .

Она низко склонила голову, альпійскій цвѣтокъ уронила на платье и полные молній глаза закрыла руками . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Она услышала надъ собой тихій, свѣжій, серебристый смѣхъ. Прекрасная дѣвушка въ блѣдно-лиловомъ платьѣ стояла надъ ней и, смѣясь, осыпала ее дождемъ пламенныхъ гераній и душистыхъ скабіозъ, такихъ же лиловыхъ, какъ и она сама. Ея русые волосы, спутанные вокругъ лба въ чащу блѣдно-золотистыхъ лучей, нѣжная линія губъ, глаза, сіявшіе серебромъ и лазурью, всѣ ея черты, всѣ ея движенія дышали тѣмъ непобѣдимымъ и вѣчно возрождающимся весельемъ, какимъ погода, лазурь и цвѣты наполняютъ дни ранней молодости. Злымъ уколамъ жизни очень тяжело бороться съ молодымъ сердцемъ, ибо какимъ бы трауромъ они не покрыли его, достаточно одного солнечнаго луча, чтобы воскресить въ немъ искру надежды, достаточно немного розоваго аромата для того, чтобы вернуть ему видѣнія рая и вѣру въ его существованіе.

Солнечная жара окрасила ея бѣлое лицо розоватостью зари и горячими искрами зажгла лазурь ея глазъ.

Садясь рядомъ съ Севериной на траву, она быстро заговорила:

— Охъ, какъ я далеко ходила! Какія тамъ среди орѣшника длинныя аллеи, красивыя скульп-

турныя арки, тихія бесѣдки! А какая масса цвѣтовъ — самыхъ разнообразныхъ! Я нарвала ихъ множество, вотъ они! Я осыпала тебя ими, какъ волшебнымъ дождемъ. Природа тутъ волшебница. Изъ такихъ простыхъ обыкновенныхъ вещей, какъ деревья, травы, дикіе цвѣты, лѣсныя животныя, она создаетъ рай — тихій, невинный, сіяющій рай. Я видѣла серну, она выбѣжала изъ тѣнистой аллеи и стояла погруженная въ тѣнь, но кой-гдѣ тронутая золотомъ солнца, и смотрѣла на меня. Она ни капли не боялась меня. Мы смотрѣли другъ на друга, какъ сестры. Но дыханіе вѣтра всколыхнуло рябину, смахнувъ съ нея нѣсколько листьевъ и ягодъ. Она убѣжала. Какъ рыжеватый огонекъ, она скользнула по гладкой травѣ въ золотѣ солнца и исчезла въ тѣняхъ ели...

Скрестивъ руки, Генрика опустила ихъ на платье и, окинувъ взглядомъ все вокругъ, воскликнула:

— Ахъ, какъ я люблю все это! какъ люблю! Деревья, травы, воду, тишину... небо и землю!.. людей, животныхъ...

Потомъ уже тише добавила:

— Въ этой любви утѣшеніе... тихая радость, успокаивающая мысль... бальзамъ..

Она склонила голову и стала укладывать въ фантастическіе узоры и гирлянды цвѣты, разсыпанные на платьѣ подруги. И притомъ говорила:

— Помнишь ли Северина?

Она вспоминала день, когда ребенкомъ еще приѣхала сюда съ матерью и впервые увидѣла пущу. Она пріѣхала изъ Парижа и должна была обратно вернуться туда. Бѣдная мама больше всего любила Парижъ. А она до тѣхъ поръ любила только одну мать — никого и ничего больше. Здѣсь только открылось ея сердце.

— Помнишь ли?

Онѣ поѣхали вмѣстѣ въ замокъ и тамъ долго сидѣли подъ елью, разговаривая. Разговоръ былъ печаленъ, но, какъ молнія въ тучѣ, впервые вспыхнуло предъ ея ослѣпленными глазами пониманіе великихъ чувствъ и подвиговъ. Она тогда только узнала, что они есть — и сколько въ нихъ страданій. Она узнала это изъ ея устъ...

— Помнишь ли?

Въ такой же день, какъ сегодня, на этомъ же лугу, среди калины и орѣшника, она узнала для кого впервые былъ переброшенъ черезъ Лсну Королевскій мостъ. По немъ проносились въ ея воображеніи золоченыя кареты, гремѣли возы, въ воздухѣ вѣяли знамена, развѣвались перья цапли, блестѣла сталь, летѣла птица славы... Предъ нею тогда было видѣніе прошлаго, и впервые на ея глазахъ показались слезы о томъ, что не было ею самой, но что было, перестало быть и только вѣчно жило въ памяти. Ея глаза были полны слезъ.

— Помнишь ли?

— Ты пробудила во мнѣ душу. Если то, что въ насъ думаетъ, любитъ, чтитъ, есть душа, то ты пробудила мою... Она уже не засыпала никогда и, можетъ быть, потому такъ страдала, но, страдая, она все еще была благодарна тебѣ...

Говоря такъ, Генрика смотрѣла на Северину и впервые, съ тѣхъ поръ, какъ своей дѣтской душой, точно лучъ съ солнечнымъ ядромъ, она слилась съ ея душой, она не понимала выраженія ея губъ и глазъ. Эти губы, имѣвшія для нея всегда нѣжную и снисходительную улыбку, теперь были сжаты, суровы, а взглядъ скользилъ по ея лицу, колеблясь, испытующе и робко. И вотъ такъ же робко, тихо,

какъ будто бы оправдываясь въ невѣдомой, но глухо предчувствуемой винѣ, Генрика продолжала:

— Что-жъ удивительнаго, что когда дорогой мамы уже не стало на свѣтѣ, я стремилась къ тебѣ, какъ раненая птица?.. Ты сама вѣдь призвала меня... Ты знаешь, разные родные, добрые и милые... но я не хотѣла! Къ тебѣ одной я стремилась... тебѣ одной я могла открыть свое сердце, плакавшее о бѣдной мамѣ и... о этомъ моемъ странномъ... коротком̀ъ... незабвенномъ миражѣ...

Генрика сидѣла, выпрямившись, съ руками скрещенными на колѣняхъ, и водила взглядомъ по тучамъ, стягивавшимся сѣрой лавиной къ темной стѣнѣ лѣса.

— Развѣ я могла кому-либо, кромѣ тебя одной, разсказать объ этомъ? Тебя одну я могла спросить: что случилось? Почему такъ случилось? Теперь ужъ я знаю. Я сама нашла отвѣтъ: внѣшность обманчива... Сердца человѣческія легкомысленны... все проходитъ... ничему нельзя вѣрить... Но тогда воспоминанія преслѣдовали меня во снахъ и наяву, даже на свѣжей могилѣ мамы... Ей, навѣки спящей, я жаловалась: зачѣмъ ты привезла меня сюда? Такое горе... стыдъ... и, несмотря на все — такая тоска! Я переживала горькое несчастье и бросилась бѣжать отъ него. На крыльяхъ летѣла я къ твоей добротѣ, къ твоему разуму, къ тишинѣ твоего дома, къ этому небу, къ этой землѣ, любить которую ты научила меня... Все твое казалось мнѣ пристанищемъ или оазисомъ, гдѣ, наконецъ затихнетъ, успокоится мое сердце...

Измѣнившаяся, поблѣднѣвшая, съ печатью страданія на юномъ лицѣ, Генрика говорила все тише и тише, а голосъ ея все съ большимъ трудомъ выхо-

дилъ изъ груди. Наконецъ, она умолкла и наступила между ними — среди множества цвѣтовъ и пылающихъ на кустахъ пурпуровыхъ гроздій — долгая минута молчанія.

Спустя нѣкоторое время на задумчивыхъ губахъ Северины дрогнули вопросы.

— А теперь... успокоилось твое сердце? умолкло?

Генрика низко склонила голову и отрицательно покачала ею. Она не говорила ничего, только отрицательно качала головой, разсѣянно перебирая пальцами цвѣты, которыми она сама осыпала платье Северины. Изъ ея глазъ, окруженныхъ темными полосами страданія, на платье и на цвѣты одна за другой полились крупныя слезы...

Вдругъ она вздрогнула и вскрикнула.

— Эдельвейсъ!

Среди бѣловѣжскихъ гераній, дикаго льна и скабіозъ она увидѣла бѣлоснѣжную звѣзду альпійскаго цвѣтка.

— Откуда ты его взяла, Северина? Откуда онъ здѣсь? Почему ты его сюда принесла? Ахъ, какъ тамъ было ихъ много... много!..

Тамъ! Падающая съ облаковъ шумная змѣя водопада, холодная арка съ вуалью серебристой воды, синяя тонь озера въ вѣнцѣ скалистыхъ горъ, его фигура, черты, голосъ... подъ небомъ, усѣяннымъ ливнемъ фіолетовыхъ и синихъ звѣздъ, блѣдное лицо надъ ея лицомъ, пламень губъ... вся картина и весь моментъ снова воскресли изъ небытія минувшаго, призванные къ жизни заклятіемъ горнаго цвѣтка...

Лобъ Северины, перерѣзанный морщиной страданія, облилъ румянецъ и долго оставался на немъ. Тогда нарцисовое лицо Генрики тоже облило розовое зарево, и на губахъ ея остановились вопросы.

на почувствовала какую-то тайну и, не пытаясь отгадать, какова она, отвела свои испуганные глаза. Обѣ пылающія, онѣ отвращали другъ отъ друга свои взгляды.

Съ поблѣднѣвшимъ и помертвѣвшимъ лицомъ, съ эдельвейсомъ въ рукахъ, Северина встала. Цвѣты, упавъ съ ея платья, вышили у ея ногъ узорчатый коверъ, ея фигура, какъ бѣлая статуя, обрисовалась на фонѣ калиновыхъ кустовъ, полныхъ темныхъ листьевъ и пурпуровыхъ гроздій.

За нею лавина тучъ ложилась своей сѣрой грудью на темную голову лѣса, а въ зарослях орѣшника шелестѣлъ вѣтеръ, спугивая бѣлокъ, по гибкимъ вѣтвямъ воздушными путями мчавшихся къ гнѣздамъ.

Передъ нею Лсна, гонимая налетающимъ вихремъ, быстро и шумно мчала волны за волнами, подъ арку Королевскаго моста, а метаемыя вѣтромъ вербы и тополи приняли видъ посѣдѣвшихъ пилигримовъ, то раскрывая, то заламывая свои руки, они взывали о помощи, спасеніи, отдыхѣ . . .

Рядомъ съ нею лиловая дѣвушка, склонивъ голову къ ея рукамъ, тревожно шептала:

— Буря идетъ! Большая буря!

И далеко гдѣ-то въ темной глубинѣ лѣса громко зашумѣлъ Боръ-Лада. Гдѣ-то далеко ударили по иглам и листьям крупныя капли дождя, поднимая шумъ, широкими кругами летѣвшій по воздуху и приближавшійся сюда къ прибрежью, еще освѣщенному раздѣлявшей тучи полосой чистой лазури.

Полоса чистой лазури суживалась среди шелеста и шума, широко разступались листья калины и, стряхиваемыя вихремъ, капали съ кустовъ и деревьевъ красныя слезы . . .

XIX.

Красовцы.

Прости, что я такъ долго молчала и что и сегодня я не буду говорить о твоей эклогѣ въ Гейсбахѣ. Прости, если я буду говорить только половиной моихъ губъ и не приписывай этого раздушію къ твоимъ признаніямъ. Повѣрь мнѣ, прошу! Искренность есть достоинство, добиваться котораго мнѣ не приходилось, ибо я пришла съ нимъ въ міръ, и я не знаю другого позора, какой могъ бы равняться въ моихъ глазахъ позору лжи; я не знаю болѣе ужаснаго страданія, какъ то, когда приходится удерживать на своихъ губахъ слова, вырывающіяся изъ сердца. Для тебя въ моемъ сердцѣ есть много словъ, но есть и могучая сила, которая сдерживаетъ ихъ на моихъ искреннихъ губахъ.

Совершенно умолкнуть, теперь, когда ты съ жалобой ищешь моего голоса, я не могу! Если бы ты искалъ его съ мотивомъ веселой пѣсни... Если бы ты, когда я впервые обратилась къ тебѣ, прислалъ мнѣ въ отвѣтъ такой мотивъ... Вѣдь я полагала, что ты упоенъ рано достигнутой славой и увлеченъ свѣтскимъ блескомъ, среди котораго протекаетъ твоя жизнь. У меня были причины полагать, что наряду съ великимъ умомъ въ тебѣ бьется сердце мотылька, высасывающаго медъ изъ цвѣтковъ и пренебрежительно или легкомысленно покидающаго ихъ опустѣвшіе вѣнчики. Но вмѣсто того я услышала арфу твоей матери, изъ подъ глухого утеса она звучитъ страданіемъ и тоской, она поетъ о томъ, къ чему презрительно отнесся твой умъ, что онъ гордо откинулъ отъ себя. И потому-то я стала часто говорить съ тобой и прислушивалась

къ пространству, не принесетъ ли оно мнѣ отвѣта отъ тебя.

И посмотри, что случилось! Что же случилось? О, ничего настолько важнаго, что могло бы сравняться съ тѣми первоначалами и всѣмъ цѣлымъ бытія, куда углубляется твоя мысль. И въ моемъ пониманіи — потери, страданія, завоеванія, наслажденія единицъ не важны по сравненію съ коллективами, вѣдающими множество душъ и судебъ. Значитъ, не произошло ничего важнаго; а, однако, что-то произошло. Нашъ разговоръ я еще не могу прервать.

Знаешь ли ты о томъ, что въ жизни, наиболѣе заполненной трудомъ и смиреніемъ, бываютъ дни безъ красокъ и тяжелая летаргія воли? Разговоръ съ тобою сталъ для меня окраской моихъ дней и той каплей тепла, что возвращаетъ къ жизни омертвѣвшихъ отъ холода птицъ. Я откровенно говорю тебѣ теперь все это, ибо знаю, что нашъ разговоръ долженъ скоро прекратиться, и что мои слова, вырвавшіяся изъ клѣтки, исчезнутъ и умолкнутъ навсегда въ глуши вѣчнаго молчанія. Рано или поздно должны будутъ умолкнуть эти строфы, въ которыхъ мы заклинали искры нашихъ душъ, посылая ихъ другъ къ другу, какъ воздушныхъ гонцовъ.

Строфы умолкнутъ, а живыя сердца . . .

. . . . . вѣка пройдутъ,
Тѣ звѣзды, что сегодня сіяютъ, угаснутъ,
А для погибающихъ сердецъ не измѣнится
Ничто, ничто . . . . . .

Вѣдь мы никогда не видѣли другъ друга, мы знаемъ только другъ друга по фотографіямъ. Фотографіи—это слабое видѣніе. Такое видѣніе, а также и голоса, лишенные своего тѣлеснаго звука — быстро замираютъ.

и исчезаютъ рядомъ съ живыми, видимыми лицами. Быстро замретъ и исчезнетъ мой обликъ изъ твоихъ глазъ, и голосъ видѣнія сольется во мракѣ забвенія со всѣмъ тѣмъ, что, имѣя безтѣлесное бытіе, для міра, облеченнаго въ тѣло, не можетъ долго жить...

Видишь, что случилось? Я говорю тебѣ объ этомъ и говорю съ печалью. Но минута еще, и я буду говорить о твоей эклогѣ въ Гейсбахѣ.

А теперь немного о пущѣ...

Я наблюдала недавно одну изъ ея суровыхъ и дикихъ картинъ. На весьма широкомъ пространствѣ есть тамъ воды такія черныя, какъ смола, такія блестящія, какъ вправленное въ землю зеркало. Въ этомъ черномъ стеклѣ отраженія деревьевъ и облаковъ, теряя свои краски, пріобрѣтаютъ сказочный видъ, а солнечный свѣтъ скользитъ по немъ блѣдно или мертво-серебристыми полосами, изъ него выростаетъ рѣдкій народецъ ольхъ и тоненькихъ сосенъ, среди нихъ, кой-гдѣ на далекомъ разстояніи, поднимаются дубы такіе высокіе, прямые и сильные, что они невольно приводятъ на память вытянутыя къ небу руки Атлантовъ. Кроны дубовъ купаются въ заоблачныхъ высотахъ, а по чернымъ водамъ, гдѣ заключены ихъ корни, носится задумчивый и глубокій шумъ.

Какое же горе рыдаетъ въ шумѣ лѣсныхъ великановъ, когда поверхъ растущей у ихъ ногъ мелюзги они смотрятъ въ безграничную даль, рисующую имъ на тучахъ чарующія, райскія, легкія видѣнія? Могучіе ли вздохи подымаютъ этотъ шумъ, или это призывы и просьбы, дабы съ границъ горизонта прилетали къ нимъ чудныя видѣнія и окутывали вьюнкомъ протянутыя къ небу руки Атла-

совъ, неся на своихъ розовыхъ губахъ миндальный ароматъ.

Долго я слушала рѣчи дубовъ, что надъ черными водами погружаютъ свои короны въ подсолнечныя высоты, и „понимала, что говорили вѣтрамъ шумѣвшіе листья".

Долго стояла я на берегу чернаго зеркала среди обвивавшихъ молодую ольху и уже покрытыхъ кровавой ржавчиной папоротниковъ, глядя на заселявшія его видѣнія деревьевъ и облаковъ и на проходившія по немъ мертво-серебристыя полосы. И впервые въ моей головѣ мелькнула мысль, черная, какъ эти воды, и полная трупныхъ видѣній: а что, если я заблуждаюсь?

Что же. „Заблужденіе — человѣческій удѣлъ". Всѣ ищутъ и заблуждаются. Только тотъ не заблуждается, кто ничего не ищетъ. Я принадлежу къ ищущимъ и, можетъ быть, заблуждаюсь...

Что-жъ? Если ты именно живешь истиной, а я заблужденіемъ? Кто далъ мнѣ непогрѣшимость? Годы? Авторитеты? Мы хорошо знаемъ, что вереницы вѣковъ и авторитетовъ шли по пути, который потомъ другія вереницы назвали миражемъ.

Что-жъ? Если мужественная борьба моего дѣда, страданія отца, трагическая судьба моего брата и моя собственная молодость, сила, радость шли въ тину, позолоченную воображеніемъ поэтовъ? Моя голова полна поэтовъ. Утопая взглядомъ въ черномъ зеркалѣ водъ, я думала словами одного изъ нихъ:

...„Вотъ видишь плотичку, что выплеснулась надъ водою и снова утонула?

„А теперь на днѣ она разсказываетъ своимъ сестрамъ, что видѣла небо, и разсказываетъ разныя

сказки о небѣ, и оттого она пользуется славой среди рыбокъ.

„Слушая ея разсказы о небесахъ, они попадутъ въ сѣти и завтра будутъ проданы на рынкѣ“.

Какая это правда! Разсказы о небесахъ ведутъ въ сѣти. Сѣтью съ тѣсными глазками является служеніе идеаламъ.

Я рыбка, очарованная разсказомъ плотичекъ, выплеснувшихся надъ водой и видѣвшихъ небо.

Но, если этимъ плотичкамъ только казалось, что онѣ видѣли небо?

. . . . . .

Если правда, какъ ты говоришь, что слезы и улыбки сыпятся въ міръ безъ цѣли и плана, не изъ очага Мудрости и Воли, но изъ глухого хаоса, безсмысленно дѣйствующаго ради драмы рыбокъ, попавшихъ въ жестокія и кровавыя сѣти?...

Я убѣжала отъ чернаго зеркала и шумѣвшихъ надъ нимъ дубовъ. Нехорошо вслушиваться въ голоса печальныхъ Атласовъ и долго всматриваться въ воды, полныя мрачныхъ тайнъ. Нехорошо, ибо страдая и колыхаясь вмѣстѣ съ прибрежной, гибкою ольхой, можно упасть въ черную тонь.

А что, если въ нее упасть? „Что такое жизнь, зачѣмъ ее жалѣть? Развѣ это добрый ангелъ, покидающій насъ въ годину смерти“. Но тотъ же самый поэтъ говоритъ: „А знаешь, не избранъ ли именно ты мирной жертвой?“ Мирной, значитъ, смиренно сносящей жизнь, отъ которой зависитъ что-то такое, что по отношенію къ тебѣ, пылинкѣ, есть недостижимая гора и еще большіе, чѣмъ недостижимая гора, ибо есть воля Того, кто создаетъ и пылинки, и горы.

Ты жалуешься на половинчатость своей души;

вилишь, какъ половинчаты бываютъ поэты. Но помни и о томъ, что всякая душа, чѣмъ поэтичнѣе, тѣмъ больше надорвана она, именно благодаря этому надрыву льется въ міръ ея поэзія. Кровь, вылива-ющаяся изъ однихъ сердецъ вливается въ другія въ видѣ вина и меда, а такихъ галилейскихъ чудесъ на землѣ столько, сколько есть на ней подвиговъ до-бродѣтели и твореній искусства. Это весьма странно, и мысль невольно начинаетъ думать о несправедли-вости.

Кто можетъ быть такимъ слѣпцомъ, чтобы не видѣть, какъ несправедливость разливается отъ края до края міра и жизни.

Но я все-таки вѣрила, что совершенная справед-ливость царитъ въ наивысшихъ сферахъ всебытія, познать и увидѣть которыя не можетъ человѣческая мудрость, но къ нимъ всебытіе стремится посред-ствомъ мудрости и любви. Такъ вѣруя, я жаждала принять дѣятельное участіе въ галилейскихъ чуде-сахъ превращенія крови своего сердца въ вино и медъ для другихъ сердецъ.

Теперь... иногда... что же? память приво-дитъ мнѣ твои слова объ обманахъ, совершаемыхъ поэтами міра.

Недавно я столкнулась съ глазу на глазъ съ удивительно половинчатымъ видомъ природы. Я ѣхала въ одно изъ будничьихъ поселеній, и вдругъ до моего слуха донесся раздающійся вблизи грохотъ, гулъ, шумъ. Я бросила Авиза среди вереска, ли-ловымъ ковромъ покрывшаго лѣсъ, и пошла посмо-трѣть, какія это стихіи природы разговорились такъ громко. Ибо то были голоса не животныхъ и не людей, а какой-то стихійной силы. Вскорѣ я уви-дѣла одно изъ тѣхъ хрустальныхъ ожерелій, какими

волшебницы водъ густо увѣшиваютъ грудь пущи: я очутилась на берегу Наревки.

Тѣсный густой лѣсъ стоялъ непроходимой стѣной, какъ бы въ религіозной сосредоточенности или въ глубокой задумчивости, и молчалъ, казалось, молился или думалъ, и лишь въ его таинственныхъ глубинахъ что-то отъ времени до времени вздыхало. Наревка, издали бирюзовая, перескакивая высокіе камни, казалась бѣлымъ водопадомъ, падавшимъ косыми волнами; она подымала массы алебастровой пѣны, гудѣла, шумѣла, звенѣла, кричала.

Среди молящагося въ глубокой задумчивости и иногда только вздыхавшаго лѣса — безуміе и крикъ воды похожи были на отчаяніе, вырывавшееся изъ покоренной души. Лѣсъ и примиреніе тихо стремятся къ небу, водопадъ и отчаяніе съ крикомъ бросаются въ пропасть. Какъ тихъ былъ этотъ лѣсъ; въ такую же тихую задумчивость погрузилась и я.

Кто же мы такіе, — думала я, — мы, люди, никогда не удовлетворенные ни небомъ, ни землей, жаждущіе земли, когда мы погружаемся въ небеса, и умирающіе отъ тоски по небу, какъ только слишкомъ сильно сольемся грудью съ землей?

Я повторила твои слова о наукѣ: „Все что у людей называется наукой, есть только туманное ея отраженіе, тѣнь того отраженія, тѣнь тѣни — сама наука мало чѣмъ разнится отъ вѣры“.

И медленно, съ трудомъ я перевела эти слова на свой языкъ: все, что люди почитаютъ добродѣтелью, есть только туманное ея отраженіе, тѣнь отраженія, тѣнь тѣни — добродѣтель въ томъ отношеніи похожа на науку, что полнаго совершенства она не достигнетъ никогда.

Должна же когда-нибудь наступить такая гра-

ница изслѣдованій, когда чтитель науки говоритъ: не знаю! и такой моментъ, когда чтитель добродѣтели говоритъ: грѣшу! Въ первомъ случаѣ имѣется несовершенство чувствъ, какими изслѣдуются бездны всебытія, во второмъ — изъ таинственныхъ глубинъ человѣческой натуры надъ полями, вспаханными Добромъ, поднимаются первобытныя и подавленныя силы.

А идеалы?

Они безсмертны, но они легко, эскизно поднимаются надъ землей. Недоконченныя попытки, невыполненные эскизы... Но заключеніе и выполненіе ихъ должно наступить когда-нибудь, тамъ въ высотѣ, ибо если нѣтъ, то откуда и зачѣмъ эти начала?

Я желала быть Беатриче, ведущей любимое существо изъ сферы въ сферу, со звѣзды на звѣзду... но теперь во мнѣ самой поднимается жгучее желаніе, чтобы кто-нибудь меня взялъ за руки, повелъ вверхъ и привелъ къ звѣздѣ, гдѣ бы сквозь ея жемчужныя завѣсы я увидѣла полную картину того, что живетъ въ снахъ земли, какъ не выполненный и недостижимый эскизъ...

XX.

Мюррен.

Твой голосъ нашелъ меня въ уединенныхъ нѣдрахъ горъ, въ глубинѣ которыхъ скрылся я.

Я пересталъ его ожидать, а сегодня, послѣ перваго крика привѣтствія, я уже не умѣю радоваться ему. Можетъ быть, привыкнувъ пренебрегать цвѣтами земли, я слишкомъ проникся горькимъ сокомъ жизни? Можетъ быть, та капля полыни, что

давалась намъ въ колыбели, какъ первое причастіе въ жизни, у меня была особенно велика. Даже теперь, даже теперь, когда я снова могу говорить съ тобою, мои глаза затемнены чѣмъ-то и не наполняются больше весельемъ.

Я, дѣйствительно, неблагодарный. Чего же больше я могъ требовать отъ тебя. Я привязался къ разговору съ тобою. Когда мнѣ было душно и тяжело, я жаждалъ его, какъ росы. И вотъ ты не забыла обо мнѣ. Не забыла... Даже больше, до меня дошло, какъ бы признаніе, что мои терпкія слова, что мои мысли для тебя не ненавистный гость. До меня дошло, какъ бы признаніе, что они могутъ быть пригодными — необходимымъ звукомъ къ полнотѣ твоей пѣсни. И я узнаю, что имѣешь для меня еще много другихъ словъ... Особенно привлекаетъ меня всякій разъ каждое мое выраженіе, рожденное въ моей холодной и безплодной душѣ, когда изъ далекаго путешествія за лѣса и рѣки оно возвращается ко мнѣ твоими устами, полными неба и поэзіи. Каждое такое выраженіе, возвращающееся ко мнѣ такимъ нѣжнымъ путемъ, я жадно привѣтствую и разсматриваю съ улыбкою удивленія, я узнаю его, оно мое собственное, но, однако, какъ только ты взяла его въ свою серафическую Психею, оно стало какимъ-то лазурнымъ, такъ что могло бы считаться почти вздохомъ... поэта.

Эта судьба моихъ вѣстниковъ и это лазурное эхо, а въ особенности много словъ предназначенныхъ для меня, но не посланныхъ, могли бы быть поводомъ къ горячей радости. Но я, видишь ли, я не могу ни на минуту потерять изъ глазъ ту великую разницу, что какъ остріе тяжелаго желѣза,

врѣзается въ корень нашего дуэта, исключая единство пѣсни. Разница заключается въ томъ, что когда строфы твоихъ чувствъ становятся для меня источникомъ упоенія, звукъ моего голоса превращается въ твоемъ сердцѣ въ сѣрую тучу.

Печальная роль въ дуэтѣ падаетъ на зарю мистическихъ восторговъ флеромъ темноты. И вотъ, не желая себя пятнать ложью, ты прямо сказала, что пѣснь, разбиваясь объ эти роковыя препятствія, рано или поздно должна прекратиться, а вѣрнѣе всего кончиться очень быстро. И потому, мой другъ, я самъ не знаю, радоваться ли мнѣ продолженію пѣсни, конецъ которой ты благодѣтельно отдаляешь. Если еще изъ этого множества теплыхъ словъ, предназначенныхъ для меня, я отнесу соотвѣтствующую часть на счетъ твоихъ самоотверженныхъ полетовъ, на счетъ обязательнаго сочувствія, наконецъ, на счетъ родовой солидарности, и то, хотя тебѣ и жаль нашего разговора, а я все-таки думаю, что изъ этихъ запасовъ словъ для меня лично останется не особенно много.

Я не спрашиваю: почему долженъ прерваться нашъ разговоръ? Меня только удивляетъ, ради какого каприза ты хочешь запутать меня и себя въ такія минувшія вещи, какъ моя эклога въ Гейсбахѣ? Чѣмъ она можетъ тебя интересовать? Если я что разсказывалъ о себѣ, то я хотѣлъ только убѣдить тебя, что — вопреки твоему мнѣнію — я не купаюсь въ золотой тинѣ и... что лѣсныя волшебницы-звѣзды, летающія въ пущѣ на крылатыхъ лошадяхъ, не держатъ въ своихъ сѣтяхъ — мотылька.

Что же тебѣ сказать, дабы бросить немного красокъ на твой день и не замутить твоей лазури? О людяхъ? о горахъ? о себѣ?

Людей немало и здѣсь. Хотя я убѣжалъ изъ Интерлакена, чтобы кочевать въ наиболѣе высокихъ эмпиреяхъ кантоновъ и у пороговъ вѣчной неподвижности почерпнуть силъ для своего дальнѣйшаго труда, но все-таки мнѣ пришлось основать свою главную квартиру на Мюрренской террасѣ, какъ на послѣднемъ форпостѣ отельной цивилизаціи, и движеніе лѣтнихъ путешественниковъ своей крайней волной достигаетъ даже сюда, такъ что людей здѣсь немало. Но эта крайняя волна здѣсь совершенно иная, чѣмъ тамъ внизу „en bas“ — какъ говорятъ туземцы, протягивая руку въ сторону долины Аара. Тутъ меньше бульваровъ, больше туристовъ. Увы, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что большинство путешественниковъ это толпы филистеровъ въ спортсмэнской одеждѣ. Ахъ, какія пары тутъ встрѣчаются! У него циничныя воспоминанія, сохранившіяся съ молодыхъ лѣтъ, вызываютъ при видѣ доступной теперь Юнгфрау какую-нибудь остроту. Она, разнося въ складкахъ платья собранныя по хозяйству испаренія, радуется тому, что мужъ веселъ. Не люблю людей! Но зато поклоняюсь природѣ. Природа здѣсь такъ разнообразна и велика, что пріѣзжіе туристы, разсыпавшись по окрестностямъ, исчезаютъ въ травѣ, снѣгахъ, камняхъ — и атмосфера остается чистой. Если же потомъ они и вынырнутъ гдѣ-нибудь въ разрѣзахъ пустыхъ овраговъ или среди драпировки темно-пушистыхъ елей, то это уже только живая нота, гармонически сливающаяся съ симфоніей обширныхъ пейзажей. Они часто представляютъ изъ себя пестрое разнообразіе на однообразныхъ равнинахъ или черную линію на каменистыхъ отлогахъ, а иногда солнце превращаетъ ихъ въ фіолетовыя искры, разбросанныя по снѣгу.

Солнце! Оно прекраснѣе, чѣмъ люди, оно умѣетъ преображать людскія жилища. Тутъ есть одно такое гнѣздо, горсть горныхъ хатъ, видимая съ противоположной горы; когда солнце склоняется къ закату, то часто оно показываетъ на нихъ истинныя чудеса магіи. Надъ стройной стѣной, гдѣ прилѣпились по скату домики Исенфлюка, солнце обычно разрывается звѣздой лучей, сверкающихъ мѣдью, и лучи эти, вспыхнувъ на половинѣ неба, льются потомъ струей кипящаго металла на смѣлые домики: и тогда людскіе глаза охватываетъ удивленіе, что такая страшная струя льющихся огней не смываетъ всего со скалы внизъ, туда, вглубь Лючино!

Лючино — помнишь? — я рисовалъ тебѣ когда-то ея молодость, дабы вызвать тебя въ Швейцарію. Она показалась мнѣ тогда, тамъ высоко, гордой, звучной, смѣлой. А теперь потокъ, начавшійся гдѣ то на бѣломъ лонѣ Юнгфрау, слабо извивается подъ моими ногами въ головокружительной безднѣ, какъ маленькая излучина, придавленная и тихая. Ее придавили родные колоссы Альпъ, поднимающіеся всюду къ горизонтамъ гигантскими вершинами. Тяжелое бремя прадавнихъ кристалловъ вырвалось изъ кипящаго огня земли, а теперь его срѣзаетъ и уменьшаетъ ледяной вихрь и морозъ.

Вы, романтики, вмѣстѣ со своими поэтами, любите заселять небо и землю человѣческой слабостью. Гете или Словацкій, несомнѣнно, сказали бы, что это какой-то эллинскій Самосъ, придавленный скорлупой земного шара, въ своей языческой слѣпотѣ и зависти возмущается противъ судьбы, напрягается, и бросаетъ на свѣтъ такія развалины. Я, нищій пустынникъ, съ оборванными крыльями, не чувствую, правда, подъ своими ногами ничего, кромѣ

понятія остывшей массы, а надъ собой ничего, кромѣ понятія эѳира или пустого пространства... Но хотя я не обладаю ни вашей фантазіей, ни вашими чувствами предъ лицомъ великановъ, достигавшихъ головами туда, гдѣ взглядъ привыкъ встрѣчать только звѣзды или орловъ, передъ лицомъ альпійскаго солнца, которое поздно, поздно выплываетъ золотой кистью изъ за потока дикихъ гранитовъ и рано, рано умираетъ на вершинахъ противоположной скалы, передъ чарами и радужнымъ пѣніемъ чудеснаго міра — я чувствую, я знаю, что при всемъ убожествѣ моихъ истинъ и при полномъ отсутствіи миражей, я болѣе близкій сынъ этой природы, нежели ваши поэты, я ближе къ ея сердцу, что живетъ по-своему и по-своему бьется въ туманныхъ разсвѣтахъ, въ умирающемъ солнцѣ, въ гранитахъ и въ льдахъ, и въ пространствѣ. То единственная награда за всѣ мои усилія и за мое постоянное стремленіе къ ея простому сердцу и къ ея простой истинѣ. И эту награду, можетъ быть, непонятную для другихъ, я не хотѣлъ бы потерять ни за какую цѣну. Она стала для меня дороже съ тѣхъ поръ, какъ я началъ за нее опасаться. Я нѣсколько испугался за мой міръ высшаго порядка, съ которымъ я сливаюсь при моемъ общеніи съ горами.

Какъ ты, другъ мой, имѣешь свои деревни, лѣса и поля, свой родной кусокъ земли, а на немъ свои собственныя деревья, травы, хлѣба, дома, людей, храмы священныхъ воспоминаній и во все это, какъ въ безсмертный листъ алоэ, тщательно обвиваешь свое сердце, такъ и я скрытыми движеніями духа привыкъ создавать себѣ изъ недостижимости горъ, волнъ моря, красочности пейзажей свой особый и собственный міръ, и я ревностно стерегу его,

ибо онъ покрываетъ и охраняетъ меня, какъ невидимый панцырь, безъ него я былъ бы безоружнымъ, бездомнымъ, я бы погрузился въ самую ужасную тину. Это есть родъ того нездѣшняго міра, о какомъ вы мечтаете въ стѣнахъ своихъ храмовъ.

И такъ же, какъ въ вашихъ нездѣшнихъ мірахъ находится ваше счастіе и спасеніе, такъ и черезъ мой свѣтъ ведетъ дорога къ зенитамъ духа, гдѣ подымаются троны загадочныхъ и неустанно наблюдающихъ вѣчную загадку вселенной сфинксовъ.

Теперь я боюсь за свою власть надъ этимъ міромъ, добытую тяжелымъ трудомъ и не одной жертвой, ибо съ тѣхъ поръ, какъ я измѣнилъ ему такъ позорно, какъ никогда раньше, я напрасно стараюсь отыскать покинутое королевство, хотя я отправился за нимъ даже сюда, въ нѣдра первобытныхъ горъ. Мой глашатай и единственный вооруженный спутникъ, моя мысль, очевидно, требуетъ болѣе долгаго времени, дабы воспрянуть изъ ядовитой летаргіи. Притомъ во мнѣ накопилось, тамъ, внизу, столько неожиданныхъ противорѣчій, я открываю въ себѣ столько изломанныхъ линій, постоянно встрѣчаю столько непослѣдовательностей, что съ каждой минутой я чувствую въ себѣ все болѣе настоятельную необходимость помощи или спасенія, и мое нетерпѣніе растетъ. Вотъ самое важное извѣстіе, что я могу теперь сообщить тебѣ о себѣ. Интересуетъ ли оно тебя?

И еще одно могло бы тебя занять — удивительное совпаденіе нашихъ отдаленныхъ душъ. Можетъ быть, въ тотъ же самый часъ, когда тебя поразила судьба рыбъ, слушающихъ разсказы о небѣ и попадающихъ въ сѣти, и въ моей головѣ мелькнулъ вопросъ: истинна ли избранная мною дорога, на ко-

торой я долженъ жить и провести всю свою жизнь? Кончается ли она въ очагѣ всѣхъ началъ и концовъ, или же теряется въ безплодныхъ миражахъ, какъ та обманчивая тропинка, по которой недавно я хотѣлъ попасть къ ледяному пруду изъ Штейнбергской фермы.

Тогда именно, когда я заблудился въ своемъ путешествіи по скаламъ, меня впервые поразила возможность ошибки. То былъ очевидно мимолетный посѣвъ скептицизма. Вѣдь не ослѣпилъ меня до сихъ поръ блескъ красовецкихъ звѣздъ. А вѣдь съ того момента, когда я, какъ бы отъ звука грознаго, но тихаго, сигнала, проснулся отъ лѣниваго полусна, стряхнувъ съ себя остатки полусонныхъ мечтаній, и обнялъ тоскливой рукой свою заброшенную мысль, до сихъ поръ еще я вожу ее, мою вѣрную спутницу, по камнямъ, по снѣгамъ, по водопаламъ и безпокойно смотрю на ея гордое лицо, не смыкаетъ ли она глазъ передъ величіемъ природы?

Такъ я и моя мысль, вмѣстѣ замкнутые въ безмѣрной молчаливости разрѣженнаго воздуха, среди шума бѣлыхъ лавинъ, каждую минуту глухо падающихъ съ высотъ, измѣряемъ вмѣстѣ всѣ вершины горъ и всѣ бездны, а въ сумерки вмѣстѣ возвращаемся въ мой шалашъ. Какъ видишь, я не одинъ.

И часто, выхвативъ то ту, то другую подробность изъ системы моихъ точныхъ выводовъ, я неутомимо и недовѣрчиво разсматриваю ее во время моихъ долгихъ прогулокъ, на открытыхъ горныхъ платформахъ и въ извилистыхъ разсѣлинахъ горъ, при яркомъ блескѣ солнца и въ тучахъ. Я безпокоюсь потому, что эти переливающіяся изъ формы въ форму явленія міра, передъ которыми я стою теперь, хотя молчаливыя и застывшія часто являются судья-

ми моей жизни и моей работы, и сужденіе ихъ иногда бываетъ неумолимо. Нужно тебѣ сказать, что даже при научномъ разборѣ явленій, сведенныхъ до чистой схемы, получается разница между міромъ или бытомъ разсматриваемыхъ въ тиши и сосредоточенности тѣснаго кабинета и міромъ непосредственнымъ, развернувшимся передъ нами въ святыню формъ и красокъ. Тогда только, наблюдая пурпуровые взрывы солнцъ или прислушиваясь къ громовому эхо падающихъ лавинъ, нашъ духъ оцѣниваетъ свои силы. Подобныя минуты долженъ переживать артистъ, если въ шумѣ города онъ создалъ, онъ воспѣлъ стихійный гимъ горъ или моря, а потомъ вновь очутился на равнинахъ вѣчнаго снѣга, или предъ величіемъ океана. Тогда вмѣстѣ со своимъ трудомъ онъ приноситъ съ собой въ сердцѣ и головѣ неизбѣжную боязнь и сомнѣніе, не падаетъ ли въ прахъ передъ творчествомъ природы его собственное творчество?

Съ такимъ же опасеніемъ и съ такимъ же тяжелымъ сердцемъ я углубляюсь теперь въ сумерки безлюдныхъ овраговъ, пробираюсь сквозь тернистыя рощи, сквозь спутанную чащу крапивы и папоротника, спотыкаюсь о камни, скользкіе отъ дождя водопадовъ, рожденныхъ гдѣ-то невидимо надъ куполомъ изъ листвы и иглъ... Съ такой же тяжестью зловѣщихъ предчувствій привѣтствую я часто и свободу лѣсныхъ вершинъ, полеты прозрачныхъ мотыльковъ, мелькающихъ среди цвѣтовъ, и блескъ ихъ хрустальныхъ крыльевъ. Тогда, отдыхая на каменной или дерновой скамьѣ и отирая потъ со лба, я переживаю часы неподвижной борьбы своей собственной мысли съ великою мыслью міра и провѣряю свою совѣсть передъ началомъ новаго труда. И тогда во мнѣ часто поднимаютъ голову змѣиныя кольца во-

просовъ: дѣйствительно, достаточно ли силенъ и крѣпокъ мой духъ въ своихъ основаніяхъ, достаточно ли гибокъ и широкъ онъ въ подробностяхъ анализа, дабы справиться съ нагроможденной массой явленій и охватить ихъ кольцомъ познанія? А можетъ быть, я обманываюсь? Можетъ быть, я долженъ пасть жертвой тѣхъ незамѣченныхъ мною или нераспознанныхъ элементовъ, что примчались ко мнѣ на крыльяхъ судьбы... изъ литовской чащи.

Именно та, упоминаемая уже мною, обманчивая тропинка, тропинка, едва протоптанная козами и горными пастухами, узенькой полоской идущая по краю отвѣсныхъ скатовъ, на тысячу метровъ выше амфитеатра самыхъ великолѣпныхъ и высокихъ Альпъ, тянущихся отъ Юнгфрау до Спальгорна, именно эта тропинка есть то уединенное мѣсто, которое избрано мною для размышленій о трудныхъ путяхъ духа. Развѣ эти нагроможденныя вокругъ тѣла великановъ съ темными вершинами и брилліантовыми шлемами не каріатиды, достойныя того Пантеона, который мы, пустынники духа, желали бы воздвигнуть надъ міромъ? Гдѣ среди нихъ мое мѣсто? Достигъ ли я уже высоты наравнѣ съ снѣжными султанами этихъ горъ, держащихъ все подъ собою, а надъ собой имѣющихъ только широкіе горизонты? И силенъ ли ужъ я такъ, чтобы съ достигнутыхъ высотъ набросить свой сводъ на безграничіе горизонта?. . . .

. . . . . .

Такіе вопросы родятся въ моемъ мозгу.

Такъ наканунѣ вѣроятно уже послѣдняго труда я иногда думаю и безпокоюсь, — вѣдь моя мысль и этотъ мой послѣдній трудъ должны хватить мнѣ на всю мою остальную жизнь и замѣнить мнѣ собою все дорогое, что другіе имѣютъ на землѣ.

Я хотѣлъ бы оставить послѣ себя трудъ моей мысли великій и новый, иначе моя жизнь безполезно прошла бы.

Но я возлагаю на него еще и другія надежды: я чувствую, что только тяжесть такого труда сможетъ затянуть теперешній надрывъ моей души, который ты называешь ея поэзіей. Или ты меня причисляешь къ дубамъ, разсѣяннымъ по черным водамъ, съ вѣтвями, протянутыми къ чарующимъ видѣніямъ, рисующимся вдали на небѣ? Ахъ! если я дѣйствительно долженъ быть, согласно твоимъ думамъ, такимъ одинокимъ дубомъ среди черныхъ водъ, то ты и не представляешь даже себѣ, какъ сильно онъ надтреснутъ. Теперь только, когда его снова коснулся зефиръ твоего голоса, онъ понялъ всю глубину своей раны. И теперь только онъ призадумался надъ тѣмъ, какъ удивительна бываетъ иногда жизненная сила слабыхъ растеній; вѣдь достаточно было бы одной вѣтки гибкаго вьюнка, чтобы сохранить отъ гибели надтреснутый стволъ дуба.

Ибо, если бы вѣтка вьюнка, охваченная порывомъ искренней, всепобѣждающей любви, забывъ препятствія, преодолѣла бы всѣ преграды и нарушила бы одиночество больного Атласа, чтобы перевязать его руку шарфомъ лиловыхъ цвѣтовъ, Атласъ могъ бы и уцѣлѣть. Въ гирляндѣ вьюнка могла бы заключаться сила галилейскихъ чудесъ, а огни молчаній, гибельные для великановъ, задрожали бы передъ нѣжностью лиловаго цвѣтка и скользнули бы, не принеся вреда, мимо ароматнаго шарфа въ смолу трясины.

Такъ бываетъ иногда, но только въ сказкѣ. Для меня даже легенда не имѣетъ чудесъ. Цвѣтущія вѣтки вьюнка, можетъ быть, и тоскуютъ иногда о суро-

выхъ дубахъ, но боятся мрака черной трясины и быстро закрываютъ свои благовонныя чашечки...

Вотъ видишь, что случилось со мной послѣ нашихъ разговоровъ. Наканунѣ новаго труда я начинаю говорить языкомъ поэтовъ. И кто знаетъ, можетъ быть, если бы попытался, я сумѣлъ бы пѣть лучше многихъ другихъ изъ нихъ... Я постарался бы обогатить книгу галилейскихъ метафоръ притчей о сонномъ дубѣ, росшемъ среди черныхъ водъ, которому грезились лиловые цвѣты, потомъ его разбили сверкающія молніи, а цвѣты думали дальше свои спокойныя думы на безопасныхъ берегахъ... И я бы добавилъ, что дубъ счастливъ... вѣдь его разбили молніи поэзіи. Затянется ли дымящаяся его рана? не знаю; вернется ли къ нему его прежняя сила, презиравшая молніи? не знаю, но слѣдъ, я знаю, останется.

Я написалъ бы тогда причту, а тебѣ совѣтовалъ бы включить ее, какъ новую страницу, въ книгу, заглавіе которой Книга Любви. Ибо муки Атлантовъ, ихъ раны и содержаніе этой любимой книги — одно и то же . . . . . .

. . . . . .

Несмотря на всѣ усилія — я ослабѣваю.

И вотъ результатъ нашихъ разговоровъ: я, наканунѣ возрожденія къ труду, мечтательно или сонно ослабѣваю. Я говорилъ и признавался тебѣ ужъ во столь многомъ, что признаюсь и въ этомъ... Мысль свою я побуждаю къ труду и борьбѣ, самъ я часто впадаю въ неопреодолимую слабость воли и мысли. Въ солнечномъ блескѣ и на краю пропасти я жажду пасть на мхи... или на сѣверные верески— не чувствуя въ себѣ даже дыханія мысли — грезить, мечтать и ждать чуда...

Ждать бѣлаго лица, сіяющихъ глазъ, пламен-

ныхъ губъ, склоненной надо мной съ нѣжной улыбкой волшебницы-звѣздочетки, оторванной отъ неба, отъ звѣздныхъ, но холодныхъ и печальныхъ горизонтовъ и приведенной ко мнѣ солнечнымъ огнемъ и видѣніемъ счастія Беатриче.

XXI.

Красовцы.

Значитъ, и въ твоей мысли возникъ вопросъ: вѣрна ли та дорога, на которой ты долженъ прожить свою жизнь?

Интересуютъ ли меня твои признанія?

Гдѣ бы я ни была и что бы я ни дѣлала...

Я вижу тебя „въ горномъ шалашѣ“, когда ты неутомимо и недовѣрчиво разсматриваешь какую-нибудь подробность, выхваченную изъ системы твоихъ точныхъ выводовъ...

Я начиваю понимать, какимъ ужасомъ наполняется сердце и какое страданіе доставляютъ колебанія вѣры и сомнѣнія въ прочности той почвы, на которой мы строимъ свою жизнь.

Я вижу тебя, когда одинокій съ видѣніемъ гордой мысли: „ты углубляешься въ сумерки овраговъ, продираешься черезъ тернистыя рощи“.

Нѣтъ! такъ не должно быть, чтобы люди ходили въ сумеркахъ и чащахъ одни! Не должно быть, ибо бываютъ моменты жизни, когда одиночество и гибель одно и то же.

Ты правъ. Раненые Атласы, чтобы не погибнуть, нуждаются въ перевязкѣ изъ вьюнковъ. И не только они. Каждому сердцу жизнь должна дать перевязку изъ цвѣтовъ, и, если она не выполнитъ своего долга, сердце уже не имѣетъ силъ выплатить жизни свой долгъ...

На обыденномъ языкѣ это значитъ такъ: человѣкъ такое созданіе, которому безусловно необходимо, чтобы въ напитокъ его жизни была влита капля меда, ибо иначе онъ можетъ отравиться жизненнымъ напиткомъ. Слабое и смѣшное созданіе! Смѣшное, ибо онъ вѣдь знаетъ, что это одна только минута здѣсь, на землѣ, одна короткая минутка, она пролетитъ, какъ дыханіе вѣтра. Но нѣтъ и для этой ничтожной минутки ему нужна капля меда. Смѣшное созданіе. И какое слабое — даже тогда, когда полагаетъ, что оно сильное, и слабѣе всего, можетъ быть, именно въ тотъ моментъ.

Все это такъ безтолково, неясно для меня самой, а взятое все вмѣстѣ приводитъ къ одному вопросу, который ты выслушай внимательно и отвѣть на него непремѣнно, къ такому вопросу: что бы ты почувствовалъ и сдѣлалъ, если бы до тебя дошло извѣстіе, что доброе и прекрасное дитя изъ Гейсбаха до сихъ поръ еще не забыло о тебѣ и согласно твоимъ словамъ: „теряетъ много своей житейской энергіи на безплодныя эманаціи души, называемыя воспоминаніями?“. Что бы ты почувствовалъ и сдѣлалъ при извѣстіи, что эта женская душа гораздо чище, глубже, возвышеннѣе, нежели ты могъ узнать это въ теченіе своего краткаго наблюденія и что въ этой душѣ картина, вынесенная изъ Гейсбаха, не поблѣднѣла, не замерла, но вопреки разлукѣ съ нею цвѣтетъ на подобіе розы, ежедневно окропляемой живыми жемчугами горя.

Не клади этого вопроса на вѣсы мелкихъ и неважныхъ дѣлъ. Вникни въ него и самого себя и отвѣть быстро... быстро. Жду!

XXII.

Мюррен̀ъ.

Въ день безнадежнаго ненастья, въ такой день, какъ сегодня, я повелъ бы ее по обрывистой тропинкѣ къ ледянымъ водамъ и показалъ бы ей Валгаллу вершинъ, покрытыхъ льдомъ, гдѣ кончается міръ. И въ амфитеатрѣ гранитныхъ горъ, въ амфитеатрѣ стремящихся все выше и выше къ морозу и блеску гигантовъ, въ роскошной зелени тихихъ подножій, въ извилистой линіи лѣсовъ, стоящихъ высоко надъ суровыми обрывами, въ истлѣвшихъ останкахъ самыхъ гордыхъ деревьевъ, въ виднѣющихся вдали въ пассивномъ безславіи синихъ ледникахъ я показалъ бы ей разумъ и неразуміе жизни; смѣшную роль деревьевъ, высылаемыхъ жизнью въ страну неподвижности на безплодную гибель.

Не тамъ цвѣсти весеннимъ цвѣткамъ.

Не такіе слабые цвѣтки могутъ сочувствовать опасностямъ смѣльчаковъ, ведущихъ борьбу съ ураганами! Имъ надо цвѣсти на родной клумбѣ, отступать съ ужасомъ дрожи передъ напраснымъ безуміемъ. И, научивъ ее такимъ образомъ, я отослалъ бы это дитя назадъ къ изумруднымъ лугамъ, гдѣ ландыши и нарцисы ароматомъ молодости и бѣлизной чашечекъ цвѣтутъ для всего, что скользитъ и порхаетъ по землѣ.

Такъ бы я сдѣлалъ.

А что бы я чувствовалъ?

Должны ли мы сокращать время діалогами, взятыми изъ эпохи Судовъ Любви. Это забава, недостойная меня и тебя. . . . . .

. . . . . .

Пока я находился на аренѣ Идаліи, среди душ-

ныхъ испареній человѣческихъ инстинктовъ, меня неустанно гнала тоска къ тѣмъ высокимъ, далекимъ и великолѣпнымъ Альпамъ, что показывались иногда изъ за подвижной волны облачныхъ завѣсъ, въ полумракѣ, полномъ тайнъ. Тамъ все было какое-то недосказанное. Отрывки то закрытыхъ, то вновь открытыхъ горныхъ видовъ привлекали во мглѣ отдаленія величіемъ и ужасомъ. Я воображалъ, что, покинувъ Ааръ и все, что съ нимъ связано, за семью горами и въ седьмой безднѣ, я достигну обѣтованной страны чистоты, свободы и спокойствія. Такимъ привлекательнымъ, фантастическимъ и великимъ казался мнѣ тотъ альпійскій міръ еще во время моихъ краткихъ экскурсій изъ Интерлакена къ сосѣднимъ вершинамъ. Меня поражали необыкновенныя для глазъ картины, и каждая казалась мнѣ новой. Ряды бѣлыхъ пирамидъ, сверкающіе на небосклонѣ въ незаконченныхъ линіяхъ, сливались съ общей, хаотической эпопеей тяжелыхъ массъ, идущихъ на штурмъ лазури.

Теперь я знаю этотъ міръ. Эта цѣльная, громадная и страшно суровая гора, увидѣнная мною въ одну лунную ночь, какъ длинная и темная лавина, а потомъ совершенно исчезнувшая въ серебристой оттепели тумана, это весьма извѣстный альпійскій пунктъ, но такой же, какъ и другіе, съ фермой, зрительной трубой, съ продажнымъ гейналомъ пастушескаго рога, и до этой вершины я безъ труда добрался изъ Венгерна.

Тотъ хребетъ, испещренный коричневыми и темно-карими крапинами, похожій на профиль дракона, лежащаго на стражѣ Юнгфрау, то нижній Чугенъ. Та отдаленная перспектива, наиболѣе отодвинутая вглубь, къ хребтамъ восточныхъ и западныхъ гор-

ныхъ цѣпей, полная обычно густыхъ дымчатыхъ и невѣроятно бездонныхъ облаковъ, заставляла предполагать, что она скрываетъ за собой пространства безъ границъ и безъ конца. Теперь, хотя синеватая изморозь осеннихъ тумановъ и наполняетъ ее отъ края до края, мнѣ извѣстны ея границы и предѣлы. Я знаю и разсматриваю вблизи то, что казалось мнѣ раньше, въ своей оторванности отъ земли, воздушнымъ контуромъ или пятномъ, блѣдною тѣнью, падающей отъ невидимыхъ формъ, утонувшихъ въ небѣ, на меланхолію облаковъ, замирающихъ внизу. И я знаю, что повсюду я найду то же самое, повторенное въ сотый разъ; тѣ же самыя крутыя тропинки, перерѣзающія откосы карликовыхъ лѣсовъ, надъ ними тѣ же самыя деревянныя избы, тѣ же самые луга тонкихъ травъ въ кольцѣ глубокихъ пропастей, а еще выше я найду послѣднихъ вѣстниковъ замирающей флоры, свѣтлую каменоломку, фіолетовую львиную пасть и блѣдное руно роговика. А надъ всѣмъ этимъ сіяетъ ледъ.

И хотя здѣшняя природа велика и благородна, но все-таки она не даетъ мнѣ того, на что я надѣялся и чего жаждалъ. Во мнѣ закипѣли и поднялись какіе-то психическіе ферменты, и они переливаются на днѣ моей души. Отъ нихъ становится мрачно, блѣднѣетъ даже образъ Юнгфрау, всегда юной и прекрасной, но уже не той, что нѣкогда. И на высотѣ двухъ тысячъ метровъ надъ уровнемъ моря, моимъ легкимъ дѣлается тѣсно и душно, а мозгъ охватываетъ тяжелая и ужасная мысль, что съ этими горами творится то же, что должно быть и съ жизнью.

Съ жизнью!

Если встрѣчается въ жизни какая-либо красота.

если мы тоскуемъ о ней, какъ о счастіи, то только во мглѣ отдаленія она дѣйствительно прекрасна и только благодаря своему краткому существованію молніи она обѣщаетъ намъ счастіе. Иногда голоса пастуховъ, блуждающіе, какъ эхо, въ глубинѣ пропастей, громко зовутъ насъ и кажутся намъ миражемъ о счастьи...

Иногда изъ бѣлой астры, дрожащей на груди избранныхъ, вырастаетъ видѣніе рая, окруженнаго ангельскимъ пѣніемъ... Но все это не вѣчно. Это только видѣнія несбывшейся тоски, пустыя искры и мимолетный блескъ... На одинъ только такой моментъ жизни сейчасъ же приливаетъ цѣлый океанъ, пошлый, насмѣшливый, давящій сѣрымъ туманомъ... Приливаетъ ураганъ пепла и погребаетъ всѣ цвѣты. Отравляетъ даже мистическую лилію, сверкающую въ темнотѣ пущи. Исчезаетъ фата-моргана чудесъ и нѣтъ Суламиты! Тамъ, гдѣ на горизонтѣ пылало золотое сіяніе, темнѣетъ отвратительная плотина, созданная изъ муравейника миражей, выше самыхъ могучихъ вершинъ, достигающая стѣнъ неба...

Лучше не искать метеоровъ красоты, дабы не видѣть ихъ кончины! Лучше расправить крылья сильной воли и улетѣть далеко, далеко . . . . . .

. . . . . .

Гдѣ же они, воспѣтые идеалы вашихъ поэтовъ, жрицы Одина, бросающія отцовъ, родину и алтари родныхъ боговъ по призыву иноземнаго рыцаря?

Гдѣ же онѣ, возлюбленныя Иридіоновъ, съ безумѣемъ наслажденія отходящія отъ Господнихъ столовъ за сожженнымъ богохульствами сердцемъ возлюбленнаго демона?

Гдѣ найти такое королевское всемогущество бытія и такую силу любви? Гдѣ искать ту священ-

ную страну, откуда плыветъ пурпуръ и свѣтъ такой любви? . . . . . .

. . . . . .

Я питалъ надежду, что въ эмпиреяхъ жизни я найду одну прекрасную и благородную, которая сможетъ полюбить мою печальную душу и забудетъ для меня о старой любви, сброситъ цѣпи, взлетитъ и падетъ на мою грудь...

Ахъ, если бы эта единственная была такъ сильна и такъ велика, я увлекъ бы свою возлюбленную и унесъ бы ее на вершину самой бѣлой горы, показалъ бы мое сокровище снѣгамъ, звѣздамъ и солнцамъ!

Но я не нашелъ ея.

Надежда исчезаетъ, какъ фата-моргана.

Я совершилъ смертный грѣхъ мечты. Я знаю кару... А мое будущее — оно находится гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. . . . . .

. . . . . .

Я все еще блуждаю среди высотъ, прислушиваясь къ гулу лавинъ и хрустальному шепоту растаявшаго снѣга, все еще оттягиваю свое прощаніе съ суровой землей изъ отвращенія къ возврату обыденнаго комфорта низинъ „en bas“.

Я все сильнѣе жалѣю, что я не имѣю большого навыка въ профессіи туриста и не могу безнаказанно углубиться въ сферу наиболѣе гордыхъ горъ, гдѣ твердая и суровая земля, окованная неподвижнымъ панцыремъ, уже цѣлые вѣка видитъ сонъ смерти и молчанія. Тамъ, куда могутъ взлетать только самыя смѣлыя тучи, гдѣ, можетъ быть, небо лазурно и свѣтитъ теперь солнце...

Тутъ окутали меня рыданія земли.

Въ эту минуту я получилъ наименѣе ожидаемую

вещь: мой трудъ. Оказывается, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ Швейцарію, значитъ, уже много недѣль тому назадъ, онъ вышелъ изъ печати и только теперь отыскалъ меня здѣсь. Онъ прибываетъ въ пору. Прибываетъ въ минуту страдальческихъ мукъ, новыхъ полетовъ въ мракъ, въ минуту безумныхъ пароксизмовъ души, и я предчувствую, что онъ станетъ для меня лекарствомъ.

Вѣдь я привѣтствую плоды моего труда, который останется послѣ меня, когда я самъ исчезну.

Высокія вершины Ротгорна видѣли, какъ я сталъ горѣть этимъ великимъ творчествомъ. Замкнутый въ сердцѣ, я счастливо пронесъ свои священные огни черезъ чарующія силы Гейсбаха и рефлективный холодъ кабинета, не открывъ сердца никакимъ другимъ лучамъ, я создалъ изъ своихъ огней формы, долженствующія пережить будущее. И теперь послѣ долгаго перерыва они возвращаются ко мнѣ въ новой оболочкѣ, такъ чуждые для моихъ глазъ, что сразу мнѣ трудно узнать въ нихъ мое собственное созданіе. Я съ интересомъ и любопытствомъ разрѣзаю страницы и, можетъ быть, забуду о темныхъ сумеркахъ, закрывшихъ предо мною весь міръ. . . . . .

. . . . . .

Но надъ страницами книги подымается изъ темныхъ сумерекъ бѣлое лицо со звѣздами глазъ. Въ этихъ глазахъ стоятъ бриллианты слезъ. Вѣдь ты имѣла въ глазахъ слезы, спрашивая меня о моей эклогѣ въ Гейсбахѣ, неправда ли? Почему ты спрашиваешь? Почему ты говоришь объ этомъ? Гдѣ источникъ твоей слезы? Въ сердцѣ? Въ той, какъ ты выразилась однажды, пружинѣ человѣческихъ дѣйствій и ранѣ человѣческой груди, какой является сердце? Такъ ли? Развѣ ты не скажешь мнѣ объ этомъ—ничего, ничего?

Говори со мной. Что ты дѣлаешь въ этотъ печальный, осенній закатъ солнца?

Какими путями ходятъ твои мысли и твои сны? По такой ли тропинкѣ, какая теперь окружаетъ золотой нитью грозныя тучи заката, и вспоминаютъ ли они обо мнѣ?

XXIII.

Красовцы.

Что я дѣлала въ этотъ печальный осенній закатъ солнца? Я хочу разсказать и колеблюсь, я не смѣю коснуться словомъ того, передъ чѣмъ изумленная останавливается моя мысль. А, однако, меня охватила такая жгучая потребность открыть душу и такимъ холоднымъ, суровымъ кажется этотъ обручъ вѣчнаго молчанія, что... я разскажу.

Не всегда только одно влеченіе къ природѣ и потребность воспользоваться единственнымъ наслажденіемъ, доступнымъ мнѣ, увлекаютъ меня въ міръ удивительныхъ и дикихъ явленій; но часто то дѣлаютъ обыденныя причины. По совершенно обыкновеннымъ причинамъ я очутилась нѣсколько дней тому назадъ на берегахъ Великаго Никара. Тамъ вблизи есть какія-то деревья, принадлежащія мнѣ, которыя съ хозяйственной цѣлью осматривалъ ученый техникъ, нарочно привезенный для того издалека; есть въ лѣсной сторожкѣ больной отецъ сторожа, который желалъ выразить мнѣ какую-то свою послѣднюю правду или волю, и есть, наконецъ, молодая дѣвушка, которую уже пора взять мнѣ въ Красовецкую школу. Словомъ, цѣлый день я провела въ разговорахъ съ ученымъ техникомъ и среди будничнаго населенія лѣсной сторожки, но обратный путь при-

велъ меня въ мѣсто до сихъ поръ мало извѣстное, и о которомъ, мой другъ, я никогда еще тебѣ не говорила.

Знаешь ли такіе дни, когда человѣкъ, тяжело и тревожно думающій о своемъ драгоцѣннѣйшемъ сокровищѣ, долженъ оттолкнуть самого себя отъ себя и заботиться о другихъ. Таковъ именно былъ сегодняшній день для меня; я чувствовала себя измученной своимъ принужденіемъ, я жаждала свободы и призыва вернуться къ самой себѣ. Кромѣ того, я до сихъ поръ мало знала это мѣсто, а по мѣрѣ приближенія къ нему я чувствовала какъ бы дыханіе пустыни и замѣчала среди рѣдѣвшихъ деревьевъ заглядывавшіе въ лѣсъ какіе-то большіе серебристые глаза. Вѣтры пролетали сильнѣе, несся въ сыромъ воздухѣ запахъ розмарина и неясный запахъ желѣза; тишина усугублялась отсутствіемъ живыхъ существъ, пока, наконецъ, не открылась предо мной неизмѣримая равнина гладкой, пустой, распростертой подъ куполомъ неба плиты ржавой зелени, забросанной пятнами сверкающаго стекла и угасшихъ радугъ.

Я остановила Авиза и, когда онъ сталъ спокойно на коврѣ опавшихъ иглъ, среди рѣдкихъ, сухихъ, убогихъ пней, я отошла къ виднѣвшемуся издали упавшему стволу дерева.

То была сосновая колода, повидимому, лежавшая тутъ довольно долго, ибо селединовый мохъ кругомъ окуталъ ее плюшевой оболочкой, а молодая растительность выросла изъ нея густой рощицей. Изъ плюшеваго мха выросли уже гибкія сосны и равные имъ по росту папоротники, а на высокихъ стебляхъ качались, колыхаемыя вѣтромъ, бѣлоснѣжныя таволги. Надъ всѣмъ этимъ стояло нѣсколько высокихъ березъ.

Когда я сѣла на лѣсной диванъ среди громадныхъ папоротниковъ и гибкихъ таволгъ, меня со всѣхъ сторонъ охватили вѣтви березъ, такъ что я могла опираться плечами о ихъ лиственныя поручни, а подъ ногами имѣла розмариновый коверъ. Устроившись такимъ образомъ, я окинула взглядомъ неизмѣримую, тоскливую равнину.

Она — точно широкая грудь пущи, откуда вытекаютъ всѣ орошающіе ее потоки, создавая у своихъ устій разливы всевозможныхъ формъ и величинъ. На поверхности этихъ стеклянныхъ плитъ выступаетъ желѣзная руда въ видѣ угасшей радуги, и можно бы сказать, что кто-то снялъ съ неба блестящій лукъ надежды, погасилъ его, порвалъ на куски и разбросалъ эти куски по стеклянным водамъ. Всѣ радужныя краски есть въ нихъ, но нѣтъ ни искры блеска.

Тутъ пятно, тамъ полоса, здѣсь едва замѣтная капля лежатъ на водахъ матовыя и тяжелыя, по мѣрѣ отдаленія раздробляясь и исчезая на горизонтѣ. Ибо до самыхъ краевъ горизонта стелется эта равнина съ роемъ стеклянныхъ глазъ и радужныхъ зрачковъ; ея края, сливаясь съ его краями, составляютъ одну даль, а берега, какъ моря, исчезаютъ гдѣ-то невидимо. И остается одна лишь равнина подъ куполомъ неба, пустая и глухая. Только на фонѣ небеснаго купола неподвижными пятнами выдѣляются то тамъ, то тутъ острова пихтъ, какъ бы черной краской рисуя на немъ зданія изъ зубчатыхъ линій. Издавна уже исчезли угрюмыя пихты въ пущѣ, убитыя враждебными имъ силами природы, но на Великомъ Никарѣ онѣ сохранились, создавая кой-гдѣ для вѣтровъ молчаливыя и темныя кельи. Кромѣ вѣтровъ, никто въ нихъ никогда не живетъ, и

развѣ только какая-нибудь заблудившая птица тревожнымъ шумомъ своихъ крыльевъ прерветъ иногда глухое безмолвіе темныхъ келій, окруженныхъ вязкими зачатками рѣчныхъ струй. Въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы тутъ, какъ и повсюду, кипитъ животная и растительная жизнь, но теперь остались только рощи лозника, при каждомъ дыханіи вѣтра волнующіяся, какъ колосья на нивѣ, и войска тростниковъ, гордо выпрямившіяся въ своихъ рыцарскихъ колпачкахъ изъ чернаго бархата. Тутъ есть также заросли осоки, рѣчной флейты съ пустой внутренностью, гдѣ иногда свищутъ своевольные вѣтры, и когда такой свистъ, какъ длинная шпилька прорѣзавъ воздухъ, умолкнетъ, уже никакой другой голосъ не нарушаетъ бездну тишины.

Да, это бездна тишины. Кромѣ молчаливо волнующейся лозы и молчаливыхъ тростниковъ, тутъ ничто не живетъ. Умершіе куски радуги тяжело лежатъ на мертвыхъ водахъ, пихтовые острова кажутся домами умершихъ. Подходящія къ порогамъ зачарованнаго царства сосны становятся печальными, убогими и засыхаютъ; лишь букетъ березъ, растущій надо мной, стоитъ въ бѣлизнѣ своей бѣлой коры и живости своихъ прохладныхъ листьевъ.

Сидя на днѣ бездны, полной глухого безмолвія, я подняла вверхъ свое лицо и устремила взглядъ въ подвижную глубь березовыхъ верхушекъ, на каждомъ листкѣ ихъ дрожали искры росы и сверкали при каждомъ движеніи; то былъ на лазури неба серебристый дождикъ, висящій въ воздухѣ, мелкій дождикъ искръ, слегка шумѣвшій.

Какъ разсказать тебѣ, что тогда произошло со мной?

Я не хочу думать, чтобы мое признаніе могло

вызвать на твоихъ губахъ ироническую улыбку. Слишкомъ глубоко ты проникъ своимъ взглядомъ въ тайны природы, чтобы для различныхъ проявленій человѣческой психики не найти научныхъ или, по крайней мѣрѣ, снисходительныхъ объясненій. Я ихъ не ищу, ибо они лежатъ внѣ границъ моихъ знаній.

Иногда, очень рѣдко, но очень ясно, я чувствую въ себѣ двойственность существа, и мое сознаніе дѣлится между тѣмъ, что видимо ежедневно для всѣхъ и чѣмъ то другимъ, ни имени, ни свойствъ чего я не знаю, но что въ такія минуты оживаетъ во мнѣ подъ слоемъ впечатлѣній, опыта и мысли и является чѣмъ-то совершенно отдѣльнымъ отъ нихъ. Это ч т о - т о въ видѣ моей оболочки тѣла, носящей мое имя, кажется мнѣ безыменной и скрытой мною самой. И тогда мнѣ приходитъ въ голову мысль, что если бы моя оболочка распалась на части, то она упала бы только, какъ разорванное платье съ той другой меня, что осталась бы жива и цѣла, какъ остаюсь я цѣла и жива, сбросивъ съ себя дневную одежду. Это чувство, таинственныя глубины котораго не можетъ освѣтить никакое слово, бываетъ иногда такъ ясно, что до тѣхъ поръ, пока оно продолжается, оно даетъ мнѣ ощущеніе соприкосновенія двойственности элементовъ, соединенныхъ во мнѣ, въ такую зависимость, въ какой находятся по отношенію другъ къ другу раковина и жемчужина. Когда бушующія воды раздробляютъ раковину, жемчужина, нетронутая, не перестаетъ жить въ безграничіи океана... но только жизнь ея навѣрно иная.

Такое удивительное состояніе уясненія или проявленія живущей во мнѣ Психеи наступаетъ обычно послѣ напряженія мысли и воли въ безупречной ти-

шинѣ совершенно одинокихъ дней или безсонныхъ ночей и живетъ жизнью молніи, пересѣкающей мракъ. На этотъ разъ такое состояніе продолжалось дольше и умчало меня въ высь...

Чѣмъ дольше, поднявъ голову, я смотрѣла на листья березъ, высоко надо мною мелькавшихъ въ золотистомъ эѳирѣ, тѣмъ больше самый эѳиръ превращался въ свѣтлый туманъ, все возроставшій, плывшій въ высь и внизъ, закрывшій все собой, и онъ сталъ вбирать въ себя то что-то съ невѣдомой сущностью, что является скрытой во мнѣ и безыменной мною самой.

Все исчезло; уже не было ни стекла безбрежной пустыни, ни убогихъ сосенъ по ея берегамъ, ни пихтовыхъ келій, ни стоявшаго надъ всѣмъ этимъ купола неба; не было ничего, только одно безконечное море блѣдно-золотистаго полусвѣта, ясное, безбрежное, чистое, тихое море, уносящее меня по тихимъ волнамъ надъ землей, все выше и выше.

Я потеряла чувство связи съ землей, я проникала все въ высшія сферы безграничнаго океана свѣта, и меня охватилъ восторгъ, для котораго напрасно ты искалъ бы мѣрила въ человѣческихъ чувствахъ. Я знаю только одно, что въ немъ было страданіе. Какъ кровавая полоса, страданіе тянулось за мной отъ земли, зацѣпившись за мою Психею, а когда я попыталась отбросить его, какъ остатки тяготѣющаго на мнѣ земного бремени, оно превратилось въ моихъ рукахъ въ огромный брилліантъ слезы. Эту слезу, не знаю зачѣмъ, я несла на своей раскрытой ладони; разсматривая ее, я замѣтила, что она, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ пущу, поля, людскіе муравейники, хаты будниковъ, все любимое,

все страдающее, за что дрожитъ мое сердце на земныхъ низинахъ...

Я не знаю, какъ долго продолжалось такое полнѣйшее замираніе или сонъ моихъ чувствъ, но когда чувство зрѣнія вернулось къ дѣйствительности, Великій Никаръ имѣлъ уже нѣсколько иной видъ. При свѣтѣ заходящаго за лѣсомъ солнца воздухъ наполнился сѣроватой пылью, зарумянились вдали слившіяся другъ съ другомъ губы неба и земли, вѣтеръ утихъ, и въ глубокой безднѣ тишины воцарилась зачарованная недвижность.

Тогда вдали что-то замелькало въ лѣсу живыми и движущимися формами, а когда уже стало болѣе ясно, я увидѣла, что то лоси, идущіе со своихъ розмариновыхъ пастбищъ къ ночнымъ логовищамъ. Ихъ было много; они шли одинъ за другимъ по узкой тропинкѣ, протоптанной ихъ собственными, тяжелыми ногами среди камыша и тростника, неся на своихъ огромныхъ туловищахъ головы, окрыленныя вѣтвистыми рогами. Они тянулись въ свѣтло-сѣрой пыли воздуха, какъ лѣнивый и темный караванъ, тростники и камыши, освѣщаемые сѣроватымъ свѣтомъ, достигали имъ до колѣнъ, и иногда, разбитые ихъ тяжелыми шагами, стекла бродовъ брызгали на ихъ широкую грудь. Такъ, разливая дыханіе восточной пустыни, проходили лоси караваномъ, и одинъ за другимъ погружались въ лѣсъ, а надъ равниной вверху раздались звуки, похожіе на жалобное и отрывистое побрякиваніе струнъ. То была вереница журавлей; оставляя за собой ноты эоловыхъ арфъ, они летѣли такъ высоко, что, казалось, сталкивались съ лазурью небеснаго купола. Когда пролетѣли журавли, и караванъ лосей окончательно исчезъ въ лѣсу, Великій Никаръ, соединивъ въ дали свои губы

съ губами неба, снова превратился въ сѣроватомъ воздухѣ въ неподвижную и мертвую плиту ржавой зелени, стекляные глаза которой смотрѣли въ небо зрачками угасшей радуги.

Таковъ Великій Никаръ, и такой моментъ пережила я на берегу его. Это было нѣсколько дней тому назадъ, послѣдніе дни прошли въ тяжелыхъ и повседневныхъ занятіяхъ. Такова жизнь. Моменты ея восторговъ — это короткое движеніе вѣкъ, а послѣ нихъ слѣдуютъ долгіе дни, когда нужно терпѣливо сносить зерна песку на маленькіе холмики и отдавать свою голову длиннымъ вереницамъ минутъ, падающимъ на нее, какъ капли свинца . . . . .

. . . . . .

Какъ свинецъ, давятъ мою голову уже долгое время мысли, съ которыми я не могу справиться. Непрошенные гости! Принять ихъ въ домъ своего духа я не хочу, а прогнать не могу. Это страшилища, но иногда и въ страшилищахъ заключается магнитъ.

Недавно въ мои руки попало твореніе неизвѣстнаго мнѣ раньше чужого поэта о Моисеѣ. А что жизнь въ данную пору приноситъ мнѣ удивительно запутанныя событія и вліянія, ты признаешь самъ, когда я познакомлю тебя съ содержаніемъ этого произведенія.

„Въ ночь, предшествовавшую возвѣщенію народу веленій Іеговы, Моисей бодрствовалъ передъ огнемъ, высоко пылавшимъ и сотнями языковъ стремившимся къ тучамъ, низко висѣвшимъ надъ той горой, гдѣ отъ глазъ смертныхъ былъ скрытъ Іегова.

„Вдругъ Моисей почувствовалъ дыханіе ужаса: ложь, ошибочность, неувѣренность и обманчивость

всѣхъ людскихъ понятій зловѣще стали передъ его душой.

„Онъ задалъ себѣ вопросъ: „Есть ли Онъ“? и душа его „съ высоты священнаго экстаза, какъ тяжелый камень скатилась въ бездну, гдѣ таится угрюмое смертельное сомнѣніе“. „Что же если этотъ свѣтъ окажется хаосомъ заблуждающихся, слѣпыхъ въ борьбѣ силъ. Если окажется лихорадочнымъ сномъ, все, что было до сихъ поръ откровеніемъ“?

„Онъ задрожалъ, что, можетъ быть, пуста та туча, гдѣ — какъ вѣрилъ онъ — скрывается вѣчный Іегова.

„При такой мысли у Моисея „кровь застыла въ жилахъ, волосы на головѣ стали дыбомъ, а изъ глазъ брызнули крупныя слезы, что, можетъ быть, Тотъ лишь болѣзненный миражъ мозга“...

Дальнѣйшее продолженіе неважно, но начало поэмы осталось въ моей памяти, и я не могу отъ него отдѣлаться. Вѣроятно, благодаря удивительному совпаденію его съ содержаніемъ нашего разговора и — съ тѣми каплями свинца, что съ нѣкотораго времени давятъ мою голову.

Такой моментъ, какъ у Моисея, долженъ быть страшенъ не только для божіихъ пророковъ, но и для всѣхъ тѣхъ, что въ обычномъ уровнѣ жизни, любя, работая, отрекаясь отъ себя, склоняютъ свою голову подъ капающими на нихъ изъ жизни каплями свинца, а въ награду за все питаютъ лишь вѣру, что они смиренные работники въ виноградникахъ Наивысшей Воли и Мудрости.

Ужасна должна быть слеза, падающая на пепелища такой вѣры... ибо безъ нея какая же цѣль? какой смыслъ? Чему служить? Кому говорить:

жертвую это ради тебя. Зачѣмъ пылать жертвой? Зачѣмъ жить?

Потерять Бога!

Потерять изъ глазъ причину и цѣль всего, Прамысль, отъ которой идутъ всѣ мысли, Пра-добро, къ которому стремится всякое добро, творческую мудрость, послушные помощники которой——мы, когда вѣруемъ, что выполняемъ Чудо чудесъ, Совершенство совершенствъ, Твореніе твореній... ахъ, и больше всего потерять Отца, что любитъ, любитъ нелюбимыхъ, Отца, къ которому осиротѣвшія сердца, сердца безъ надежды, сердца моряковъ и сердца инвалидовъ, сердца борцовъ и сердца нищихъ, могутъ взывать съ земли: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!

Но, когда я размышляю объ этой поэмѣ, то во мнѣ вспыхиваетъ одна мысль, не вполнѣ еще ясная, и которую я, быть можетъ, уясню себѣ, если попытаюсь выяснить ее тебѣ.

Я думаю, кто знаетъ, можетъ быть, дрожь ужаса охватившаго тѣло синайскаго пророка, когда онъ усумнился въ истинности существованія Іеговы, вырвалась изъ глубины его души, какъ муравьи изъ муравейника, именно въ тотъ моментъ, когда душа его была придавлена чѣмъ-то постороннимъ. Кто знаетъ, не пролеталъ ли въ ту минуту, черезъ то великое сердце духъ зла, разрывая всѣ нити добра?.. Кто знаетъ, не есть ли утрата вѣры, утратой нитей добра?.. Вылетѣлъ камень со дна подземнаго вулкана и сжегъ нить... зло вошло въ сердце, и покинуло его чувство Бога...

Чистыя сердца чувствуютъ Бога въ себѣ и не могутъ сомнѣваться.

Я знаю, что обо всемъ этомъ, мой другъ, ты мнѣ ничего не скажешь или будешь говорить съ

улыбкой, я знаю, что твое молчаніе и твоя улыбка будутъ мнѣ одинаково горьки; но я все-таки говорю, ибо накипѣло все это во мнѣ и возникло — подъ твоей рукой.

Ты научилъ меня, чтобы я говорила пролетающимъ птицамъ: „куда вы летите, чайки?“

О, да! куда мы летимъ?

Разъ въ странѣ древнихъ саксовъ засіялъ въ воздухѣ серебрянный крестъ, и раздались звуки набожныхъ молитвъ, а великій Нортумберландскій епископъ собралъ передъ королемъ все дворянство, дабы они высказали свое мнѣніе о новой вѣрѣ. Тогда всталъ одинъ изъ вождей и сказалъ: „Вспомни, король, что бываетъ иногда въ зимніе дни, когда ты вмѣстѣ со своими танами и графами сидишь за столомъ. Въ залѣ пылаетъ въ каминѣ огонь, тепло, ясно, а на дворѣ снѣгъ и вихрь. Тогда маленькій воробей съ быстротой стрѣлы пролетаетъ черезъ залу. Въ однѣ двери онъ влетѣлъ, въ другія вылетѣлъ, исчезъ въ одно мгновеніе. Изъ зимы онъ прибылъ и къ зимѣ вернется. Такъ и человѣкъ пролетаетъ свою жизнь среди двухъ мраковъ. Изъ мрака прибываетъ, въ мракъ возвращается...

Мы, маленькіе воробьи, откуда и куда мы летимъ? Если изъ глубины одного мрака насъ никто, ни за чѣмъ не посылаетъ, а въ глубинахъ другого никто насъ измученныхъ не одѣваетъ новыми крыльями — то зачѣмъ мы летимъ. Ужасна и проклята сила того хаоса, что бросаетъ нами, какъ дѣти мячикомъ.

Прежде всего, зачѣмъ стремиться къ звѣздамъ? Да здравствуетъ радость! Пусть бѣлыя чайки слетаютъ съ высотъ и опускаются на розы и бархатъ жизни, хотя бы за собой они оставляли на пути

жалобы и стоны! . . . . . .
. . . . . .

Ты видишь, какія мысли наполняютъ меня и не хотятъ улетѣть, несмотря на тотъ удивительный моментъ на берегахъ Никара: наоборотъ, онѣ становятся все болѣе и болѣе навязчивыми, а моя воля по отношенію къ нимъ слабѣетъ все больше . . .
. . . . . .

Сейчасъ же, утромъ рано, карандашемъ труда исчерчу въ клѣтку свой день тѣсно, тѣсно, чтобы не думать обо всемъ этомъ . . . . . .
. . . . . .

Если можешь, пришли мнѣ свой трудъ, видъ котораго вернулъ тебѣ спокойствіе. Читая его, я буду останавливаться на твоей мысли, и онъ останется мнѣ, въ темные сумерки, когда ты самъ исчезнешь

XXIV.

Мюррену.

Пошатнулись мы оба на нашихъ устояхъ, но я не тревожусь за тебя. Твоя душа такъ горитъ въ мистическихъ восторгахъ и экстатическихъ вдохновеніяхъ разныхъ народовъ и эпохъ, что ее не смогутъ привлечь никакіе бархаты, а особенно тѣ, на которые падаетъ мрачная тѣнь моего духа. Вѣдь отъ швейцарскихъ ледниковъ повѣяло на тебя дыханіемъ скептицизма, такимъ роковымъ, что ты намѣреваешься отградиться отъ него клѣтками труда. Ты справедливо поступаешь, отгоняя, какъ можно, скорѣе докучливыхъ мухъ. Дни должны быть регулярно распредѣлены, и нужно вести долгіе разговоры съ учеными техниками о лѣсномъ хозяйствѣ. Нужно также

обратить свой слухъ для послѣдней исповѣди умирающихъ будниковъ и — да здравствуетъ Красовецкая школа. Пусть помѣщица Красовецъ и дальше творитъ волшебство доброты въ своемъ царствѣ. Несмотря на слабыя колебанія въ области мысли, она такъ сильна въ области распредѣленія дней, что на ея бѣлой одеждѣ не остается пятна — послѣ смертнаго грѣха мечты. Позволь, однако, мнѣ остановиться и задать тебѣ нѣсколько вопросовъ.

Почему вашъ альтруизмъ, такой возвышенный и часто расточительный, умѣетъ, однако, быть проницательнымъ и такимъ разсчетливымъ? Развѣ на твоихъ небесахъ даже милосердіе ангеловъ должно имѣть границы? Развѣ чистые духи никогда не спускаются изъ сожалѣнія въ бездну?.. Я жалѣю, что я не исповѣдую такихъ благодѣтельныхъ принциповъ. Былъ моментъ, когда я самъ мечталъ о нихъ, когда и меня охватило дыханіе сомнѣнія, прилетѣвшее съ сѣверныхъ сторонъ. Это сомнѣніе охватило меня настолько сильно, что я ослабѣлъ отъ злой тоски. Теперь, когда я окрѣпъ отъ принятаго мною сильнаго лѣкарства, мнѣ даже съ трудомъ вѣрится, что я могъ такъ колебаться. Я, очевидно, былъ ужъ очень, очень боленъ.

Нѣтъ, мнѣ незачѣмъ было бояться. Стѣны, построенныя мною, сильнѣе твоихъ рѣшетокъ и стоятъ непоколебимо. Онѣ скрѣплены такъ сильно, какъ только могутъ скрѣплять разумъ и разумная необходимость. Я не пошелъ по ложной дорогѣ, я иду прямой дорогой и опираюсь о сталь правды. Мнѣ сказалъ объ этомъ мой трудъ.

Онъ былъ для меня лѣкарствомъ. Я вѣрю, что, благодаря ему, выздоровѣетъ не только моя мысль, но и то, что ты называешь пружиной жизни и ра-

ной груди. Я долженъ выпрямиться и выздоровѣть. Я долженъ выздоровѣть безъ перевязи изъ вьюнка, безъ капли меда въ напиткѣ жизни...

Ты хочешь, чтобы я прислалъ тебѣ мою книгу. Нѣкогда, еще очень недавно, я многаго ожидалъ отъ нея — и иного. Теперь, я посылаю ее тебѣ, какъ единственную частицу моего я, которую ты позволяешь предложить тебѣ. Я былъ готовъ принести тебѣ въ дань вещи болѣе близкія сердцу — но ты пренебрежительно вернула ихъ мнѣ, и была права, ибо онѣ даже приблизительно не могли быть настолько цѣнны, какъ научный трудъ — хотя бы въ нихъ было само сердце.

Но это все уже позади меня. Я уже оправился и спокоенъ. Вотъ желаемая книга.

Пусть мой трудъ введетъ тебя въ область великой природы и въ сущность всякаго бытія. Можетъ быть, цѣпь мнѣній, охваченная въ единую систему, пригодится тебѣ лучше, чѣмъ мои отрывочныя слова, онѣ могли быть искрами, привлекавшими лучи и пламя, а не были ничѣмъ.

Ты не найдешь тамъ, правда, новыхъ истинъ. Новость и заслуга заключаются только въ научной и строгой формулировкѣ того, о чемъ знаетъ умъ каждаго. И твой будникъ понимаетъ, что все, что земля даетъ ему, зависитъ отъ хода солнца на небѣ, и каждый смертный понимаетъ, что ходъ нашей исторіи не зависитъ ни отъ добродѣтелей, ни отъ злобы архонтовъ, но скорѣе отъ того угла, подъ какимъ земля склоняется къ солнцу. Не привлекутъ тебя ни фокусы краснорѣчія, никакія другія красоты, часто очень милыя, но всегда неточныя, въ какія такъ охотно одѣвается человѣческій языкъ. Но углубить и продумать до конца ту зависимость,

что соединяетъ между собой частицы міровъ, доискаться тѣхъ элементовъ, что для пестроты калейдоскопическихъ проявленій бытія являются несомнѣннымъ и вѣчнымъ основаніемъ, дать точныя выраженія для этихъ истинъ, вскрыть трансцеденталь-ную связь вѣчныхъ мыслей во времени и пространствѣ и покорить смутныя чувства нашихъ инстинктовъ знаніемъ и мѣрой—вотъ что было моей идеей и моей задачей.

The is no poetical way to the metaphysics. Я желалъ корень бытія скрѣпить сѣтью метафизическихъ разсчетовъ. Я желалъ, чтобы каждое невѣріе могло проникнуться моей правдой. Я желалъ, чтобы она росла простая и великая. Я шелъ медленно, терпѣливо и упорно, шагъ за шагомъ отъ кучки крохъ, являющихся нашимъ сознаніемъ, отъ анализа внѣшнихъ явленій, которыя я знаю, какъ сплетеніе формъ и красокъ, голосовъ и молчанія, отъ тѣсной анатоміи собственнаго чувства и воли къ чувству человѣчества, къ волѣ міровъ, къ безконечности измѣреній. Легіоны ремесленниковъ науки разсматривали то же самое, еще нетерпѣливѣе и болѣе исчерпывающе, хотя каждый изъ нихъ разсматривалъ особое явленіе: миражъ чувствъ, мысль свободной воли, проблемы случая и предназначенія, генезисъ этики, расцвѣтъ и паденіе цивилизаціи, ихъ побѣды и пораженія, судьбы земли и звѣздъ. Рядъ вопросовъ гипотезъ, борьбы, завоеваній мысли и ея возмущеній. Но кто когда-либо охватилъ міръ единымъ штрихомъ познанія?!.

Я первый попытался сдѣлать это. Я первый, создавая для мысли шагъ за шагомъ сильный и прочный фундаментъ, сдѣлалъ громадную брешь въ таинственной занавѣси, сквозь которую міръ можетъ

броситься въ безконечность. Человѣкъ обманывается, полагая, что это онъ самъ создаетъ въ себѣ судьбы духа, что жажда науки и желаніе счастія борются только въ немъ, что онъ самъ готовитъ себѣ будущее, еще не родившееся въ лонѣ временъ.

Имъ управляютъ тѣ же законы, что гонятъ въ эѳирѣ вихри атомовъ. Я нашелъ единый символъ мѣрила для слабыхъ человѣческихъ муравейниковъ и для кометъ, чьи пылающія души мечутся по небу, одинъ и тотъ же символъ для хаотическаго огня, откуда должны кристаллизироваться новые міры, и для того праха созданій, что осѣдаетъ на остывающихъ планетахъ. Отыскавъ тѣ страницы, гдѣ я говорю о прогрессѣ человѣчества, ты, можетъ быть, испытаешь чувство разочарованія при видѣ текста, полнаго цифровыхъ формулъ и химическихъ знаковъ. Анализъ историческихъ элементовъ не показалъ мнѣ ничего иного, какъ постоянно растущее стремленіе каждаго строя къ совершенствованію своего химическаго состава, возможно большему возсозданію тканей. Трактующія объ этомъ главы носятъ заглавіе: „Борьба протеиновъ за кислородъ“. Отъ мелкихъ вопросовъ человѣчества я перехожу къ болѣе великимъ кругамъ, опредѣляю связь и пути міровъ. Съ тѣхъ поръ моимъ орудіемъ и моими крыльями становится трудный счетъ величинами, изъ которыхъ самая меньшая уже безконечность. Время превратилось въ моихъ рукахъ въ новое измѣреніе пространствъ. Я наткнулся на новые міры, взаимно обусловливающіе событіе, на цѣлыя цѣпи новыхъ міровъ, а страшная безконечность космическихъ движеній превратилась для меня въ летучій блескъ вѣчности не отъ міра сего.

Можетъ быть, и мы, сотканные изъ монадъ, втянуты въ какую-то волнистость движенія, и, исчерпавъ все содержаніе жизни, свое послѣдующее бытіе должны будемъ пройти путемъ обратнаго разложенія на самостоятельныя монады? Можетъ быть, въ нашемъ настоящемъ мірѣ проявляется несчастный Люциферъ, раздробленный въ людскую пыль и только въ будущемъ способный снова къ возрожденію? А тогда наши существа, теперь обособленныя и толкаемыя другъ къ другу магнитомъ любви или отталкиваемыя отвращеніемъ и гнѣвомъ, должны будутъ слиться вмѣстѣ ради единства новаго, болѣе совершеннаго созданія, ради зачарованнаго въ человѣческихъ душахъ ангела, стоящаго настолько выше насъ, насколько мы сами выше уносимой вѣтромъ монады.

А Богъ?

Я добрался бы даже до него, до великаго Неизвѣстнаго, перваго и послѣдняго. Но, чтобы добраться до него и соединиться съ нимъ, нужно постичь и пройти всѣ степени существованія, а количество ихъ — это безконечность, множимая на безконечность, — за этотъ творческій вопросъ пробиться уже невозможно. Въ немъ заключается центръ всѣхъ эманацій бытія, послѣдняя конкомитенція и эвтропія міровъ, креаторическое „x“, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна теорема дѣйствительнаго знанія. . . . . .

. . . . . .

Хотя бы ты и не могла понять нѣкоторыхъ слишкомъ трудныхъ выводовъ, все-таки настоящая книга познакомитъ тебя въ краткомъ очеркѣ съ содержаніемъ и системой моей философіи. Тамъ показаны всѣ линіи и всѣ двигатели построекъ, представляю-

щихъ для меня крѣпость духа. Можетъ быть, глядя на замкнутую въ себѣ и безопасную постройку, ты признаешь, что сфинксы строятъ свой пантеонъ изъ твердаго гранита и хотятъ дать ему куполъ изъ стали. Можетъ быть, въ моихъ разсчетахъ ты прочтешь, какъ могуче величіе всебытія, изъ котораго вытекаетъ всякое движеніе, импонирующее намъ, какъ то: энергія и матерія, обмѣнъ силъ, игра свѣта, звуковъ, времени и разстояній, ты увидишь, что такое движеніе выше всякаго человѣческаго величія и ничтожества, тлѣнности и безконечности, вѣчности и кратковременности, ибо время и пространство это лишь двѣ тѣни его могучихъ крыльевъ. И, можетъ быть, ты прочувствуешь, каковъ тотъ міръ или то движеніе, не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ формъ, красокъ, голоса, и, однако, такое могучее, такое всеобщее, такое вѣчное, что что бы съ тобой ни творилось, что бы ты ни думала, ни чувствовала, чего бы ни желала, ты чувствуешь, думаешь и желаешь только, какъ пассивное отраженіе его сталкивающихся другъ о друга проявленій.

Наконецъ, я предполагаю, что въ иные часы досуга тебя сумѣетъ занять это чтеніе, ожидаю отъ него и для себя нѣкоторой прибыли. Я полагаю, что безъ отношенія къ согласію или оппозиціи, ты все-таки признаешь, что такихъ вещей нельзя писать каждый день, и что каковы бы ни были плоды моего труда, я не прожилъ въ пустую молодыхъ лѣтъ своей жизни. Ты будешь имѣть въ рукахъ мѣрило моего характера, болѣе достойное вѣры чѣмъ всякія изліянія, будешь имѣть въ рукахъ достаточный матеріалъ, чтобы обосновать свое мнѣніе обо мнѣ.

По существу вещей ничто, совершенно ничто не должно вліять на твое суждeніе обо мнѣ, коль скоро ты выразила желаніе, чтобы нашъ разговоръ быстро прекратился, а пути жизни навсегда остались различными. Но для меня отъ твоего мнѣнія зависитъ многое. Ничего не значитъ, что человѣкъ думаетъ трезво и ясно, видитъ первоначало и неумолимый ходъ всего, что вмѣщается въ его сознаніи. Это не гаситъ и не изсушаетъ вѣчно бьющій въ глубинѣ огнемъ и слезами источникъ волненій.

XXV

Красовцы.

Читая твой трудъ, я испытала такое чувство, какъ будто бы меня несла по безбрежному морю ладья съ парусами, натянутыми по вѣтру, переходя съ хребта на хребетъ пѣнившихся волнъ, мчавшихся къ невидимымъ берегамъ, гдѣ внизу и вверху разверзаются бездны. Когда я закрыла книгу и устремила глаза на напечатанныя на обложкѣ буквы твоего имени, мнѣ казалось, что я ослѣпла и уже никогда не смогу смотрѣть на міръ иначе, какъ только твоими глазами. Меня ослѣпилъ невыразимый размахъ развернутой тобой картины и пылающій жаръ твоего слова. Меня, лишенную зрѣнія, увлекли съ маленькой земли крылья твоего генія, вставивъ въ свои орбиты твои зрачки, они понесли меня по безконечности міровъ и измѣреній, къ той послѣдней ихъ „конкомитенціи“, къ тому центру „всѣхъ эманацій бытія“, что ты зовешь креаторическимъ „х“, а на языкѣ моихъ предковъ носитъ имя Бога. Тутъ я отступила въ глубь своей души, я старалась проникнуть въ нее напряженіемъ всѣхъ силъ своего существа...

Но сегодня я должна говорить съ тобой спокойно. Спокойствіе — это красота, говорили древніе греки. Спокойствіе есть необходимость для тѣхъ, кто идетъ по краю бездны. Я должна сегодня говорить съ тобой спокойно и — долго.

Прежде всего я должна сказать тебѣ, что для пониманія твоего труда я была хорошо подготовлена. Я дитя того народа и той его общественной сферы, по которой многочисленныя поколѣнія прошли съ плугомъ умственной культуры, слѣдовательно, почти съ младенчества традиціи, обычаи, потребности заставляли меня учиться и думать. Мой умъ, по природѣ любознательный и дѣятельный, не только охотно подчинялся такимъ традиціямъ, но еще во многомъ превосходилъ ихъ, а одиночество, на которое обрекли мою молодость общественныя событія, семейныя несчастія и моя личная воля сдѣлали для меня болѣе, чѣмъ для другихъ, драгоцѣннымъ и привлекательнымъ источникъ науки.

Устранившись по причинѣ чувствъ и принциповъ личнаго свойства отъ веселаго и блестящаго общества, во всѣхъ отношеніяхъ открытаго предо мною настежь, я замкнулась не только въ довольно широкомъ кругу занятій и дѣятельности, но и въ многочисленномъ обществѣ великихъ душъ, призываемыхъ мною для разговора въ сонные дни осенняго ненастья, въ жгучіе моменты великой печали, въ долгія ночи воспоминаній, сомнѣній, размышленій. Не одни только поэты составляли мое общество, но и тѣ, что съ микроскопомъ въ рукахъ изслѣдуютъ вѣчную работу природы въ ея различныхъ путяхъ, и, главнымъ образомъ, тѣ, что быстрымъ разумомъ разлагаютъ на элементы судьбы народовъ, дабы потомъ составить изъ нихъ координацію историческихъ и

философскихъ взглядовъ. Хотя ты и придаешь небольшое значеніе изслѣдованіямъ надъ той крупинкой, какую, беря физически, представляетъ человѣчество по сравненію со вселенной, но ты долженъ признать, что эти изслѣдованія, упражняя и наполняя умъ яркимъ свѣтомъ, дѣлаютъ его способнымъ къ пониманію и усвоенію мыслей и свѣдѣній, ранѣе ему совершенно неизвѣстныхъ. Совершенно неизвѣстными мнѣ не были тѣ горизонты, что ты развиваешь въ своемъ трудѣ, но только я не видѣла никогда, чтобы они развивались съ такой широкой выдержкой мысли, съ такой, какъ бы стихійной, смѣлостью и силой слова. Сама я никогда не останавливала своего взгляда на тѣхъ безграничныхъ горизонтахъ съ такимъ, какъ теперь, напряженіемъ вниманія, съ такой силой умственной жажды достигнуть вмѣстѣ съ тобою послѣднихъ границъ человѣческаго познанія. Теперь ты видишь, что, хотя я до сихъ поръ опиралась крыльями своего духа на противоположное полушаріе абстрактнаго міра, однако, то полушаріе, на которомъ царитъ твой духъ силою знанія, логики и воображенія, не совсѣмъ уже недоступно моему пониманію. Съ виномъ науки я уже давно освоилась, но только вино, поданное мнѣ тобой, имѣетъ ароматъ и крѣпость, ранѣе мнѣ неизвѣстные.

И наконецъ, дѣло въ томъ, что для пониманія твоихъ мыслей, для посѣва ихъ критики и отрицанія у меня была уже подготовленная почва. Тебѣ такія слова покажутся странными, весьма противорѣчащими всѣмъ составнымъ частямъ моего существа, всему тому, чѣмъ и для чего до сихъ поръ, жила я, а, однако, это вѣрно. Если бы человѣческій духъ былъ полотномъ, сотканнымъ на однихъ только

кроснахъ, въ комнатѣ тщательно замкнутой отъ теченій вольнаго воздуха, что скрещиваются и рвутъ нити клубковъ! Правда, бываютъ иногда такіе: la foi du bûcheron, но то нить изъ грубой кудели, она набираетъ основу только на одномъ ретенѣ, среди темныхъ и тѣсныхъ стѣнъ. Раньше, когда неисчислимыя страданія и горе міра окружали мое сердце острыми ножами, я горько думала: о! зачѣмъ я не родилась въ хатѣ угольщика! Я родилась въ домѣ, многочисленныя окна котораго были широко раскрыты на всѣ виды и для всѣхъ вѣяній міра, а отъ того, что я видѣла изъ нихъ и на что смотрю еще до сихъ поръ, отъ того даже твои глаза, такъ безгранично смѣло окидывающіе горизонты вселенной, отвернулись бы, опустивъ вѣки на ослабѣвшіе зрачки. Мой взглядъ, и по природѣ не тупой, обострилъ умственный свѣтъ, а еще больше чувство, ибо въ сферѣ наблюденія наилучшимъ точильщикомъ лучей взгляда есть чувство. Не могли остаться для меня тайной кривизны и уродства міра, не могли скрыться отъ меня окровавленныя и залитыя слезами перипетіи и паѳосы его трагедіи. Замкнутый въ святынѣ великой науки и защищаемый ея гордыми стѣнами отъ нашествія жестокихъ клеветъ, измѣнчивыхъ волнъ и преходящихъ тѣней ты не слѣдилъ за трагедіей міра испуганнымъ взглядомъ, не обливалъ ее жалостью и гнѣвомъ, не окружалъ удивленною мыслью. Въ этомъ отношеніи мое знаніе превосходитъ твое, и я скажу тебѣ, что все это громадный клубокъ загадокъ, безпокоящихъ каждаго, кто не родился въ хатѣ угольщика, безпокоящихъ часто до муки, иногда до болѣзни духа и тѣла. Зачѣмъ? За что? Почему? Значитъ, что? Значитъ... если.... Жалобы и вопросы такіе старые, какъ пе-

щера Ніобеи, но никогда не умолкающія на губахъ человѣчества, жалобы, охватывающія всѣхъ просвѣщенныхъ и горячихъ духовъ и никогда не уходящія безслѣдно. Если даже подавленные какой-либо благой вѣрой, или какимъ-нибудь воцарившимся чувствомъ они и уйдутъ во мракъ забвенія, то все-таки послѣ нихъ остается рана, при каждомъ прикосновеніи она снова оживаетъ и снова говоритъ, или кричитъ ихъ голосомъ, ихъ страданіемъ, ихъ насиліемъ...

Если ты припомнишь все, что я часто говорила тебѣ о своихъ взглядахъ и вѣрованіяхъ, то ты убѣдишься, что я никогда не отдавала великаго космоса къ услугамъ маленькой земли и никогда не помѣщала на тронѣ вселенной и всесозданія слабаго человѣческаго существа, вся цѣнность и задачи котораго, какъ полагала я, заключаются въ стремленіи, и то съ большимъ напряженіемъ силъ, къ высшимъ ступенямъ неизмѣримой лѣстницы Іакова. Передъ моими глазами такъ же, какъ и передъ твоими, въ безграничномъ пространствѣ развертывалась непонятная цѣпь бытія, а въ этой цѣпи нашъ міръ вмѣстѣ съ нами самими составляетъ лишь одинъ изъ слоговъ великаго труда и одну изъ линій великаго плана...

Тутъ раздался трескъ, отъ котораго на хрусталѣ моей мысли обрисовалась черта. Твое креаторическое „х“, скрытое за цѣпями міровъ и ничѣмъ не дающее о себѣ знать, отдаленная, нѣмая, холодная и глухая абстракція, коснуться которой дрожащимъ краемъ можетъ только единая мысль, дабы сейчасъ же снова потерять съ ней всякую связь, и всей половинѣ нашего бытія, какой является чувство, не дать изъ нея ни капли пищи.... это треснувшая

подъ ногами почва и разверзшаяся бездна... Если бы можно было! Но невозможно. Она влечетъ къ себѣ и притягиваетъ, какъ змѣя притягиваетъ птицу, загипнотизированную фосфорическимъ блескомъ ея глазъ.

Удивительное дѣло! Уже вѣдь не впервые встрѣчаюсь я съ отрицаніемъ того, что было панцыремъ для моей груди, утесомъ для ногъ, спасительной ладьей среди гибельныхъ водоворотовъ жизни. Вѣдь наше время до самыхъ основъ пропитано сомнѣніемъ и отрицаніемъ, а я, дитя его, не пустынница и не монахиня, и слышу шумъ и говоръ всѣхъ его теченій. Многіе изъ нихъ прошли близко около меня, захватывали и не захватили, а если и коснулись, то слегка и ненадолго. Почему твоя мысль и твои слова доказали мнѣ то, чего не могли доказать никакія другія? Снова загадка, можетъ быть, родственная той, что проявляется въ нѣкоторыхъ исключительныхъ организаціяхъ, оказывающихъ на другія организаціи, часто даже на значительномъ разстояніи, могучее и таинственное вліяніе? Можетъ быть, могущество твоихъ словъ заключается въ ихъ красотѣ, о которой ты, конечно, не заботишься, а можетъ быть, и не знаешь, но она безсознательно для самого тебя, работой кисти, тона и рѣзца, гипнотизируетъ прислушивающуюся къ нему душу. Безсознательно для самого себя, надъ тѣсными выводами разума и науки, изъ глубины твоего существа раздаются соловьиные аккорды и развѣваются широкія крылья орла фантазіи.

И вотъ, въ этомъ, несмотря на множество расхожденій, заключается сходство нашихъ натуръ и причина, почему наши голоса послѣ случайной встрѣчи слились въ дуэтъ, сквозь скрежетъ и молніи взлетающій ad astra.

Какъ ты чудно мечтаешь, предполагая, что „можетъ быть, въ нашемъ земномъ мірѣ проявляется несчастный Люциферъ, раздробленный въ людскую пыль, и только въ будущемъ міровъ способный къ возрожденію“. Я часто грезила, что наша земля это жилище великана Зла, а задачей человѣчества есть долгая и кровавая борьба съ нимъ, а въ заключеніе ея надъ побѣжденнымъ врагомъ божьяго созданія возрожденное человѣчество станетъ великаномъ Добра!

Но, если, какъ говоришь ты, въ отдаленнѣйшей глубинѣ безграничныхъ пространствъ вселенной, закрытое отъ насъ непреодолимой тканью изъ солнцъ и звѣздъ, существуетъ только какое-то неизвѣстное „х“, чуждое и угрюмое въ своемъ абсолютномъ одиночествѣ, жестокое къ ненарушимости разъ навсегда данныхъ велѣній и законовъ, не требующее ничего отъ своихъ твореній и никакой нитью взаимодѣйствія и любви съ ними не связанное, а изъ ихъ рожденія и смерти, мукъ и наслажденій, исканій и заблужденій изъ всѣхъ духовъ и всякаго бытія создающее удивительный teatrum, зрителемъ и авторомъ котораго является оно одно, то какія же возрожденія и какіе великаны? Какое зло и какое добро? Ты правъ. Это логично. Когда нѣтъ высшей воли, то нѣтъ и противорѣчія и служенія ей, когда нѣтъ задачи и цѣли, то нѣтъ и вины и заслуги, ни величія, ни умаленія, ни совершенства, ни паденія, никакого возрожденія... ничего!.. ничего, кромѣ приготовленія болѣе или менѣе изысканной пищи для болѣе или менѣе красиво созданныхъ праховъ. Да такъ; но что я сдѣлаю теперь со страданіемъ, не только своимъ, но и тѣмъ, что кипитъ вокругъ меня? Зачѣмъ оно? Что мнѣ за дѣло до него?

Блуждающій вихрь метаморфозы! Все въ измѣнившемся свѣтѣ измѣняетъ свой видъ и природу. Слышенъ стукъ молотовъ, разсѣкающихъ горы, чтобы онѣ сравнялись съ низинами. Въ раковинахъ сердецъ со стономъ разрывается жемчугъ. Идеалы ложатся въ гробъ. По гробамъ шумитъ дождь слезъ... То плачутъ времена, тѣ, что прошли, надъ тѣми, что пройдутъ...

Я должна умолкнуть на минуту, остановиться, подумать. Вѣдь нужно говорить спокойно . . .

. . . . . .

Я не намѣрена ни разбирать твой могучій трудъ, ни полемизировать, ни спорить катехизисами. Развѣ я могу? Я не умѣю и не хочу. Я только открываю предъ тобой безумный круговоротъ моихъ мыслей и тайну неровныхъ волнующихъ ударовъ сердца. Я говорю тебѣ такъ, какъ бы говорила я брату — ахъ, тому, что сгорѣлъ на кострѣ, вознесенномъ, можетъ быть, по ошибкѣ? Пойми, пойми, сколько смертельнаго ужаса скрывается въ этой одной единственной мысли, что его цвѣтущую жизнь поглотилъ, можетъ быть, — миражъ? Будь добръ, слушай терпѣливо...

Мой большой домъ, населенный тишиной сиротства, не есть выбитая въ скалѣ Ѳиваиды келья пустынника. Я вижу людей и не однихъ только будниковъ. Связи родства и сочувствія соединяютъ меня съ людьми и вызываютъ довольно частыя встрѣчи. Но ты знаешь, что одиночество не есть признакъ безлюдія и что только тамъ его нѣтъ, гдѣ есть дружба мысли и довѣріе сердецъ. А если бы ты спросилъ меня, знаю ли я не одинокія души, я бы отвѣтила тебѣ: сомнѣваюсь, развѣ тѣ, что въ своемъ развитіи не пережили еще степени зачатія. Другія,

болѣе созрѣвшія и цвѣтущія, въ цѣпяхъ недовѣрія и равнодушія отступаютъ другъ передъ другомъ, замораживаемыя малѣйшей каплей холода, поражаемыя малѣйшей царапиной, и, когда губы говорятъ, онѣ молчатъ, иронически улыбаясь надъ работой губъ, пустой для головы и ничтожной для сердца. А вѣдь никогда не умолкаетъ тоска о той сильной связи, которая могла бы слить воедино родственныя души. Можетъ, эти души первые проблески той эры нашего міра, когда, какъ предполагаешь ты: „единицы, теперь обособленныя, привлекаемыя другъ къ другу магнитомъ любви, или отталкиваемыя ненавистью, сольются въ одну душу разсѣяннаго на отдѣльныя искры ангела; эта душа будетъ настолько выше нашихъ душъ, насколько мы сами выше уносимой вѣтромъ монады". Какъ бы тамъ ни было, тѣ изъ насъ, которыхъ расцвѣтшія мысли и чувства уже теперь дѣлаютъ подобнымъ ангельскимъ искрамъ, разсѣяннымъ среди монадъ, должны быть добычей одиночества, того одиночества, что не составляетъ признака безлюдья.

Что касается меня, то я не знаю тѣхъ сѣрыхъ часовъ въ сумерки, когда у оконъ, освѣщенныхъ пурпуромъ заката, ведутся долгіе задумчивые разговоры; общихъ взглядовъ къ восходящимъ на ночное небо звѣздамъ; общаго прислушиванія къ шелесту, съ какимъ осень разноситъ увядающіе листья по тѣнистымъ тропинкамъ; сближенія головъ, склоненныхъ надъ сокровищницей знанія, соединенія рукъ въ страданіи или тревогѣ. Если чья-либо голова и склоняется вмѣстѣ съ моей внизъ, то только надъ разлитыми по родной землѣ черными водами несчастія; если мои руки и дѣлятся чѣмъ-либо съ другими, то только отвердѣвшей облаткой печали.

Міръ великъ и широкъ, но нѣтъ на немъ никого, кто бы хотѣлъ хоть на одну минуту погрузить свой взглядъ въ воды моего несчастья, или принести и подѣлиться со мной розовой облаткой радости. Нѣтъ никого, чью бы сердечную заботу я могла, или вѣрнѣй, хотѣла, погибая, позвать на помощь. И удивительно, что я говорю такъ съ тобой, а теперь уже и не могу перестать говорить...

Я чувствую потребность спрашивать. Если бы длинной вереницей стали предо мной вѣка, прожитые нашимъ міромъ, я шла бы отъ одного къ другому, умоляя, чтобы каждый изъ нихъ показалъ мнѣ ту крупинку правды, что тяжелымъ трудомъ отвоевалъ онъ у земли и неба. Если бы явился на нашемъ земномъ шарѣ учитель, стоящій выше людской нищеты и убожества, черезъ рѣки и горы я бы шла къ нему, какъ евангельская Марія, дабы своими волосами покрыть предъ нимъ землю и спрашивать — спрашивать...

Я поняла то, что ты говоришь о монадахъ и о кометахъ, что „рабски идутъ по пути, начертанномъ высшими законами“, и что эти законы рѣшаютъ судьбу „хаотическаго огня, откуда должны кристаллизироваться новые міры“. Я поняла, но еще не совсѣмъ понимаю. Жизнь возстаетъ противъ теоріи, и я должна примирить ихъ.

Былъ въ моей жизни моментъ, когда меня опутали цѣпи, свитыя изъ чарующихъ цвѣтовъ, а все то чувство любви къ самому себѣ, что живетъ въ человѣкѣ, наполняя мое сердце источникомъ упоеній, взывало о счастіи. Но я поднялась, выпрямилась и осталась одна, освѣщаемая золотистыми лучами звѣздъ; ихъ свѣта я не хотѣла промѣнять на упои-

тельный ароматъ и бархатный пурпуръ чарующихъ цвѣтовъ. Не хотѣла? Я полагала тогда, что не хотѣла, и что моя Психея разорвала цѣпи, создавая между идеаломъ и счастіемъ добровольный выборъ.

Да чего только я вообще тогда не думала! Я думала и то, что, ведя гордый бой съ великаномъ зла, поселившимся на землѣ, я на атомъ времени приближаю тотъ моментъ, когда человѣчество станетъ великаномъ добра; я думала, что этотъ актъ доброй воли былъ моей вѣрной службой идеаламъ... А потомъ... Когда прошло первое потрясеніе, наступившее послѣ паденія съ груди цвѣточныхъ цѣпей, я почувствовала, что я не потеряла счастія, но лишь замѣнила его другимъ...

Присматривался ли ты когда къ черному жемчугу? Онъ выглядитъ такъ, какъ будто бы наполняющій его радужный блескъ сверкаетъ сквозь черный крепъ, онъ страшно рѣдкій и имѣетъ сказочную цѣну. И вотъ въ жизни бываетъ счастіе, подобное черному жемчугу, свою глубокую радугу погружающее въ тѣнь, и я тогда держала въ рукахъ такой жемчугъ, а присматриваясь къ его блеску не отъ міра сего, я думала, что купила его за неизмѣримую цѣну акта воли, разбившаго цѣпи и разорвавшаго сердце. Станешь ли ты удивляться тому, что теперь я разсматриваю свой поступокъ съ большимъ интересомъ, какъ новую, какъ не свою вещь! Дѣйствительно онъ не былъ моимъ. Онъ былъ необходимостью, уклониться отъ которой я не могла. Достаточно было одного только утвердительнаго знака...

На этотъ поступокъ, независимо отъ моей воли, вліяло мужество моего дѣда и самоотверженіе моего отца, доведшаго до конца ту жертву всесожженія,

которую только намѣревался принести Авраамъ на горѣ Морія. Но и они были обмануты миражемъ, мечтой, сномъ... Они и я говорили: состраданіе, обязанность, справедливость, добродѣтель, но то было не что иное, какъ только работающій въ насъ инстинктъ самосохраненія, вида или, выражаясь точнѣе, части вида, племени.

Я поняла. Твоя мысль охватила мое существо и не хочетъ покинуть его; даже больше: я сама съ непонятнымъ упорствомъ всматриваюсь въ глубины твоего слова, въ сѣть твоихъ выводовъ... Будешь ли ты удивляться тому, что надъ твоими глубинами я стою безпомощная, остолбенѣвшая, не знающая, что дѣлать, сбитая съ пути? Я признаюсь тебѣ въ этомъ безъ всякой тревоги за себя. Для автора книги — это торжество, а для человѣка — ничто. Что же можетъ интересовать тебя, вращающаго громады небесныхъ тѣлъ и множащаго безконечность на безконечность, одна далекая звѣздочка, падающая съ высокихъ небесъ во мракъ ночи?

Но я должна признаться тебѣ еще въ одномъ: несмотря на все, я не могу избавиться отъ мысли или предположенія, что если бы я снова могла найти въ себѣ ту энергію, что совершаетъ трудные подвиги, то опять бы почувствовала въ себѣ свою Психею съ рыцарскимъ копьемъ въ рукѣ. Страшно трудно освободиться отъ того, на чемъ мы долго основывали фундаментъ нашей жизни. Мнѣ приходитъ въ голову еще и такая мысль: кто знаетъ, можетъ быть, упадокъ вѣры въ свободную волю идетъ равномѣрно съ паденіемъ способностей къ труднымъ подвигамъ? Можетъ быть, и я теперь силѣ твоего слова подчиняю свою вѣру въ существованіе свободной воли лишь потому, что не могу найти въ

себѣ такого прежняго напряженія воли, результатомъ чего была бы ея эманація — подвигъ? На эти вопросы я не прошу отвѣта, ибо ясное дѣло. что ты признаешь ихъ пустыми, ниже своего разума и созданныхъ имъ выводовъ. Наконецъ, пока я остаюсь въ оковахъ и не нахожу силъ, чтобы ихъ разбить, даже твои слова, не смогли бы снова укрѣпить меня въ моей поколебленной вѣрѣ.

Но вотъ, на какіе вопросы прошу тебя отвѣтить. Они жгучи и нетерпѣливы.

Почему ты несчастливъ? Ты, знающій все, достигшій всего, свою мысль, не знающую тревоги, ты закинулъ далеко за солнце, ты замѣчаешь связи, соединяющія во вселенной огни бытія, ты знаешь тайны всѣхъ рожденій и смерти, ты наблюдаешь взглядомъ все безграничіе вѣчной работы природы, ея соединеній и ея разложеній — почему ты несчастливъ? Вѣдь твой Богъ не приказываетъ тебѣ ничего и ничего не запрещаетъ, а на твоемъ инстинктѣ самосохраненія не лежатъ никакіе путы долга. И съ тѣми, кто страдаетъ, ты не страдаешь, вихри гнѣва и горя не уносятъ тебя въ кровавый туманъ борьбы за справедливость и нѣтъ такой силы, которая могла бы приковать тебя къ темной землѣ. Добродѣтель— эта самая частая губительница личнаго счастія, въ твоихъ глазахъ болѣзнь монады, не стремящейся къ тѣмъ слоямъ, гдѣ она можетъ найти для своей стихіи какъ можно больше свѣта и кислорода. Почему ты несчастливъ? Ты имѣешь славу, молодость, физическую силу, умственную мощь, высокое мѣсто въ общественной іерархіи. Почему ты несчастливъ?...

Позволь мнѣ также пожаловаться на тебя передъ тобой же. Что ты пишешь въ своей книгѣ о самолюбивыхъ побужденіяхъ, какими руководятся рыцари

духа идеи и принциповъ! Не дѣлая между ними никакой разницы и не раздѣляя ихъ на категоріи, ты обвиняешь ихъ всѣхъ въ индивидуальныхъ интересахъ и эготическихъ надеждахъ, въ желаніи использовать всѣ земныя наслажденія или въ спекуляціяхъ надеждой на небесную награду. Какъ видно, ни одинъ голосъ изъ Колизея не приказалъ тебѣ повѣстить „землю могилъ и крестовъ!“ На своемъ пути ты долженъ былъ встрѣтить однихъ только фарисеевъ, раздающихъ милостыню на перекресткахъ улицъ, и при звукѣ могучихъ флейтъ ни одно эхо не разсказало тебѣ о тѣхъ, что не просили о своей славѣ, а лишь о торжествѣ того, за что они боролись; они презирали гордость, угнетенія и несправедливыя издѣвательства, только бы послѣ ихъ мученичества засіяла заря надъ тѣмъ, что они любили. Ахъ, я знала ихъ! Надъ крышей моего родного дома въ теченіе столѣтій развѣвается знамя съ надписью: Мы стоимъ твердо за свои принципы! Они стояли на стражѣ принциповъ и блестящую, дѣйствительно щедрую награду получили они отъ земли за свою рыцарскую стражу, а получили ли они какую-нибудь отъ неба? Да. Я сама, печальною мыслью вспоминая о нихъ часто, мечтала, что они, высоко одухотворенные, свободные отъ эготическихъ взглядовъ и надеждъ, такъ обиженные землей, вѣрные службѣ божьему дѣлу, навѣрно въ тѣхъ сферахъ, болѣе высокихъ, чистыхъ, широкихъ, чѣмъ нашъ маленькій міръ, достигли, какъ блестящей награды, полнаго одухотворенія, совершенства, свободы отъ праха, отъ пустыхъ и низменныхъ желаній. Я мечтала, что они тамъ въ славѣ торжествующаго добра, съ распущенными крыльями серафимовъ еще иногда заботливымъ взглядомъ

окидываютъ все то, что они такъ неизмѣримо любили на этой бѣдной землѣ, такъ любили, что въ этой любви, какъ зернышко въ океанѣ песку, утопили всю память о самихъ себѣ...

Почему между людьми такая великая разница? Есть такіе, которые только среди осязаемыхъ реальностей жизни чувствуютъ себя, какъ дома, и къ абстрактнымъ идеямъ, какъ къ чужеземнымъ странамъ, питаютъ прекрасное равнодушіе. Громы и ураганы могутъ безумствовать на этихъ высотахъ, а они даже не подымутъ взгляда, дабы увидѣть, что тамъ творится. Вѣра, которую они признаютъ словами, это стеклышко, механически вправленное въ ихъ души: если оно имѣется — хорошо, если оно выпадетъ, выбитое какимъ-нибудь камешкомъ — тоже хорошо, а часто безъ всякаго камешка оно выдѣляется изъ организма, какъ ненужное и лишнее тѣло. Они горятъ иногда, но лишь огнемъ собственныхъ желаній, проливаютъ слезы, но только надъ могилами дѣтей своего тѣла, и вообще никакихъ могилъ они въ своемъ сердцѣ долго не носятъ, ибо всѣ новыя реальности быстро сметаютъ изъ ихъ памяти останки тѣхъ, что прошли. Это не всегда плохіе люди. Наоборотъ, для повседневнаго обихода человѣчества они очень пригодны и обладаютъ пріятнымъ настроеніемъ. Это попросту разновидность человѣческаго рода, сросшаяся съ землей, неспособная къ летанію, не имѣющая съ абстракціями никакой связи.

А если хочешь познакомиться съ другой разновидностью, то прежде всего загляни въ глубину самого себя, я тоже многое знаю о ней. Я часто думала, что представители той, другой разновидности, это звонари, взбиравшіеся на вершины колоколенъ,

дабы оттуда сзывать во храмъ сѣрую повседневность, лѣнивую неподвижность и кровавыя слезы. Называется ли то, къ чему они зовутъ, Истиной и Наукой, Добромъ и Добродѣтелью или Красотой и Искусствомъ, оно всегда высота и алтарь, а они, звонари, изъ своихъ чувствъ и мыслей сплетаютъ тѣ цѣпи, на какихъ движутся сердца колоколовъ. Для нихъ абстракція то же самое, что для монады свѣтъ и кислородъ. Это человѣческія монады, охваченныя болѣзненнымъ тяготѣніемъ къ солнцу. Земля оказываетъ на нихъ свою могучую силу притяженія, но они, несмотря на то, стремятся къ солнцу, на ту крутую дорогу, что ведетъ къ нему, беря въ свои сердца, какъ единственное укрѣпляющее средство, вѣру въ существованіе солнца и страстное желаніе его. Съ этимъ средствомъ и съ росою чернаго жемчуга на крыльяхъ они стремятся, летятъ, взлетаютъ ad astra! Но, когда единственное подкрѣпляющее средство изсякаетъ въ ихъ сердцахъ, они сгораютъ и таютъ. Изгнанные съ вершинъ, среди реальностей, для которыхъ они не созданы, они не могутъ найти для себя никакого пути и страшно страдаютъ. Страдаютъ болѣзнью нѣкоторыхъ душъ, удаленныхъ изъ своей родины, страдаютъ тяжелой и скучной ностальгіей абстракціи.

Болѣзненнымъ тяготѣніемъ къ солнцу наполняется человѣческая монада, когда въ ней изсякаетъ то, на чемъ она основывала не только силу и цѣнность своей жизни, но и жизни всего міра...

Но я тебѣ не буду рисовать ея портрета. Зачѣмъ? Успокоенный вновь найденной вѣрой въ безошибочность своихъ истинъ и въ собственное величіе, ты о ней не безпокоишься!

XXVI.

Мюррснъ.

Ты права. Земныя существа и ихъ судьбы не могутъ возбуждать во мнѣ ни тревоги, ни заботъ, ибо я самъ пересталъ принадлежать къ земной пыли. Я сталъ выше мрака, бывшаго еще во мнѣ слабостью человѣка. Я достигъ зенита, я освобожденный, я побѣдитель. Я стою у цѣли, и мнѣ нужно стряхнуть съ себя всякій атомъ повседневнаго горя и повседневныхъ надеждъ. Можешь ли ты понять мое торжество? Повѣришь ли ты мнѣ? Ахъ, ты не знаешь, что въ одинъ часъ можетъ произойти съ побѣдителемъ высотъ, неустрашимо борющимся среди вѣтра, мрака!

Въ одинъ часъ я прорвался сквозь окончательныя завѣсы познанія. Теперь, наконецъ, я какъ солнце, о которомъ пѣли финскія руны Калевалы, что нѣтъ для него ничего скрытаго. Я болѣе могучій, чѣмъ солнце, ибо оно царитъ только надъ своими планетами, а я смотрю глазомъ творца на вращеніе вселенной. Тотъ трудъ, что ты знаешь, былъ едва слабой, дрожащей прелюдіей къ тому знанію и власти, что теперь принадлежитъ мнѣ. Какъ далеко остались за мной мои старыя мысли.

То, чего искалъ я такъ долго, неувѣренно и ощупью, что мелькало въ научныхъ формулахъ, какъ робкое предчувствіе, ту тайну, неразгаданную, но уже близкую, я схватилъ наконецъ въ свои горящія руки, какъ огонь Прометея. Камень мудрости, о которомъ вздыхали вѣка, хрусталь правды, брилліантъ познанія — онъ теперь мой, и я даже не знаю, куда теперь еще стремиться? Я самъ еще не знаю хорошо, что есть то, что я имѣю. Меня самого еще

поражаетъ моя добыча. Но я уже чувствую ее въ себѣ, звѣзду звѣздъ — и я могъ бы скрестить свои руки на груди...

Можетъ быть, и ты хотѣла бы увидѣть край моего свѣта? Никому бы я не уступилъ его такъ охотно, какъ тебѣ. Вѣдь я никому не жертвовалъ столько, сколько тебѣ. Щедрой рукой я бросалъ къ твоимъ ногамъ сокровища, собранныя на моихъ уединенныхъ путяхъ, — напрасно. А если ты не хотѣла, или не могла послѣдовать за мной черезъ трезвые этапы разсчета, то тѣмъ болѣе теперь ты не услышала бы никакого содержанія для себя въ декламаціяхъ стихійной, мистической, не науки, но болѣе высокой, нежели наука, гармоніи, плывущей изъ земного бытія къ солнцу творческаго духа. Тамъ за мной, на землѣ, нѣтъ дѣйствительно ни такихъ глубокихъ тайнъ, ни такихъ темныхъ символовъ, которые бы самая простая женская душа не смогла бы угадать сердцемъ — если сердце зазвучитъ. Но, чтобы стать тутъ рядомъ со мной, нужно сначала отречься отъ жизни и отречься отъ счастія, какимъ является существованіе. Значитъ, нужно освободиться отъ боли, любви и рыданій — а на землѣ, не счастливъ ли тотъ, кто имѣетъ еще за что страдать и плакать?

Принесу ли я съ тѣхъ путей, гдѣ духамъ довольно самихъ себя, когда-нибудь еще такую вѣсть какъ изъ Ротгорна? Можно ли вообще взять что-либо изъ блеска обнаженной истины и заключить въ скорлупу научной точности? Туда, гдѣ я нахожусь теперь, можетъ быть, никогда не придетъ за мной людская повседневность, и напрасно искалъ бы я понятныхъ выраженій для моего настоящаго. Истины, которыя я наблюдаю теперь, какъ кругъ моего но-

ваго горизонта, и въ которыя я долженъ вѣрить теперь, ибо чувствую ихъ не только вокругъ себя, но и въ себѣ, покажутся бѣднымъ человѣческимъ разумамъ слишкомъ великими, слишкомъ божественными. Я охватываю ихъ внѣ научной точности и охватываю ихъ только для себя. Мозги философовъ ткутъ въ ремесленномъ зноѣ безопасную канву системъ, чтобы могли доползти до ихъ мудрости улитки среднихъ умовъ. И я до сихъ поръ тащилъ за собою такое сплетеніе канатовъ, и меня удивляло, что я двигаюсь впередъ только шагъ за шагомъ. Сегодня я бросилъ путы до смѣшного тѣсныхъ схемъ и не забочусь о слизняхъ человѣчества. То, что я знаю и чувствую теперь, это уже не система, но океанъ свѣта, никакой цѣпью не скованный съ землей, безъ всякихъ лѣстницъ, доступныхъ толпѣ. Наконецъ, зачѣмъ безчестить его величіе пародіей безошибочной науки. Развѣ недостаточно, что по крайней мѣрѣ я одинъ дошелъ до края? Развѣ истина только тогда пріобрѣтаетъ цѣну, когда ее переваритъ цѣлая свора? Развѣ недостаточно одного духа?

Pereat mundus!

Я одинъ теперь хочу упиться безконечностью, и мои губы будутъ замкнуты. Тѣмъ путемъ, по которому я пришелъ сюда, могутъ пойти всѣ, ибо онъ идетъ изъ самыхъ первобытныхъ низинъ — изъ клубка вашей оловянной тучи. Послѣднимъ форпостомъ точной науки, обвитой саваномъ тучи, было для меня пониманіе, что въ крупинкѣ моего собственнаго я соединены всѣ имѣющіеся гдѣ-либо элементы, и всѣ они связаны такимъ же самымъ узломъ, какъ нашъ міръ и міры. Въ этомъ заключается тайна моего новаго знанія, ядро истины, вынесенной мною изъ альпійскихъ пустынь. Чтобы ее понять,

нужно такъ, какъ я, анализомъ распознать въ себѣ отрывки вѣчно общихъ элементовъ и распознанные открывки гармонировать такъ, какъ они взаимно укладываются въ самой природѣ. Тогда поразилъ меня громъ познанія, исчезла роковая граница между единицей и общимъ бытіемъ, и мой умъ вспыхнулъ, какъ вулканъ среди тяжелаго бремени тучъ. Во мнѣ не осталось ни одного атома, который я могъ бы назвать собой и опредѣлить, какъ „я“ человѣка, способное само по себѣ чувствовать, думать, любить, желать или страдать. Я не нахожу въ себѣ ничего, чего бы не было въ стеблѣ травы, въ дыханіи горнаго вѣтра, въ камнѣ, катящемся со стремнинъ въ пропасти. А, однако, я чувствую себя полнымъ силъ. Что же я есть? Связью струнъ, дрожащихъ въ калейдоскопѣ міра, центромъ всеобщихъ лучей бытія, но центромъ, который бы могъ сосредоточиться и запылать гдѣ бы то ни было въ пространствѣ, на вершинахъ ледниковъ, въ пустотѣ лазури или внутри гранитныхъ Альпъ. Я что то мелкое и вмѣстѣ съ тѣмъ громадное, пылинка и все; я могъ бы весь разсѣяться въ природѣ и въ какомъ-либо изъ ея пунктовъ, какъ мыслящее сознаніе быть зачатымъ на-ново, ибо я и вселенная — это одно. Это творческій ключъ силы и пассивности созданія, корень природы и божества, знаніе безсмертнаго Сфинкса. Моя мысль, соединенная съ мыслью міра, можетъ разливаться безконечными кругами. Поэзія моей души есть вмѣстѣ съ тѣмъ рапсодія хаосовъ.

Я тамъ, гдѣ я хотѣлъ быть, и ничто уже не столкнетъ меня съ моего трона. Я распозналъ въ себѣ всѣ аккорды симфоніи вѣковъ, и мнѣ уже не нужно никого. Мнѣ чужды жалобы и улыбки мла-

денческой Психеи. Моего могущества не стѣсняетъ уже догматъ несознанія.

Но побѣда была не легка. Я никогда не боролся съ внутренними врагами духа такъ страшно, какъ въ послѣднія минуты. Еще одинъ разъ земля стала призывать къ себѣ всѣми своими голосами. Еще одинъ разъ видѣнія личнаго счастія окружили меня. Еще разъ, глядя на угрюмую панораму Альпъ и на солнечныя полосы, скользившія съ неба на землю сквозь щели темныхъ тучъ и ложившіяся золотистымъ блескомъ то на ту, то на другую окрестность ледниковъ, я подумалъ, что въ этомъ случайномъ колыханіи блесковъ и сѣроватыхъ цвѣтовъ заключается отраженіе общаго корабля существованія. И онъ также колеблется, уходитъ во мракъ, снова выплываетъ въ болѣе ясныя полосы, а тогда судьбы отдѣльныхъ людей безъ ихъ вины и заслуги сіяютъ или гаснутъ — и это называется слѣпотой Предназначенія. И, задумавшись надъ широтой пейзажа, я подумалъ, что и моя собственная жизнь попала, быть можетъ, на такой же печальный изломъ скалъ, куда не падаетъ никакого свѣта, и попала несчастливо, ибо нѣтъ ангела милосердія, который бы силою чувства побѣдилъ тучи, пробилъ въ нихъ окно и окружилъ меня ореоломъ принесенныхъ съ зенита лучей. Неудачный случай — неинтересная вещь. Можно чувствовать разумомъ вращеніе силъ въ природѣ и выводить анализомъ необходимость разрушенія и уничтоженія и, несмотря на то, молиться жизни и желать наполнить всѣ ея границы собственнымъ существомъ! И вотъ почему, несмотря на всю свою мудрость, я не чувствовалъ себя счастливымъ.

Между тѣмъ, изъ посѣва утомленій и трудовъ, доведшихъ меня до слабости, зародились зачатки

новой силы, гораздо болѣе высшей, чѣмъ силы прежнихъ и настоящихъ умовъ. И тоскуя, какъ заблудившійся мальчикъ, о материнскихъ крыльяхъ любви, я страшно тревожился, что все, что было мной, умерло въ моемъ снѣ, а между тѣмъ, изъ моей мысли, оплодотворенной молніей минувшаго экстаза, родился такой колоссъ неизвѣстной мнѣ до сихъ поръ силы, что нужны были нечеловѣческія усилія, дабы его побудить къ жизни. Въ краткомъ, но жгучемъ зноѣ этихъ столкновеній я уже былъ готовъ погасить въ себѣ всѣ огни и сталъ тосковать о тишинѣ гроба... И этотъ гробъ я хотѣлъ имѣть на тѣхъ родныхъ курганахъ, около которыхъ бодрствуешь ты съ ореоломъ дѣвственности и мученичества на прекрасномъ челѣ... Я готовъ былъ уже сѣсть около тебя на стражѣ кладбища и, хотя я знаю, что ничего не можетъ остаться на землѣ послѣ борющихся народовъ, я хотѣлъ любить, обманываться и даже страдать съ тобой. Однако въ желѣзныхъ оковахъ судьбы таилось какое-то непонятное Провидѣніе, не желавшее, чтобы я утонулъ въ общемъ омутѣ человѣчества — и изъ огненнаго испытанія я вышелъ побѣдителемъ.

Что-то замелькало передъ моими глазами великой славой неизвѣстнаго мнѣ въ землѣ идеала. Внезапной молніей встала во мнѣ какая-то совѣсть высшаго типа и каждую минуту, проведенную мечтой въ тѣнистомъ уединеніи пущи, куда ты не звала меня къ себѣ, ибо для жизни я не былъ тебѣ нуженъ, каждую частицу силы, украденную отъ высокихъ идеаловъ изъ скупой суммы моей жизни, каждый часъ отчаянной тоски, каждый такой грѣхъ, которыхъ такъ много накопилось за мной, показала мнѣ моя гнѣвная совѣсть, какъ преступленіе, какъ

позоръ, какъ вѣроломство. И меня охватило горе, гнѣвъ и страхъ за что-то великое, что горитъ гдѣ-то надо мной на высотахъ мнѣ одному извѣстное и, можетъ быть, по слабости духа утерянное, и вмѣстѣ съ тѣмъ меня охватило такое бѣшенство и такая жажда преодолѣть тѣ границы, о которыя разбиваются другіе.

Подробнѣе говорить объ этомъ я не буду и не могу. Довольно того, что все могущество и силы міра, поскольку онѣ заворожены въ искрахъ человѣческаго существованія, я окружилъ мыслью — и ударилъ, какъ громъ, въ тысячи человѣческихъ путъ. Я дождался момента торжества. Мозгъ и нервы выдержали. Сразу какъ бы разбились вокругъ меня оковы и скорлупа, составлявшія человѣчество и мое страданіе, и я сразу очутился какъ бы предъ моремъ, улетавшимъ въ высь, на безграничіи котораго была протянута линія моей жизни. Сразу я освободился отъ миражей прошлаго и пережитой борьбы, я почувствовалъ, что очнулось во мнѣ мое настоящее будущее, что задрожалъ во мнѣ колоссъ Сфинксовой мощи, и теперь онъ окрыляется и выступаетъ во мнѣ въ видѣ такого великаго зарева, что оно ослѣпляетъ меня самого. Оно влечетъ меня впередъ по пути обожествленія. Упали за мной въ глубь забвенія человѣческіе горизонты вмѣстѣ съ плеядами вашихъ звѣздъ. Раскрывшееся предо мной величіе страшной силы бытія своей наготой кладетъ на мои черты неподвижность мрамора. Люди не будутъ знать, почему мое лицо становится все блѣднѣе, а въ напряженныхъ орбитахъ все сильнѣе пылаютъ зрачки. Мой взглядъ не можетъ, не хочетъ обращаться къ пережитымъ уже степенямъ. И даже память о нихъ должна угаснуть: они полу-

сонные этапы развитія, гдѣ жажда сладкаго напитка, соединяющаго единицы, сталкиваетъ съ горизонта звѣзды людскихъ предназначеній.

Можетъ ли остановить меня то, что тамъ, гдѣ тѣла наши движутся въ пассивномъ и тяжкомъ снѣ, кто-то останется безъ сообщника своей короткой печали, что я самъ, погибая, буду напрасно призывать чью-либо сердечную заботу, что моя звѣзда счастія уходитъ съ горизонта и исчезаетъ во мракѣ. Развѣ меня интересуетъ, простится ли тамъ со мною легкомысленная улыбка, или скатится въ бездну темный жемчугъ чьего-либо горя и раздробится подъ моею ногой. Вѣдь самая огненная молнія людского сердца, разрывающагося отъ эротическаго отчаянія, уже не преодолѣетъ бездны, раскрывшейся между мной и міромъ и не сожжетъ моей души! Пусть эти молніи ударяютъ въ безплодные пни Атласовъ, украшенныхъ вѣнками вьюнка, безсильно стоящихъ въ стеклѣ болота, пусть онѣ разрываютъ ихъ истлѣвшія нѣдра!.. И это мнѣ когда-то снилось.

. . . . . .

Я не смогъ тебя призвать къ себѣ, и ты не зовешь меня: значитъ, мы разстаемся. Мы уже чужды другъ другу. Но, прежде чѣмъ умру для тебя, да позволено мнѣ будетъ еще разъ обернуться и посмотрѣть: слѣдуютъ ли за мной твои печальные глаза? Видишь ли ты меня на вершинахъ? На страшныхъ одинокихъ вершинахъ пречистой мысли и сверхчеловѣческой гордости.

Спасибо вамъ, горы Швейцаріи! На вашихъ гордыхъ морозныхъ скалахъ я открылъ наконецъ мистерію магическаго узла. Когда я захочу, я могу

перерождаться съ вами въ одно, мысль мою дѣлать вашей мыслью, сердце мое вкладывать въ вашу грудь, сильнымъ быть вашей силой, быть прекраснымъ сіяніемъ вашихъ снѣговъ, дышать дыханіемъ вашего вѣтра, вашихъ урагановъ. Самый широкій пейзажъ— это есть картина моей души. Въ глубинахъ виднѣются рудныя матки и разсыпанные камни покинутыхъ моренъ; то тутъ, то тамъ среди гравія сверкаютъ серебряныя ленты ледяныхъ ручьевъ и краснѣютъ, какъ капли крови, кусты мелкихъ гвоздикъ; выше бѣгутъ цѣпи отвѣсныхъ, безлюдныхъ стѣнъ, надъ ними лента альпійскихъ ледниковъ; своими краями она сливается съ небомъ. По небу, какъ мысли, плывутъ облака, тяжелыя и непрозрачныя, бѣлыя, высокія и летучія, всѣ плывутъ въ одномъ направленіи, какое имъ дастъ вѣяніе души. Иногда какое-либо изъ облаковъ, что плывутъ ниже, остановится на пути надъ выдвинувшейся впередъ расщелиной скалы и тихо стоитъ надъ ней, какъ фіолетовая статуя задумчивости, пока его не столкнутъ новыя мысли. Иногда какое-либо изъ нижнихъ облаковъ склонится головой на прекрасный барельефъ земли своей мягкой повязкой; а когда оно опадаетъ совершенно, то лѣса окутываетъ туманъ. Есть далекія тучи, нагроможденныя гдѣ-то въ глубинѣ, какъ мракъ легендъ Гомера; они разступаются или омрачаются, когда на нихъ падаютъ лучи прекрасной лазури, строя изъ нихъ слабыя черты неизвѣстныхъ или забытыхъ созданій. Или солнце передъ закатомъ охватитъ ихъ всѣ своими горящими руками и отброситъ далеко къ зениту, тогда исцарапанные хребты Альпъ остаются безъ всякой завѣсы и каменѣютъ на небѣ, какъ воплощеніе отчаянія или страданія. Пока все не обо-

льется кровью сіянія ледниковъ и угаснетъ въ темнотѣ.

Такъ смѣшиваются и плывутъ мысли неба и земли, а эта игра элементовъ созданія есть воплощеніе моей собственной мысли, безъ границъ достигающей неба и земли. На безлюдныхъ алтаряхъ альпійскихъ святынь, когда созданія земного шара, такъ безконечно мелкія въ своихъ требованіяхъ, уже не оскорбляютъ ихъ своими взглядами, когда земля подъ ногами уже не даетъ цвѣтовъ, когда ледники сіяютъ бриллiантовымъ кругомъ, когда тишину міра нарушаетъ лишь шелестъ холодной воды и призывъ горныхъ воронъ, блуждающихъ надъ моренами — тогда каждымъ біеніемъ великихъ часовъ множатся нити конечной связи. Изъ мыслей и чувствъ, достойныхъ человѣка, остается только понятіе вѣчнаго единства существующихъ и возможныхъ міровъ. Эта единственная мысль развязала мои губы, даетъ мнѣ возможность говорить съ безграничіемъ созданія и быть одухотвореннымъ молитвой этого безграничія. Я не нахожу и не знаю никакого ядра, которое бы я могъ выдѣлить изъ элементовъ бытія, какъ собственное я, а однако я вижу, что я не погибъ и существую. Все — единство. Та цѣпь ледяныхъ вершинъ, непрерывно тянущаяся отъ востока къ западу, та бѣлая лента, съ сіяющими линіями, полная гранитныхъ тѣней, роскошно развернувшаяся громадными складками, это единый штрихъ творчества геніальнаго творца. Ея складки, кажется, капризныя, но брошенныя однимъ размахомъ, человѣчество называетъ различными именами вершинъ и уже цѣлые вѣка смотритъ на нихъ удивленнымъ взглядомъ, дивясь собственному ничтожеству. На фонѣ этой ленты брошенъ я, кажется, совершенно обособленный и самобытный, занесен-

ный сюда рѣшеніемъ своей личной воли, а, однако, являющійся идеей того же артиста, что развернулъ передо мной бѣлый шарфъ хребтовъ; я случайная подробность, но для полноты картины необходимая горсть свѣта, въ которомъ радуга ледяныхъ блесковъ и лазури отражается безпокойной гаммой впечатлѣній, тоски и восторговъ. Я искалъ нѣкогда живого сердца въ природѣ и хотѣлъ уловить ухомъ его біеніе. И я не зналъ, почему небо и земля молчали? А они молчали, потому что пульсъ ихъ бытія сростался со мною самимъ, съ однимъ хрупкимъ сердцемъ человѣка, что билось за себя и за необъятность гранитной неподвижности. Такую общность и единство нельзя даже и продумать до конца, и тѣмъ не менѣе она вытекаетъ изъ самосознанія, какъ наиболѣе совершенное и высшее убѣжденіе. Весь міръ есть варіантъ одной дѣйствительности. Онъ реализуется въ одной истинѣ, въ знакѣ единой троицы, какой являюсь я самъ, природа и живущая въ насъ обоихъ мысль.

Овладѣвъ мыслью, которая проявляется въ свѣтѣ моего духа, я такъ силенъ и такъ могучъ, какъ она сама; я могу, когда захочу, стать выше необъятности природы и троицу бытія превратить въ показатель моего собственнаго, творческаго существа. И съ тѣхъ поръ я все имѣю подъ собой: вершины горъ и вершины человѣчества. Съ этихъ поръ моя сила не зависитъ отъ внѣшнихъ дѣйствій; она выше трудовъ и зноя заслугъ. Всѣ дороги предо мной открыты. Тысячью рѣкъ и океановъ можетъ сливаться во мнѣ вся сила бытія, энергія, эвтропія міровъ. Съ этихъ поръ они волны моей крови, и они превращаютъ мою душу въ пѣвучую лиру, въ экстатическую гармонію порывовъ, чувствъ и пред-

чувствій на фонѣ прекраснаго міра. Къ кому изъ живыхъ или умершихъ геніевъ я ни обращусь, я каждаго перерастаю духомъ. Раньше я думалъ, что я долженъ начинать жизнь наново и рабски приковать себя къ труду, чтобы съ кѣмъ-либо изъ нихъ сравняться въ твореніяхъ науки, въ самобытности таланта. Но моя вновь открытая сила ставитъ меня выше мѣры людскихъ геніевъ и дѣлъ. Тамъ спутанные орлы рвутъ свои цѣпи, а я уже достигъ свободы. Ни одна рана не портитъ моей груди, ни одна царапина не уродуетъ моей головы. Я начинаю тамъ, гдѣ все ваше кончается. Гдѣ ваша вѣчность идетъ въ гробъ, тамъ только воскресаетъ изъ мертвыхъ мое безсмертіе. Раскованный, наконецъ, левъ моего духа встаетъ изъ таинственныхъ низинъ, изъ страны увядшихъ Атласовъ и рвется къ вершинамъ. Каждый его шагъ разрываетъ скалы и бросаетъ лавины насмѣшки на людскія логовища, пахнущія болотомъ и тиной.

Что же такое для него граница Альпъ и міровъ?

Ваша поэзія никогда не поднимается выше ихъ тѣсной арены. Чистота снѣга и лазури, серебристость водъ, золото и пурпуръ солнца, орлиныя крылья и зигзаги молній — вотъ всѣ ваши вдохновенія и палитры. А я вижу, что на сапфировомъ пространствѣ сіяетъ щитъ кипящаго янтаря и что его ясные лучи разбиваются на остріяхъ скалъ водопадами опаловъ, а вечеромъ расплавляются въ пучину золотистаго багрянца. И я могъ бы предстать предъ вами золотистымъ и бриліантовымъ, когда въ моей душѣ играютъ молніи. И и знаю, что такое крылья, ибо въ годину откровенія меня охватила дикая крылатость — совершенно иная, чѣмъ орлиная. И я, наконецъ, видѣлъ велѣнія гнѣвныхъ бо-

говъ, писанныя словами молній на черномъ небѣ. Но въ то же время я знаю, что эти блески и цвѣты есть созданіе моихъ зрачковъ, что это я самъ создаю себѣ такую яркую арену, и я знаю, что милліоны новыхъ, красочныхъ радугъ, громовъ и молній зависятъ отъ той творческой воли, приливы и отливы которой сосредоточиваются во мнѣ.

Я стою внѣ законовъ времени и пространства. Я не создалъ себѣ никакого вчера, поэтому мнѣ не нужно и никакого завтра. Гдѣ то внизу, подо мной проходитъ время міровъ, идутъ вѣка съ гуломъ такихъ катаклизмовъ, какъ столкновеніе новыхъ теченій со старыми, а ихъ страшный грохотъ могъ бы казаться отсюда почти спокойствіемъ и тишиной. Можно научиться размѣрять эти отдаленныя явленія вполнѣ точно и доводить ихъ до такихъ высотъ, съ которыхъ духъ охватываетъ общую исторію эзотерическаго развитія, а на столѣтія и тысячи столѣтій смотритъ, какъ на исчезающія стада однотонныхъ сѣрыхъ и тлѣнныхъ птицъ.

Въ моихъ вѣкахъ горы таютъ, какъ въ волнахъ потопа. Вы знали Юнгфрау холодную и недостижимую, Матергорнъ — высокій, какъ протестъ земли небу. Изъ солнца вспыхиваютъ огненныя горы, великія, какъ вся земля. А теперь прихожу я и однимъ взмахомъ стихійныхъ крыльевъ раздробляю въ прахъ самыя недостижимыя высоты. Трудъ одного дыханія я могу поглотить въ себя, а потомъ снова воплотить въ природу гораздо величественнѣе, смѣлѣе и болѣе вѣчно. Я сѣтовалъ вчера, что Юнгфрау будетъ одѣваться золотымъ румянцемъ, сіять такъ же, какъ и теперь, когда отъ моего праха не останется уже ни слѣда. Теперь я знаю, что я сильнѣе ея. Въ ея ледникахъ я вижу раны, глубоко выжженныя осеннимъ

солнцемъ, а каждая изъ ея ранъ плачетъ потокомъ слезъ. Такъ разольется она въ рыданіяхъ тѣла и погибнетъ въ моряхъ, что придутъ послѣ нея, дабы быстро высохнуть и исчезнуть, какъ та звѣзда, на которой они шумѣли, а я прадревній, болѣе старый, чѣмъ міръ, такъ проникаю взглядомъ всѣ эти минувшія и будущія паденія, что я непоколебимъ, какъ вѣчность.

Итакъ, на высотахъ безплодныхъ алтарей я становлюсь поэтомъ, эклезіастомъ и іерофантомъ природы. Въ такихъ сильныхъ словахъ, какъ волны вѣчности, я совершаю свою молитву, а украшеніемъ совершаемой жертвы служатъ глоріи космическихъ хаосовъ. Гдѣ колонны святынь, такихъ безмѣрныхъ, какъ мои? Моя молитва — поэзія эѳировъ, разливающихся кругами творческой мысли.

Моя поэзія — это неисчерпаемое всемогущество духа и торжество силы. Кто бы могъ понять ея текстъ, уловить его чувствами? Васъ подавилъ бы гулъ лавинъ, сожгли бы молніеносныя солнца, разметали бы въ прахъ эхо ударовъ, разрывающихъ міръ на части. Какія слабыя эхо!!

Я псалмистъ креаторической божественности, слившись съ которой, мое существо разгорѣлось надо мной факеломъ, великимъ, какъ Богъ. Я жертвенникъ и жертва. Тѣло какого же гиганта выдержитъ дольше часа жаръ такого сильнаго огня? Я чувствую ясно, какъ съ каждымъ біеніемъ пульса сгораетъ и уходитъ моя жизнь. Но какое мнѣ дѣло до жизни!

Въ теченіе того одного мгновенія, что я долженъ прожить среди васъ, я, можетъ быть, имѣю право быть гордымъ блескомъ ледниковъ и требовать вашего поклоненія, прежде чѣмъ я сомкну свои пылающія вѣки. Вѣдь вамъ было возвѣщено въ Іоан-

новомъ Откровеніи, что станетъ ангелъ на материкахъ и на морѣ и, поднявъ руки, провозгласитъ, что времени уже не будетъ. И теперь я прибываю къ вамъ, я житель высотъ. Когда же увидитъ человѣчество подобную силу и знаніе! Какъ только изъ тихихъ горъ я спускаюсь въ стѣны города, предо мной открываются крыши фаланстеровъ, гдѣ влачатъ свою жизнь рабы обязанностей и чувствъ. Я знаю каждую пружину ихъ существованія, ихъ судьбы и предназначенія, и — человѣчество уже ничего не можетъ мнѣ дать — мнѣ, который движетъ атомы, переноситъ горы и міры.

Предо мною должны гремѣть самыя громкія трубы славы. Меня должны привѣтствовать всѣ людскіе экстазы и тоска. Мнѣ должны молиться глаза лазурныхъ ангеловъ. Ко мнѣ пусть спѣшатъ изъ-за седьмой рѣки и седьмой бездны хороводы лебединыхъ и нарцисовыхъ дѣвицъ, замирающихъ отъ тоски по пѣснѣ божественности и якорѣ спасенія. Все, что слабо, страдаетъ и отчаявается, должно слѣдовать за мной, за мной однимъ, кому не нужно ничьихъ рукъ, никакой поддержки, никакихъ цвѣтовъ, никакой мечты, никакихъ сожалѣній, ни даже твоего сожалѣнія... Что же могло бы мнѣ дать одно слабое сердце?..

Снова земля скрывается за сѣрыми облаками
Безъ свѣта, безъ людей, безъ Бога...
Моя мысль горитъ, какъ алмазъ. Кровью кипитъ рубинъ сердца.

XXVII.

Красовицы.

Я еще не могу опомниться отъ того ужаса, какимъ наполнили меня твои безумные восторги, я еще

не могу говорить. Надо спасенія; я это знаю, чувствую и — ничего не могу! Я понимаю, что эти попытки погибнуть въ природѣ и это безуміе самообожествленія ничто иное, какъ только послѣдніе отчаянные полеты надъ бездной гибели. Но мое пониманіе ничему не поможетъ. И я не могу ничего. Подожди немного, пусть я снова обрѣту способность рѣчи. Пусть нѣкоторое время пройдетъ надъ той бездной, что я увидѣла подъ твоими ногами.

. . . . . .

Прошелъ цѣлый день, и во мнѣ не вспыхнуло никакого свѣта, который могъ бы засіять во мракѣ. Откуда же мнѣ взять свѣтъ? Откуда взять силы его раздавать? Твоей философіи, твоей торжествующей радости я не понимаю, ибо въ моей головѣ не вмѣщается, какимъ образомъ великій и возвышенный духъ можетъ погибнуть въ свѣтѣ матеріи, можетъ дойти въ своей радости до гибельнаго безумія. А обожествляться, какъ это дѣлаешь ты, мнѣ нечего и пытаться, ибо я чувствую себя такой маленькой и такой ничтожной, что я готова низко склонить голову предъ каждой невинной травой, прямо стоящей предъ лицомъ земли и неба.

Я испытываю такое ощущеніе, какъ будто бы я съ ногъ до головы покрыта лохмотьями; но это порвалось не платье мое: а въ мой душѣ виситъ лохмотьями ея недавній блескъ.

Я разочаровалась въ самой себѣ. Я позволила сомнѣнію покрыть мои звѣзды тучами; я позволила мечтѣ, чтобы она, какъ вешнія воды, выбросила илъ со дна моего существа на самыя гордыя его вершины. Со мной произошелъ самый худшій изъ внутреннихъ разрывовъ: разрывъ понятія о жизни съ ея реализаціей.

Я должна тебѣ открыть истину: я совершила недавно нѣчто прямо противоположное тому понятію о жизни, за которое недавно я пожертвовала бы своей жизнью. Ломается главная пружина жизни, согласіе съ собственной душей; что же удивительнаго, что жизнь замираетъ?

Мысли и слова замираютъ, дни пустѣютъ. То, что раньше занимало — досаждаетъ, что утѣшало — удручаетъ, что успокаивало бальзамомъ вѣры и надежды — отталкиваетъ ядомъ сомнѣнія и жжетъ полынью ироніи. Изъ моря пустоты смотритъ блѣдная тоска. Я знаю, куда бѣжать отъ нея, но мнѣ стыдно бѣжать. Еще только одно человѣческое достоинство спасаетъ меня отъ уничтоженія, отъ злого поступка, и еще надъ Летой, гдѣ тонутъ священныя воспоминанія, за край моей одежды меня держатъ старые боги.

Когда ты отъ мукъ пустоты и холода скрываешься въ необозримые лабиринты мысли и на крыльяхъ адской поэзіи безумствуешь на высотахъ недостижимой гордости, я съ тяжелой головой и крѣпко сжатыми губами попрежнему выполняю все то, надъ чѣмъ до сихъ поръ сіяли святыя для меня слова: добро, добродѣтель, обязанность, какъ Юліанъ Отступникъ, потерявъ вѣру въ ученіе Христа, увлекаемый вкоренившимися въ него привычками, воздвигалъ пріюты Христову милосердію. Но иногда я испытываю желаніе упасть на землю передъ какой нибудь вереницей ангеловъ или героевъ, чтобы они топтали меня, или скрыться подъ землю, чтобы не видѣли меня глаза солнца и человѣка съ чистой и мужественной душой.

Ты говоришь о себѣ: „Безъ Бога, безъ свѣта, безъ людей“. А кто же съ людьми, кто въ крова-

вые и тяжелые моменты жизни съ людьми. Въ такіе моменты нѣтъ никого. Люди съ людьми бываютъ только на праздникахъ и биржахъ, на разнаго рода праздникахъ и биржахъ. Бываютъ они еще иногда и тамъ, гдѣ яркая нищета жизни или смерти поражаетъ глаза и задѣваетъ въ сердцѣ струны волненія. И волчица, идущая за добычей, остановится на минуту, чтобы бросить печальный взглядъ на другую волчицу, воющую надъ останками своего волченка. Но для гордаго или скромнаго страданія, для глубокой печали, для подмывающихъ самый фундаментъ жизни взволнованныхъ сомнѣніемъ волнъ мысли, для довѣрчивыхъ вопросовъ, мудрыхъ отвѣтовъ,—повѣренныхъ, помощниковъ, заступниковъ нѣтъ. Есть они, для конькобѣжцевъ, умѣло и ловко скользящихъ по катку жизни, гоняясь за суетнымъ капризомъ, или пустой сентиментальностью, а лѣнь добрыхъ нектарниковъ пугается слишкомъ большихъ хлопотъ. Дабы побудить ихъ сердца къ сочувствію, нужно пронзительно кричать имъ въ самыя уши, отъ пронзительности крика и зависитъ сила сочувствія. Но кто слишкомъ скроменъ или гордъ, чтобы пронзительно кричать, тотъ долженъ самъ вести свои одинокіе поединки съ жизнью и не имѣть ни секундантовъ, ни докторовъ.

Какъ бы я не искала по міру, какъ бы я не хотѣла, но я не имѣю въ борьбѣ съ мыслью и сердцемъ ни союзника, ни исповѣдника. И теперь, когда моя ладья попала въ омутъ съ головокружительнымъ водоворотомъ, я чувствую сильное, непреоборимое желаніе закинуть свои руки на шею сочувствующаго существа, прижаться къ его материнской груди, довѣрчиво открыть самое себя доброй и сильной душѣ

Вѣрить безъ границъ чьей-либо дружбѣ и сочувствію, широко открывать свою душу передъ разумнымъ и понимающимъ взглядомъ, шатаясь, чувствовать въ своей рукѣ поддерживающую тебя руку, это должно быть такое счастіе, что при одной мысли о немъ глаза смыкаются, какъ отъ ослѣпительнаго блеска.

Я не знаю такого счастья.

Почему не знаю? Я не дезертиръ отъ хоругви общаго труда страданій и надеждъ. Почему же теперь, когда я, подобно испуганной лани, ищущей укромнаго убѣжища, жажду и ищу внимательной мысли, болѣе высокой, чѣмъ моя, призвать которую на помощь было бы для меня спасеніемъ, я не нахожу ее. На мои губы, сожженныя полынью, тѣснятся твои слова: „я не люблю людей“, тѣснятся — но не произносятся, ибо держитъ ихъ на привязи страшная печаль. Что-то невознаградимое разорвалось бы въ моемъ сердцѣ, если бы я согласилась съ твоими словами, а въ самомъ моемъ сердцѣ образовалась бы царапина, залѣчить которую не могъ бы сокъ розъ, хотя бы даже и райскихъ.

Такова, какъ видишь, моя половинчатая душа; я разрываюсь между вѣрой и сомнѣніемъ, любовью и антипатіей; я мотылекъ съ сожженными крыльями, горюющій по старой яркости своихъ крыльевъ и возможности полетовъ. И смотри, что сдѣлалось съ гармоніей арфъ, такъ долго настраиваемыхъ на высокій тонъ; на какія слабыя крупинки распадаются высокіе монолиты, когда ихъ основаніе пошатнутъ бури чувствъ и мысли.

Строителями монолитовъ, артистами жизни, бываютъ только фанатики вѣры или отрицанія, добродѣтели или преступленія, способные разсматривать

всякую вещь только съ одной стороны и идти только однимъ путемъ, ибо для того, чтобы разсматривать вещи съ разныхъ сторонъ имъ не хватаетъ зрѣнія, а вступать на иной путь не просыпается желаніе. Другіе, съ многостороннимъ взглядомъ и съ множествомъ струнъ, натянутыхъ въ сердцѣ, натуры, такъ называемыя богатыя, окрыленныя, воспріимчивыя къ прикосновеніямъ міра и жизни, съ нѣжными и утонченными нервами — это пачкуны жизни, они не умѣютъ создать ни великолѣпной статуи святости, ни граціозной статуэтки милаго грѣха. Такіе люди, идя къ востоку, печально оглядываются назадъ, а, отправившись на западъ, умираютъ отъ тоски по востоку. На каждомъ солнцѣ они готовы увидѣть пятна, и каждый земной цвѣтокъ вмѣстѣ съ ароматомъ приноситъ имъ ядъ. Это Икары, вѣчно создающіе себѣ крылья изъ воска, растопляющіеся отъ ихъ собственнаго огня, эти крылья постоянно исчезаютъ изъ ихъ блѣдныхъ пальцевъ. Слишкомъ мягки, слишкомъ дрожатъ, слишкомъ безпокойны ихъ пальцы, дабы они могли придать воску жизни крѣпость металла и изогнуть его въ вѣчныя, сильныя формы.

Для нихъ нѣтъ мѣста ни среди сытыхъ, ни среди святыхъ міра, а внѣ міра единственная судьба, достойная ихъ, это въ обществѣ Франчески и Паола метаться по волѣ вѣтровъ въ кругахъ Дантовскаго ада.

Силы нужно! среди борьбы и испытаній жизни— говорятъ — нужно быть сильнымъ!

Но откуда брать силу, когда она перестаетъ биться изъ источниковъ вѣры и любви? Жизнь — это тяжелое бремя, человѣчество — это низины; только вѣра можетъ двигать подобное бремя, и только любовь спасетъ отъ презрѣнія къ низинамъ. От-

куда черпать силу, когда изсыхаютъ ея возвышенные источники?

И какъ различить силу отъ слабости. Стоножка не сгоритъ въ огнѣ, какъ мотылекъ, ибо не имѣетъ крыльевъ. Влеченіе мотылька къ огню — это слабость, влекущая его къ гибели; но крылья — это сила, которая, прежде чѣмъ сгорѣть, какъ сіяющій брилліантъ подняла мотылька къ солнечному золоту и лазури неба.

. . . . . .

Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь внезапно умеръ одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей, какихъ я когда-либо знала. То не былъ блестящій умъ, но то было золотое и искренно преданное мнѣ сердце. Его называли tout simplement: Звиркевичъ. Моихъ мыслей онъ не могъ раздѣлять, но многое онъ любилъ вмѣстѣ со мной. Нѣкогда я помогла ему сохранить страстно любимый кусокъ земли и воспитать дѣтей; и вотъ въ его глазахъ, изъ-подъ измученныхъ вѣкъ, всегда сіяли, когда онъ смотрѣлъ на меня, два рѣдкихъ, даже трудно допустить, какихъ рѣдкихъ чувства: благодарность и нѣжность. Иногда, когда я была печальна, мнѣ достаточно было взглянуть въ эти добрые, благодарные глаза и почувствовать счастіе, что я сохранила ихъ отъ слезъ отчаянія. Иногда, вѣруя въ перевѣсъ сердецъ надъ нашей судьбой, я съ глубокой печалью думала о томъ, какъ легки, легки вѣсы, на которыхъ лежитъ наша судьба, и я ѣхала къ нему, чтобы посмотрѣть на человѣка съ чистымъ и правдивымъ сердцемъ. Поѣхала я и теперь.

На простомъ полу, подъ низкимъ потолкомъ, среди заглядывавшей въ открытыя окна зелени, сирени и кленовъ, я увидѣла его, превращеннаго рукой

могучей ваятельницы въ бѣлый, гладкій, спокойный, величественный мраморъ. Онъ побѣлѣлъ, разгладились морщины на его лбу, успокоилась страдальческая улыбка, помолодѣвшія вѣки закрыли собой заботливые глаза, — и охватило его величіе спокойствія безъ границъ и безъ конца. Вокругъ раздавались рыданія и вздохи, а со мной произошло что то удивительное.

Я почувствовала великую альтруистическую радость, что это доброе сердце уже никогда больше не будетъ страдать, и эта измученная голова уже никогда больше не будетъ мучится заботами, что такой прекрасный, успокоенный, зачарованный въ благородный мраморъ, онъ уже поплылъ по волнамъ безграничнаго океана спокойствія. Ибо что такое жизнь, чтобы жалѣть ее. „Развѣ она добрый ангелъ, который покидаетъ насъ въ годину смерти“. Онъ зналъ, и я тоже хорошо знаю, какія стрѣлы мечетъ ангелъ жизни въ своихъ подданныхъ, какое зарево разрушенія бросаетъ онъ на ихъ зданія. Должно быть, хорошо чувствуешь себя, когда сбросишь одежду Деяниры...

Но когда я уже очутилась дома, меня охватила глубокая печаль, моя личная, объ усилившемся со смертью этого добраго сердца моемъ одиночествѣ, объ сгустившемся благодаря угаснувшимъ дружескимъ глазамъ вокругъ меня мракѣ. Нѣкогда эта птица вылетѣла изъ одного мрака, а теперь влетѣла въ другой — и исчезла. Все продолжается только одну минуту, а потомъ исчезаетъ. Все проплываетъ; всѣ мы проходимъ. Мы тѣни, что плачутъ о тѣняхъ. Смотря во мракъ ночи, я думала о немъ, только что ушедшемъ, и взывала духомъ: „гдѣ бы ты ни былъ, если существуешь, сжалься надъ моимъ горемъ“!

Если существуешь? А существуешь ли? А если нѣтъ, то зачѣмъ ты приходилъ? О, кто же мнѣ скажетъ это? Никто. Разъяснялъ мнѣ все мой собственный духъ, пока имѣлъ даръ вѣры. А теперь, на этомъ вопросѣ, какъ на пошатнувшейся оси, колеблются надъ пропастью всѣ мои звѣзды.

Предметъ твоей иронiи, распредѣленiе дней на занятiя, уже не существуетъ. Мнѣ все равно. Холодно, пусто, скучно, мертво. Я такъ печальна, что уже печальнѣе быть нельзя.

Посуди самъ, могу ли для кого, что-либо сдѣлать. Могу ли я что-либо сдѣлать для тебя?

Послѣднiй разъ поговори со мной, а потомъ ... пусть надъ твоей бѣдной жизнью взойдетъ какая-нибудь утренняя заря. Мое утро прошло, а въ полдень мнѣ заступила дорогу ночь ...

XXVIII.

Гейсбахъ.

Послѣднiй разъ.

Послѣднiй разъ я говорю съ тобой.

Благодарю тебя за то, что ты протянула мнѣ дружескую руку. Благодарю тебя за доброту, за нѣжность, за снисходительность сестры и за то также, что моя молодость не будетъ лишена воспоминанiй.

Большаго я не заслужилъ, или можетъ быть, просилъ не достаточно горячо. Но я не умѣю сгибать колѣни.

Ты вѣдь должна была понять или угадать сердцемъ, что горѣло во мнѣ раной тоски, что мнѣ было необходимо для жизни, какъ цвѣтамъ солнце, какъ легкимъ воздухъ, что могло стать моимъ якоремъ и

спасеніемъ! Зная объ этомъ, ты ничего не можешь сдѣлать для меня; это знакъ, что тѣхъ пропастей, какими я отгородилъ себя отъ жизни и міра, уже ничто не можетъ заполнить. Я добровольно отрекся отъ любви и уже ни съ кѣмъ больше я не могу слиться душою. Одинокимъ я долженъ остаться навсегда, даже если бы не имѣлъ за собой пламенныхъ часовъ гордости и безумія.

Это для меня теперь ясно и очевидно, какъ никогда, и потому я уже больше не буду стучаться въ твои ворота.

Если я принесъ тебѣ минуты горя и печали, прости и забудь. Твое сердце это сумѣетъ. Вѣрь мнѣ, что я не ожидалъ и не желалъ такого конца. Я подавалъ тебѣ напитокъ сильныхъ и отрезвляющихъ источниковъ: а ты напилась нектара, приправленнаго полынью. Нѣтъ, я не хотѣлъ рабства твоихъ вѣрованій. Я не хотѣлъ гасить твоихъ звѣздъ! А если я и пытался яркимъ факеломъ разума освѣтить гробницы, откуда вышли твои священные кумиры, то потому, что я искалъ цѣпей, приковывавшихъ тебя къ пустынѣ. Цѣпи оказались сильнѣе меня, они не разбились, а я опустошилъ лазурный храмъ твоей души. Я подкопалъ въ тебѣ твою таинственную силу и отравилъ тебя ядомъ анализовъ, а взамѣнъ не далъ новыхъ силъ и не вложилъ въ твои руки новаго оружія. Я придавилъ тебя чудовищемъ тяжелой и безконечной ночи, и не умѣлъ указать тебѣ никакого разсвѣта. И наконецъ, я не смогъ сдѣлать одинъ великій подвигъ: призвать тебя къ себѣ.

И вотъ я остаюсъ одинъ, покинутый, какъ никогда раньше не былъ покинутъ и какъ никогда разошедшійся самъ съ собой, безъ оружія и безъ вся-

кой поддержки. Былъ моментъ, когда, сравнивая силу моихъ истинъ съ твоимъ царствомъ, я ожидалъ побѣднаго преобладанія надо мной твоихъ звѣздъ. Теперь до меня доходитъ грохотъ разрушенной башни и стонъ умирающихъ звѣздъ. Охъ, какъ горятъ кровью въ моемъ сердцѣ твои послѣднія слова, какъ горятъ.

Знай одно, что я несчастнѣе тебя. Когда я понялъ, къ чему рвутся скрытые тайники моей души и понялъ, что это безплодная тоска, я поднялъ отчаянный бунтъ противъ самого себя, я хотѣлъ окружить себя стѣнами своей крѣпости, хотѣлъ растоптать все и любой цѣной стать на высотахъ, и на мигъ меня обманула иллюзія, что я достигъ уже высотъ, что я построилъ уже храмъ для самого себя, который никакая сила не въ состояніи разрушить, что я уже, какъ солнце, и что соединилъ въ себѣ достаточно лучей, дабы освѣтить ими всякую вѣчность и безконечность.

А теперь я знаю, что я воздвигалъ храмъ, который долженъ быть вѣчно пустымъ.

Я думалъ, что я создалъ міръ, который я весь наполню собой: а теперь я вижу, что тамъ были только мои мысли, что они уходили туда только для охоты и завоеваній, но души моей тамъ никогда не было. И я думалъ, что я уже покрылъ свой міръ сводомъ выше и ярче, чѣмъ лазурь всѣхъ небесъ; теперь я нахожу его на безплодной мели, а океанъ вѣчности протекаетъ гдѣ-то надо мной, какъ и раньше, съ гуломъ всемогущества — высоко, высоко и недостижимо.

Что сдѣлалось со всѣмъ этимъ, не спрашивай. Я не попалъ на путь обожествленія. Я не Сфинксъ, я не пророкъ небесныхъ троновъ, я не знаменосецъ

огня. О своей собственной душѣ я не могу сказать ничего. Я что-то такое, о чемъ даже вспоминать не стоитъ. Ты одна могла ... ты одна.

Я въ Гейсбахѣ.

Несчастіе занесло меня въ этотъ покинутый уголъ, угнетаемый теперь осенью. Я не знаю, виновата ли въ этомъ только одна осень, выступающая чахоточнымъ румянцемъ на желтыхъ горахъ, которыя я видѣлъ здоровыми и цвѣтущими, или виновато какое-то эхо стоновъ, но тутъ именно я испыталъ полнѣйшее пораженіе. Первый листъ, упавшій и мертвый, летѣвшій передо мной по вѣтру, разорвалъ королевскій пурпуръ моей философіи. Одного листа было достаточно, чтобы столкнуть меня съ моихъ пьедесталовъ въ какое-то безграничное ничто, гдѣ всякая мысль путается и замираетъ. Я еще смотрѣлъ, какъ чужой и любопытный человѣкъ на полосы тумана, что насыщали фіолетовымъ свѣтомъ порыжѣвшій фонъ лѣсовъ или подымались надъ деревьями, какъ лиловые вздохи, я еще смотрѣлъ на клубившіяся искры свѣжаго золота, какими сверкаютъ клены на темныхъ стѣнахъ елей — а уже охватилъ меня и обвѣялъ всего врагъ, всегда отталкиваемый мною съ презрѣніемъ — печаль.

Я вновь сдѣлалъ открытіе, что я одинокъ и печаленъ. Долго я боролся съ этой простой истиной, какъ съ титаномъ. Я разрѣшилъ ее мыслью, какъ самую сложную проблемму, но болѣе могучая сила повлекла меня внизъ.

Все во мнѣ погасло и все растаяло. Я внезапно почувствовалъ свою душу мертвой и выжженной до дна. Это ужъ не тѣни старой меланхоліи, окрашенной гордымъ миражемъ, что я сильнѣе и выше толпы. Это уже такое полное паденіе, что я даже не

хочу бросить ни одного взгляда назадъ, на головокружительную работу мысли, и мнѣ стало рѣшительно все равно, шатается ли она, какъ карточный домикъ, будучи созданіемъ заблужденія и ослѣпленія, или я не доросъ и не доучился. Я знаю только одно, что мнѣ самому моя философія, ошибочная или справедливая, ни на что не пригодилась. Она можетъ рухнуть развалинами или стоять и насмѣхаться надъ бурями, ничто не измѣнитъ факта, что я одинокъ, а сердце мое пусто.

Сердце — болѣзнь мысли. Мысль въ теченіе вѣковъ забавлялась этимъ безсиліемъ сердца, а теперь она сама умерла. Остался только delirium глухихъ желаній и тоски. Именно теперь, когда угасли твои звѣзды, во мнѣ зажглись огоньки траурныхъ лампъ надъ тайными гробами, гдѣ лежатъ строфы, придавленныя камнемъ, но на нихъ, заживо погребенныхъ, жизнь наложила весь гнетъ, и онѣ теперь шевелятся въ гробахъ, стремясь воскреснуть. Я подчиняюсь той мстительной власти, съ которой я напрасно и долго боролся. И въ жестокій часъ пораженія я одинокъ.

Почему я одинъ, покинутый, долженъ страдать? Почему ко мнѣ не протянется сострадательная рука, чтобы прогнать окружающія меня призидѣнія, усладить страданія? Я завидую самому ничтожному члену той толпы, что толчется здѣсь цѣлое лѣто на этихъ шумныхъ склонахъ.

У самаго ничтожнаго изъ нихъ есть куда вернуться, и онъ вернется къ кому-нибудь, кто вмѣстѣ съ нимъ борется и чувствуетъ. На меня смотрѣли иногда, какъ на блестящую вещь, но никто не стремился прочно, навѣки слить со мной свое существо. Твой и мой духъ столкнулись другъ съ другомъ, какъ

два листка, летѣвшіе по вѣтру: встрѣтились и разошлись. Спросила ли ты когда-нибудь себя: что станется съ моимъ сердцемъ?

Поднялись во мнѣ густые туманы горечи и закрыли предо мной мое будущее. Природа, дышущая осенью, проникаетъ въ мое сердце ферментами разложенія. Она впитывается въ меня, какъ ржавчина, что прильнула къ землѣ саваномъ неживыхъ листьевъ. Я духъ, нѣкогда обезпокоенный тлѣнностью бытія, не накоплялъ за собой никакихъ сокровищъ, ибо предъ собой видѣлъ все. Теперь я уже знаю, что все лежитъ внѣ меня, что я не имѣю ничего для себя, для жизни, для вѣчности . . . .

. . . . . .

На днѣ тѣхъ могилъ, иныхъ нежели мои, на стражѣ которыхъ ты хочешь устоять, должно быть что-то могучее и спасительное, чего не знаю я. Почему не знаю? Почему не знаю?

Ты однажды назвала себя муравьемъ, несущимъ маленькіе стебли соломы для постройки моста между небомъ и землей. Возвращайся, возвращайся къ своей сіяющей, къ своей лазурной работѣ и будь счастлива. Вѣрой, трудомъ, терпѣніемъ будь счастлива и не давай высохнуть въ своемъ сердцѣ источнику всеобщей любви, ибо—кто знаетъ?—не въ его ли водахъ заключается загадка обожествленія, которую я напрасно искалъ въ безуміи мысли и гордости, пытаясь удовлетвориться самимъ собою. Будь счастлива! Окружай свою голову и наполняй свое сердце черными жемчужинами счастія, выловленными въ морѣ своей и всеобщей недоли! Ты обладаешь этимъ искусствомъ, не покидай его, не теряй навыка въ немъ. Почему ты не хотѣла научить меня ему? Ахъ, зачѣмъ твои пальцы задрожали на струнахъ

арфы, и пѣснь заколебалась въ воздухѣ, какъ столбъ огня въ дыханіи злого вихря! Изъ моей души повѣяло это дыханіе...

Забудь, возвращайся на ангельскіе пути! Пусть послѣ меня на твоемъ пути не останется ни слѣда, ни пепла памяти. Пусть ничто не напомнитъ тебѣ о безумцѣ, который за твою доброту отплатилъ тебѣ зломъ, за нѣжность горечью. Ты не хотѣла спасти его, пусть же онъ и не будетъ виновникомъ твоего ада. Скажи себѣ, что все, что я говорилъ тебѣ и моя книга — ложь. Скажи себѣ, что все есть ложь, кромѣ твоихъ звѣздъ, и стой, какъ раньше, въ ихъ свѣтѣ, чудесная и добрая. Такой я буду видѣть тебя тогда, когда мнѣ придется искать спасенія отъ удушья смѣхомъ надъ міромъ и его ошибками, отъ скуки жизни и самого себя. А я...

Я вернусь къ людскимъ лицамъ, блеску, славѣ, ошибкамъ и скукѣ. Я буду дальше работать ради славы великаго авгура, а если жажда нѣжности слишкомъ настойчиво заговоритъ въ моемъ горькомъ сердцѣ, всегда найдется вблизи какая-нибудь Клео или Ореада, что подастъ мнѣ каплю ея мутнаго суррогата. Будетъ слава и не будетъ недостатка въ любви. Можешь не безпокоиться обо мнѣ и не возмущать звѣзднаго сіянія никакимъ горемъ, никакимъ упрекомъ по моему поводу. Я не Алигіери...

Я смертельно печаленъ. Въ моей душѣ, также какъ и на свѣтѣ, опадаютъ листья.

Часть третья.

Во мракѣ.

XXIX.

Сумерки наступали. Большія, низкія, тихія комнаты, строгія формы старосвѣтской мебели, выцвѣтшую позолоту рамъ на картинахъ и группы зеленыхъ растеній у оконъ охватывали густыя сумерки. За окнами, кой-гдѣ, вырисовывались неподвижныя, черныя колонны лиственницъ, вѣтеръ качалъ багряные вѣера сумаховъ, а на колоннахъ крыльца развѣвались вѣтки увядшихъ вьюнковъ. Покрывъ землю плащемъ изъ пурпура и золота, сама осень стояла предъ лицомъ неба, окутанная ненастьемъ и мутной бѣлизной. Въ дали черная полоса пущи какъ бы отдѣляла небо отъ земли и оттуда доносился глухой, тоскливый шумъ.

Въ большихъ, низкихъ, тихихъ комнатахъ, въ наступающихъ сумеркахъ, Северина переходила отъ окна къ окну и отъ одной вещи къ другой, ея шаги и движенія были неувѣренны, слабы, въ нихъ выражались порывы и замираніе сердца, говорящіе о тревогѣ. Она представляла видъ существа, что,

охваченное невыносимой тревогой, переходитъ съ мѣста на мѣсто и ни въ одной мысли, ни въ одномъ намѣреніи, ни въ одной комнатѣ, ни въ одной вещи не можетъ найти отдыха и успокоенія.

Она останавливалась въ высокихъ дверяхъ и, вытянувъ шею впередъ, всматривалась въ глубину безлюдной комнаты, какъ въ пустоту пропасти, потомъ, миновавъ ее слабыми шагами, она разсѣянной рукой перебрасывала книги, и, бросая ихъ, опускала руки на клавиши фортепіано; но едва только нѣсколько нотъ вырывалось изъ подъ ея пальцевъ, какъ ея губы начинали дрожать отъ сдерживаемыхъ рыданій и, быстро повернувшись къ окну, она устремляла свой отуманенный взглядъ на черныя колонны лиственницъ, или прислушивалась къ глубокому, тоскливому шуму пущи.

Но куда бы она ни шла, гдѣ бы она ни остановилась, что бы она ни дѣлала въ силу привычки или необходимости, ея сознаніе, равно какъ мысли и чувства, проходили мимо всѣхъ формъ, звуковъ и словъ, погруженныя во взвѣшиваніе, повтореніе, проникновеніе все глубже и глубже въ сердце вѣсти, полученной два дня тому назадъ. Изъ великой столицы, гдѣ она намѣревалась въ наступающую зиму упиваться нектаромъ свѣтскаго блеска и торжества, Идалія Ольская прислала ей слова, такъ врѣзавшіяся въ ея память, что они сіяли тамъ до послѣдней буквы ясныя и выразительныя.

„Въ нашемъ кружкѣ такая тяжелая печаль и такая тревога, что они отравляютъ мнѣ даже пріятное удовольствіе устройства своего зимняго гнѣздышка въ моемъ любимомъ, придунайскомъ городѣ. Если бы ты Северина могла видѣть теперешнюю мебель согласно образцамъ въ стилѣ модернъ, что я

сегодня видѣла на Грабенѣ! Азагино-Сабро—знаешь? тотъ секретарь японскаго посольства, о которомъ я уже тебѣ писала однажды, уговариваетъ меня остановиться на чисто японскомъ стилѣ, но я увлекаюсь модернизмомъ и, наконецъ, оба эти стиля находятся между собой въ тѣсной связи и можно изъ ихъ соединенія создать что-то удивительно-оригинальное, въ чемъ я убѣдилась вчера, навѣстивъ жену Азагино, очень выдержанную и красивую Готаръ-Гимъ. Тамъ я встрѣтилась съ самимъ посланникомъ, Ямато-Даго, который прекраснѣйшимъ на свѣтѣ англійскимъ языкомъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезнѣйшихъ фразъ и вскорѣ, вѣроятно, нанесетъ мнѣ визитъ. Съ моей маніей особеннаго и экзотическаго апартаменты въ японско-модернистическомъ стилѣ и японское посольство въ полномъ составѣ . . . представь себѣ. А такъ какъ и другія обстоятельства прекрасно складываются, то я могла бы составить себѣ на зиму прекраснѣйшій гороскопъ, если бы не это горе, что нарушаетъ мой покой и портитъ мое настроеніе. Мы всѣ въ нашемъ кружкѣ безпокоимся о Тадеушѣ Родовскомъ и безпокоимся до такой степени, что отецъ его, несмотря на отличающее его всегда хладнокровіе (кто-нибудь болѣе ядовитый, чѣмъ я, сказалъ бы: холодное сердце) вскорѣ хочетъ пуститься искать сына среди альпійскихъ ледниковъ и пропастей. Онъ давно уже долженъ былъ это сдѣлать, но когда я говорю съ нимъ, то своей важностью невозмутимаго статиста, всегда доводящей меня до бѣшенства, онъ отвѣчаетъ: „Нужно еще подождать“! И чего тутъ ждать? Развѣ того, чтобы мальчикъ окончательно погрузился въ черную меланхолію и, добровольно или невольно, раздробилъ свою прекрасную и умную голову о какой-нибудь

скалистый хребетъ? Можетъ быть, этотъ отецъ и любитъ сына, но по-своему, что онъ часто гордится имъ, это ясно отражается иногда на его выбритомъ лицѣ и отяжелѣвшей фигурѣ; но что такая любовь и такая отцовская гордость великаго дипломата ничѣмъ совершенно не помогутъ Тадеушу въ его отчаяніи, въ этомъ я твердо убѣждена. „Какое отчаяніе“? Въ чемъ ему отчаяваться? съ презрительной миной, но страшно озабоченный, спрашиваетъ меня сей Макіавели, на подкладкѣ Лукулла, а когда я ему отвѣчаю, что кто можетъ угадать, какія движенія души могутъ возникать у такихъ, какъ Тадеушъ, мыслителей и поэтовъ, онъ безгранично удивляется ... „Именно мышленіе дѣлаетъ людей трезвыми, а стиховъ вѣдь Тадеушъ не пишетъ“. Ну и говори тутъ съ нимъ! Однако черезъ нѣсколько дней онъ долженъ будетъ поѣхать, чтобы своими глазами увидѣть, что тамъ творится съ нашимъ дорогимъ безумцемъ. Ужъ я его отправлю, хотя бы пришлось направить на него всѣхъ его коллегъ, корейскихъ, сіамскихъ и китайскихъ дипломатовъ.

„Но объясни мнѣ, Северина, зачѣмъ такое горе на свѣтѣ со всѣми этими людскими запутанностями, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, мой бѣдный умъ колибри теряетъ нить и ничего не можетъ понять. Такія, какъ, напримѣръ, у Тадеуша, возвышенность, полетъ, впечатлительность мысли, воображенія, или сердца, — скажемъ въ общемъ: души — это вѣдь въ человѣкѣ необыкновенное качество, великое очарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрный залогъ несчастія. И такъ бываетъ всегда; природа, кажется, говоритъ: на, имѣй человѣкъ, что-то прекрасное, рѣдкое, хорошаго качества, но плати за то, плати! Ничего даромъ!

„И чего онъ собственно хочетъ отъ жизни, того, беря вещи просто, понять невозможно; но въ томъ именно и заключается загадка, что такіе люди, какъ онъ, просто вещи брать не умѣютъ. Очевидно ему захотѣлось небесныхъ звѣздъ, ибо земныя онъ всѣ имѣетъ, или можетъ имѣть, если пожелаетъ только протянуть за ними руку, но онъ не хочетъ, онѣ надоѣли ему, мы всѣ ему противны и идти въ ногу съ міромъ для него уже невозможно. Я замѣтила это лѣтомъ, будучи съ нимъ вмѣстѣ въ Швейцаріи, гдѣ въ самомъ лучшемъ и богатомъ различными очарованіями обществѣ онъ былъ либо молчаливъ и холоденъ, какъ камень, либо говорилъ о людяхъ и вещахъ съ ироніей, или какимъ-то тайнымъ ядомъ все охватывающей критики и антипатіи. Однако, изъ лѣтняго путешествія онъ вернулся сюда, на свое мѣсто, сталъ работать, появился въ обществѣ нѣсколько разъ; и могло казаться, что все въ немъ идетъ хорошо, какъ обыкновенно. Я одна замѣчала, что не хорошо, и не такъ, какъ обычно, свою проницательность я приписываю вовсе не тому, чтобы я была мудрѣе многихъ другихъ, но только тому, что онъ относится ко мнѣ сердечнѣе другихъ.

„Ибо, говоря правду, въ нашемъ свѣтѣ бываетъ такъ: блескъ мы любимъ, и потому, когда человѣкъ чѣмъ-нибудь выдѣляется изъ толпы, мы кружимся вокругъ него, какъ планеты вокругъ солнца, и это производитъ впечатлѣніе, будто мы всѣ его очень любимъ. Но, въ сущности, тутъ нѣтъ никакой любви; мы летимъ къ блеску, какъ мотылекъ на пламя свѣчи, но свѣча, изъ которой вспыхнуло самое пламя, интересуетъ насъ, какъ прошлогодній снѣгъ. Но есть исключенія, и я къ Тадеушу особенно привя-

зана съ дѣтства, en tout bien tout honneur, по-матерински; хотя тебѣ, Северина, я должна признаться, что у моего материнскаго чувства ничего не отнимаетъ, но наоборотъ, многое прибавляетъ то, что онъ не мой сынъ.

„Какъ бы то ни было, сейчасъ же при первой нашей встрѣчѣ я замѣтила, что съ нимъ что-то творится, что онъ больше, чѣмъ всегда, необыченъ. Но я была страшно занята дѣлами, визитами, не имѣла времени допытываться или дѣлать болѣе точныя наблюденія, и, наконецъ, я его видѣла изрѣдка, урывками, хотя и не по своей винѣ; я задерживала его и приглашала, но всякій разъ, какъ онъ ко мнѣ приходилъ, онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто бы въ моемъ обществѣ онъ никоимъ образомъ не можетъ выдержать больше, чѣмъ четверть часа. Я прощала ему, я такъ люблю его и, наконецъ, онъ извинялся тѣмъ, что работаетъ. И дѣйствительно онъ взялся за работу, я слышала это отъ его отца и нашихъ общихъ знакомыхъ. Какъ бенедиктинецъ, просиживалъ онъ цѣлыми днями въ своей лабораторіи, и кромѣ того свои профессіональныя обязанности онъ выполнялъ съ педантической точностью и небывалымъ раньше блескомъ. И уже удвоенный блескъ сталъ окружать его имя и особу, какъ вдругъ однажды онъ приходитъ ко мнѣ и, прерывая нашъ разговоръ о разныхъ нашихъ милыхъ мелочахъ, говоритъ мнѣ, что онъ уѣзжаетъ въ Швейцарію. Какъ? Когда? Зачѣмъ? „По желѣзной дорогѣ? Сегодня ночью, чтобы увидѣть Альпы“. Я думала, что онъ съ ума сошелъ. Заложивъ руки, я спросила его: что же будетъ съ начатыми трудами, съ лекціями? А онъ мнѣ отвѣтилъ: Pereat mundus и ни слова больше. Вся проникнутая материнскимъ чувствомъ, я стала

говорить и сама чувствовала, что говорю прекрасно, но онъ прервалъ меня замѣчаніемъ, что о своемъ намѣреніи онъ объявляетъ мнѣ одной, и то только потому, что имѣетъ ко мнѣ просьбу. „А иначе выѣхали бы, не попрощавшись со мной?“ — „Конечно. Развѣ я принадлежу вамъ, что не имѣю права безъ предупрежденія отбирать себя у васъ?“ — А просьба такая: сюда можетъ придти что-нибудь изъ міра къ нему, для него, вотъ адресъ, по которому слѣдуетъ высылать все, ничего больше. „Надолго ѣдешь“? — „Не знаю“! — „И чего ты хочешь въ эту пору отъ своихъ Альпъ?“ — „Чтобы они закрыли меня отъ того, что не мое“. — „А что же твое“? — „Ничего“. — Далъ карточку съ адресомъ и хотѣлъ уходить. Со слезами на глазахъ я выразила ему свое сожалѣніе, что не могу быть вмѣстѣ съ нимъ въ этихъ ужасныхъ теперь Альпахъ и раздѣлять ... Онъ мнѣ не далъ докончить. „Во-первыхъ, — сказалъ онъ, — что Альпы могутъ когда-нибудь быть ужасны, это богохульство, ибо они всегда и въ каждую пору года самыя возвышенныя и самыя ласковыя изъ дѣвицъ этого міра, а потомъ, зачѣмъ быть вмѣстѣ? Люди съ людьми бываютъ вмѣстѣ только на праздникахъ и на биржахъ“. — „Что ты говоришь! — ужаснулась я, — а въ тяжелыя минуты жизни развѣ они не бываютъ вмѣстѣ“? — „Въ такія минуты, — отвѣтилъ онъ, — никто не бываетъ вмѣстѣ“. — Я не могу описать тебѣ той улыбки, съ какой онъ сказалъ эти слова, и того блеска иронiи, гнѣва, или кипящей боли, какой засверкали его глаза. Но улыбка сейчасъ же исчезла, блескъ угасъ, и онъ вышелъ холодный, съ холоднымъ свѣтомъ въ зрачкахъ, окруженныхъ послѣднее время на поблѣднѣвшемъ лицѣ глубокими тѣнями.

Съ тѣхъ поръ никакихъ извѣстій: канулъ, какъ камень въ воду. Исчезъ. Его внезапный отъѣздъ вызвалъ общее волненіе. Общественное положеніе и вліяніе его отца, а еще больше то значеніе, какое высокія научныя сферы придаютъ необыкновеннымъ достоинствамъ его ума, уладятъ тѣ послѣдствія, какія могли бы вызвать для всякаго другого подобное дезертирство. Меня утѣшаетъ только одно, что, когда онъ вернется, онъ найдетъ все, какъ было. Но, когда вернется? И вернется ли? Я не умѣю вполнѣ ясно опредѣлить сама себѣ то что-то, что было въ немъ, когда онъ прощался со мной, и что охватываетъ меня при каждомъ воспоминаніи дрожью тревоги. Если бы кто-либо имѣлъ силу призвать его оттуда изъ этихъ скалъ и ледниковъ, изъ этихъ пропастей, въ которыя такъ легко могутъ оступиться отчаявшіяся, или просто измученныя ноги! Какъ тамъ подъ тучами должно быть холодно и какое страшное надъ тучами одиночество безъ границъ!..

„Я разговорилась такъ долго объ этомъ нашемъ, а главнымъ образомъ своемъ огорченіи, такъ какъ знаю, что судьба Тадеуша и для тебя, Северина, не безразлична. Это нашъ общій родственникъ и вдобавокъ я слышала немного о томъ, что ваши мысли par monts et par vaux довольно давно летаютъ другъ къ другу. Когда онъ просилъ меня, чтобы я по указанному адресу высылала все, что бы ни пришло для него, я увѣрена, что онъ думалъ о тебѣ, можетъ быть, о твоей пущѣ, о твоихъ поляхъ и т. д.... почемъ я знаю? Вѣдь ты со своей пущей, со своими полями и всѣмъ остальнымъ въ томъ же родѣ составляете такое неразрывное цѣлое . . . но неважно, я увѣрена только, что онъ думалъ о тебѣ, а ужъ

я въ такихъ вещахъ не могу ошибаться; итакъ, на всякій случай, вотъ этотъ адресъ. Можетъ быть, заговоришь, позовешь ... можетъ быть, послушаетъ!

„Или, знаешь? Уже нѣсколько дней меня преслѣдуетъ такая мысль ... Пріѣзжай, пріѣзжай какъ можно скорѣе ко мнѣ, въ этотъ прекрасный городъ въ очарованіе его великаго и прекраснаго движенія, искусства, веселья, q u i s a i s-j e? ко всему, что мило, живо, красочно, играетъ, поетъ, ласкаетъ. Въ моемъ гнѣздышкѣ тепло и красиво, а я имѣю для тебя сердце сестры. Мы посовѣтуемся, поговоримъ, что дѣлать? О, съ какой радостью я прижала бы тебя къ сердцу и тебѣ Вѣну, а Вѣнѣ тебя показывала бы съ гордостью! .. Мы проводили бы съ тобой чарующіе дни. А потомъ ... Кто можетъ знать, что могло бы случиться потомъ? Пріѣзжай! Заклинаю тебя пріѣзжай! Черезъ нѣсколько дней ты можешь быть тутъ. Вѣдь, если ты захочешь, ничто не помѣшаетъ тебѣ вернуться въ Красовцы; ты не сожжешь за собой никакихъ мостовъ. Но попробуй по крайней мѣрѣ встрѣтиться съ міромъ — и ... но, что тамъ! я буду уже вполнѣ искренна! протяни руку помощи надъ пропастью тому, въ чьи мысли и мечты глубоко, какъ мнѣ кажется, вплелись твои ангельскія крылья“ ...

Уже два дня, какъ эти слова точно пламень жгли ея мозгъ и сердце, не давая проникать въ нихъ ничему другому. Все окружающее казалось ей сномъ и облакомъ, они одни только были жизнью и дѣйствительностью, настойчиво и безъ сожалѣнія они добивались рѣшенія, дѣйствій. Прошли минуты робкихъ мечтаній и всталъ предъ нею неумолимый въ своемъ требованіи отвѣта моментъ предназначенія. Она должна была знать, чего она хочетъ и что из-

бираетъ. Она должна была знать, ибо дѣло шло не о ней одной, ибо страшно холодно должно быть подъ тучами, а надъ тучами — безъ границъ одиноко ... Каждая мысль объ этомъ пронизывала ея сердце и каждый часъ, пробитый на часахъ, раздавался въ ея домѣ, подобно звону погребальнаго колокола. А однако она все еще не знала. Она чувствовала, что каждая минута промедленія падаетъ на нее каплей тяжелой вины — и не знала.

Когда съ напряженіемъ, пробуждая въ себѣ все сознаніе и ясность мышленія, она уходила въ глубь самой себя и нить за нитью разбирала всю натянутую тамъ пряжу, она находила только: то чего она желаетъ, но то, что она сдѣлаетъ, скрывалось и исчезало за завѣсами, раскрыть которыя до конца она не могла.

О томъ, что она хочетъ, она знала хорошо и съ чувствомъ горькаго стыда. Она не обманывалась ничѣмъ. То, что отсюда звало ее въ широкій міръ, не было чистымъ, великодушнымъ движеніемъ сочувствія, ибо съ сочувствіемъ смѣшивалось проникающее ее съ такой силой, какъ никогда ранѣе, желаніе личнаго счастія. Почему, живя всегда въ ея сердцѣ, какъ во всякомъ человѣческомъ сердцѣ, это желаніе поднялось теперь такимъ могучимъ дыханіемъ, что минутами въ немъ исчезало сознаніе о томъ: цѣною чьего несчастія и цѣною какой вины оно можетъ быть удовлетворено? Въ этомъ она тоже отдавала себѣ ясный отчетъ.

Она перестала жить подъ непорочнымъ блескомъ своихъ звѣздъ, она уже не видѣла своей бѣлой лани добрыхъ вдохновеній, она стояла подъ тучей сомнѣнія, она сомнѣвалась въ возвышенности предназначеній человѣка, часто въ далекой, но несомнѣнной полезности его смиреннаго подчиненія и жертвъ;

но когда все это охватило ея душу, одиночество, до сихъ поръ только слегка ласкавшее ее крыльями своей меланхоліи и тоски, придавило ее, какъ вѣки гроба, — замыкающія въ смертельномъ мракѣ и тишинѣ тѣло и душу, кипящія жизнью. Родной домъ показался ей дномъ пропасти, откуда невозможно уловить никакихъ лучей радости, или надежды; и въ ней пробудились всѣ ея молодыя силы, взывая о радости и счастіи. Въ ней закипѣло возмущеніе, ранѣе ей неизвѣстное, и ее окружили мечты, возвѣщая ей повелительное рѣшеніе непризнаваемыхъ ранѣе ею законовъ, требуя выполненія. То, отъ чего она отреклась, какъ отъ пути, намѣченнаго не для нея, какъ отъ высокихъ утѣшеній, запрещенныхъ для нея высшей волей, теперь показывало ей чашу, полную непреодолимаго очарованія.

То была чаша великой красоты, отъ которой она отреклась ради служенія великому добру; то было искусство, бросавшее на нее издали радугу, звучавшую божественной гармоніей тоновъ, красокъ, линій. Для наслажденія этимъ нектаромъ она была подготовлена мыслью, сердцемъ, умомъ, и своимъ отреченіемъ она нанесла имъ тяжелый ударъ; теперь они настаивали, что это насиліе было излишне и что имъ нанесена тяжелая обида.

Но проникая глубже въ самое себя, она находила еще что-то другое. Какъ мелкія жемчужины пѣны разбѣгаются по горящей отъ солнечнаго жара волнѣ, такъ по ней пробѣгала дрожь тоски по свѣтлымъ, радостнымъ, веселымъ, легкимъ вещамъ, которыхъ не нужно двигать и нести, но съ которыми можно смѣясь играть, какъ, смѣясь, играютъ дѣти съ прекрасными, легкими игрушками. То, чѣмъ до сихъ поръ она пренебрегала, какъ бездѣлицей: жизнь живая, красочная, пою-

щая и ласкающая, казалась ей потокомъ, дрожавшимъ жемчужинами, брилліантами, розовымъ ароматомъ и звуками арфы, гдѣ хорошо утопить память о томъ, что недостижимо, и о томъ, что трудно, что печально, что закрыто туманомъ неизвѣстнаго будущаго — о всемъ томъ, что болитъ . . . Ее привлекали протянутыя къ ней сестринскія объятія Идаліи, ея теплое, красивое гнѣздышко, она поняла даже, что видъ Азагино-Сабро можетъ доставить развлеченіе, несущее улыбку. Утопая въ слезахъ, она затосковала по улыбкамъ и съ глухимъ гнѣвомъ стала добиваться ихъ у жизни. Погруженная въ безбрежную тишь, она съ наслажденіемъ мечтала о шумныхъ разговорахъ, гдѣ, какъ солнечныя искры въ весеннемъ ручьѣ, играютъ, дрожатъ, пылаютъ человѣческія мысли, и о тѣхъ другихъ разговорахъ, или даже краснорѣчивомъ молчаніи, когда два сердца, какъ двѣ раскрытыхъ чашечки цвѣтка, погружаются одно въ другое.

Ей захотѣлось, чтобы разорвались тѣ обручи, что сжимали ея сердце, чтобы растаяло это сердце, застывшее отъ разочарованій въ другихъ и въ самой себѣ. Радость жизни стала передъ ней и обливала ее розовымъ облакомъ своей одежды, сотканной изъ искръ; въ ея зеркальныхъ, въ ея сверкающихъ, въ ея ласковыхъ глазахъ ей захотѣлось утопить память о важныхъ идеалахъ. Она поняла, на какихъ недостижимыхъ высотахъ стоитъ идеалъ, и какъ она сама слаба и мала, какъ тяжелы для земного существа постоянныя мысли о небесахъ.

Но выше всего этого стояла тревога, на далекомъ фонѣ изъ камней и льда рисовавшая кистью, погружаемой въ пурпуръ крови и блѣдность смерти, ужасъ, не имѣющій имени. Тоска, отчаяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ — удивительная вещь! — нѣжность разлива-

лись въ ней какой-то жалобой: „Я не могъ призвать тебя къ себѣ . . . Все во мнѣ замерло и все погасло“.

Ахъ, онъ не зналъ, что если бы онъ призвалъ ее къ себѣ, то надъ ея головой уже не сіяли бы звѣзды, онѣ угасли бы въ темныхъ расщелинахъ злого поступка . . .

Ее вихремъ окружили зигзаги изворотливой, ловкой, услужливой мысли.

Злой поступокъ? Не обманъ ли это? Зло и добро! Не вымыселъ ли? Почему право на счастье имѣетъ одно существо, а не имѣетъ другое? Кто устанавливаетъ іерархію жертвователей и жертвъ? Почему ея сердце должно быть искупленіемъ того, что будетъ имѣть другая? Кто знаетъ мѣры цѣнности и знаетъ, кому у пиршественныхъ столовъ жизни принадлежитъ первое мѣсто? Всѣ стремятся къ первымъ мѣстамъ, къ фонтанамъ, бьющимъ виномъ и медомъ, а какое же преступленіе, какая вина, или какое сверхчеловѣческое достоинство должны исключить ее изъ массы, изъ толпы? Она хорошо помнила, что исключало ее до сихъ поръ, но горькая улыбка застыла на ея губахъ. Она ошиблась. Теперь разсужденія клубами кипятъ въ ея головѣ и ярко, какъ на ладони, показываютъ ей ея ошибку.

Уже много разъ за эти два дня она обвиняла и прощала себя, презирала себя и гордо поднимала возмущенную голову; уже много разъ она пробѣжала памятью все извѣстное ей пространство міра, ища на немъ руку, что помогла бы, мысль, что посовѣтовала бы, сердце, что почувствовало бы, поняло бы, не оттолкнуло бы, помогло: не нашла — и испытала чувство великой несправедливости. И кто же ее среди несправедливыхъ помазалъ мvромъ справедливости и среди неблагодарныхъ наименовалъ раздающей дары?

Она сама это сдѣлала. Духъ брата на окровавленномъ крылѣ унесъ ее высоко, потомъ шепотъ и пѣсни старой няни удержали ее на горнихъ путяхъ. Но ихъ уже нѣтъ, и кто можетъ помѣшать ей спуститься внизъ, до обычнаго, человѣческаго уровня? Когда-то было съ ней, или въ ней самой, что-то прекрасное, великое, но оно уже прошло, какъ все проходитъ, а теперь . . .

Теперь въ сумерки, уже переходившіе во мракъ, у окна, гдѣ, какъ могильные кипарисы, стояли черныя лиственницы, она высоко подняла свою голову и встряхнула своими цѣпями. Онѣ упали со звономъ, похожимъ на стонъ, эхомъ отозвавшимся въ глубинѣ ея существа, но упали. Она сдвинула брови и поблѣднѣла, но то былъ краткій мигъ, потомъ лицо ея покрылось розовымъ румянцемъ, и глаза запылали во мракѣ.

Завтра, можетъ быть, еще сегодня ночью, какъ можно скорѣе! Поспѣшность необходима; если бы она могла, она заняла бы крылья у тѣхъ большихъ, черныхъ птицъ, что стадами садятся на деревья для ночного отдыха. Она рѣшила, она выбрала. Согласно своимъ желаніямъ, она напрягла всю свою волю и выбрала. Но она не ощущала въ себѣ волю; наоборотъ, она чувствовала, что выполняетъ повелѣніе, которому сопротивляться она не хочетъ. Если бы она хотѣла! Но она не хочетъ. Губы ея расцвѣтаютъ улыбкой, какъ бутонъ цвѣтка въ благомъ, солнечномъ свѣтѣ. Черезъ нѣсколько дней, черезъ два дня . . .

Соннымъ, какъ бы усталымъ движеніемъ, она опустилась на кресло, стоящее у окна, и, закрывъ глаза, съ улыбкой на раскрытыхъ губахъ долго оставалась неподвижной.

Ее взяла на ложе изъ розъ бархата и ладья грезъ, такая тихая, какъ видѣніе, и по плесу свѣтлому, какъ лунные лучи, медленно, медленно, безъ движенія веселъ и безъ плеска волнъ, несла ее къ далекимъ, сіяющимъ мірамъ, къ цвѣтущимъ садамъ, къ неизвѣстному раю, къ миртовому гроту, тѣнистому и благовонному, гдѣ пѣла лазурная птица счастія. Какой-то нѣжный и свѣжій вѣтерокъ сталъ ласкать ея пылающій лобъ, какіе-то дорогіе, мечтательные поцѣлуи касались ея вѣкъ и, скользнувъ по губамъ, прильнули къ рукамъ; какіе-то неясные, но веселые голоса возникали въ ея груди и выливались изъ нея вздохами . . . Кому-то печальному, какъ плачущему ребенку, она говорила сердцемъ: „тише! тише“! и надъ чьимъ-то блѣднымъ лицомъ она склонялась съ улыбкой, что успокаиваетъ, лѣчитъ, что зажигаетъ зарево счастія въ мудрыхъ глазахъ, въ глубокихъ глазахъ, въ глазахъ удрученныхъ и остывшихъ отъ пустоты неба и земли. „Видишь, — говорила она, — я пришла! Разбились мои цвѣтныя лампочки, и мнѣ сдѣлалось темно! Изъ темноты я пришла къ тебѣ“.

Тогда, въ далекой комнатѣ чьи-то руки коснулись клавишей фортепіано, и, вызвавъ изъ нихъ нѣсколько тоновъ, стали ткать дальше и дальше пряжу чистыхъ и тихихъ аккордовъ. Эти тихіе тоны имѣли въ себѣ что-то громовое, поразившее женщину, плывущую по быстрому, по кипящему, по нѣжному потоку грезъ и внезапнымъ движеніемъ выпрямили ея ослабѣвшую фигуру. Въ томъ движеніи, съ какимъ она подняла голову и сжала руки вокругъ твердой рѣзьбы кресла, былъ ужасъ, а въ широко открытыхъ глазахъ, раньше закрытыхъ упоенными вѣками, выразилось отчаяніе.

Генрика играла.

Генрика играла прекрасно. Музыкальная мысль, сложная и глубокая, раздалась во мракѣ и понеслась по безбрежной тиши, какъ тайна, полная глухихъ и неясныхъ напѣвовъ; потомъ превратилась въ широкій ручей, все выше и шумнѣе поднимавшій свои кипящія волны надъ глубокимъ теченіемъ, а дальше въ великій говоръ аккордовъ, ураганомъ вспыхнувшій на днѣ, скрытомъ чародѣйскою чащей грезъ, нѣжный шепотъ которыхъ плылъ внизу подъ обезумѣвшей бурей.

Такъ не можетъ играть дитя, твердящее на память хорошо выученный урокъ; такъ не поетъ маленькая птичка, щебечущая изъ чащи, охраняющей ея гнѣздышко, утреннюю пѣсню свѣта. Такъ летать мощными, сильными крыльями въ странѣ искусства можетъ только свободная и сознающая себя душа. То душа женщины и артистки, съ скрытой силой возвышенныхъ чувствъ, которыя владычица царства чаръ, искусство, освобождаетъ изъ-за завѣсъ робости, вызываетъ къ жизни, окрыляетъ. Въ глубину такой души глядитъ мощный господинъ жизни, печаль, но и онъ не могъ изгнать изъ нихъ зарю надежды, и вотъ душа спрашиваетъ, дрожитъ, ищетъ, сѣтуетъ, что вершины далеки, что счастіе развѣвается неуловимымъ туманомъ . . .

Издалека, чрезъ настежь открытыя двери, музыка вливалась въ темную комнату и отъ края до края наполняла мракъ жалобнымъ, рыдающимъ призывомъ чего-то, что не хотѣло придти, чего, можетъ быть, и нѣтъ на землѣ. Такимъ именно языкомъ искусства жалуется, молится, рыдаетъ и зоветъ человѣческій духъ, когда въ оковахъ земной оболочки онъ блуждаетъ по запутаннымъ путямъ Божьяго творенія, съ глухой памятью о Божественной странѣ безупреч-

ной красоты и счастья. Изъ глубины памяти выры-вается жгучее желаніе, и на дорогѣ души встаютъ тучи тоски. Съ роемъ музыкальныхъ тоновъ въ комнату, наполненную мракомъ, вливалась безгранич-ная тоска и глухое воспоминаніе о счастіи безъ конца, бывшемъ когда-то . . .

Северина плакала. Изъ-подъ рукъ, которыми она закрыла глаза, горячія капли слезъ плыли по ея щекамъ, соленой горечью заливая губы. Когда му-зыка на минуту умолкла, за окномъ, изъ глубины мрака, охватившаго міръ, изъ безбрежной тиши до-несся далекій шумъ пущи. Онъ несся, могучій, надъ темными, спящими полями и принесъ сюда тѣ таин-ственные разговоры, какіе ведутъ высокія вершины деревьевъ съ вихрями и небомъ. Тонами этого гор-няго разговора они разсказываютъ пролетающимъ вѣтрамъ исторію протекшихъ вѣковъ и спрашиваютъ небо о скрытыхъ цѣляхъ млечныхъ путей и звѣзд-ныхъ колесницъ, что проходятъ по его безгранич-ному простору, направляясь въ безконечность отъ ничтожности земли и въ безсмертіе отъ тлѣнности ея явленій и событій. Какъ только умолкли музы-кальные тоны, горній разговоръ вершинъ съ небомъ великимъ паѳосомъ залилъ безбрежную тишину; и хотя музыка раздалась снова, но разговоръ вершинъ не умолкъ, продолжая дальше и дальше мелодію, вытекающую изъ самой себя безъ начала и конца. Какъ по клавишамъ великаго органа, такъ перебирала эта мелодія по чернымъ колоннамъ лиственницъ, по издерганнымъ бурей вѣерамъ сумаховъ, отъ края до края заполняя собою мракъ.

Въ мракѣ, слушая ту пѣсню, въ какой душа чело-вѣческая пѣла о самой себѣ, и ту, какой говорили другъ съ другомъ ночью пуща, вихри и небо, Севе-

рина отвела руки отъ глазъ, орошенныхъ слезами, и молитвеннымъ движеніемъ скрестила ихъ на груди.

— Боже!

Ничего больше, только одно это слово, сказанное шепотомъ, но слово вырвалось изъ груди, а шепотъ — былъ ужаснѣе крика.

— Когда никого нѣтъ около меня. Ты будь со мной!..

Северина уже не слышала музыки; она только слышала шумъ великаго лѣса.

— Когда мракъ окружилъ меня, ты зажги свѣтъ!..

Къ поднебеснымъ высотамъ понесъ ее разговоръ безчисленныхъ вершинъ пущи съ вихремъ и небомъ. Что за широта и какая глубь! Бездны, безграничіе, величіе. Безчисленныя звѣзды надъ землей, невыслушанные вздохи на землѣ, милліоны умершихъ въ землѣ. Земля, небо, безграничныя поднебесныя пространства. Вселенная и — горній міръ, посылающій на землю, какъ искры, рои душъ...

— Ради моей души, искры, оторванной отъ тебя и брошенной на землю изъ далекихъ глубинъ горняго міра — ради моей души, что взываетъ къ тебѣ въ моментъ ужаса и горя...

— Ты создалъ ее такъ, что она чувствуетъ весь ужасъ зла и, коснувшись зла, она возвращается къ тебѣ..

Возвращалась. Возвращалась, коснувшись зла, что въ ея крови и мозгу разлило ужасъ. Такъ она была создана...

Есть души, созданныя такъ, что они живо чувствуютъ нити, соединяющія ихъ съ высотами, безгранично болѣе высокими, чѣмъ земныя высоты, и такова была ея душа. Былъ одинъ моментъ, когда это чувство погасло въ ней, но теперь оно блеснуло

снова, и ея душа дрогнула въ своихъ глубинахъ отъ ужаса и горя, которымъ нѣтъ имени и словъ . . .

„Всегда я стремилась къ Тебѣ,
О свѣтъ.
Всегда я летѣла къ Тебѣ,
О вѣчный свѣтъ на небѣ!
Когда громъ
Потрясъ эти углы и этотъ домъ . . .
Вся въ огнѣ молній . . .
. . . Я съ пѣсней стала предъ Тобой
О свѣтъ“!

Шумъ пущи усиливался и, ударивъ съ громовымъ гуломъ о стѣны дома, коснулся сразу всѣхъ клавишей великаго органа природы, а потомъ полетѣлъ вверхъ. Полетѣлъ вверхъ и какъ крыло великана понесъ ее къ высотамъ, съ нихъ она увидѣла самое себя на землѣ, какъ пылинку. Какъ же ничтожна и тлѣнна загадка счастія или страданій пылинки! Но въ ней сверкаетъ искра — брилліантъ: душа. Та, пути которой вѣчны . . .

— Для твоей работницы, что на вѣрныхъ путяхъ служитъ твоему дѣлу . . . зажги огонь, освѣти эти пути! . .

Продолжала ли играть Генрика? Можетъ быть; но Северина уже не слышала земныхъ пѣсенъ. Мысль ея ушла къ тѣмъ безсмертнымъ веретенамъ, что на недостижимыхъ высотахъ прядутъ судьбы міровъ и духовъ; въ сердцѣ ея разлилось великое смиреніе, а вмѣстѣ съ нимъ и та доброта, что молится — не за себя.

— Зажги огонь для тѣхъ, кто блуждаетъ среди пустыхъ овраговъ и морозныхъ ледниковъ земли . . . Освѣти шаги безумцевъ, что отъ печалей жизни убѣгаютъ въ темныя горы и стремятся на глухія скалы, закрой передъ ними пропасти, протяни нить спасенія . . .

— Когда около страдающихъ и печальныхъ, около обиженныхъ и заблуждающихся никого нѣтъ, Ты будь съ ними!

— Потому, что это твои окрыленныя созданія, но ихъ крылья ломаютъ злые земные вихри, твои прекрасныя созданія, но ихъ красоту портитъ земной мракъ . . .

— Потому, что мы, маленькіе воробьи, изъ одного мрака летимъ въ другой, не зная: откуда — куда и зачѣмъ . . .

— Потому, что мы пылинки, напрасно вращающіяся вокругъ оси своего безсилія, пока твоя сила не толкнетъ насъ на пути, ведущіе къ твоимъ звѣздамъ! . .

Такъ, взлетая все выше и выше мыслью и сердцемъ, между тѣмъ, какъ громовой гулъ ударялъ о стѣны дома и по чернымъ колоннамъ лиственницъ, по вѣерамъ сумаховъ трогалъ тоны своей безконечной мелодіи,

Вся въ огнѣ молній

она стояла съ пѣснью въ душѣ, уносимой божественнымъ дыханіемъ къ звѣздамъ . . . . . .

. . . . . .

Кто-то вблизи зажегъ большую лампу. Сквозь открытыя двери въ комнату ворвалась струя свѣта и разлилась по полу. Въ этотъ блѣднозолотистый путь, похожій на лунные лучи, Северина долго всматривалась, пока не замѣтила, что съ нимъ творится что-то удивительное.

Онъ началъ дрожать, мелькать, подыматься, плыть волнами, пока не разсѣялся вокругъ блѣдно-золотистымъ туманомъ, превратился въ свѣтлую мглу, что шла вверхъ, распростиралась кругомъ и, приближаясь къ ея ногамъ, серебрила ея платье. То была уди-

вительная заря, въ ней исчезало все, что было вокругъ, и Северину она влекла по нѣжнымъ волнамъ, какъ теченіе увлекаетъ челнокъ изъ бурнаго потока на зеркальную тонь безбрежнаго и тихаго озера...

Все исчезло; уже не было ни стѣнъ дома, ни мрака, залившаго міръ, ни свѣта — ничего вокругъ. Умолкли звуки земной пѣсни, умолкъ поднебесный шумъ пущи — тишина! Было только одно ясное, чистое, безбрежное море, уносящее ее на своихъ нѣжныхъ волнахъ гдѣ-то надъ землей.

Она потеряла чувство связи съ землей и испытала тотъ же самый восторгъ, что уже разъ ее — удрученную и борющуюся — несъ надъ пустынной равниной Никара.

Что-то, сущности чего она не знала, что подъ толстымъ слоемъ впечатлѣній, испытаній и мыслей жило въ глубинахъ ея сознательнаго существа и подъ развалинами забвенія вздыхало глухой памятью, а въ видимой оболочкѣ тѣла, носящей ея имя, было безымянной и скрытой ею самой, отдѣлилось отъ своей оболочки, бросило ее на низинахъ и въ морѣ пречистаго свѣта неслось къ высшимъ сферамъ.

Черезъ минуту она почувствовала, что она не одна. Кто-то былъ рядомъ съ ней. Съ ней былъ кто-то очень любимый, она угадала это по невыразимо теплому вліянію, охватившему ее, и хотя ея не коснулся ни одинъ звукъ, предъ ней не обрисовалось никакой картины, она прошептала съ такой улыбкой, съ какой долго опечаленныя губы привѣтствуютъ внезапную радость.

— Адась!

Северина чувствовала, что въ этомъ неизвѣстномъ пространствѣ былъ рядомъ съ ней братъ, глубже и нѣжнѣе его она никого никогда не любила и лю-

бовь котораго къ великимъ святымъ идеямъ была сильнѣе смерти. Она давно разсталась съ нимъ и одна шла по тому пути, съ котораго онъ сошелъ въ вѣчность, и теперь, когда она хотѣла перейти на иной путь . . . онъ очутился рядомъ съ ней.

Хотя въ свѣтломъ морѣ не раздавалось ни одного звука, она знала, что онъ говоритъ ей, и жадно слушала его рѣчь. Северина чувствовала, что онъ нѣжно прижимаетъ къ груди ея пылающую голову, и что отъ этой братской ласки ея сердце, охваченное земной горечью и морозомъ, раскрывается, таетъ, капля за каплей. Пьетъ воскрешающій нектаръ нѣжности.

Вмѣстѣ съ нектаромъ ее охватывали воспоминанія о всѣхъ его высокихъ мысляхъ, великихъ предчувствіяхъ, о его стремленіи къ совершенному добру... И несмотря на то, что до нея не доносилось ни единаго звука, она слышала слова того, кто объяснялъ ей небесныя явленія.

— За то, что ты возвышенно думала, что питала великія чувства и желанія, мы сошли на кратчайшую волну твоего земного времени — ты среди насъ.

Она была среди нихъ. Не онъ одинъ былъ съ ней, Северина чувствовала рядомъ съ собой невыразимо теплое дыханіе, по которому она узнала, что съ ней великій, но простой духъ ея няни, къ чьей ангельской добротѣ она несла нѣкогда свой первый плачъ жизни. По обѣимъ ея сторонамъ были: геройское мужество и ангельская доброта, а на лазурномъ и золотистомъ пространствѣ она замѣтила мистическіе знаки, говорящіе о присутствіи великихъ духовъ.

Ни лицъ, ни формъ, только символы. Серебристый туманъ, опаловыя радуги, сіяніе мягкаго свѣта,

лишеннаго яркости земного огня, четырехлистныя розы, пурпуровыя розы, лиліи дѣвственности, пальмы мученичества, златострунныя лиры . . . вереницы брилліантовыхъ слезъ, широкія тѣни крыльевъ, летящихъ вверхъ, или движеніемъ состраданія склоняющихся къ невидимымъ низинамъ . . .

Заря и сіяніе, лазурь вѣчной любви, солнце вѣры, стрѣлы любви, горящія въ пурпурѣ страданій . . .

Въ райской тишинѣ играли лютни поэтовъ, въ безконечности плыли рѣки великихъ мыслей и — превращенныя въ гимнъ славы, въ пэанъ побѣды вздохи, рыданія всѣхъ возлюбленныхъ идеала . . .

И несмотря на то, что ея не коснулся ни одинъ звукъ, она слышала рѣчь брата:

— За то, что ты прислушивалась къ ихъ пѣснямъ и мыслямъ, что твой духъ шелъ съ ними, что ты ихъ любила . . .

А потомъ онъ спросилъ:

— Покинешь ли ихъ?

Северина поняла, что ее спасаетъ прошлое, года высокихъ мыслей и желаній, длинные ряды дней, когда лицомъ къ лицу она смотрѣла душой въ душу тѣхъ великихъ, что изъ оковъ матеріи, спасая духъ, одухотворенные, на крыльяхъ серафимовъ были теперь въ славѣ торжествующаго добра . . .

Она обратила вдохновенное лицо къ своему товарищу, говоря, или рыдая:

— Братъ мой! братъ, братъ!

А онъ въ этомъ одномъ словѣ, въ этомъ словѣ, что заключаетъ въ себѣ счастіе сердецъ и спасеніе міра, услышалъ душу, еще умоляющую, душу, еще жалующуюся, но уже сильную, и предсталъ предъ ней въ лазурно-прозрачномъ туманѣ, такимъ, какимъ она любила его на землѣ.

Глаза его были задумчивы, пылали жаромъ великой любви, лобъ былъ открытъ и отваженъ, и онъ былъ въ рыцарскомъ вооруженіи. Только на его блѣдныхъ вискахъ искрился зной тяжелой земной муки, а губы цвѣли улыбкой восторга, что онъ перенесъ тяжелую муку за свою звѣзду.

Такимъ сошелъ онъ въ вѣчность съ краткой волны своего времени, такимъ она увидѣла его въ славѣ лазурнаго тумана и съ крикомъ радости, обвивъ руками его шею, она упала къ нему на грудь.

Часть четвертая.

Въ ледникахъ.

XXX.

Онъ самъ не зналъ, какъ долго, можетъ быть, цѣлую вѣчность его окружали густые клубы тумановъ, такъ же, какъ и онъ, взбиравшихся по широкому ледяному пути вверхъ. Они шли съ юга, изъ долины Роны и, подгоняемые капризными порывами вѣтра, надвигались безтолковой массой на скаты тѣхъ бѣлыхъ пущъ, откуда глядитъ Юнгфрау и грозный хребетъ Финстераарграрна. Мѣстами туманъ ползъ такими густыми клубами, что въ каждое углубленіе и расщелины ледниковъ проникла плывучая бѣлизна, скрывающая все отъ глазъ путешественника. Иногда въ туманѣ появлялись значительныя бреши, — это тогда, когда вѣтеръ, ударяясь о сосѣднія скалы, припадалъ ко льду и, закипѣвъ на днѣ снѣжныхъ сугробовъ, разгонялъ молочно-бѣлый хаосъ. Тогда видны были широкія поля фантастически изрытыхъ ледниковъ, уходившихъ внизъ со стороны великаго Альтельса гигантскими изломами — а разорванныя лохмотья тумана разсыпались въ прояснившемся воздухѣ дождемъ мелкихъ, сіяющихъ искръ.

Но тотъ, что „въ глубинѣ собственной души хотѣлъ воплотить душу всей природы“, не чувствуетъ ни хаоса дикихъ ледниковъ вверху надъ нимъ, ни уколовъ, наносимыхъ разметанными засыпями снѣжной мятели, и даже не ищетъ для себя никакого опредѣленнаго пути. Онъ только хочетъ взобраться какъ можно выше, какъ можно дальше . . .

И, сосредоточившись въ этомъ единственномъ желаніи воли, онъ борется со страшными опасностями своего путешествія вполнѣ спокойно, но упорно и ожесточенно.

И дѣйствительно онъ неустанно стремится вверхъ по тому пути, по которому не посмѣлъ бы пойти ни одинъ мѣстный проводникъ, по краю ледяныхъ скалъ, въ глубинѣ скользкихъ разсѣлинъ, по гибкимъ помостамъ снѣга, застывшаго надъ пропастями. Давно онъ уже прошелъ Теллиградъ, мертвую тонь озера, съ торчавшими гдѣ-то подъ нимъ остріями замерзшихъ ледяныхъ острововъ, и стремится добраться до тѣхъ поднебесныхъ высотъ, которымъ нѣтъ конца. За каждой добытой скалой возрождаются новыя скалы, новые хребты, новыя глыбы, похожія на головы оледенѣвшей гидры. Ему приходится хвататься за камни, густо окруженные льдомъ изрытыхъ моренъ, или, прильнувъ къ гладкой, какъ стекло стѣнѣ обрыва, вырубать желѣзомъ ступени. Иногда кирка, вбитая въ ледъ, является для него единственной поддержкой. Иногда онъ останавливается, чтобы отереть потъ, заливший его лобъ, или остановить приливъ крови шумящей въ вискахъ, но рѣзкое теченіе воздушныхъ мятелей хлещетъ его, какъ бичами, и побуждаетъ къ новой борьбѣ. Камней все меньше, снѣгъ и ледъ чище, волны тумана прозрачнѣе, воздушнѣе. Съ бѣлыхъ стоговъ свѣшиваются

тяжелыя портье, сотканныя изъ снѣжныхъ зеренъ непрестаннымъ и ровнымъ теченіемъ воздуха. На архитектуру застывшихъ морей, катящихся внизъ въ туманныя бездны, все чаще ложатся громадныя хлопья свѣжаго снѣга. Исчезаютъ зловѣщіе овраги, открытыя глубокія трещины во льду, кажется, идущія въ самую глубь земного шара, настоящія кладбища жертвъ смѣлости или увлеченія; ихъ заполняетъ и скрываетъ своей бѣлой рукой снѣгъ.

Ихъ верхняя оболочка подъ вліяніемъ мороза стянулась и застыла; кажется, что она можетъ вынести тяжесть одного человѣческаго духа. Иногда только осунется и упадетъ подъ ногой хрустальная лавина. Или она застонетъ, какъ лопнувшее стекло подъ тяжестью ноги и острымъ ударомъ кирки. Впрочемъ, и она мертва. Какъ только свистъ вѣтра прекращается и на минуту умолкнетъ, изъ-подъ толстаго слоя снѣга и изъ бездонной пропасти льда часто слышенъ полузаглушенный голосъ, хриплый шелестъ или рыданіе слезныхъ ручьевъ, звенящихъ по гранитну и переливающихся внизу. Какъ будто бы эта земля подъ охраняющимъ ее глубокимъ панцыремъ кристалла и гранита не лежитъ мертвой, но имѣетъ теплую кровь, кипящую въ скрытыхъ жилахъ, или, какъ бы уснувъ, она грезитъ о видѣніяхъ глубокихъ тайнъ, и при видѣ ихъ печальныхъ лицъ въ ней льются внутреннія слезы.

Внезапно передъ Родовскимъ появился лишенный льда глубокій склонъ скалистой почвы, громадная плита болѣе молодыхъ формацій, лежавшихъ однообразными ровными слоями. На ихъ блѣдно-желтоватомъ фонѣ бросался въ глаза румянецъ ржавыхъ оттѣнковъ. Казалось, что эта почва, лишенная савана, нѣкогда кроваво плакала отъ иронiи мороза и

солнца, и эти рыданія постыднымъ слѣдомъ остались на ея щекахъ.

Посрединѣ ея тянется узкая дорожка, полоса застывшаго серебра. Еще слезы.

Ниже, этотъ желтовато-бѣлый и кровавый обликъ, перерѣзанный серебристой полосой слезъ, терялся въ неясныхъ оврагахъ, въ синеватомъ льду и пустотѣ тумановъ.

Если бы передъ Родовскимъ появился теперь свѣтлый, крылатый херувимъ и спросилъ: куда идешь? онъ вѣрно столкнулъ бы съ своего пути сіяющее видѣніе и шелъ бы впередъ, въ глубину дикой страны, гдѣ твердая земля спитъ уже цѣлые вѣка сномъ смерти и молчанія . . . . . .

. . . . . .

Былъ первый часъ пополудня, когда Родовскій остановился на скалистомъ выступѣ, торчавшемъ, какъ остатки потонувшаго корабля, надъ неизмѣримыми равнинами ледниковъ. Онъ, наконецъ, въ самой гордой полосѣ горъ: онъ, наконецъ, достигъ высоты снѣжныхъ кирасъ и шлемовъ горныхъ великановъ, держащихъ все подъ собой, а надъ собой имѣющихъ только горизонтъ. Этотъ бѣлый апокалипсическій міръ — какъ бы страница, выхваченная изъ исторіи земли, и съ высоты нѣсколькихъ тысячъ метровъ эта страница гнететъ землю неизмѣримою тяжестью, какъ остановившійся въ полетѣ отрывокъ вѣчности. Тысячи водопадовъ, волнъ, изломовъ, хаосъ холодныхъ пустынь, безграничіе бѣлыхъ, зеленыхъ, синихъ красокъ и обнаженная полоса крутыхъ, отвѣсныхъ скалъ.

На поверхности неподвижныхъ морей стоятъ цѣлые лѣса колоннъ, башенъ, какія-то мачты и паруса флотовъ, застывшихъ въ бою, извиваются дуги, упавшія на согнутыя колонны, какія-то сіяющія арки за-

держиваютъ свое паденіе надъ мракомъ раскрытыхъ челюстей. Возвышаются мѣрныя террасы ледохранилищъ и кажутся лѣстницей, ведущей на небо; на каждой террасѣ и лѣстницѣ видны стремнины льда въ видѣ крѣпкихъ замковъ, крѣпостныхъ окоповъ, стрѣльчатыхъ башенъ, редутовъ, баррикадъ, толпятся загадочные торсы и роскошные контуры таинственныхъ, страшныхъ фигуръ. И всѣ эти зданія и башни, окопы и курганы, лѣса и потонувшіе флоты носятъ на себѣ печать пораженія и разрушенія. Всѣ вершины льдовъ либо сломаны, либо подрѣзаны, каждая форма распадается и дробится, каждое зданіе, каждая крѣпость завоеваны, каждый корабль разбитъ. Какія же стихіи столкнулись здѣсь въ безумномъ бою? Какіе же ураганы и по чьему велѣнію, согласно древнему обычаю, запахали эту арену полнѣйшимъ уничтоженіемъ? Свидѣтелемъ какихъ разгромовъ являются эти поля развалинъ, полузакрытыя снѣжной мятелью! И еще ужаснѣе грома катаклизмовъ та неподвижность и тишина, что царятъ здѣсь вокругъ. Судъ конченъ. Тутъ уже ничто не творится.

Снѣгъ заноситъ и покрываетъ прошлое. Онъ заполняетъ овраги и ямы, на развалинахъ строитъ новыя пирамиды, падаетъ на гранитныя скалы, разбросанныя по ледяному хребту, затягиваетъ все вокругъ сверкающимъ саваномъ — единый владыка могильнаго царства.

Въ каждой сторонѣ горизонта подымаются изъ ложа бѣлыхъ пустынь тѣла страшныхъ чудовищъ, пояса и хребты скалъ. Ихъ закраины, испещренныя и выщербленныя, окаменѣли въ движеніи отчаянія или отваги. На нихъ покоятся массы новаго льда; за ихъ уступы цѣпляется снѣгъ, создавая складки новыхъ снѣжныхъ драпировокъ. Кой-гдѣ высту-

паетъ стѣна болѣе черныхъ камней, кой-гдѣ изъ груды камней торчатъ гранитные шпицы высотъ, нагіе, безъ ледяныхъ вершинъ. Никакихъ границъ этотъ міръ не имѣетъ. Ибо внизу плывутъ тяжелыя тучи, скрывая ту почву, откуда онъ беретъ свое начало; а на острыхъ склонахъ возвышаются новые пояса далекихъ горъ, виднѣются новыя пропасти, освѣщенныя лазурью дня.

Внизу и въ котловинахъ еще носятся вѣтры и борются въ тучахъ другъ съ другомъ, но на высотахъ тихо. Развѣ только сильные порывы урагана проберутся къ самому эѳиру и яростно бросятся на гранитныя и ледяныя высоты: тогда съ отвѣсныхъ стѣнъ срываются плахты снѣжныхъ засыпей, наполняютъ воздухъ бурей бѣлыхъ цвѣтовъ и, разсѣиваясь въ ледникахъ, сверкаютъ, какъ хрусталь. Небеса молчатъ и висятъ надъ высотами высотъ неподвижные, блѣдные.

На небѣ стоитъ солнце, матовое, безъ ореола, солнце, равнодушный зритель, о которомъ поетъ Калевала, что отъ него ничто не скроется. Когда изъ-за его завѣсъ вырывается больше свѣта, тогда поверхность мертвыхъ нивъ начинаетъ сверкать, какъ волны атласа, снѣжные сугробы блестятъ милліонами брилліантовъ, а на закраинахъ льда вспыхиваютъ зеленые огни. Потомъ солнечный щитъ снова гаснетъ, атласъ меркнетъ, ледъ синѣетъ и тишину пейзажа уже не нарушаетъ яркій говоръ лучей. Отъ вершинъ темныхъ великановъ, на которыхъ застыли зигзаги старыхъ молній, прозрачныя тѣни падаютъ; плывутъ медленно, какъ мысли, и впиваются, какъ печаль, въ барельефы бѣлыхъ снѣговъ.

И тутъ между бытіемъ міра и духомъ человѣка завязываются нити конечной связи.

Развѣ кто-либо изъ горнихъ путешественниковъ помнитъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ начало его пути?

Земное время и неземная вѣчность борются на вѣсахъ, братски кладя другъ на друга свои крылья. Такъ иногда борются память и забвеніе, несовершенная память и высокое забвеніе, повиснувъ вмѣстѣ на лучахъ души.

Человѣческой душѣ знакомы только два психическихъ состоянія: она либо поле борьбы, либо побоище. Черезъ душу Родовскаго пронеслось уже столько борьбы ураганомъ разрушенія, что онъ хотѣлъ бы покрыть ее бѣлымъ саваномъ снѣга, хотя уже онъ не помнитъ о своихъ страданіяхъ.

Его глаза, поражаемые отблескомъ снѣга и льда, различаютъ еще только одинъ тонъ, тонъ сплошной бѣлизны. Внѣ этого его уже окружили глухія сумерки. И въ этихъ глухихъ сумеркахъ, сквозь волнующій потопъ застывшей бѣлизны, сквозь бездны сугробовъ и сквозь кристальные гибельные отвѣсы, напрягая послѣднія усилія, съ невыразимымъ трудомъ, онъ углубляется все дальше и дальше . . .

Онъ еще помнитъ, что тяжесть, придавившая его неподвижнымъ камнемъ, нѣкогда была чѣмъ-то весьма гибкимъ и слабымъ, простымъ дыханіемъ сомнѣнія, видѣніемъ печали, атомомъ горечи; но онъ уже не въ состояніи уяснить себѣ, когда это было, и не знаетъ, какимъ образомъ превратилось въ такую великую тяжесть, какую могла родить одна только вѣчность. Въ немъ живетъ воспоминаніе о тѣхъ силахъ жизни, что нѣкогда были пробуждены эхомъ изъ далекой страны и совершенно не гармонировали со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ его души. По-

томъ эти силы превратились въ страдальческія видѣнія, богатыя разочарованіями, одиночествомъ, сомнѣніями, и въ святынѣ его мысли онѣ подняли насмѣшливый шумъ, терзали, давили, мучили его сердце; а, подавляемыя оружіемъ мысли, поднимались снова, пока не обвили его траурными радугами безъ конца и не убили въ немъ нервы, мозгъ, волю, вѣру въ себя и самую возможность существованія. Онъ не знаетъ, что сталось съ этими силами: уничтожила ли ихъ тяжесть придавившаго его неподвижнаго камня, или, можетъ быть, это онѣ сами придавили его тяжелымъ камнемъ, ибо онъ уже не чувствуетъ ни одиночества, ни страданія никакого разочарованія, никакого сожалѣнія, ни одной изъ тѣхъ прекрасныхъ вещей, что нѣкогда проснулись и ожили въ немъ подъ вліяніемъ страданія. Онъ не помнитъ также, каковы тѣ блестящія, драгоцѣнныя созданія его мысли и власти, что погибли въ немъ безъ слѣда. Эта катастрофа была похожа на паденіе лавинъ, летящихъ съ горъ на прекрасныя долины, но онѣ уже давно упали на далекое туманное дно его души.

Его гордость разбилась въ его рукахъ, какъ ничтожный мыльный пузырь. Она совершенно пустая и ненужная вещь, такъ же, какъ онъ самъ ненуженъ никому. Гораздо лучше, что онъ находится здѣсь, и что онъ уйдетъ, какъ можно дальше, дальше . . .

Такъ борются въ немъ память и забвеніе, и чѣмъ труднѣе и безпокойнѣе бьется его сердце въ груди, тѣмъ болѣе успокаивается, становится болѣе равнодушнымъ, блѣднѣетъ внутреннее содержаніе его существа. Имѣлъ ли онъ когда-нибудь какія-либо стремленія и къ чему стремился? стремился ли онъ къ ложнымъ цѣлямъ, или заблудился въ пути? не хва-

тило ли ему чего-либо для завершенія трудовъ его жизни? или поглотила ихъ и сомкнулась надъ нимъ пасть пустоты? останется ли что-нибудь послѣ него? достанетъ ли кто-нибудь изъ глубины забвенія эти покинутыя сокровища и переработаетъ ихъ для толпы въ обиходную монету? воскликнутъ ли вслѣдъ ему: слава, слава! или его собственность раскрадутъ жадные ремесленники науки? мыслимъ ли мы затѣмъ, чтобы на нитяхъ нераспознаваемыхъ предназначеній насъ двигалъ Богъ, одна рука котораго означаетъ прошлое, другая будущее? погибаетъ ли онъ самъ жертвой какихъ-нибудь могучихъ и забытыхъ имъ стихій, что настигли его въ вихрѣ судьбы и бросили въ пурпуръ его сердца уголь страданія? Все это для него такъ безразлично, какъ бездонная мятель бѣлыхъ цвѣтовъ, сквозь которые онъ такъ настойчиво хочетъ прорваться впередъ, выше. Онъ не обращаетъ вниманія на мистику пейзажа и линій, онъ не хочетъ набросить на саванъ неба свой собственный сводъ, его не поражаетъ ужасъ недосказанныхъ тайнъ, онъ не ищетъ никакихъ связей между своей судьбой и космическимъ порядкомъ бытія, ведущимъ солнце по небу отъ восхода къ закату. Къ нему вернулось прежнее спокойствіе. Въ немъ уже ничто не кипитъ. Въ немъ уже не грохочутъ тѣ зигзаги молній, что раскрывали его мысли, какъ вершины скалъ.

Теперь его мучатъ только еще сѣрыя облака радуги, они безпрерывно носятся предъ его глазами, отуманивая взглядъ. Онъ хотѣлъ бы разорвать ихъ мыслью, отогнать отъ себя; но не можетъ, не можетъ.

Что случилось съ его мыслью? съ мыслью бдительной, быстрой и великой, съ мыслью человѣка, на губахъ котораго самымъ обыденнымъ выраженіемъ было слово „безконечность“.

Какія же бури разочарованій и громы мятелей развѣяли его мысль по вселенной? Иногда освѣщенная лучомъ свѣта или слушая шелестъ ледяныхъ крупинокъ, она дрожитъ и звенитъ среди траура сумерекъ, какъ маленькій, золотистый оводъ, готовый къ полету, но моментально слабѣетъ и тихо замираетъ, не давъ ни страданія, ни прощенія. И снова путается пряжа сѣрой радуги, охватываетъ его великою тяжестью; но радуга начинается, стремительно кружиться, вытягиваясь изъ невидимаго клубка все болѣе густыми тѣнями, пока не охватила его могучимъ обручемъ, который долженъ былъ бы обойти всѣ океаны бытія и потомъ снова выйти изъ самого себя. А между тѣмъ небо застыло для него мертвой глыбой свѣта, и онъ никогда не сможетъ прорваться сквозь него. Вѣдь онъ не солнце. Изъ сѣрой радуги онъ уже не выйдетъ . . . и можетъ быть, постепенно уснетъ въ ней. Наконецъ, всякая мысль о будущемъ ему непріятна. Онъ хочетъ только идти впередъ, дальше, дальше, выше . . .

И его привлекаютъ новые овраги, разсѣлины, все глубже засыпаютъ его дорогу снѣжные заторы, новые недоступные завалы и льдины разбитаго льда сверкаютъ предъ нимъ изумрудной синевой, а по сторонамъ, за развалинами сѣрыхъ или порыжѣвшихъ камней, бѣгутъ цѣпи скалъ, стремящихся вверхъ, къ лазури . . .

На далекомъ небѣ стоитъ одно туманное, забытое облако, въ воздухѣ разлита неизмѣримая тоска и меланхолія . . . . . .

. . . . . .

Когда Родовскій почувствовалъ, что онъ усталъ и слабѣетъ, день, несмотря на сравнительно раннюю пору, уже кончался. Солнечный щитъ уходилъ съ

горизонта, зато на равнинахъ Альтельса, межъ уровнемъ снѣжнаго купола и длинной лавиной тучъ, образовался поясъ кирпичнаго цвѣта, онъ быстро расширялся, густѣлъ, и, казалось, поднималъ цѣлую ленту облаковъ вверхъ, къ лазури.

Цѣпи Альпъ, виднѣвшіяся вдали, сталъ покрывать мракъ, и когда закатъ перешелъ изъ ржавыхъ тоновъ въ розовые, то они еще рельефнѣе обрисовались на горизонтѣ синеватой линіей. Когда же солнечный полусвѣтъ, пройдя цѣлую гамму великолѣпныхъ красокъ, правратился въ пылающій багрянецъ, профили горъ одѣлись темно-синими плащами и погасли.

Родовскій, хотя и чувствовалъ сильную слабость, но всетаки добрался до навѣса гладкаго, застывшаго снѣжнаго сугроба и нѣкоторое время неподвижно отдыхалъ на ледяной площадкѣ. Онъ, казалось, не понималъ той жестокой трагедіи, которая его, центръ блеска и утонченности человѣчества, бросила здѣсь одинокаго въ глуши слишкомъ ужасной даже для самыхъ дикихъ животныхъ, на твердый ледъ, подъ холодное небо... Только тогда, когда все усиливавшіеся ледяные и морозные порывы вѣтра, разнося по пустынѣ вечернюю изморозь, встряхнули его первой дрожью замерзанія, онъ обратилъ свой взглядъ на широкую панораму, и его снова охватила дрожь. Его поразили чудеса горизонта. Тучи замелькали въ его гаснущихъ глазахъ точно новыя Альпы, созданныя изъ румянаго льда, онѣ горѣли яркими огнями, опираясь своимъ подножьемъ о земныя Альпы; а надъ ними, вмѣсто солнца, появился, холодный, страшный серпъ луны. Тонкій, острый и почти бѣлый, онъ неподвижно и перпендикулярно вырисовывался на фонѣ темнаго и глубокаго купола. Мертвый и непо-

движный, онъ вполнѣ царилъ надъ землей и надъ атмосферой, надъ міромъ мѣдно-красныхъ и синихъ вершинъ. Среди этихъ ледниковъ живутъ грозныя тайны!

Какъ удивительно синѣютъ всѣ водопады и обрывы дивной, морозной страны, а закраины и разсѣлины ледниковъ свѣтятся прозрачнымъ свѣтомъ. Каменныя скалы теперь выше и ближе, онѣ бросаютъ на снѣгъ такую рѣзкую, тяжелую и мрачную тѣнь, какъ горы на умершихъ планетахъ Камни молчатъ и никому не говорятъ о себѣ.

Смертельно пусто и смертельно холодно.

А тучи изъ сѣроватаго пепла идутъ и идутъ, выходятъ изъ подъ плитъ прозрачнаго металла, или скорѣе дымятъ изъ камней и изъ луны, и всѣ несутся къ нему, хотятъ столкнуть его внизъ со скользкой скалы. Когда онъ старается разогнать эту упрямую саранчу, то замѣчаетъ высоко, но прямо надъ собой, надъ снѣжными окопами, на колоссальной насыпи льдовъ, скалъ, снѣговыхъ сугробовъ громадную тѣнь. Тѣнь великана, колоссъ черной горы, стоящей прямо противъ серпа луны. Знакомыя названія замелькали у него въ головѣ. Можетъ быть, это вершина Агассиза — а можетъ быть, это наивысшая вершина могучаго Аара? Не знаетъ онъ, ничего не знаетъ, но именно отсюда, отъ этого чудовища берутъ начало всѣ тѣни. Изъ него текутъ полосы, льются фонтаны, вспыхиваютъ цѣлыя рѣки мрака, тѣней. Онѣ заполняютъ цѣлый міръ. Этотъ образъ приковываетъ все его вниманіе. На темныхъ высотахъ рисуется его лицо, человѣческое не человѣческое, лицо божества или животнаго, великое, могучее, безъ мускуловъ и безъ дыханія, — но всезнающее. Подъ окаменѣвшими бровями дрожатъ глаза безъ зрачковъ . . . Сфинксъ! Сидящій на высотахъ,

застывшій титанъ, убитый морозомъ . . . или бытіе высшей силы, безъ чувствъ и сна. Подъ вліяніемъ его тѣни тонетъ сіяніе заката, погибаетъ и исчезаетъ луна, вся земля ложится въ гробъ, передъ этимъ лицомъ, суровымъ — какъ смерть!

Теперь и онъ понимаетъ, что наступаетъ послѣдній актъ.

— Смерть! Дѣйствительно, что же можетъ быть иное? Однако, ему нехорошо, морозъ кусаетъ его тѣло, члены нѣмѣютъ, онъ чувствуетъ себя измученнымъ, въ ушахъ звучатъ какіе-то отдаленные призывы, его тянетъ ко сну и спокойствію.

Онъ забываетъ о Сфинксѣ, чьи лапы зарылись въ ледъ надъ его головой. Его влекутъ сонъ и призывъ смерти, вѣдь онъ затѣмъ и пришелъ сюда, чтобы изслѣдовать тайну ихъ близкаго родства.

И вдругъ, внезапно, въ мірѣ, превратившемся въ одно созданіе отчаянія, творится страшная, стихійная вещь. Гдѣ-то, отъ высокаго колосса горы, начался стонъ и грохотъ падающихъ гранатъ и необъятная атмосфера загудѣла гуломъ тысячи адскихъ пушекъ, какъ будто бы бомбы вылетѣли сразу изъ всѣхъ жерлъ. Весь этотъ хаосъ, тяжелыхъ и сверкающихъ, какъ молніи, массъ закипѣлъ въ воздухѣ, а вслѣдъ за нимъ бросились клубы снѣжныхъ урагановъ. Какъ будто бы полъ-неба свалилось на вершины горъ, и земной шаръ распадался на части подъ силой такого удара...

Часть отвѣснаго ледника, подкопанная морозомъ и нагруженная снѣгомъ, рухнула въ пропасть, своей тяжестью увлекая скалы, сокрушая льды, прорываясь черезъ снѣговые сугробы и гудя въ вихрѣ паденія страшнымъ эхомъ пустыни.

Долго съ нижнихъ террасъ, съ отдаленныхъ ска-

товъ, несся грохотъ обезумѣвшей массы, гулъ льдинъ, разрывавшихъ, какъ петарды, глухой громъ лавинъ, увлекаемыхъ паденіемъ, звонъ гранитныхъ скалъ и свистящій градъ мелкихъ камней. . . . . .

Площадка Родовскаго на половину разбита, засыпана снѣгомъ промчавшейся страшной лавины.

Въ немъ пробуждаются инстинкты самосохраненія, унаслѣдованные отъ предковъ, и преодолѣваютъ больное безсиліе нервовъ. Слабая частица человѣчества, заблудившаяся въ нѣдрахъ гибели и ужаса, онъ дрожитъ теперь, какъ раненая птица, пытается отмести снѣгъ и жалуется матери-природѣ. И на помощь къ нему приходятъ двѣ силы жизни: боль и чувство бытія.

Замерзшія капли пота огнемъ жгутъ его пылающіе виски. Сердце бьется, какъ молотъ, и страдаетъ отъ каждой вновь приливающей волны крови. Испуганное тѣло требуетъ спасенія отъ мозга и велитъ ему дѣйствовать. Изъ летаргіи мрака встаютъ мысли, точно рой слабыхъ искръ, бѣгутъ, какъ муравьи, по покинутому пути и стараются сосредоточиться надъ жизнью, какъ огонекъ свѣта. За ними поднимается другой рой, мелкія крупинки чувствъ и заливаютъ огонекъ водою горя.

И снова меркнетъ вся картина жизни. Мать, молодость, счастіе, она, будущее... Мать — умерла; молодость — не вернется; будущее? но вѣдь теперь жизнь кончается. И вновь является къ нему быстроногій вѣстникъ, незваный гость, гость отталкиваемый, изгоняемый — печаль. Она давитъ его горло, грудь болитъ, какъ открытая рана.

Онъ хотѣлъ взлетѣть выше другихъ: и умираетъ убитый лавиной собственныхъ мыслей...

Почему его покинули всѣ? — Надъ нимъ стоитъ безъ сна и чувствъ тѣнь зловѣщей горы съ лицомъ Сфинкса, неподвижно, безжалостно. Ниже выглядываютъ изъ-за зубцовъ морены нагіе хребты гранитовъ, черные, какъ ночь. Ледники сверкаютъ синевой... Развѣ его сердце не умѣло любить?

Никто о немъ плакать не будетъ. Мать, нѣжная, — ея нѣтъ въ живыхъ. Отецъ — чужой! Возлюбленная? Онъ не имѣлъ ни одной; та единственная, что издали привлекла его, какъ золотая звѣзда — ничего не можетъ сдѣлать для него и сама погибаетъ... Ахъ! она, можетъ быть, была бы для него источникомъ радости и силы, но, какъ мистическій цвѣтокъ, увяла тамъ далеко, отъ дыханія его холодной мудрости, раньше, чѣмъ онъ ее увидѣлъ.

Такіе, какъ онъ, должны имѣть силу и гордость уходить изъ міра одинокими.

Губы его засохли, измученный организмъ замираетъ отъ тоски по живительному напитку. Онъ хочетъ пить, пить...

И дрожащей, озябшей рукой, онъ собираетъ окружающій его снѣгъ, съ тоской ищетъ напитка, одной капли напитка. Тогда шелестящій конвертъ, который онъ машинально захватилъ съ собой снизу, попадаетъ въ его руки.

Онъ поднимаетъ голову, узнаетъ буквы. Оттуда! Отъ нея!

Но въ его глазахъ кружатся золотистыя точки и мелькаютъ круги красныхъ огней. Онъ опирается головой о кристаллъ льда, закрываетъ глаза, хочетъ отдохнуть минутку, погасить огни — и плакать.

На снѣжныхъ руинахъ сидитъ бѣлая волшебница, склоняетъ голову и рыдаетъ. Кто ее обидѣлъ? Изъ

ея сердца виситъ разорванная цѣпь и сіяетъ пурпуръ крови...

Съ шелестомъ падающаго снѣга идутъ по льду стада бѣлыхъ ланей и смотрятъ ему въ глаза брилліантами слезъ...

Все вокругъ охватилъ мракъ.

XXXI.

Красовцы.

Кто-то сказалъ, что истинный мудрецъ долженъ запретить себѣ употребленіе двухъ выраженій: всегда и никогда. Я простилась съ тобой — какъ казалось — навсегда, а теперь снова обращаюсь къ тебѣ. Я должна сказать тебѣ одну очень важную вещь.

Я знаю, что теперь ты находишься среди своихъ излюбленныхъ Альпъ, въ это время холодныхъ и опасныхъ для жизни. А между тѣмъ жизнь готовитъ для тебя одинъ изъ тѣхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, что связываютъ лентою счастія человѣческія сердца съ жизнью.

Я зову тебя: возвращайся!

Возвращайся, какъ можно скорѣе, въ столицу, покинутую тобой ради смертельно-скучныхъ и опасныхъ пустынь. Направь свои шаги въ домъ искренно встревоженной за тебя нашей общей родственницы, а тамъ...

Послушай!

Въ потокѣ жизни бываютъ иногда такія удивительныя волны, что возвращаются. Въ вереницѣ тѣней, оставленныхъ нами на пройденномъ уже жизненномъ пути, бываютъ иногда такія, что воскресаютъ изъ мертвыхъ и возвращаются назадъ.

Приходи, чтобы напиться изъ чистой волны, вернувшейся къ тебѣ. Приходи, чтобы отъ любимаго существа почерпнуть тотъ свѣтъ и тепло, которыя пробуждаютъ изъ мертвыхъ душу, убитую мракомъ и холодомъ.

И пусть онѣ обѣ: чистая волна и любимое существо, будутъ тебѣ въ помощь въ твоихъ полетахъ по горнимъ путямъ, въ твоемъ стремленіи на крыльяхъ любви и мысли къ высокимъ, великимъ, яснымъ и спасительнымъ звѣздамъ!

XXXII.

Вѣна.

Твой призывъ, Северина, нашелъ меня на порогѣ царства смерти, и велики должны быть чары голоса, побѣдившаго смерть. Велика должна быть надъ человѣкомъ сила сердца, коль скоро его усиленное біеніе вливаетъ тепло въ застывающіе члены и жаждой жизни оживляетъ замирающій мозгъ.

Эта сила побудила мой мозгъ искать пути спасенія, а когда я ставилъ на нихъ неувѣренные еще шаги, съ помощью прибылъ мой отецъ.

Съ нимъ тоже произошла неожиданная вещь. Я увидѣлъ его измѣнившимся до неузнаваемости, почти наивнымъ въ своей тревожной нѣжности ко мнѣ, и впервые изъ-за завѣсы его обычныхъ дѣлъ, его характера и его образа жизни засверкалъ предъ моими глазами брилліантъ его сердца. Я зналъ и раньше, что онъ меня любитъ, но только въ тотъ моментъ я почувствовалъ себя любимымъ, и мое сознаніе, уже воскресшее, какъ стрѣла, пронизала мысль: знать — это украшать и освѣщать жизнь, но жить — это чувствовать.

Я думалъ потомъ, когда ко мнѣ, окруженному безопасностью и тишиной, сквозь окна альпійскаго шалаша заглядывала ночь своимъ звѣзднымъ небомъ, что изъ твоей легенды неоднократно глядитъ лицо правды, и что въ звукахъ твоей арфы есть ноты спасенія.

Уже на другой день, несмотря на смертельную усталость, я возвращался домой.

Ты обѣщала мнѣ возвратъ волны, что прошла, и возвратъ любимаго существа, что уже соединилось съ вереницей прошедшихъ тѣней.

Въ горномъ шалашѣ, блуждая безсонными глазами по звѣздному небу, и въ долгомъ пути нетерпѣливо устремляя взглядъ въ осеннее ненастье, я думалъ о тебѣ...

А теперь, я полонъ удивленія; оно едва позволяетъ шептать мыслямъ, чувствамъ и рѣчи.

Значитъ, эта волна, эта тѣнь...

Значитъ, она была съ тобой, около тебя! вы были тамъ вмѣстѣ тогда, когда сила, для меня самого таинственная и неизвѣстная...

Глухо и непонятно работала во мнѣ вновь узнанная сила сердца и все полнѣе уяснялась въ разговорѣ съ тобой. Эта отрицаемая мной сила привела меня къ порогамъ царства смерти и оттуда призвала назадъ къ жизни.

Въ моемъ разочарованіи закипѣла сначала красная капля гнѣва, но когда рядъ долгихъ часовъ раздѣлилъ меня съ минутой открытія ошибки, я начинаю замѣчать блуждающія предо мной какія-то бриллiантовыя искры.

Я додумываюсь, угадываю и не знаю, вырываются ли брилліантовыя искры изъ яснаго теперь для меня окончательно величія твоего духа, или изъ

увидѣннаго вновь этого дѣвичьяго лица, на которое такую яркую печать наложило пережитое страданіе.

Позволь мнѣ сегодня не продолжать дальше.

XXXIII.

Вѣна.

Во мнѣ развивается вмѣстѣ съ уплывающими днями длинная лента размышленій и волненій.

Моя гордость, неразлучная спутница моихъ минувшихъ лѣтъ, встаетъ предо мной, а я, бросаю ей въ лицо ироническую улыбку и спрашиваю: гдѣ же ты была, когда среди замерзшихъ альпійскихъ великановъ меня охватывала слабость смерти? Развѣ ты сила, если я впалъ въ смертное безсиліе? Развѣ ты источникъ жизни, если, несмотря на обладаніе тобой, я шелъ искать спасенія отъ жизни у смерти?

И я чувствую на своихъ губахъ ядовитую улыбку, съ какой человѣкъ смотритъ на то, что, казалось, было для него всѣмъ, а оказалось ничѣмъ.

Краснорѣчивы и убѣдительны блѣдныя уста смерти, увидѣнной вблизи.

Еще одно. Каковы бы ни были начала добродѣтели и способы, какими она возникла и развивалась въ человѣчествѣ, она прекрасна и возбуждаетъ къ себѣ любовь; она благодѣтельна потому, что возбуждаетъ любовь. Любовь и поклоненіе. Я не спрашиваю тебя, можетъ ли поклоненіе быть радостью, ибо я чувствую ея радость въ себѣ, но скажу тебѣ, что я открылъ въ немъ неожиданную для себя вещь: вѣру. Я повѣрилъ въ красоту и благодѣтельность добродѣтели, когда ея ангельское дыханіе коснулось моего засыхающаго сердца.

И я спрашиваю свою мудрость: гдѣ же были

твои глаза, угасшіе или слишкомъ устремленные въ даль, коль скоро я долженъ былъ коснуться, дабы повѣрить? а она отвѣчаетъ мнѣ, что глаза ея были устремлены на весь міръ, но не видѣли многаго, или слѣпли, попадая въ пустыни.

Мудрость, блуждающая въ пустыняхъ души, слѣпнетъ во мракѣ такъ же, какъ человѣкъ, что, отдѣляясь отъ своихъ товарищей по природѣ и долѣ, страдаетъ отъ песковъ сухой пустыни.

Довольно на сегодня о размышленіяхъ. Я коснулся только главныхъ пунктовъ, они еще обмотаны нитями изслѣдованій трудныхъ, сложныхъ, похожихъ на нѣжную пряжу шелкопрядовъ. Эту пряжу я еще самъ не распуталъ до конца, но я не колеблюсь и не стыжусь показывать ее тебѣ: ты первая зародила во мнѣ туманъ новаго созданія.

XXXIV.

Вѣна.

Среди мебели экзотическихъ формъ, эксцентричныхъ бездѣлушекъ, болѣзненныхъ красокъ, искусственно вызваннаго освѣщенія, она явилась предо мной, какъ гибкій и бѣлый нарцисъ. Отъ нея вѣяло непорочностью полей, нетронутыхъ испареніями человѣческой жизни, отъ нея какъ будто бы вѣяло, свѣжестью твоего лѣсного затишья и весенняго очарованія яблонь, что стоятъ въ вашихъ садахъ въ праздничныхъ одеждахъ изъ блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ. Она, какъ контрастъ, обрисовалась на томъ фонѣ нектарниковъ, гдѣ я увидѣлъ ее, и мой взглядъ выдѣлилъ ее изъ окружающей среды, раньше чѣмъ удивленіе позволило мнѣ дать ясный отчетъ передъ самимъ собою въ испытываемыхъ ощущеніяхъ.

Стоя передъ нею, я прекрасно чувствовалъ, что мои брови сдвинуты, и злой огонь горитъ въ глазахъ. Ея нарцисовое лицо было покрыто нѣжнымъ румянцемъ, она съ дружеской улыбкой протянула мнѣ руку для привѣтствія и въ нѣсколькихъ словахъ напоминала то время, когда я былъ „такъ безконечно добръ къ ея матери“. Такимъ образомъ она сразу поставила меня и себя выше банальнаго удивленія и вопросовъ, а главнымъ образомъ воспоминаній, въ которыхъ могутъ заключаться жала оскорбленія и стыда. Въ этомъ было много простоты и деликатнаго такта, за которые я почувствовалъ къ ней благодарность.

Но я все-таки хотѣлъ уйти и какъ можно скорѣе остаться наединѣ, съ тучей печали, что снова скоплялась надо мной; но ты знаешь Идалію, она вбѣжала въ гостинную съ потокомъ словъ, вскрикиваній, привѣтствій, вопросовъ, на которые она сама себѣ отвѣчала. Она была воплощеніемъ чрезвычайной и искренней радости, по поводу моего возвращенія. Всѣмъ этимъ она тронула меня и на нѣкоторое время удержала при себѣ.

Значитъ правда, Идалія просила тебя, чтобы ты пріѣхала къ ней на зимніе мѣсяцы, и имѣла какіе-то поводы полагать, что ты выслушаешь ея просьбу? Но вмѣсто того, чтобы пріѣхать самой, ты прислала къ ней вашу общую молоденькую родственницу. Ты хотѣла, чтобы дѣвушка, живущая въ горѣ по утраченной матери и въ глубокомъ, деревенскомъ одиночествѣ, провела нѣкоторое время среди развлеченій веселаго и блестящаго свѣта, и съ такой цѣлью ты прислала ее подъ материнское крылышко Идаліи.

Идалія свято вѣритъ, что ты задумала бросить

въ вихрь свѣтскихъ развлеченій свою молодую подругу и показать ей свѣтъ.

Идалія свято вѣритъ въ это... но ты не требуй отъ меня такой вѣры.

Что ты могла ей сказать, какъ ты могла склонить ее покинуть Красовцы?

Ее совершенно не удивило мое появленіе. Я могъ предполагать, что Идалія говорила ей о моемъ близкомъ возвращеніи изъ горъ. Однако, нѣтъ. Она совершенно ничего ей не говорила.

— Я не знала, что вы знакомы, что вы уже встрѣчались. Гдѣ? Когда? При какихъ обстоятельствахъ?

Я всталъ, и рѣшительно заявивъ, что долженъ уйти, простился съ ними.

Она подняла свое блѣдное лицо надъ японской вазой, гдѣ укладывала пышный букетъ цвѣтовъ, и среди лиловыхъ ирисовъ ея маленькія губы изъ блѣднаго коралла улыбнулись мнѣ такъ же мягко, какъ и раньше. Но она ничѣмъ не выказала сожалѣнія, что я ухожу, и желанія, чтобы я вернулся; не сказала ни одного слова и опустила рѣсницы на глаза, такъ, что я и не видѣлъ ихъ серебристой лазури.

Тогда только я замѣтилъ, что она блѣднѣе, чѣмъ два года тому назадъ, что фигура ея тоньше, воздушнѣе, а на лбу, обвѣянномъ легкой золотистой путаницей волосъ, печать какого-то выраженія, котораго раньше на немъ не было.

Я не знаю что, но что-то было на ея лицѣ и лбѣ, гладкомъ и бѣломъ, какъ лепестки нарцисса, что давало поводъ къ размышленіямъ и вопросамъ... Какая-то печаль, какая-то тѣнь тѣни, можетъ быть, слѣды долгихъ поцѣлуевъ страданія, или тоски. . .

. . . . . .

И гдѣ же на землѣ есть такой возвышенный духъ, такой равнодушный къ земнымъ вещамъ, который бы удивился тому, что я быстро вернулся назадъ?

Такимъ духомъ попытался быть я, но, отдаляясь отъ центра тепла, моя жизнь описала такую дугу отъ солнца, что еще минута, и я бы преждевременно и напрасно исчезъ изъ міра.

Я быстро вернулся къ экзотическимъ бездѣлушкамъ, эксцентричнымъ формамъ, болѣзненнымъ краскамъ, гдѣ среди чащи лиловыхъ ирисовъ мнѣ улыбался дружеской и скромной улыбкой кораллъ блѣдныхъ губъ. А главной причиной моего возвращенія было то, что эта улыбка была такъ ангельски чиста.

Нѣсколько дней я думалъ о бѣлыхъ сердцахъ, которыхъ не отталкиваютъ желтыя капли оскорбленій и предъ чьей добротой отступаетъ красный гнѣвъ. Я думалъ о глазахъ, что въ видѣніяхъ несбывшагося счастія окружаются темными полосами страданія, о алебастрѣ лба, отмѣченнаго пятномъ тоски и — понялъ, что такое сочувствіе.

Теперь я уже знаю. Сочувствіе — это перенесеніе страданія изъ сердца въ сердце.

Я начинаю прочитывать первыя буквы твоего алфавита . . .

Прежде, чѣмъ ко мнѣ вернулось сознаніе, что эта дѣвушка прекрасна, я понялъ, что она долго была печальна, а такъ какъ я могу считать себя источникомъ ея печали, то мою мысль придавила тяжелая загадка, ты сказала бы, голосъ совершенной вины; раньше я бы иронически усмѣхнулся надъ твоими словами и сельскими вѣрованіями, а теперь эта загадка безпокоитъ меня, требуя немедленнаго рѣшенія, но я еще не знаю, какъ ее примирить съ моими понятіями и моимъ міровозрѣніемъ.

Есть, повидимому, истины, познаніе которыхъ можетъ быть дано намъ только на остріѣ жизни. Мы не воспринимаемъ ихъ изъ книгъ или изъ чужихъ устъ, онѣ проникаютъ въ насъ только вмѣстѣ съ остріемъ жизни. Ты была права, говоря, что различны пути познаванія.

Теперь мнѣ приходятъ на память твои слова:

„Неважно происхожденіе горькой капли; если въ чьей либо душѣ она есть, то та душа становится дороже и цѣннѣе для человѣка, сознающаго и чувствующаго въ своей душѣ ту же каплю полыни".

Ея душа стала для меня дороже, съ тѣхъ поръ, какъ я распозналъ въ ней горькую каплю...

Развѣ, углубляя это психическое явленіе, нельзя открыть въ немъ источника той человѣческой любви, понять и изслѣдовать которую я никогда не могъ? Развѣ не изъ этихъ горькихъ капель, разсѣянныхъ въ человѣческихъ душахъ, возникаетъ цѣпь человѣческаго братства? Печальная цѣпь, звенья ея слезы, а можетъ быть, и благословенная цѣпь, коль скоро слезы сіяютъ радужными блесками утѣшенія и успокоенія! . . . . . .

Идалія разъ стала мнѣ разсказывать о ея якобы музыкальномъ талантѣ, а заговоривъ о чемъ-нибудь, она обычно исчерпываетъ тему до мельчайшихъ подробностей, и я узналъ также о долгомъ изученіи музыки въ Парижѣ, еще при жизни матери, о томъ, что и теперь Генрика проводитъ за фортепіано долгіе, вечерніе часы.

— Какъ въ пущѣ! — жаловалась Идалія и долго сѣтовала на неслыханное равнодушіе такого молодого существа къ безчисленнымъ приманкамъ столицы. — Правда, осматривать Вѣну ей — незачѣмъ, ибо она знаетъ ее хорошо, проведя здѣсь нѣкогда

долгое время съ матерью, но вѣдь есть новыя вещи и навѣрно Генрикѣ неизвѣстныя, есть много новыхъ, интересныхъ, прекрасныхъ новинокъ... Но Генрика ни о какихъ развлеченіяхъ слушать не хочетъ, и въ такомъ прекрасномъ, большомъ городѣ живетъ такъ же, какъ въ пущѣ...

— Какъ въ пущѣ! — отвѣтило у окна тихое эхо и, несмотря на то, что оно было тихое, въ немъ зазвучала шаловливость, почти дѣтская.

Генрика сидѣла у окна, за бамбуковымъ столикомъ, забросаннымъ шелками вылинявшихъ цвѣтовъ, занятая вязаніемъ изъ этого шелка какихъ то художественныхъ узоровъ; уже четверть часа, какъ меня поглощало наблюденіе изъ глубины комнаты за нѣжными линіями ея профиля: обрисовываясь на фонѣ малиноваго стекла, онъ напоминалъ собою камею, рѣзанную руками художниковъ въ жемчужной массѣ и оправленную въ рамку изъ сердолика. Этотъ профиль повернулся теперь къ Идаліи съ внезапнымъ свѣтомъ нѣжной улыбки. Но улыбка была только мгновеннымъ блескомъ свѣта, затѣмъ она снова склонилась надъ шелками, такая далекая отъ меня, какъ будто бы насъ раздѣляло семь рѣкъ и семь лѣсовъ.

Я не знаю, какимъ образомъ она провела между мной и собой такую даль; она не уменьшила ее потомъ ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ, никакимъ проявленіемъ, могущимъ, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ, выказать желаніе приблизиться ко мнѣ. Я не могъ ожидать этого послѣ нашей первой встрѣчи, но въ такой неожиданности заключалось таинственное очарованіе медленнаго распознаванія благородныхъ и чистыхъ явленій. Нѣжныя линіи ея мягкихъ губъ не обманывали; есть всегда много нѣжности въ томъ, какъ она привѣтствуетъ

меня и отвѣчаетъ на мои изрѣдка обращенныя къ ней слова: но спокойствіе ея движеній, чертъ, словъ и поступковъ такъ чисто отъ недостатковъ кокетства или легкомыслія, что становится еще болѣе цѣннымъ и привлекательнымъ.

Быстро угасъ блескъ ея улыбки, а я ничего не сдѣлалъ, чтобы вызвать его вновь. Мои губы не открылись, чтобы просить блеснуть скрытымъ талантомъ. Выручила меня Идалія, но ея просьбы и настаиванія не достигли результата. Генрика отказалась, вѣжливо отговариваясь отсутствіемъ желанія и настроенія. Она навѣрно не знала, какъ она тронула меня этимъ отказомъ. Она напомнила мнѣ вѣтку барвинка въ Гейсбахѣ, и я почувствовалъ радость, что нахожу ее такой же, какой она была тогда. . .

. . . . . .

Прошелъ цѣлый рядъ дней, и я снова возвращаюсь къ труду. Возвращаюсь я медленно, ибо путь отъ дворца смерти къ станку труда никто не можетъ пройти безнаказанно и съ ненарушенными силами. Во мнѣ возрождается прежній огонь моей мысли, но теперь я чувствую, что мысль не составляетъ для меня всего, что она не единственная. Я вижу ее такой же высокой и великой, какъ раньше, но теперь она является мнѣ въ вѣнцѣ новыхъ высотъ и новыхъ настроеній.

Помнишь ли, какъ ты разъ разсказывала мнѣ о наукѣ, что она мраморная госпожа, ѣдущая въ желѣзной колесницѣ, и что она только тогда согрѣваетъ и оплодотворяетъ проѣзжаемыя страны, когда впереди ея летитъ пламенная звѣзда любви съ золотыми волосами.

Я возвращаюсь къ труду и въ обществѣ твоей Психеи; она шепчетъ мнѣ рѣчи, ранѣе мнѣ неизвѣст-

ныя, рѣчи раньше пренебрегаемыя, безъ которыхъ „я задохся было сухимъ пескомъ пустыни“.

Получу ли я когда-нибудь въ свое вѣчное владѣніе, ту звѣзду, „что зажигаетъ огонь и огнемъ проходитъ міръ“?

Послушай, какимъ образомъ я близко почувствовалъ на себѣ ея дыханіе.

Ты была въ Вѣнѣ, знаешь ее; помнишь ли ты Грабенъ и шумныя прогулки на немъ жителей Вѣны, въ осенніе или зимніе послѣполуденные часы, ранній мракъ которыхъ зажигаетъ зарево искусственнаго свѣта? Тамъ царитъ тогда человѣческая давка, шумъ разговоровъ на тротуарахъ, громкій стукъ экипажей, несущихся посрединѣ улицы, а въ бѣломъ и красноватомъ свѣтѣ множества электрическихъ лампъ, изъ-за зеркальныхъ оконъ магазиновъ неисчислимыми красками и блескомъ сіяютъ сокровища Голконды. Къ этимъ-то именно сокровищамъ, чтобы упиться ихъ блескомъ, или пріобрѣсти въ собственность частицу, уже долгіе годы привыкли стремиться въ опредѣленные часы жители Вѣны.

Мы, какъ и другіе, шли съ волной, а вѣрнѣе туда направлялась Идалія и уговорила насъ сопутствовать ей. Не пришлось долго уговаривать; ея молоденькая гостья быстро согласилась, говоря, что она охотно увидитъ сокровища Грабена. Но когда она ушла, чтобы одѣться, Идалія таинственно зашептала мнѣ.

— Не вѣрь ни капли тому, что она хочетъ видѣть магазины на Грабенѣ. Она идетъ туда, потому что хочетъ припомнить себѣ тѣ минуты, когда она была тамъ съ матерью. Уже прошло два года, а ея горе по матери все еще попрежнему глубоко. Есть вѣдь на свѣтѣ такія удивительныя натуры, что

когда какое-либо чувство поселится въ нихъ, то уже его невозможно выманить даже по лѣстницѣ, сплетенной изъ розъ. Я бы такъ не могла... Я бы отравилась отъ такой долгой печали.

Идалія дѣйствительно одна изъ тѣхъ натуръ, отравлять которыя печаль не имѣетъ времени, ибо ее отгоняетъ колыханіе страусоваго пера на шляпѣ и растопляетъ первая капля какого-нибудь моднаго нектара.

Я задумался о такихъ удивительныхъ натурахъ, въ которыхъ разъ вспыхнувшее чувство нельзя выманить даже по лѣстницѣ, сплетенной изъ розъ, и Идалія посвятила меня еще глубже въ одну изъ такихъ натуръ.

— Знаешь ли, что мнѣ вчера сказала Генрика? Когда я напала на нее за слишкомъ долгій трауръ по матери, она мнѣ сказала такія слова, я ихъ очень хорошо помню, вѣдь это было вчера. „Если бы въ будущемъ когда-либо въ Трувиллѣ или въ Парижѣ, или на вершинѣ самой Юнгфрау я встрѣтила такую любовь, что моей свѣтлой вѣрѣ показалась бы лазурнымъ ангеломъ, то и тогда я не ожидаю отъ нея сокровища, равнаго сердцу матери“, а потомъ она добавила: „тѣмъ болѣе, что я уже и не имѣю такой свѣтлой вѣры“.

Прекрасная терраса гостиницы въ Гейсбахѣ, высокія скалы надъ тѣнью озерныхъ водъ, ея платье свѣтло-жемчужнаго цвѣта и вѣтка барвинка на лифѣ — все это вновь воскресло передъ моими глазами съ рельефностью вчера видѣнныхъ вещей, при звукѣ словъ, повторяемыхъ Идаліей, въ которыхъ я узналъ свои собственныя слова.

Интересно, въ тѣ долгіе дни, когда она такъ вѣрно повторяла въ памяти услышанныя отъ меня

слова, смотрѣли ли ея глаза въ далекую даль, къ скаламъ и водамъ Гейсбаха? и были ли они печальны? и такъ ли, какъ теперь, въ нихъ не было ни одной искры гнѣва на дерзкаго, лишившаго ее свѣтлой вѣры?

О волна, не только чистая, но такая вѣрная волна!

Едва мы отошли нѣсколько сотъ шаговъ отъ квартиры, какъ Идаліи стали попадаться навстрѣчу знакомые, спѣшившіе въ ту же сторону, что и она, и различнымъ образомъ манифестировавшіе свое удовольствіе встрѣчей. И вскорѣ такъ вышло, что двое людей, наиболѣе молодыхъ и наиболѣе слабыми нитями связанныхъ съ обществомъ, выдѣлились, и между тѣмъ, какъ Идалія шла впереди, въ кругу встрѣченныхъ дамъ и мужчинъ, мы очутились рядомъ другъ съ другомъ, несмотря на густую толпу, въ такомъ одиночествѣ, какъ будто вокругъ насъ были воды Гейсбахскихъ озеръ, или пустынныя равнины бѣловѣжскаго Никара.

Еще день не окончился, и на улицѣ не зажигали лампъ. Въ концѣ широкаго Ринга, среди высокихъ зданій, небо спускалось блѣдно-лазурной занавѣсью, солнце вырисовало на ней путь изъ пропитанныхъ золотомъ красныхъ и фіолетовыхъ лучей. Отъ этого далекаго свѣта, что надъ чистыми полями зажигала тихая природа, лились на великолѣпныя зданія, шумныя улицы и толпу какія-то тоскующія краски и тоны, какъ будто бы лилось и впивалось въ каменную, парную и душную дѣйствительность большого города чистое дыханіе полей, легкое, почти мистическое дыханіе радости, о какой вздыхаетъ душа.

Я посмотрѣлъ на свою спутницу и увидѣлъ, что она всматривается въ небо глазами, полными тоски и задумчивости.

Я угадывалъ, что мыслью она была далеко, далеко отъ всего окружающаго и отъ меня. Когда я обратился къ ней съ замѣчаніемъ, что, вѣрно, душа ея въ данный моментъ находится среди лиственницъ Красовецъ или сосенъ и елей Бѣловѣжи, то она имѣла видъ существа, внезапно пробужденнаго отъ сна. Безъ малѣйшаго колебанія она отвѣтила мнѣ, что дѣйствительно она думала о томъ, какъ хорошо и тихо въ эту предвечернюю пору заходитъ солнце за черную стѣну пущи, и что послѣ его заката надъ пущей встаютъ такія же краски и свѣтъ.

Никогда еще со времени нашей встрѣчи она не говорила такъ много, и я почувствовалъ, что держу въ рукахъ ключъ, какимъ легче всего открываются ея скромныя, или гордыя губы.

Мы приблизились къ тому мѣсту, куда, какъ я зналъ, она стремилась съ цѣлью вызвать въ воображеніи видѣніе исчезнувшей изъ міра матери.

Хотя я самъ не испыталъ никогда такого чувства, но для меня понятна та жажда сердца, что заставляетъ иногда ходить людей на кладбища и тамъ заклинать увядающіе цвѣты горя, дабы они вновь расцвѣли. Все равно на какія кладбища, ибо каждое мѣсто, гдѣ остались наши моменты, нѣкогда пережитые, а потомъ умершіе, полно могилъ, ясныхъ для насъ однихъ. Я зналъ, что на одну изъ такихъ могилъ ее ведутъ теперь воспоминанія, и мнѣ захотѣлось, чтобы она не замѣтила этой могилы, не сорвала съ нея чернаго цвѣтка горя. Вѣдь у меня въ рукахъ былъ магическій ключъ къ ея мысли и губамъ.

Когда она шла рядомъ со мной задумчивая и не обращая вниманія на то, что творилось вокругъ, я больше чувствовалъ, чѣмъ замѣчалъ, спокойный и

ровный ритмъ ея шаговъ, не нарушаемый даже тѣмъ, что приходилось почти постоянно расходиться съ идущей навстрѣчу волной прохожихъ. Вызванный очевидно прогулкой румянецъ слегка оживлялъ бѣлизну ея лица, а пряди волосъ, дерзко вылѣзавшихъ изъ-подъ маленькой шляпки съ фіалками прозрачной позолотой покрыли ея лобъ. Что эта дѣвичья головка показалась мнѣ удивительно весенней, что она показалась мнѣ, надъ окружающими ея шею серебристыми перьями, цвѣткомъ, выглядывавшимъ изъ посеребреннаго снѣга, это совершенно понятно, но мое горячее желаніе отвести отъ нея траурный флеръ, разсѣять росу жгучихъ слезъ еще недавно меня бы весьма удивило и поразило.

Надъ шумной и веселой улицей массой бѣлыхъ и красноватыхъ огней на вершинахъ столбовъ и за зеркальными окнами магазиновъ засіяли электрическія лампочки. Идя рядомъ съ ней, я старался, несмотря на давку, не отдаляться отъ нея и согласовать свои шаги съ ея всегда спокойными и ровными шагами, потомъ я сталъ спрашивать ее: Долго ли она была въ Красовцахъ? Давно ли она знаетъ тебя? Хорошо ли знаетъ пущу? Видала ли она вѣнки омелы на липахъ и бѣлоснѣжныя таволги, сверкающія въ мракѣ лѣса? Была ли она въ замкѣ? Была ли тамъ, гдѣ среди водъ черныхъ, какъ смола, поднимаются къ небу громадные дубы, похожіе на сказочныхъ Атласовъ? Навѣщала ли она хаты будниковъ и въ звѣздные вечера, когда такъ тихо, что можно слышать слабые выстрѣлы дикихъ бальзаминовъ, качаемыхъ крыломъ ночныхъ мотыльковъ, слыхала ли она тѣ легенды и сказки народа, въ которыя человѣческая исторія смотритъ, какъ въ волшебное зеркало? И еще я спрашивалъ ее, знаетъ

и она исторію рода Здроевскихъ? Знаетъ ли она ебя дѣйствительно близко, до дна твоей души, до глубины твоихъ дней и мыслей?

Она отвѣчала съ колебаніемъ и легкимъ безпокойствомъ, съ нескрываемымъ удивленіемъ, что я обо всемъ этомъ знаю, и съ радостью, что интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что для нея такъ дорого и мило. А когда она призналась, что то, чемъ я ее спрашиваю, ей чрезвычайно дорого и мило, то рухнули послѣднія преграды, поставленныя межъ нами ея робостью, гордостью, или скромной, по отношенію ко мнѣ, неразговорчивостью.

Нашъ разговоръ сталъ оживленнѣе; я принималъ въ немъ сначала, можетъ быть, только такое участіе, какое принимаетъ робкое дрожаніе листьевъ въ пѣніи соловья, слѣдя лишь за тѣмъ, чтобы оно не прекратилось.

Измѣнились позиціи, нѣкогда занимаемыя нами по отношенію другъ къ другу при нашемъ послѣднемъ разговорѣ въ Гейсбахѣ. Если я тогда былъ ораторомъ-монологистомъ, а она моей тихой задумчивой слушательницей, то теперь она говорила о тебѣ, о пущѣ, обо всемъ, что въ тебѣ и вокругъ тебя, а я только старался продолжить пѣніе ея соловьиной души, только слѣдилъ за тѣмъ, чтобы оно не умолкло въ какомъ-нибудь новомъ порывѣ недовѣрія.

И если я тогда, увлеченный волной кипящей крови, имѣлъ огонь на щекахъ и жаръ въ глазахъ, а она, по мѣрѣ моей рѣчи, становилась блѣднѣе и молчаливѣе, то теперь, видя въ потокахъ электрическаго свѣта, какъ все болѣе живой румянецъ покрываетъ ея лицо и горячій блескъ загорается въ ея глазахъ, я чувствовалъ, что я блѣднѣю и склоняю голову.

Совершенно не слѣдя даже мимолетнымъ взглядомъ за впечатлѣніями моего лица, вызываемыми ея рѣчью, всей полнотой чувствъ и мыслей она обращалась къ недалекому прошлому, въ нѣжныхъ словахъ и радужныхъ видѣніяхъ она повторяла мнѣ все, что прошло предъ ея глазами, сердцемъ и умомъ, пока она находилась въ лучахъ твоей мысли, твоего сердца.

То былъ, можетъ быть, гимнъ поклоненія, или апоѳеозъ, но вѣрнѣе всего то были краски, огни и эха, сплетенные въ такіе аккорды, какіе очень рѣдко на свѣтѣ могутъ издавать подобныя, маленькія и свѣжія губы.

Улица шумѣла и гремѣла. Посрединѣ ея пробѣгали безчисленные извозчики и экипажи, скрипѣли по желѣзнымъ рельсамъ трамваи, звонили велосипеды, на позолоченныхъ колесахъ, съ султанами испанскихъ ливрей проносились придворныя кареты; потоки электрическаго свѣта лились на проходящую по тротуарамъ толпу нарядныхъ женщинъ и мужчинъ, а главнымъ образомъ на яркую Голконду, сверкающую блескомъ и красками дорогихъ металловъ и камней, роскошныхъ шелковъ, рѣдкихъ плодовъ, утонченнѣйшихъ изысканностей цивилизаціи.

Мы шли рядомъ, разговаривая о заоблачныхъ вещахъ, окруженные шумомъ и говоромъ толпы и такъ забывшіе о ней, какъ только могутъ забывать о какой-нибудь стихіи тѣ, что насквозь ее знаютъ и знаютъ, что она ничего желаннаго уже не можетъ имъ принести.

И я вскорѣ тоже заговорилъ, испытывая такое чувство, какъ будто я разговариваю не только съ этой идущей рядомъ со мной вдохновен-

ной дѣвушкой, но и съ тобой — далекой, и такой близкой.

Видѣніе твоего голоса, съ неизвѣстными мнѣ тѣлесными звуками, прибыло, чтобы вторить звучащему рядомъ со мной голосу; при помощи струнъ сердца, задѣтыхъ съ великою силой, и фантазіи, разгоряченной до наивысшей степени, третій голосъ, еще болѣе далекій, чѣмъ твой, сплелся съ нашими двумя голосами. Онъ прибывалъ издалека, изъ страны бытія, замерзшаго навѣки. Въ краю воспоминаній, глубоко спящихъ подъ слоемъ забвенія, проснулись и подняли головки тѣ яркіе цвѣты, что моя мать изъ своей прекрасной души старалась привить въ маленькомъ сердцѣ сына. И удивительна жизненность такихъ раннихъ посѣвовъ, даже въ томъ случаѣ, если они были рано прерваны, если даже все вмѣстѣ съ ихъ сѣятельницей ушло въ могилу; теперь они вновь воскресли, и вскорѣ я замѣтилъ свѣтлую вереницу союзниковъ, окружившихъ дѣвушку, говорившую мнѣ о легендѣ легендъ, трагической правдой разлитой по землѣ, и о томъ, сколько въ ней боли, страданія, бездны, звѣздъ, радуги, борьбы и траурнаго флера знамени надежды.

И я сталъ говорить, вспоминать, жалѣть, соединяя съ будущимъ то, что было лучшаго въ моемъ прошломъ, обѣщая себѣ самому и этимъ тремъ голосамъ, говорившимъ со мной, что мою мысль, ту мысль, что до сихъ поръ была моей единственной цѣлью и моей единственной гордостью, ту мысль, что бдительно, нѣжно, усердно я развивалъ въ пустынѣ, я унесу изъ пустыни и отдамъ тому — кого люблю.

Такъ сказалъ я и не однѣми только губами. Раньше, чѣмъ слова выбѣжали на мои губы, раньше,

чѣмъ рѣшеніе и воля согласились съ нимъ, со дна моего сознанія поднялось чувство такъ же, какъ поднимается въ немъ при встрѣчахъ съ мыслью міра много психическихъ явленій, о которыхъ мы долгіе годы думали, что они для насъ не существуютъ.

Давно уже мы миновали шумную часть города, называемую Грабеномъ.

Давно уже мы потеряли изъ виду Идалію, вмѣстѣ съ сопутствующими ей знакомыми, и она тоже потеряла насъ изъ глазъ.

Увидѣвъ, что мы находимся почти въ пустомъ мѣстѣ, на какой-то боковой узкой улицѣ, куда мы попали, не зная какъ и не зная когда, Генрика нѣсколько обезпокоилась, но вскорѣ въ ея чертахъ и движеніяхъ появилось обычное спокойствіе, она продолжала идти своимъ обычнымъ, спокойнымъ шагомъ, и спустя минуту я вновь отдавался гармоніи и ровности нашихъ шаговъ по гладкому асфальту тротуара.

Неожиданно, безъ долгихъ размышленій, возможно болѣе равнодушнымъ тономъ я спросилъ ее: правда ли то, что говорила Идалія, и дѣйствительно ли причиной, побудившей ее пріѣхать сюда, было желаніе перемѣнить сельскую тишину на тотъ образъ жизни, богатый свѣтскими удовольствіями, какой она могла вести у Идаліи, въ большомъ городѣ?

Высказавъ свой вопросъ, я смотрѣлъ на ея губы съ чувствомъ живого безпокойства. Признаюсь, что я боялся увидѣть на этихъ губахъ ложь, какъ гусеницу на крыльяхъ ангела.

Довольно долго она не отвѣчала. Кажется, что сначала она была удивлена, а потомъ очень смущена, наконецъ, послѣ краткаго размышленія оба

чувства исчезли, и она совершенно спокойно и просто разсказала мнѣ, какъ было.

Было такъ: въ одинъ прекрасный вечеръ ты пришла къ ней и сказала, что она должна ѣхать сюда, ничего больше — а она такъ безгранично вѣритъ тебѣ, что сейчасъ же отвѣтила: поѣду! Но хотѣла знать: почему она должна ѣхать? И вотъ ты сказала ей, что если кто-либо, можетъ когда нибудь, для кого-нибудь, для чего-нибудь разжечь искру утѣшенія, жизни, силы, или счастія, то долженъ поднять съ этой цѣлью руку и сердце, и не тревожиться мыслью, что, можетъ быть, случай сдѣлаетъ излишнимъ желаніе сердца и руки...

Мои опасенія были напрасны. Ты не могла солгать ей, и она мнѣ не солгала. Такимъ губамъ можно вѣрить безгранично, и великое чувство безопасности, чувство удивительно нѣжной увѣренности заключаются въ безграничномъ довѣріи.

Идалію мы уже нашли дома, нѣсколько обезпокоенную и упрекающую себя за то, что она потеряла насъ изъ виду, но, увидѣвъ наши лица, на которыхъ долженъ былъ отражаться свѣтъ пережитыхъ вмѣстѣ рѣчей и ощущеній, она совершенно успокоилась и задержала меня пить чай. Но я рѣшительно отказался. Я не могъ въ тотъ моментъ вести пустые разговоры, я долженъ былъ остаться наединѣ съ самимъ собой. Легкимъ прикосновеніемъ руки я простился съ той, что была непосредственной причиной массы наполнявшихъ меня волненій и мыслей. Можетъ быть, мой внезапный уходъ она сочла равнодушіемъ къ пережитому только что разговору, а можетъ, угадала его глубокія побужденія, не знаю. Она не сказала ничего. Вернулась къ своему обычному, спокойному равнодушію.

Прошло почти двое сутокъ, прежде чѣмъ я вернулся. Уже вечерней порой, входя въ квартиру Идаліи, въ передней я услышалъ музыку — и мои брови невольно сдвинулись.

Недовѣріе и даже отвращеніе возбуждали во мнѣ разсказы Идаліи о музыкальномъ талантѣ ея молодой подруги; я хорошо зналъ, какой плоской банальностью бываютъ чаще всего выставляемые на показъ въ такъ называемомъ свѣтѣ таланты молодыхъ дѣвушекъ. Но отступить я не могъ и не хотѣлъ. Во мнѣ горѣло неопреодолимое желаніе, прямо необходимость, видѣть ее и говорить съ ней.

Въ домъ Идаліи я имѣлъ право входить безъ доклада. Въ гостинной, кромѣ играющей, никого не было. Звуки музыки заглушили звонокъ въ передней, а густой коверъ, покрывавшій гостиную, отзвукъ моихъ шаговъ.

Незамѣченный, я сѣлъ въ сторонѣ, такъ, чтобы она не могла меня видѣть, а я же ясно видѣлъ ея нѣжный профиль, своей бѣлизной рѣзко отдѣлявшійся отъ темнаго платья. Вдали отъ нея горѣла только одна лампа удивительной формы, заливавшая гостиную изъ-за своихъ разноцвѣтныхъ стеколъ волшебнымъ свѣтомъ, въ которомъ среди другихъ красокъ преобладалъ пропитанный лазурью лиловый цвѣтъ.

Цѣлый рядъ лѣтъ, называемыхъ молодостью, погруженный въ научные труды и увлекавшійся ими, я никогда не имѣлъ ни силъ, ни времени для искусства. Но музыка всегда имѣла власть уносить мои чувства и воображеніе въ неземные міры. И я никогда не упускалъ случая отдаваться ея чарамъ и красотѣ, какъ только она могла быть подана мнѣ въ чашѣ великаго искусства, руками великихъ ху-

дожниковъ. Музыка не была для меня ни неизвѣстной, ни неинтересной, но именно потому я сталъ теперь слушать съ нетерпѣливымъ, почти гнѣвнымъ желаніемъ, чтобы музыка прекратилась какъ можно скорѣе. Я не могъ ставить во зло играющей, что въ одиночествѣ она предается занятію, къ какому пріучилъ ее навѣрно свѣтскій обычай, но я предпочиталъ бы, чтобы банальность этого обычая не портила мнѣ до сихъ поръ гармоническихъ чертъ ея облика, и не нарушала въ данное время наше уединеніе.

Но уже спустя нѣсколько минутъ меня поразило, удивило въ ея игрѣ какое-то особенное умѣнье, безупречная чистота тоновъ, мягкость звуковъ и прикосновенія... Мое враждебное и саркастическое настроеніе быстро исчезло, уступая мѣсто невозможнымъ для описанія наслажденію и страданію, какіе всегда вызываетъ во мнѣ музыка; ихъ тѣсное сліяніе такъ, что невозможно отдѣлить одно отъ другого, неоднократно уже было для меня предметомъ анализа и изслѣдованій на научной почвѣ.

На этотъ разъ мнѣ не нужно было отталкивать отъ себя анализъ съ холодными пальцами; онъ ушелъ самъ, и я нераздѣльно отдался той нѣжной и страдальческой волнѣ, что вливалась въ меня вмѣстѣ съ тонами Шопеновскаго ноктюрна. По мѣрѣ силы звуковъ, волна во мнѣ поднималась, усиливалась, росла, наполнила меня всего, пробудила къ жизни чувства каждый мой нервъ и каждую каплю мозга. Почти съ каждымъ аккордомъ или пассажемъ, что выливались изъ подъ вдохновенныхъ рукъ артистки и сплетались вокругъ съ лазурно-лиловымъ воздухомъ комнаты, я все больше превращался въ одно только чувство; но все же, съ полнымъ со-

знаніемъ мысли, я уяснялъ себѣ, что это чувство, сплетенное изъ множества различныхъ прикосновеній, по своимъ источникамъ велико, въ своихъ дѣйствіяхъ могуче, что оно охватываетъ весь планъ человѣческой жизни и достигаетъ даже тѣсныхъ границъ познаваемыхъ явленій этого плана — что оно самое наивысшее напряженіе, наиболѣе сильная экзальтація, наконецъ самая максима жизни.

Но такъ же ясно, какъ свои чувства, я уяснялъ себѣ и ту истину, что такое напряженіе и расширеніе всего моего существа, такое проникновеніе максимой жизни я испытываю при помощи искусства, что оно ихъ первоисточникъ, и побужденіе, и что именно въ этой силѣ искусства заключается удивительная тайна его чаръ, заключается ихъ неизмѣримая важность и величіе — что, наконецъ, вѣрнымъ толкователемъ значенія искусства, дѣйствительнымъ магомъ его чаръ и чудесъ, можетъ быть столько душа человѣка, хранящая въ самой себѣ искусство, душа сильно и искренно артистическая.

Я отнялъ руку отъ глазъ, полныхъ великихъ слезъ волненія, и окинулъ взглядомъ молодую артистку, которая, не зная ничего о подслушивающемъ ее смѣльчакѣ, нераздѣльно отдавалась уносившимъ ее крыльямъ вдохновенія. Я не помню уже, какая и чья была композиція, которую она играла, но я видѣлъ, что музыкальная мысль, глубокая и пламенная, поглощаетъ ее въ себя, какъ океанъ жемчужину, и что изъ-подъ ея пальцевъ звучитъ пѣснь, похожая на кружева, сплетенныя изъ жемчуга, пѣснь широкая, великолѣпная, и льется въ лиловый воздухъ, на коверъ съ полинявшими красками и — на меня. Я чувствовалъ на себѣ эти жемчужныя кружева, они проникали меня до глубочайшихъ тайниковъ моей

души, пока не превратились въ могучій магнитъ, толкнувшій меня къ ней.

И именно послѣдніе тоны пѣсни, въ такомъ тихомъ піаниссимо, что оно могло считаться мелодическимъ вздохомъ, вылились изъ-подъ ея рукъ, когда я сталъ предъ нею. Завѣсы ея рѣсницъ поднялись надъ глазами, полными экстаза и слезъ.

Увидѣвъ меня внезапно, она не испугалась, не удивилась, только такъ страшно смутилась, какъ будто бы я подсмотрѣлъ или подслушалъ великую тайну ея души.

Медленнымъ движеніемъ она поднялась съ кресла, и по искрамъ улыбки, задрожавшимъ на ея губахъ, я сразу угадалъ, что она хотѣла шутливо оправдаться въ своей музыкѣ, въ своемъ экстазѣ и въ своихъ слезахъ. Но не могла. Горячій румянецъ выступилъ на ея разгорѣвшихся щекахъ, охватилъ прозрачнымъ заревомъ ея виски, лобъ, и шею, такъ что она стала похожа на ребенка, что пойманный на мѣстѣ преступленія, стоитъ, колеблется, опечаленный и готовый къ бѣгству.

И когда она стояла предо мной такая взволнованная и робкая, вся облитая заревомъ непорочной скромности, прикрывъ рѣсницами зрачки, я снялъ съ темнаго платья ея внизъ опущенную руку и какъ трепещущее крыло птицы съ деликатной нѣжностью скрылъ ее въ своихъ рукахъ.

. . . . . .

То было два часа тому назадъ, а теперь я одинъ и свой духъ посылаю къ тебѣ — о наилучшая! дабы онъ разсказалъ тебѣ все, что съ нимъ творится.

Я не колеблюсь называть тебя наилучшей, коль скоро мое сердце, такое ожесточенное и такое горь-

кое, заглянувъ въ твое сердце, какъ зеркало, приняло въ себя картину твоей доброты. И этотъ образъ сталъ во мнѣ чѣмъ-то живымъ, я знаю, какая въ немъ нѣжность и сила, и какъ далеко онъ можетъ бросить свои лучи.

Очень далекіе и широкіе круги производятъ сіяніе, непочатой въ сердцѣ человѣка, но уясненной, доброты и любви.

Какъ только я сказалъ своей мысли, что она велика, прекрасна, высока, но не единственная, какъ только я позволилъ своей мысли, чтобы она снизошла къ добротѣ и любви, изъ первыхъ же ея буквъ и изъ первыхъ капель океана стала возникать поэма. Онѣ существовали во мнѣ и ранѣе въ видѣ потенціальной и скрытой силы, напоминавшей о своемъ освобожденіи голосами безбрежной печали, неожиданнаго ослабленія и реакціи, сочившихъ изъ себя ядъ, отравлявшій мои нервы счастія и самый нервъ жизни.

Чтобы я могъ познать счастіе и жить дальше, нужно было заклятіе, освобождающее освобожденныя силы, силы живыя и страдающія, изъ-подъ наваленнаго на нихъ камня. Это заклятіе пришло, какъ только я увидѣлъ твою душу, и отъ той великой доброты, съ какой ты протянула руку помощи погибающему.

Теперь я знаю, какую великую помощь могли бы нести другъ другу людскія души, если бы онѣ такъ, какъ наши, взаимно открывались одинъ другому, и если бы жила въ нихъ доброта, та доброта, что даетъ человѣку силу оттолкнуть себя отъ самого себя и сердечной заботой окружить другихъ.

Я не колеблюсь исповѣдываться тебѣ въ тѣхъ перемѣнахъ, что произошли въ моемъ духѣ и на-

вѣрно есть лишь вѣстники дальнѣйшихъ круговъ и сіянія — освобожденныхъ огней и свѣта. Какъ мыслитель, я не чувствую себя униженнымъ той побѣдой, что одержали надо мной новые приливы изслѣдованій и выводовъ. Я не могу приписывать первостепенную важность тѣмъ умамъ, что на подобіе полевыхъ камней неподвижно стоятъ цѣлые вѣка на томъ мѣстѣ, гдѣ бросилъ ихъ случай природы, стоятъ неподвижно до самого конца на почвѣ понятій, сотканныхъ случайными дѣйствіями и вліяніями данной эпохи жизни. Такимъ умамъ, неподвижнымъ, или гордымъ, не достаетъ гибкости, дабы поднять съ дороги жизни новыя сокровища познанія, или того искренняго поклоненія истинѣ, что заставляетъ склонять предъ ней голову всегда и вездѣ, съ полнымъ равнодушіемъ къ гордости или самолюбію этой головы. Умы гибкіе, высокіе, искренніе въ своей жаждѣ знанія не знаютъ границъ и своимъ способностямъ познаванія не ставятъ плотинъ и не опредѣляютъ никакихъ предѣловъ; они не чувствуютъ стыда, когда въ своей вѣрѣ или невѣріи имъ придется что-либо вычеркнуть, выпрямить или продолжить какія-нибудь линіи, но, наоборотъ, ихъ увлекаетъ радость того, что расширена область познанія, и что они смѣютъ и могутъ включить ее въ себя въ болѣе расширенныхъ границахъ.

И теперь, когда изъ вычеркнутыхъ линій моего духа я многія продолжаю, или подвергаю вліянію новаго свѣта, я не отрекаюсь отъ самого себя, я не богохульствую противъ солнца истины, что одно единственное освѣщало мою молодость. Оно, такъ же, какъ было и раньше, предметъ моего горячаго поклоненія и останется таковымъ навсегда; его служителемъ я не перестану быть, и мое самолюбіе ни-

когда не будетъ имѣть болѣе высшей цѣли, какъ приносить ему въ жертву мои дни и труды.

Но я полагаю теперь, что наука бываетъ продуктомъ не одного только чистаго разума, и въ безднѣ сложнаго, человѣческаго существа имѣется болѣе глубокая формація иныхъ силъ, силъ природы чувства, которыя также ведутъ взглядъ и умъ въ тайники науки, и открытія которыхъ чистый разумъ чаще всего только подтверждаетъ.

И погружая въ этотъ новый для меня источникъ познанія свою испытующую мысль, я съ трудомъ могу рѣшить, что лучше, что несомнѣннѣй обезпечиваетъ границы и чистоту познанія: тѣ ли элементы, изъ которыхъ состоитъ чистый разумъ, или тѣ, соединеніе которыхъ мы привыкли опредѣлять, какъ характеръ. Ясное дѣло, что только соединенный трудъ этихъ двухъ органовъ человѣческаго духа можетъ создать совершенство и полноту, но интересно развитіе могучихъ умовъ, что, благодаря отсутствію помощи отъ элементовъ чувства, остаются слѣпыми къ значительнымъ областямъ истины — и должно быть интересно изслѣдованіе, сколько интеллекта, сколько глубины, сколько правды, кристаллизованныхъ въ постоянныя формы, приноситъ иногда въ даръ могучимъ умамъ та степень наилучшихъ элементовъ чувства, которую мы называемъ великимъ характеромъ.

Съ горизонта моей мысли не исчезла та бездна, зіяющая печалью и отвращеніемъ, какимъ является познаніе ничтожности нашей земли и ея бытія по сравненію съ безграничіемъ вселенной. Я знаю, какъ зналъ и раньше, что за кругомъ познаваемыхъ и чувственныхъ явленій, который, какъ бы мы его ни расширяли неутолимою мыслью, долженъ навсегда

остаться ограниченнымъ, имѣется безграничная и неумолимая непознаваемость, откуда, какъ изъ первороднаго источника, бьютъ всѣ наши раны, наслажденія и муки — и что эта непознаваемость будетъ навсегда для извѣстной категоріи умовъ огнивомъ, возбуждающимъ жажду знанія, и гасильникомъ, обливающимъ ее горькой водой отвращенія и сомнѣнія. Я знаю, какъ зналъ и раньше, что за временностью скрывается вѣчность, которой я не пойму никогда, хотя бы я былъ царемъ земныхъ духовъ, и что эта временность ничтожна и хрупка, и что еще болѣе ничтожной, еще болѣе плохой ее дѣлаютъ людскія толпы, ничтожныя и пустыя. Я презираю такъ же, какъ презиралъ раньше, пустыя и ничтожныя вещи — я жажду такъ же, какъ жаждалъ раньше, силой и чистотой духа взлетать надъ низкимъ уровнемъ толпы.

Но я думаю теперь о томъ, о чемъ я раньше не думалъ, что въ жизни нашей планеты и въ жизни разсѣянныхъ на ней твореній природы рядомъ съ неизмѣримой правдой Вселенной, ея безграничіемъ и ея ослѣпляющимъ блескомъ, ея началами и ея цѣлями, есть другая правда, ограниченная, полная скрытаго въ оврагахъ и пропастяхъ горя и отчаянія, но для меня, какъ для земного созданія, равная той по величію и цѣнности.

Первая истина отнюдь не уничтожаетъ второй, и я не былъ бы въ состояніи уцѣпиться, хотя бы только пониманіемъ, за первую, если бы не было второй. Первая ослѣпляетъ мое воображеніе и заставляетъ склонять голову предъ окружающей меня неограниченной и непонятной силой и тайной — вторая проникаетъ въ мое сердце тождествомъ природы и ея путей, призывая всѣ мои силы, дабы онѣ были полезны ея развитію и счастію.

Я думаю о томъ, о чемъ я не думалъ раньше, что можно служить безконечности, служа ограниченности, вѣчности; служа временности, неизвѣстному пра-источнику всякаго бытія поддержкой и обогащеніемъ того единственнаго бытія, на какое широко открыты мои глаза, кровью крови и каплей капли котораго являюсь я самъ.

Широко открываются мои глаза на земное бытіе, на бытіе такихъ, какъ я, земныхъ существъ, и я теперь уже знаю, что несмотря на его ограниченность и хрупкость, несмотря на таящіяся въ оврагахъ и пропастяхъ горе и отчаяніе — есть въ немъ цвѣты, ароматомъ которыхъ можетъ дышать счастливая грудь — есть въ немъ вещи, достойныя поклоненія — и есть радости, о какихъ вздыхаетъ моя тоскующая душа . . . . . .

О, Северина! есть на землѣ подвиги такіе великіе, что цѣнность ихъ превышаетъ цѣнность крови, пролитой героями въ открытомъ полѣ, и такіе тихіе, истекающіе кровью, что они не выносятъ ни малѣйшаго прикосновенія.

Такія творенія сердецъ могутъ бросать насъ ломъ въ прахъ передъ святостью того, что служитъ имъ вдохновеніемъ и силой, могутъ разрывать нашу грудь ураганами горя и высокихъ порывовъ, но они сжимаютъ наше горло и замыкаютъ уста, какъ тотъ горящій уголь, какимъ Богъ отмѣчаетъ губы избранныхъ пророковъ, замыкаетъ эти губы для всѣхъ смертныхъ и человѣческихъ вещей.

Пусть же величіе такихъ подвиговъ не оскорбляетъ ни спазмы горя, ни туманное удивленіе, ни ничтожная благодарность. Не умаляемые никакимъ актомъ людского мѣрила, пусть они будутъ взяты на небо въ серебряномъ ореолѣ молчанія!

Часть пятая.

Въ замкѣ.

XXXV.

Она сама не знала, какъ долго она сидитъ уже на тесанномъ камнѣ, нѣкогда, можетъ быть, бывшемъ украшеніемъ княжескаго или королевскаго крыльца, а вокругъ нея, на коврѣ увядшихъ листьевъ, лежатъ обломки кирпича, металла, архитектоническихъ формъ, что вѣка тому назадъ украшали высокій дворецъ силы и славы.

Легенда не легенда, но то фантастическое существо, что изъ лона вѣковъ прибываетъ на зимнія вечерницы въ платьѣ изъ инея и мороза, разсказываетъ, что нѣкогда здѣсь возвышался замокъ гордыхъ, сильныхъ, мужественныхъ князей, разносившихъ звонъ побѣднаго оружія отъ миндальныхъ приднѣпровскихъ рощъ до усѣянныхъ янтаремъ прибрежій Балтики. Если они не звучали оружіемъ, то охотились въ такихъ пущахъ, какъ эта, охотились они и въ этой пущѣ, и теперь, когда въ осенніе или въ зимнія ночи пѣтухи будничьихъ поселеній поютъ полночь, изъ изрытыхъ барсуками и ди-

кими кабанами развалинъ замка несутся въ лѣсъ призрачные, охотничьи отряды. Тогда тутъ говоръ, шумъ, блескъ. За своимъ кунигасомъ, сверкающимъ во мракѣ бѣлизной горностаевъ, ѣдутъ на наряд-ныхъ коняхъ бояросы — рыцари въ рысьихъ колпа-кахъ и съ пиками, поблескивающими при свѣтѣ фа-келовъ, великій ловчій, съ горбомъ барсучьей торбы на плечахъ, даетъ сигналъ въ длинную охотничью трубу, скачутъ гончія, а шаловливые „Каюки“ въ красныхъ колпачкахъ бѣгутъ за нимъ вслѣдъ, по-могая.

Теперь тутъ тихо, пусто, мрачно. Надъ тесан-нымъ камнемъ княжескаго крыльца растетъ печаль-ная ель, вблизи пустое логовище серны отливаетъ кровавымъ блескомъ опавшихъ листьевъ осокори. На кроваво-красной ржавчинѣ листьевъ, усыпавшихъ ночное ложе серны, сверкаетъ серебро сырости, осеннихъ тумановъ.

Пуща полна теперь кровавой ржавчины, блѣд-наго серебра, вылинявшаго золота и удивительно странныхъ тумановъ.

Иначе тутъ было въ полдень. Осеннее солнце еще разъ вспомнило лѣто, еще разъ до наступленія зимняго сна оно запрягло въ свою колесницу же-ребцовъ изъ золота, серебра и брилліантовъ. Еще одинъ разъ, жаркое, сверкающее, оно плыло по го-рячей и чистой лазури, наполняя тучу блескомъ Мидасовыхъ богатствъ. Мидасовой роскошью, лив-немъ красокъ, оргіей блесковъ были залиты узор-чатыя сплетенія вѣтвей, всѣ портики, своды, поляны, одинокіе колонны на лугахъ, таинственныя затишья по берегамъ ручьевъ и дышавшія послѣднимъ аро-матомъ малахитовыя чащи овраговъ.

Но какъ только великое небесное свѣтило ушло

въ постель, послѣдней вечерней звѣздой изъ пурпура и огня, все угасло, и лѣсъ наполнился печальными созданьями мглы и ночи.

Вызванные изъ мокрой земли жаркимъ прикосновеніемъ солнца, поднимались надъ пущей столбы бѣлыхъ тумановъ и съ наступленіемъ вечерняго холода превращались въ толпы движущихся видѣній. Равныя по росту самымъ высокимъ деревьямъ, эти бѣлыя и гибкія фигуры, съ тѣлами изъ крепа и газа, шли по широкимъ лѣснымъ дорогамъ, одна за другой, шатаясь и склоняя головы подъ сводами вѣтвей, какъ будто подъ высокимъ, но слишкомъ низкимъ для нихъ куполомъ святыни. Среди великой вечерней тиши, лѣсныя дороги превращались въ своды святыни, съ проходящей подъ ними вереницей великаншъ въ бѣлыхъ платьяхъ, иногда зацѣплявшихся за вѣтви придорожныхъ деревьевъ, и тогда великанши, сходя съ дороги, уходили въ лѣсъ. Уходили въ лѣсъ, блуждали, бродили, разрывали о деревья свои воздушныя тѣла, вѣшали на вѣтвяхъ длинныя подвѣнечныя вуали, или, спрятавъ головы среди вѣтвей, до тѣхъ поръ наполняли ихъ своимъ блѣднымъ дыханіемъ, пока наконецъ сами ослабѣвшія и порѣдѣвшія не взлетали въ вверхъ бѣлымъ, прозрачнымъ туманомъ.

Отъ этихъ видѣній, отъ наступающихъ сумерекъ, отъ переливающихся въ остаткахъ дневного свѣта блѣдныхъ металловъ и угасшихъ брилліантовъ, отъ сырого дыханія, разносившаго въ воздухѣ напоминаніе о зимѣ и слезахъ, разливалась по всему громадному лѣсу безбрежная печаль.

Когда Северина подняла задумчивые глаза и взглядомъ повела вокругъ, вблизи, опершись о развѣсистое дерево, стояла неподвижно великанша изъ

бѣлаго тумана; казалось, что она чего-то ждетъ, смотритъ на нее и призываетъ ее къ себѣ таинственными знаками своихъ развѣвающихся рукъ. У ногъ великанши, въ остаткахъ дневного свѣта, краснѣло увядшими листьями логовище серны. Изъ зарослей выползъ туманный гадъ и извиваясь бѣлыми клубами, сталъ лукаво ползать по увядшей травѣ, по засохшимъ листьямъ, по разбросаннымъ остаткамъ замка...

Печально. Почему она тутъ, гдѣ такъ печально? Зачѣмъ она не улетѣла къ блеску, шуму, къ сверкающей сотнями яркихъ зрачковъ радости жизни, къ лавровымъ и розовымъ гротамъ, гдѣ поютъ лазурныя птицы счастья? Зачѣмъ печалиться. Зачѣмъ жить въ печали? Зачѣмъ страдать.

Она думала. Къ ней возвратились ея старыя мысли, на время исчезнувшія, а теперь воскресшія изъ мертвыхъ.

Зачѣмъ страдать? Зачѣмъ страданіе въ сердцѣ человѣка, въ лицѣ этой пущи, въ измученныхъ душахъ поколѣній и народовъ?

Развѣ можно слабымъ взглядомъ чувствовать и ничтожнымъ свѣтомъ науки постичь пути и превращенія всего, что возникаетъ и исчезаетъ на землѣ, исчезаетъ для чувствъ и науки, но не погибаетъ? Въ мірѣ духа, какъ въ мірѣ матеріи, царятъ безконечныя перемѣны, неразгаданный круговоротъ жизни и вѣчные переходы изъ формы въ форму, изъ лона въ лоно, изъ бытія въ бытіе, и никто не можетъ разсказать мнѣ: гдѣ было начало и гдѣ конецъ — моей слезы. Въ своемъ первомъ зачатіи она, можетъ быть, родилась изъ тоскующаго взгляда къ звѣздамъ одного изъ моихъ предковъ, отразится въ чьемъ-нибудь сердцѣ моего современника раду-

гой надежды, а изъ него перейдетъ въ другую грудь каплей благородной воли, что въ свою очередь войдетъ въ составъ благого дѣла и перейдетъ еще въ другіе глаза лучемъ радости. Никто не можетъ сказать, и никто не можетъ угадать всѣхъ послѣдствій моего страданія и тѣхъ конечныхъ границъ, для которыхъ оно родилось. Но какъ дымъ жертвеннаго огня, страданіе, родившееся въ чистой и горячей глубинѣ моей души, на своемъ долгомъ пути творитъ тепло и чистоту, ручей ихъ расширяется и приближаетъ ту минуту, когда онъ станетъ моремъ.

Пока она думала, что-то вдали стало ласкать увядшіе мхи и листья. Она подняла глаза. Туманныя созданія мглы уже исчезли; ихъ поглотила земля, впитали въ себя деревья, разбило въ прахъ движеніе воздуха, и пусто теперь было среди деревьевъ, въ быстро надвигающихся сумеркахъ.

То бѣлая лань бѣжала такъ легко, что отъ ея шаговъ только иногда слабо шелестѣлъ увядшій листъ, либо качалась на высокомъ стеблѣ засохшая чашечка цвѣтка. Лань бѣжала прямо къ замку, но остановилась вдали, на коврѣ красноватой ржавчины и выцвѣтшаго серебра.

— Возвращаешься, о вѣстникъ добрыхъ вдохновеній, посланница таинственныхъ странъ, ты, что вѣка тому назадъ въ проклятые моменты жизни шептала римскому вождю о Благословенныхъ Островахъ и о томъ, что мостъ, ведущій къ нимъ, долженъ быть набитъ, какъ гвоздями, сердцами людей доброй воли! Помнишь? Былъ разъ въ этой пущѣ страшный гулъ, ломались деревья, на небѣ сверкали молніи и сіяли далекія радуги. Двое счастливыхъ дѣтей прижималось другъ къ другу, спрашивая у

неба и земли: что дѣлать? Тогда пришла ты, и твой шепотъ, твое дыханіе подвинули на часахъ ихъ предназначеній роковую стрѣлку. Рѣшилась тогда навсегда судьба счастливыхъ дѣтей. Навсегда, ибо кто хоть разъ посмотрѣлъ въ глубину твоихъ больших глазъ, для того они никогда не перестанутъ быть тѣмъ неумолимымъ призывомъ, что гонитъ все дальше и выше, или строгимъ упрекомъ, болѣе тяжелымъ, чѣмъ какое бы то ни было величайшее страданіе.

— Я видѣла его недавно, и то былъ такой моментъ счастія, къ которому я бы охотно возвращалась всегда, но не могу. Не могу, ибо очень рѣдко тѣло разбиваетъ цѣпи и позволяетъ душѣ вступить въ сферы райскихъ восторговъ.

— То былъ краткій моментъ; всегда кратки бываютъ моменты восторговъ, кратка также и волна земной жизни—но какой же безконечно долгой перспективой тянутся въ этой волнѣ капли-дни, что съ утра до сумерекъ нужно прожить сѣро, обыденно, дабы въ сумерки закрыть глаза для обыденныхъ или рыдающихъ сновъ!

Северина закрыла лицо руками и заплакала. Сердце ея, глядя на долгую перспективу сѣрыхъ, обыденныхъ дней и обыденныхъ или печальныхъ сновъ, дрожало въ груди, какъ дрожитъ птица, зажатая въ рукахъ, знающая, что эта рука никогда не раскроется и не позволитъ ей взлетѣть на майскую сирень и къ жаркому золотому солнцу. Но въ этомъ сердцѣ, дрожавшемъ передъ лицомъ суровой жизни, не было ни возмущенія, ни гнѣва, и текущія изъ него слезы, высыхая на ея щекахъ и рукахъ, соединялись въ воздухѣ съ пропитывавшими его слезами природы. И пока она плакала, вокругъ нея

произошли новыя чудеса. То тутъ, то тамъ отозвались и стали блуждать по лѣсу тяжелые протяжные вздохи. То не были вздохи ни вѣтровъ, ни деревьевъ, ни водъ; въ нихъ чувствовалась живая грудь, полная неизмѣримой тоски.

То были лоси, „что въ пору любви бродятъ вздыхая въ вечернихъ сумеркахъ“.

Охъ! охъ! раздавалось гдѣ-то вдали; охъ! все ближе и болѣе частыми эхами отвѣчали другія тоскующія груди. Разсыпались эти вздохи во всѣ стороны лѣса, и чувствовалось, что они уходили въ даль, туда за лѣсъ, на поля, въ міръ, что ими полны были и лѣсъ, и воздухъ, а на землѣ, подъ небомъ, въ лѣсу, на поляхъ, на свѣтѣ, казалось, уже ничего не было, кромѣ тяжелой тоски и неизмѣримой печали.

Окруженная, какъ чарующимъ кругомъ, вздыхающей всюду тоской, Северина думала о томъ, что природа дала ея губамъ всѣ улыбки: такія, что ласкаютъ, такія, что веселятъ, что подкрѣпляютъ и такія, что успокаиваютъ...

Природа дала ея сердцу силы для всѣхъ чувствъ, что составляютъ радость жизни, и дала ея мысли всѣ слова, что являются свѣтомъ, радостью и стремленіемъ къ звѣздамъ. Но эти улыбки губъ, эта сила сердца и души, эта красота мысли ни для кого не будутъ ни лаской, ни счастіемъ, ни опорой, ни поддержкой въ полетѣ. Такова воля звѣздъ.

Она почувствовала въ душѣ всю тяжесть замкнутыхъ улыбокъ, нѣжныхъ, возвышенныхъ чувствъ и словъ и поняла, что, изъ всего земного бремени, самымъ тяжелымъ бременемъ могутъ быть никому не отданныя сокровища души. Она поняла это и склонила голову такимъ движеніемъ, какъ

будто она покорно принимала назначенное ей бремя.

Северина отняла руки отъ лица и искала глазами бѣлую лань, но среди деревьевъ уже царилъ густой мракъ, и на его темныхъ завѣсахъ не видно было никакой стройной фигуры. Такъ приходятъ и исчезаютъ радостные моменты великихъ вдохновеній, рисующихъ вдали картину Благословенныхъ Острововъ, а послѣ ихъ исчезновенія наступаютъ сѣрые сумерки, и надолго уходитъ изъ глазъ бѣлая лань.

Но на океанѣ Жизни есть Благословенные Острова; и теперь, далеко устремляя свой взглядъ, она видитъ одинъ островъ, полный радости. Его населяютъ двое счастливыхъ. Она видитъ ихъ сіяющія лица, ихъ соединенныя руки, и тотъ лазурный гротъ, куда подъ розовую арку вступаетъ ихъ торжествующая молодость и любовь. Она видитъ все это, и не удивляется, хотя помнитъ, что недавно онъ ее, — а не ту — призывалъ подъ своды тріумфальной арки. Но ему былъ знакомъ только ея голосъ, а слаба власть духа надъ тѣлеснымъ міромъ, и для того, чтобы потухли его большіе глаза, достаточно одного движенія видимыхъ, тѣлесныхъ вѣкъ. Угасъ для него ея блескъ, во мракѣ глухого забвенія, прозвучалъ голосъ — и она сама уходитъ въ мракъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что, имѣя безтѣлесное бытіе, для міра, облеченнаго тѣломъ, долго жить не можетъ.

Она знала, что такъ будетъ, и сдѣлала все возможное, чтобы такъ случилось; а теперь съ глазами, полными слезъ, она выпрямляетъ свой станъ и говоритъ себѣ, что поступила хорошо. Она испытываетъ гордость, единственную гордость, къ какой она способна, гордость, вытекающую изъ мысли,

что она поступила хорошо. Она полна радости, единственной радости, какую Богъ послалъ на краткую волну ея жизни, она полна радости, зажженной у солнца, свѣтящаго другимъ. То солнце, въ блескѣ котораго стоятъ теперь они, она зажгла на ихъ потемнѣвшемъ небѣ; тотъ цвѣтокъ счастія, что вѣнчаетъ ихъ головы, она нашла среди полыни земли. Тотъ благословенный Островъ, на который вступили они, она создала надъ океаномъ земной тины. А такъ какъ солнце, цвѣты и островъ живутъ благодаря ея отреченію и выдержкѣ, то она вѣритъ въ свою волю и предъ глазами ея памяти встаетъ рыцарь, сильнѣе всякаго зла.

Далеко устремивъ взглядъ, она склонила голову и съ прощальнымъ поклономъ послала имъ слова: пусть ангельскія крылья всегда пишутъ на вашихъ лицахъ слова радости.

Тому, что недавно горячимъ и тоскующимъ моленіемъ звалъ ее къ себѣ, она говорила:

— Лети безъ меня, лети! Я буду вдали слушать шумъ твоихъ крыльевъ и каждый ихъ побѣдный взмахъ брать въ свое сердце, какъ черную жемчужину счастія, но добывай и бросай свои лавры на терніи нашей нивы!

А женщинѣ, которой она его отдала, говорила:

— Цвѣти, нарцисъ, говори ему о терніяхъ нашей нивы и веди его къ звѣздамъ, къ моимъ и твоимъ звѣздамъ!

И пока она говорила, она чувствовала, что слезы, какими было полно ея сердце, превращались въ черныя жемчужины.

Хотя сумерки сгущались, и лоси все еще вздыхали, она вспомнила, какой великолѣпный зонтикъ раскрывала сегодня надъ ней старая груша на дворѣ

Добржинскихъ, и какой веселый щебетъ дѣтей раздавался подъ рѣзьбой изъ пурпура и золота.

То было въ полдень.

Бываютъ среди вечеровъ, полныхъ вздоховъ и мрака, ясные полдни съ лазурнымъ небомъ и веселымъ солнцемъ; бываетъ въ глухой тишинѣ щебетъ дѣтей, какъ жаворонковъ; бываетъ въ страдающемъ сердцѣ такая струна, что охватываетъ небо, землю, колыбели, гроба, другія сердца и...

Не послѣднее солнце заходитъ, —
Послѣ горя, прекрасный день приходитъ...

Есть на ладьѣ, плывущей по океану времени, одинокое и печальное сердце, другъ, съ рукой на видъ суровой, но имѣющей для плачущихъ, материнскія ласки, съ грудью на видъ высохшей, но полной молока и вина... Ея лицо смотритъ изъ разграфленныхъ дней, по концамъ которыхъ, какъ на страницахъ прекрасныхъ, старинныхъ книгъ, стоятъ ангелы, нарисованные серебромъ чистоты и лазурью успокоенія.

А когда ладья жизни проходитъ по океану времени — въ злыя минуты — кто знаетъ, какая удивительная и безконечная погода Божьяго дня встрѣтитъ насъ на границахъ волнъ!

Итакъ — выше сердце, голову и руки!

Выше сердце — вѣрный молотъ! Выше, о мысль — вольная птица. Выше руки — гордыя и смиренныя работницы, выполняющія великія дѣла, когда можно, и муравьиную работу, когда нужно!

Радость не земная, не мимолетная, не по мелкому руслу катящая свой цвѣтущій нектаръ, но льющаяся съ высотъ всеобщаго духа въ пламенное ядро души — снизойди — и изъ тѣней меланхоліи,

изъ сѣроты повседневности, изъ голода и богатствъ сердца, изъ нищеты земли, и изъ сокровищъ земли — выпряди золото поэмы!

О! выше мое несчастное и счастливое сердце!

Людскія несчастія по людскому сноси.
Одинъ Богъ печали и награды.

Пока она думала, что-то вблизи стало слегка ласкать мхи и папоротники и, наконецъ, выйдя изъ чащи, стала рядомъ съ ней бѣлая лань и положила на ея руки свою гибкую шею.

Надъ тесаннымъ камнемъ закачалась ель темнымъ плащемъ и зашумѣла.

То былъ знакъ, повторенный вблизи и вдали, со стороны запада, съ сѣвера и юга; всѣми своими голосами заговорила пуща.

За рѣками и ручьями, за полянами и лугами, глубокой басовой гаммой зашумѣлъ Боръ-Лада; въ Черномъ Урочищѣ мрачнымъ ворчаніемъ отозвались зубры, а въ темныхъ норахъ зашелестѣли безчисленныя гнѣзда червяковъ, внизу скользили легкія лисицы, вверху съ шумомъ неслись широкія орлиныя крылья, и рѣзкимъ свистомъ разрѣзали воздухъ дикіе хищники. На Козьемъ Бродѣ зазвенѣли олени, стадо рыжихъ сернъ легкими прыжками пробѣжало лугъ, надъ крышами будничьей деревни раздался крикъ аистовъ, а на Великомъ Никарѣ заговорили войска тростниковъ; вѣтеръ свистѣлъ во флейтахъ лозника, и съ жалобными звуками эоловой арфы пронеслась въ лазури вереница отлетавшихъ журавлей.

А въ липовыхъ рощахъ омела вила и вила вокругъ развѣсистыхъ липовыхъ вершинъ свои вѣчно свѣжіе вѣнки, и въ лещиновыхъ садахъ капали и ка-

пали съ дикихъ розъ, съ рябинъ и съ калинъ дожди кровавыхъ ягодъ.

Тихо на Грудахъ. Съ ежевики, съ малины, съ спутанныхъ грабовъ падали коричневые и желтые листья, мертвымъ шелестомъ неслись по сѣдому мху разговоры ржавыхъ папоротниковъ, и громкой, гордой, полной вопросовъ и полной рыданій рѣчью шумѣли дубы, что на зеркалѣ водъ черныхъ, какъ смола, точно тоскующія руки, протягиваютъ къ небу свои могучія вѣтви.

Зашумѣли, зазвенѣли и зажурчали Лсна, Гвозна, Бѣлая, Лотевка, Наревка, Оленка, всѣ рѣки отъ отца Никара бѣгущія къ матери Вислѣ, всѣ ручьи, бьющіе въ вѣковой тѣни, всѣ ожерелья изъ бирюзы и хрусталя, какими волшебницы водъ увѣшали широкую грудь пущи.

Что тамъ вдали грохочетъ!

Возы ли Ягеллы тащутъ убитыхъ зубровъ и туровъ къ Грюндвальдскимъ полямъ, или по Королевскому мосту ѣдутъ кареты Семиградчанина и катятся по лѣсу, къ облитому пурпуромъ охотничьихъ шатровъ холму Баторія?

Что тамъ раздается, какъ торжественный призывъ! То въ пирующемъ крикѣ придворные рыцари провозгласили подъ сводами лиственницы любимое имя Сигизмунда Августа.

Что тамъ со всѣхъ сторонъ зазвучало, будя уснувшее эхо и животныхъ.

То будники желѣзными топорами ударили о стволы великановъ, чтобы пуща выслала ихъ на далекія моря, какъ высокихъ, вѣчныхъ герольдовъ своей славы.

А что тамъ звенитъ по широкой дорогѣ? По лѣсной дорогѣ, съ звѣздой на шлемѣ и съ чудной

улыбкой на губахъ, ѣдетъ изъ страны чарующихъ сновъ и легендъ, рыцарь, сильнѣе всякаго зла.

Высокія колокольчики на могильномъ курганѣ шепчутъ „Ангелъ Божій“, а имъ вторятъ молодые дубы на лагерныхъ окопахъ...

Высокія вершины деревьевъ разсказываютъ пролетающимъ вѣтрамъ о минувшихъ вѣкахъ и спрашиваютъ у неба о таинственныхъ путешествіяхъ и цѣляхъ его млечныхъ путей и звѣздныхъ колесницъ.

Земля вздохнула сыростью слезъ, что стекаютъ въ нее уже цѣлые вѣка сквозь прахъ умершихъ поколѣній, засыпавшій ея грудь.

И только надъ Неизвѣстнымъ Рогомъ царятъ мракъ и тишина. Не блеснетъ ли тамъ пламень, несущій къ облакамъ рыцаря въ вооруженіи, или пѣвца съ лирой? Не повѣетъ ли оттуда ароматомъ янтаря и камфары, сжигаемыхъ въ ѳиміамѣ славы.

Темно и тихо надъ Неизвѣстнымъ Рогомъ, ибо рѣдки на землѣ блескъ и ѳиміамъ вступленія на небо. Но въ воздухѣ ясно и отчетливо серебряннымъ звукомъ полился церковный благовѣстъ.

То былъ церковный благовѣстъ; онъ звучалъ съ урочища Могилы, гдѣ городъ, со всѣмъ населеніемъ провалившійся въ землю, каждыя сумерки посылаетъ въ міръ голосъ благовѣста, дабы возвѣстить, что онъ еще живетъ. Тогда все, что въ пущѣ звучало и говорило, постепенно затихло передъ этимъ могучимъ, громкимъ страдальческимъ голосомъ.

Умолкъ шумъ деревьевъ, умолкли вздохи лосей, слились съ тишиной шелестящіе разговоры папорот-

никовъ, перестали шумѣть и журчать рѣки, ручьи и источники; а въ дыханіи земли, тяжеломъ отъ вѣчныхъ слезъ, одинъ только благовѣстъ подземнаго города пѣлъ въ лѣсныхъ сумеркахъ свою тропическую пѣснь.

Надъ тесаннымъ камнемъ королевскаго крыльца, подъ затихшей елью, женщина, положивъ руку на гибкую шею лани, склоняется въ ту сторону, откуда несется пѣсня благовѣста — — и слушаетъ. Надъ елью блеститъ звѣзда и золотистыми зрачками заглядываетъ на мрачное дно замка.

Губы женщины тихо шепчутъ. Она говоритъ свой символъ любви:

— ...Люблю тебя больше жизни... Люблю ароматъ твоей земли и пѣніе твоихъ птицъ, шелестъ твоихъ колосьевъ и шумъ твоихъ лѣсовъ, журчаніе твоихъ водъ, туманъ надъ твоими лугами.

„Люблю полевые цвѣты, травы, дикіе камни и придорожные кресты, бѣлый саванъ твоихъ снѣговъ, красное зарево заката, синеватый расцвѣтъ, печальныя сумерки и звѣздныя ночи; люблю твои тучи, горящій багрянецъ твоей осени, твои гнѣзда и волны, верескъ и розы, то таинственное письмо, какимъ вѣтры покрываютъ овраги твоихъ бѣлыхъ песковъ, и тѣ черныя борозды, какими плуги пахарей изрѣзываютъ лицо твоей пашни...

Люблю твои слезы, мысли, дѣйствія, надежды, золотые сны и тяжелыя доли, люблю даже возбуждающія сожалѣніе и тревогу твои ошибки, сіяніе и мракъ твоей славы, твои пѣвучія и геройскія души...

Но сильнѣе, нѣжнѣе, вѣрнѣе всего, и наиболѣе гордо люблю я тебя, за что... за то, что ты несчастна!...

Таковъ былъ ея символъ вѣры; и, сказавъ его, она добавила еще:

— Съ тобою, ради тебя, до тѣхъ поръ пока:

Сбросивъ смертную оболочку земли,
Равная быстрому огню, не проникну облака.

То былъ ея брачный обѣтъ.

Она подняла глаза къ сіявшей надъ елью звѣздѣ, говоря:

— Отецъ! о! Отецъ мой! ты, что есть въ небесахъ...

И то былъ ея симзолъ вѣры . . . . . .

. . . . . .

Еще одинъ мигъ разносятся по великому лѣсу вздохи, далекіе призывы, смѣшанные полуголоса и шепотъ, потомъ они разсѣиваются въ густыхъ сумеркахъ и пропадаютъ въ глубокой тиши. Стройная фигура бѣлой лани, обвитая густыми сумерками, меркнетъ, расплывается во мракѣ и исчезаетъ. Благовѣстъ на могилѣ звучитъ все медленнѣе, слабѣе, тише и — умолкаетъ.

Надъ затихшей и темною пущей сіяютъ звѣзды-ея факелы и утѣшенія ея ночные стражи и безсмертныя надежды.

Каталогъ издавій

Книгоиздательскаго Товарищества

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“.

С.-Петербургъ, Забалканскій пр., с. д. № 75.

Сочиненія справочнаго характера.

Большая Энциклопедія. [4] Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знанія, подъ общ. редакц. ***С. Н. Южакова.*** 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отд. прил. — 220 в. по 50 к. или 22 т. въ роск. полукож. перепл. **132** руб.

Техническая Энциклопедія. Словарь по всѣмъ отраслямъ техники и примыкающимъ къ ней наукамъ. Около 7,000 стр. крупнаго формата, заключ. ок. 50,000 статей и терми овъ и ок. 12,000 иллюстрацій и конструкт. чертежей. 108 вып. по 1 руб., 9 том. въ изящн. перепл. **126** руб.

Нѣмецко-русскій словарь. (Энциклопедія нѣмецкаго языка.) Подъ главной ред. ***К. О. Тіандера.*** Около 1,600 стр. больш. фор., набран. мел. убористъ., но въ то же время четкимъ и яснымъ шрифт. въ 3 столбца. Словарь выходитъ выпусками. Всего 20 вып. по 1 рублю.

Географическій атласъ. 84 л. картъ и 16 л. плановъ городовъ въ 8°. — 15 в. по 40 коп., въ роскошномъ. полукож. перепл. 7 руб. 80 коп.

Изящная литература.

Всемірная библіотека. Собр. соч. лучш. русскихъ и иностр. писателей.

Амфитеатровъ, А. В. Съ портретомъ автора 25 том. по 1 руб. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. **50** руб.

Андреевъ, Л. Н. Со вступительной статьей ***М. А. Рейснера.*** 10 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 17 р. 50 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Многочисленные портреты автора, его автографъ, худож. прилож. — 21 томъ 28 руб., въ изящн. коленкор. перепл. **38** руб. **50** коп.

Танъ, В. Г. Съ портретомъ автора. 10 том. 10 руб., въ изящн. коленкор. перепл. **15** руб.

Мачтетъ, Г. А. Съ портретомъ автора. 8 томовъ 8 руб., въ изящн. коленкор. перепл. **12** руб.

Айзманъ. Д. Я. Съ портретомъ автора. 5 т. по 1 р. 25 к., въ изящн. коленк. перепл. 8 руб. 75 коп.

Муйжель, В. В. Съ портретомъ автора. 6 томовъ 6 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 9 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Лазаревскій, Б. А. Съ портретомъ автора. 5 том. 5 р., въ изящн. коленкор. перепл. 7 руб. 50 коп.

Ольга Шапиръ. Со вступит. статьей ***Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.*** 10 томовъ 15 руб., въ изящн. коленкоров. перепл. 20 руб.

Аксаковъ, С. Т. Редакція ***А. Г. Горнфельда.*** Портреты и худ. прил. 6 т. 6 р., въ изящн. перепл. 9 руб.

Гоголь, Н. В. Редакція ***В. В. Каллаша.*** 36 художеств. прил. — 9 т. 9 р., въ изящн. коленкор. перепл. 13 руб. 50 к.

Добролюбовъ, Н. А. Редакція ***В. П. Кранихфельда.*** 8 томовъ 8 руб., въ изящн. перепл. 12 руб.

Кольцовъ, А. В. Редакція ***А. И. Введенскаго.*** 1 томъ. Цѣна 1 руб., въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 50 коп.

Крыловъ, И. А. [1. 10] Редакція ***В. В. Каллаша.*** Худож. прил. — 4 т. по 75 к. въ изящн. кол. перепл. 5 руб.

Левитовъ, А. И. Съ портр. автора и вступит. статьей ***А. А. Измайлова.*** 6 томовъ 6 руб., въ изящн. коленкор. перепл. 9 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. [4. 8. 10] Редакц. ***А. И. Введенскаго.*** 15 худож. прил. — 4 т. по 75 к., въ изящн. кол. перепл. 5 руб.

Максимовъ, С. В. Со вступительной статьей ***П. В. Быкова.*** 20 томовъ 20 руб., въ изящн. кол. перепл. 30 руб

Невѣжинъ, П. М. Съ портретомъ и факсимиле автора 12 томовъ по 1 р. 50 к., въ изящн. перепл. 24 руб.

Никитинъ, И. С. Редакція ***А. Г. Фомина*** и ***Ю. И. Эйхенвальда.*** 4 тома 4 руб., въ изящн. перепл. 6 руб.

Островскій, А. Н. [4. 8. 10] Ред. ***М. И. Писарева.*** Факсимиле, портреты автора и др. худож. прил. — 12 томовъ по 1 руб. 60 к., въ изящн. кол. перепл. 25 руб. 20 коп.

Помяловскій, Н. Г. [8. 10] Портр. и біогр. автора, составл. ***Н. А. Благовѣщенскимъ.*** *10-е изданіе.* — 2 тома 3 руб., въ изящн. кол. перепл. 4 руб.

Потѣхинъ, А. А. [4. 8. 10] Ред. ***автора.*** Портр. и факсимиле его. — 12 т. 12 р., въ изящн. кол. перепл. 18 руб.

Пушкинъ, А. С. [4. 8. 10] Редакція ***П. О. Морозова.*** 30 худож. прил. — 8 т. 7 р. 50 к., въ изящн. кол. перепл. 11 руб. 50 к.

Соловьевъ, Н. Я. Съ портр. автора. 2 тома по 1 р. 25 к., въ изящн. коленкор. перепл. 3 руб. 50 коп.

Чарльзъ Диккенсъ. Переводъ съ англ., со вступ. статьей ***Д. П. Сильчевскаго.*** 33 тома по 75 коп., въ изящн. перепл. 41 руб. 25 коп.

Элиза Ожешко. Перев. съ польск., подъ редакц. ***С. С. Зелинскаго.*** 12 том. по 75 коп., въ изящн. перепл. 15 руб.

Георгъ Брандесъ. Перев. съ датск. ***М. В. Лучицкой.*** 20 том. по 75 коп., въ изящн. коленкор. перепл. 25 руб.

Гюи де-Мопассанъ. Переводъ съ франц., со вступ. стат. ***З. А. Венгеровой.*** 15 томовъ по 75 коп., въ изящн. колен. перепл. 22 руб. 50 коп.

Эдгаръ По. Перев. съ англ., съ критико-біограф. очерк. ***М. А. Энгельгардта.*** 3 тома 3 руб., въ изящн. перепл. 4 р. 50 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Эмиль Зола. Перев. съ франц., подъ ред. и со вступит. статьями *Е. В. Аничкова* и *Ѳ. Д. Батюшкова.* 30 том по 1 р. 50 к., въ изящн. коленкор. перепл. 60 руб.

Театръ Еврипида. Стихотворный переводъ съ греческ., съ введеніемъ и объяснит. статьями *И. Ѳ. Анненскаго.* 1 томъ 6 руб., въ изящн. перепл. 7 руб. 25 коп.

Современная библіотека.

Княжна. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 р. 50 к.

Жаръ-цвѣтъ. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Ц. 1 р. 50 к.

Отравленная совѣсть. Романъ *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бабы и Дамы. (Междусословныя пары) *А. В. Амфитеатрова.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Разсказы, очерки, статьи. *Леонидъ Андреевъ.* Со вступ. статьей проф. *М. А. Рейснера.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Цари Биржи. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сторожевые огни. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна 1 руб. 50 коп.

Впередъ. Романъ въ 2 томахъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Цѣна за оба тома 3 руб.

Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ *Вас. И. Немировича-Данченко.* Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія П. Я. (Якубовича - Мельшина). Томъ I (6-е изд.). Ц. 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 руб. Томъ II (4-е изд.). Ц. 1 р. 25 к.; въ перепл. 1 руб. 75 коп.

Стихотворенія. 4-е допол. изд. *В. Г. Тана.* Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе стиховъ. *Д. С. Мережковскаго.* Цѣна 1 руб.

Лермонтовъ — Гоголь. *Д. С. Мережковскаго.* Ц. 1 руб.

Комедія брака. *Семена Юшкевича.* Цѣна 60 коп.

Леонъ Дрей.—Хаимка и Іоська.—Ѣдутъ.—Семья. *Семена Юшкевича.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Безъ иллюзій. Сборн. разсказовъ *О. Н. Ольнемъ.* Ц. 1 р.

Стихотворенія и проза. *Ив. Руковишникова.* Книга 1-я съ иллюстр. Карелина 2-е изд. ц. 2 руб.; книга 2-я съ иллюстр. Карелина ц. 1 р. 80 к.; книга 3-я ц. 1 р. 80 к.

Анфиса. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 75 коп.

Черныя маски. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 50 коп.

Анатэма. Пьеса *Леонида Андреева.* Цѣна 1 руб.

Дѣвушки. Сборн. разсказ. *В. А. Лазаревскаго.* Цѣна 1 руб.

Жертвы Дракона. Романъ *В. Г. Тана.* Цѣна 80 коп.

Изъ чужеземныхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ *К. Д. Бальмонта.* Цѣна 1 руб. 25 коп.

Колымскіе разсказы. Сборн. разск. *В. Г. Тана.* Ц. 1 р.

На тундрѣ. Сборн. разск. *В. Г. Тана.* Цѣна 1 руб.

Братья Карамазовы. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 3 тома. Цѣна 3 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Преступленіе и наказаніе. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* За 2 тома. Цѣна 2 руб.

Библіотека романовъ.

Король биржи. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Райскій уголокъ. Романъ *Э. Штильгебауэра.* Ц. 1 р. 25 к.

Каспаръ Гаузеръ. Романъ *Я. Вассермана.* Ц. 1 р. 75 к.

Деньги. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

Завоеваніе Плассана. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Его превосходительство Эженъ Ругонъ. Романъ *Э. Зола.* Пер. съ посл. франц. изд. Цѣна 1 руб. 50 коп.

„Для юннаго читателя."

Разсказы и сказки. *Н. Д. Телешова* Цѣна 2 р. 50 к.

Восемь племенъ. *В. Г. Тана.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Сказки и были. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Ц. 2 р. 50 к.

Повѣсти и разсказы. *С. С. Ющенко-Краснокевича.* Ц. 3 р.

Кому лучше? *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Цѣна 2 р. 25 к.

Страничка прошлаго. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.* Цѣна 2 руб. 25 коп.

Исторія маленькой дѣвочки. *Е. А. Сысоевой.*

Книга о великой любви. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Мужицкая обитель. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Опрокинутыя вершины. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Боевая Голова. *Вас. И. Немировича-Данченко.*

Царскій духовникъ. *Г. Т. Сѣверцева-Полилова.*

Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста, подъ редакц. *А. В. Круглова.* Ц. 2 руб., въ перепл. 2 р. 75 к.

„Одиссея" Гомера. Въ переводѣ *В. А. Жуковскаго* съ 24 иллюстраціями. Цѣна 2 руб.

Соч. по исторіи, исторіи культуры, литературы и искусства.

Мужчина и женщина. Авторизован. пер. съ нѣм. съ съ дополн. подъ ред проф. ***А. С. Догеля, Д. А. Клеменца*** и ***А. Н. Шабановой.*** 48 вып. по 50 к. или 3 т. въ роскош. перепл. по 10 руб. за томъ.

Исторія новаго времени *(1500—1910 гг.)* подъ главной ред. проф. ***І. Шфлугъ-Гартгунга.*** Пер. съ нѣмец. подъ ред. *Е. В. Тарле* и съ доп. касающ. Россіи, проф. *А. Е. Пресняков.* 3 тома по 15 вып. въ каждомъ. Цѣна вып. 60 коп.

Исторія человѣчества *(Всемірная исторія).* 4.7 Общ. ред. ***Г. Гельмольта.*** Пер. съ доп. изв. русск. ученыхъ. 260 прил. — 90 в. по 50 к., 9 том. 54 руб.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Исторія первобытной культуры. Соч. д-ра ***Г. Шурца.*** Пер. и доп. проф. *И. Н. Смирнова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія нѣмецкой литературы *съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени.* 1. 2. 9 Соч. профф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Пер. проф. *А. Л. Погодина.* 15 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Какъ англичане критикуютъ свои государственн. расходы. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** Ц. 1 р. 25 к., въ роск. полук. перепл. 1 руб. 75 коп.

Въ поискахъ лучшаго будущ. Соч. акад. ***Ив. Ив. Янжула.*** 2-ое изд. Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Главныя теченія польской политич. мысли (1863—1907 гг.). Соч. проф. ***А. Л. Погодина.*** Ц. 3 р., въ изящн. перепл. 3 руб. 75 коп.

Исторія искусства *всѣхъ временъ и народовъ.* 8. Соч. проф. ***К. Вермана.*** Пер. подъ ред. *А. И. Сомова* и *Д. В Айналова.* 60 в. по 40 к. или 3 т. въ перепл. 27 руб.

Сокровища искусства. 100 геліогравюръ разм. 51×38,5 сант. — 25 в. по 3 р., въ худож. перепл. 82 руб.

Сочиненія по естествознанію и медицинѣ.

Вселенная и человѣчество. [4]. Сочин. проф. ***Г. Крэмера.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 вып. по 40 к. или 5 т. въ перепл. 55 руб.

Міроздание, *общедост. астрономія.* [3. 4. 5. 10] Соч. д-ра ***В. Мейера.*** Пер. съ доп. и указ. по русск. астрон. л-рѣ проф. *С. П. Глазенапа.* 15 вып. 7 р. 50 к., въ перепл. 8 руб. 60 коп.

Исторія земли. [1. 2. 4. 6] Сочиненіе проф. ***М. Неймайра.*** Пер. съ дополн. по геолог. Россіи и указат. по русск. л-рѣ, подъ ред. проф. *А. А. Иностранцева.* 30 вып. 12 руб. 80 к., въ 2 перепл. 15 руб.

Жизнь природы. Соч. д-ра ***Вильгельма Мейера.*** Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 23 худож. прил. — 15 вып. по 50 к., въ роскош. перепл. 8 руб. 60 коп.

Земля и жизнь. Соч. проф. ***Ф. Ратцеля.*** Пер. подъ ред. проф. *П. И. Кротова.* 400 рис. и 67 худ. прил. — 30 вып. по 50 к. или 2 т. въ перепл. 17 руб.

Жизнь растеній. [1. 4. 6] Соч. проф. ***А. Кернера фонъ-Марилауна.*** Пер. съ дополн., подъ ред. проф. *И. П. Бородина.* 30 вып. 12 р. 80 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Происхожденіе животнаго міра. [4. 5. 6]. Соч. проф. ***В. Гаакe.*** Пер. подъ ред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 15 в. 6 руб., въ перепл. 7 руб.

Жизнь животныхъ Брэма. [4. 5. 6. 10] Перев. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** 60 выпуск. по 35 коп., въ 3 перепл. 24 руб.

Человѣкъ. [1. 4] Соч. проф. ***І. Ранке.*** Пер. подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 30 в. 12 р. или 2 т. въ перепл. 14 р. 20 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно

Народовѣдѣніе. [8. 9] Соч. проф. ***Фр. Ратцеля.*** Пер. съ доп. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 1103 рис. и 62 худ. прил. — 36 в. по 35 к. или 2 т. въ перепл. 15 руб.

Красота формъ въ природѣ. Соч. проф. ***Э. Геккеля.*** Пер. подъ ред. проф. *А. С. Догеля.* 100 больш. табл. съ опис. текстомъ. — 20 в. по 1 р. и 1 дополн. вып. 50 к., въ изящн. перепл. 23 руб. 50 коп.

Африка. [8. 10] Соч. проф. ***В. Сиверса*** и ***Ф. Гана.*** Пер. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Азія. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. подъ ред. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Сѣверная Америка. Соч. д-ра ***Э. Декерта.*** Перев. проф. *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп., въ перепл. 8 руб.

Южная и Средняя Америка. Соч. проф. ***В. Сиверса.*** Перев. проф *А. Л. Погодина.* 14 вып. по 50 коп. Въ роскошн. полукож. перепл. 8 руб.

Австралія, Океанія и Полярныя страны. Соч. профф. ***В. Сиверса*** и ***В. Кюкенталя.*** Съ дополн. проф. *А. Н. Краснова.* 15 вып. по 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Европа. Соч. проф. ***А. Филиппсона.*** Съ дополн. ст. о Россіи *В. П. Воронцова.* 15 в. по 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. [8. 10] Соч. проф. ***К. Э. Бока.*** Пер. съ нѣм. Рис. и худ. прил. — 2 т. по 2 р., въ изящн. перепл. 6 руб.

Новый способъ лѣченія. Сочин. *М. Платена.* Перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Около 600 рис., 63 прил. — 4 т. въ роск. перепл. 25 руб.

Популярно-научные альбомы картинъ по естествознанію и географіи.

Альбомы картинъ: 1) по зоологіи млекопитающихъ. [1. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 258 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

2) по зоол. птицъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго,* съ пред. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 238 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

3) по зоолог. рыбъ. [1. 4. 6. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Перев. *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 208 рис. Въ перепл. 1 руб. 75 коп.

4) по зоол. низшихъ животныхъ [4. 8. 10] Текстъ проф. ***В. Маршалля.*** Пер. *Г. Г. Якобсона.* 292 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб, 75 коп.

5) по географіи растеній. [8. 10] Текстъ д-ра ***М. Кронфельда.*** Пер. прив.-доц. *А. Г. Генкеля.* 216 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 руб. 75 коп.

6) по географіи Европы. [5. 6. 7. 10] Текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Пер. съ доп. *А. П. Нечаева,* съ пред. *Д. А. Коропчевскаго.* 283 рис. Въ изящн. кол. перепл. 1 р. 50 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Сибирь и ея экономическая будущность.
Соч. *Кл. Оланьона*, съ предисл. *Фр. Пасси*. 15 иллюстр. прилож. Цѣна 2 рубля, въ изящномъ коленкоровомъ перепл. — 2 руб. 50 коп.

Жизнь бабочекъ.[1] Соч. проф. *Штандфусса*. Пер. и доп. подъ ред. *И. Я. Шевырева*. 200 рис. въ изящн. коленкор. перепл. — 3 р. 25 к.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.
Соч. *Т. А. Богдановичъ*. Составл. по новѣйш. источникамъ, съ прилож. текста японской конституціи. 440 стр., 25 худож. прил. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ изящн. коленкор. перепл. — 1 руб. 75 коп.

Японцы о Японіи. Статьи о Японіи, сост. выд. японск. дѣят. подъ ред. *Стэда*. Пер. съ англ., подъ ред. съ пред. и дополн. *Д. И. Шрейдера*. Цѣна 3 р. 75 коп., въ роскошн. переплетѣ — 5 руб.

Кройка женскаго и дѣтскаго платья по способу составленія патрона-слѣпка. Соч. *Бержъ*. Перев. съ франц. подъ ред. *Е. Н. Янжулъ*. 139 рис. Роскош. изданіе. Цѣна 2 руб.

„Законный" бракъ. *(Проблемы брака, материнства, школы.)* Сборникъ статей *Архимандрита Михаила*. Цѣна 60 коп.

---

[1] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народнаго Просв. для фунд. и учен., старш. возр., библіотекъ средн. учебн. заведеній М-ства.*

[2] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ Собств. Его Импер. Величества К-ріи для фунд. библ. средн. учебн. зав. В-ства учр. Имп. Маріи.*

[3] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[4] *Изданіе* ***рекомендовано*** *Гл. Упр-мъ военно-учебн. зав-ній съ библ. кад. корпусовъ.*

[5] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Народн. Пр. для фунд. и учен., старш. возр., библ. средн. учебн. зав., для безпл. учит. инст. и сем. и для безпл. нар. чит. и библ.*

[6] *Изданіе* ***одобрено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству учебн. зав-ній.*

[7] *Изданіе* ***одобрено*** *Учебн. Ком-томъ Собств. Его Император. Величества К-ріи по учр. Имп. Маріи для учен. библ., средн. и старш. возр., ср. учебн. зав-ній и для библ. старш. возр. Маріинскихъ уч-щъ.*

[8] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ библ. средн. учебн. зав-ній и въ библ. учит. инст. и семин., а также въ учит. библ. гор. уч-щъ.*

[9] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Земл. и Гос. Им. для библ. подвѣд. М-ству ср. учебн. зав-ній.*

[10] *Изданіе* ***допущено*** *Уч. Ком-томъ М-ства Нар. Просв. въ безпл. нар. чит. и библ.*

---

7) по географіи виѣевр. странъ. [5.6.7.10] Текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. *А. П. Нечаева,* съ пред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 325 рис. Въ изящн. кол. перепл 1 руб. 75 коп.

Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. [8.10] *Отд. воол.* 55 табл. Большой альбомъ in folio въ папкѣ 1 руб. 75 коп.

Серія сочиненій „Промышленность и техника".

Исторія и современная техника строительнаго искусства. [8.10] Пер. подъ ред. и съ дополн. проф. *В. В. Эвальда.* 900 рис. и 14 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Силы природы и ихъ примѣненія. [6.8.10] Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 1000 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. [9] Пер. подъ ред. и съ дополнен. проф. *В. В. Скобельцына.* 900 рис. и 13 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Перев. подъ ред и съ дополн. профф. *В. Я. Добровлянскаго* и *А. В. Ключарева* и друг. 629 рисун. и 9 приложен. — 10 вып. по 50 коп., въ полукож. перепл. 6 руб.

Горное дѣло и металлургія. [6] Пер. съ дополн. подъ ред. профф. *И. В. Мушкетова* и *В. И. Баумана.* 600 рис. и 12 прил. — 10 в. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 р.

Технологія металловъ. [8.9.10] Пер. съ дополн. подъ ред. проф. *А. Н. Митинскаго.* 1600 рис. и 6 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Обработка камней и земель и технологія химическ. производствъ. [8.10] Переводъ подъ ред. проф. *В. В. Эвальда.* 600 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Обработка волокнистыхъ веществъ. Пер. съ доп. подъ ред. проф. *С. А. Ганешина.* 680 рис., 5 прил. — 10 в. по 50 к., въ полук. перепл. 6 руб.

Пути сообщенія. Пер. подъ ред. проф. *Н. Н. Митинскаго.* 764 рис. и 14 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Міровыя сношенія и ихъ средства. Пер. подъ ред. проф. *Н. А. Гезехуса.* 285 рис. и 3 прил. — 10 вып. по 50 к., въ полукож. перепл. 6 руб.

Маньчжурія. Соч. *А. Домбровскаго и В. Ворошилова.* Составл. по новѣйш. даннымъ. Приложенія (геогр. карта, русско-китайскій словарь и пр.). Цѣна 1 р. 60 к.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

„Библіотека Просвѣщенія".

№ 1. *Карлъ Марксъ.* Нищета философіи. Ц. 39 коп.
№ 2. *В. Зомбартъ.* Рабочій вопросъ. Ц. 27 коп.
№ 3. *П. Сустровъ.* Государств. страхованіе рабочихъ въ Германіи. Цѣна 49 коп.
№ 4. *Большіе города,* ихъ общ., полит. и экон. знач. Сбор. статей проф. *К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля* и др. Ц. 44 к.
№ 5. *А. Менгеръ.* Право на полный продуктъ труда. Ц. 30 к.
№ 6. *Ф. Мерингъ.* Объ историческомъ матеріализмѣ. Ц. 15 к.
№ 7. *П. Гере.* Какъ священникъ сталъ соц.-демократ. Ц. 6 к.
№ 8. *Т. Курти.* Всенародное голосованіе въ Швейцаріи. Ц. 7 к.
№ 9. *Г. Грейлихъ.* Буржуазная революція и освободительн. борьба рабоч. класса Цѣна 8 коп.
№ 10. *Э. Зелигманъ.* Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 17 к.
№ 11. *А. Менгеръ.* Гражданск. право и неимущіе классы. Ц. 45 к.
№ 12. *А. Бебель.* Шарль Фурье, его жизнь и ученье. Ц. 42 к.
№ 13—14. *Ш. Боржо.* Учрежденіе и пересм. констит. въ Европѣ и Амер.; в. I—II по 35 коп.
№ 15. *П. Стрѣльскій.* Самоорганизац. рабочаго класса. Ц. 50 к.
№ 16, 32, 47—52. *Францъ Мерингъ.* Исторія германской соц.-демократіи, 8 вып. Цѣна 4 руб 40 коп.
№ 17. *Э. Виллей.* Какъ производятся въ Зап. Европѣ выборы въ парламентъ. Цѣна 15 коп.
№ 18. *Карлъ Марксъ.* Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 гг. Цѣна 25 коп.
№ 19. *В. Вейтлингъ.* Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть. Цѣна 12 коп.
№ 20. *Л. Мовичъ.* Великое Учредительное Собран. 1789 г. Ц. 45 к.
№ 21. *А. Шеффле.* Квинтъ-эссенція соціал. Цѣна 18 к п.
№ 22—23. *Лиссагарэ.* Ист. Коммуны: вып. I—II Цѣна 1 р. 25 к.
№ 24. *Г. Ролландъ-Гольстъ.* Всеобщая стачка и соціалъ-демократія. Цѣна 45 коп.
№ 25—26. *В. Либкнехтъ.* Робертъ Блюмъ и революція 48 г. въ Герм., в. I—II по 40 коп.
№ 27. *В. Зомбартъ.* Политическая экономія промышлен. Ц. 50 к.
№ 28. *А. Менгеръ.* Новое уч. о нравственности. Цѣна 20 к.
№ 29. *Шарль Жидъ.* Соц.-эконом. итоги XIX столѣтія. Ц. 55 к.
№ 30. *Г. Грейлихъ.* О матеріалистич. пониманіи исторіи. Ц. 7 к.
№ 31. *В. Либкнехтъ.* Обоснованіе Эрфуртской програм. Ц. 10 к.
№ 33. *Записки рабочаго.* Съ предисл. *П. Гере.* Цѣна 55 коп.
№ 34. *Г. Мохъ.* Постоянная армія и милиція. Цѣна 55 коп.
№ 35. *К. Фроме.* Монархія или республика. Цѣна 1 руб.
№ 36. *В. Зомбартъ.* Пролетар. въ Америкѣ. Цѣна 30 коп.
№ 37. *Эм. Калеръ.* Вильгельмъ Вейтлингъ. Цѣна 35 коп.
№ 38. *Д-ръ Г. Люксъ.* Этьенъ Кабэ и Икарійскій коммун. Ц. 65 к.
№ 39. *П. Г. Помяловскій.* Очерки бурсы. Цѣна 75 коп.
№ 40. *П. Г. Помяловскій.* Вуколъ. Цѣна 10 коп.
№ 41. *П. Г. Помяловскій.* Мѣщанск. счастье. Цѣна 50 коп.
№ 42. *П. Г. Помяловскій.* Молотовъ. Цѣна 75 коп.
№ 43. *К. Марксъ.* Восемнадцат. Брюмера Луи Наполеона. Ц. 30 к.
№ 44. *Фр. Энгельсъ.* Анти-Дюрингъ. Цѣна 1 руб.
№ 45. *Роза Люксембургъ.* Соц. реформа или революція? Ц. 30 к.
№ 46. *Г. Іекъ.* Интернаціоналъ. Цѣна 80 коп.
№ 53. *Эд. Долеанъ.* Робертъ Оуэнъ. Цѣна 50 коп.
№ 54. *Ахиллъ Лоріа.* Соціализмъ и соціал. дарвинизмъ. Ц. 15 к.
№ 55. *Э. Виллей.* Избирательное закон. въ Европѣ. Ц. 75 коп.
№ 56. *П. Фальбекъ.* Соврем. парламентар. Цѣна 40 коп.
№ 57. *Фр. Мерингъ.* Просвѣщенный абсолютизмъ Фридриха Великаго. Цѣна 60 коп.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

№ 58. *І. Губеръ.* Философія соц.-демократіи. Цѣна 20 коп.
№ 59. *Павелъ Гере.* Три мѣсяца на фабрикѣ. Цѣна 1 руб.
№ 60. *Гартманъ.* Народныя движенія въ Германіи въ 1848 г. Цѣна 1 руб 25 коп.
№ 61. *Каутскій.* Анти-Бернштейнъ. Цѣна 1 руб.
№ 62–63. *Г. Кохъ.* Очерки по исторіи политич. идей и сист. госуд. управл., 2 вып. по 1 руб.
№ 64. *И. И. Янжулъ.* Пьянство, какъ соціальный недугъ, и борьба противъ него. Цѣна 30 коп.
№ 65. *А. Н Островскій.* Свои люди — сочтемся. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 75 коп.
№ 66. *А. Н. Островскій.* Не въ свои сани не садись. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 67. *А. Н. Островскій.* Бѣдность не порокъ. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 60 коп.
№ 68. *А. Н. Островскій.* Доходное мѣсто. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 75 коп.
№ 69. *А. Н. Островскій.* Гроза. Драма въ 5-ти дѣйств. Ц. 70 к.
№ 70. *А. Н. Островскій.* На бойкомъ мѣстѣ. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 60 коп.
№ 71. *А. Н. Островскій.* Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. Цѣна 70 коп.
№ 72. *А. Н. Островскій.* Не такъ живи, какъ хочется. Нар. драма въ 3-хъ дѣйств. Цѣна 50 коп.
№ 73. *А. Н. Островскій.* Лѣсъ. Комедія въ 5-ти дѣйств. Ц. 1 р.
№ 74. *А. Н. Островскій.* Волки и овцы. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.
№ 75. *А. Н. Островскій.* Безприданница. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 76. *А. Н. Островскій.* Безъ вины виноватые. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Цѣна 90 коп.
№ 77. *А. С. Пушкинъ.* Евгеній Онѣгинъ. Цѣна 25 коп.
№ 78. *А. С. Пушкинъ.* Русланъ и Людмила. Цѣна 12 коп.
№ 79. *А. С. Пушкинъ.* Братья-разбойники. Цѣна 2 коп.
№ 80. *А. С. Пушкинъ.* Бахчисарайскій фонтанъ. Ц. 4 коп.
№ 81. *А. С. Пушкинъ.* Кавказскій плѣнникъ. Цѣна 5 коп.
№ 82. *А. С. Пушкинъ.* Цыганы. Цѣна 4 коп.
№ 83. *А. С. Пушкинъ.* Графъ Нулинъ. Цѣна 3 коп.
№ 84. *А. С. Пушкинъ.* Домикъ въ Коломнѣ. Цѣна 3 коп.
№ 85. *А. С. Пушкинъ.* Мѣдный всадникъ. Цѣна 5 коп.
№ 86. *А. С. Пушкинъ.* Анджело. Цѣна 4 коп.
№ 87. *А. С. Пушкинъ.* Галубъ. Цѣна 3 коп.
№ 88. *А. С. Пушкинъ.* Пиръ во время чумы. Цѣна 2 коп.
№ 89. *А. С. Пушкинъ.* Моцартъ и Сальери. Цѣна 3 коп.
№ 90. *А. С. Пушкинъ.* Русалка. Цѣна 4 коп.
№ 91. *А. С. Пушкинъ.* Скупой рыцарь. Цѣна 4 коп.
№ 92. *А. С. Пушкинъ.* Борисъ Годуновъ. Цѣна 15 коп.
№ 93. *А. С. Пушкинъ.* Полтава. Цѣна 8 коп.
№ 94. *А. С. Пушкинъ.* Каменный гость. Цѣна 5 коп.
№ 95. *А. С. Пушкинъ.* Капитанская дочка. Цѣна 20 коп.
№ 96. *А. С. Пушкинъ.* Дубровскій. Цѣна 12 коп.
№ 97. *А. С. Пушкинъ.* Пиковая дама. Цѣна 5 коп.
№ 98. *А. С. Пушкинъ.* Арабъ Петра Великаго. Цѣна 6 коп.
№ 99. *А. С. Пушкинъ.* Исторія Пугачевскаго бунта. Ц. 18 к.
№ 100. *Ѳ. М. Достоевскій.* Мужикъ Марей.—Столѣтняя. Ц. 10 к.
№ 101. *Ѳ. М. Достоевскій.* Въ барскомъ пансіонѣ. Ц. 5 коп.
№ 102. *Ѳ. М. Достоевскій.* Разсказъ о купцѣ. Цѣна 5 коп.
№ 103. *Ѳ. М. Достоевскій.* Честный воръ. Цѣна 10 коп.

Въ переплетѣ каждая книга на 12 коп. дороже.

Подробные иллюстрирован. каталоги высылаются, по требованію, безплатно.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

25 Pg 1

25=

